

ISSN: 2229-7146

**A Journal of the
Centre of Russian Studies
No. 12 (Vol. I), 2014**

CRITIC

Jawaharlal Nehru University

ISSN: 2229-7146

CRITIC

A Journal of the Centre of Russian Studies

No. 12 (Vol.I)

2014

Jawaharlal Nehru University

CRITIC

No.12(Vol.I), 2014

©2014, Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU

ISSN: 2229-7146

EDITORS

Prof. Nasar Shakeel Roomi

Dr. Kiran Singh Verma

Mr. Ajoy Kumar Karnati

Mr. Sonu Saini

Published by:

Centre of Russian Studies

School of Language, Literature & Culture Studies

Jawaharlal Nehru University

New Delhi -110067

Critic is a publication of the Centre of Russian Studies. It publishes articles in the field of Russian language, translation, literature, culture, society and comparative studies. Articles in the journal reflect the views of the authors only.

Editors' Note

First of all, we would like to congratulate the CRS family including its founders, former colleagues, present colleagues, alumni, contributors and students on the occasion of forthcoming 50th anniversary of the Centre.

We, the same group of Critic's 11th issue, are involved in editing of the 12th issue. We have been receiving articles on various topics under the theme of journal. We tried our best to accommodate the suitable articles to the journal. This time all the articles are processed through Turnitin software in order to find originality and authenticity of the articles. We are happy to inform that the selected articles have successfully passed the originality test and fulfilled the criteria of the editorial board.

Out of 31 articles, ten articles are on linguistics, methodology and translation, and the rest of them belong to the areas of literature and culture. L.K. Salieva's article on linguistics talks about the great Russian philologist and philosopher Yuri V. Rozhdestvensky, and his contribution towards the understanding the nature of the language, the laws of speech communications and creating the communicational model of social organization. Uma Parihar's paper delves with Linguistic and Extra-linguistic Factors of A.S. Pushkin's poem 'To I.I. Puschin' his best lyceum friend and a Decembrist. It underlines that a study of a literary text as a product of social thought (extra linguistic factors) and its verbal-weaving pattern (linguistic factor) is the key to its comprehensive understanding. The article of Ajoy Kumar Karnati describes the peculiarities of the internal form of the Russian language, which is linked with event developments of the communicative perspective of a typical expression under the systemic linguistics. Kiran Singh Verma explains the phenomenon of interference in learning Foreign Languages, which results from language contact. It focuses the three types of interference, faced by the students while learning a Foreign Language: phonetic, lexical and grammatical. Ravinder Singh's article talks about difficulties a translator faces in conveying the exact meaning of the source language in the target language, based on a case study of the translated works of Anton Chekhov from Russian into Hindi. Kavita Thapliyal, in her article, dealing with the contemporary condition of use of English words in Russian language, has attempted at answering whether the usage of English words in any language is good or bad. The article of Janani Vaidhyanathan touches up on Emotional Intelligence Training in a Beginner's Classroom Learning Russian in India and offers new methods of teaching Russian in order to reduce the dropout percentage of Russian language students. Gunreet Kaur in her article has made a unique attempt to analyze three different translations (each in Hindi, Punjabi and English) of Konstantin Paustovsky's short stories to find out who among the three could understand and portray the original writer's work better in their respective translation. Rajkumar Yadav, analyzing the topic of word frequency lists and FLT, stresses upon the pivotal nature of vocabulary in learning a language. Satyanand Satyarathi gives a brief analysis of form of address and politeness in the context of Indian and Russian cultures.

V.V. Shmelkova stresses upon importance of studying lexicon of literary works as it contains very valuable culturological information and linguo-culturological potential. Kostyukova, Malkova and Petrova, in their joint article, mention that the modern educational strategy is defined by a welfare context in which the concept of spirituality now is satirized development. G.V. Strelkova's article deals with poetry of a prominent Hindi poet Kunwar Narain, translated recently into Russian by Guzel Strelkova and Anastasia Guria, colleagues, working in Indian Philology department of IAAS MSU. I.A. Poplavskaya has analysed the Book of

Job, included into the first part of the Bible, which is considered as the prototext of the Goncharov's novel "The Precipice". O.A. Dashevskaya's article is dedicated to the problem of mutual relations of fathers and sons, which in modern socio-philosophical research is considered as a phenomenon of national consciousness and defines cross-cutting themes and timely semantic paradigms of Russian thought. Elena Brosalina's paper presents new approach to analysis of R. Tagore's poetry, based on assumption that each poetic piece may be looked upon as a kind of letter. T.A. Kostyukova and L.A. Mokretsova in their joint article have attempted to understand the new educational area «Spiritual-moral culture» and the new course «the Basics of religious cultures and secular ethiscs. In Shraddha Sharma's paper, a different aspect of the concept of "Little Man" has been dwelled upon. Reeta Suchita Tigga has reviewed the essay of Andrei Sinyavsky entitled "What is Socialist Realism?". Pankaj Malviya's article describes that the image of India and its perceptions are made in Russia mainly through three sources. Neelakshi Suryanarayan analyzes the lesser known "Fairy tales for adults" by Vladimir Voinovich. Anagha Bhat-Behere has done an interesting comparison of characters Devdas and Onegin. P.C. Singh's article analyses the narrations about the battlefields and the heroes of Aalha and Byliny. The paper of Nisha Indra Guru and Bhavatosh Indra Guru deals with the nature, form, object, methods and functions of an artistic situation as it has come to be understood in Indian poetics and Russian Formalism. Nagendra Shreeniwas has attempted to do comparative study of Boris Pasternak's Doctor Zhivago and Amitav Ghosh's the Glass Palace. Both these novels explore multiple anthropological issues of their respective subjects by creating a fictional account of history. Manuradha Chaudhary's paper is an attempt to study conflict between traditional and modern with special reference to Tolstoy's Anna Karenina in context of post-industrial society in Russia. Shivaji Bhaskar's article entitled "Creating New Folklore: Gorky, Stalin and Socialist Realism" dwells upon the conflict between Stalin and Gorky concerning the demotion or promotion of traditional Russian folklore. Bulbul James's paper presents excerpts from her interview with the famous author Andrei Germanovich Volos, which helps us to understand the inner world of the writer. Saptadeepa Banerjee's article focuses attention on one such intriguing contemporary literary representation of Bakunin in Ivan Turgenev's fictional novel, Rudin, to look at how his image as an individual was constructed by Turgenev. Pallavi's article describes how voices of women and children were lost after partition of India and Pakistan similarly after Second World War from the German and Russian soldier's point of view. It also analysis the role of the survivors of these tragedies in writing their own history. Sonu Saini's overview, underlining the importance of translation in laying down the bridge between two cultures, explains the difficulties that occur during Russian-Hindi translation of prose, poetry, drama along with some other problems and errors.

We would like to thank all the contributors for their timely cooperation in making the 12th issue of Critic a possibility. We would also like to thank all the colleagues as well as the office staff of CRS and the JNU administration, especially the finance section for their help and support in bringing out this journal.

CONTENTS

S. No	Author	Title	Page
I. Linguistics, Methodology & Translation			
1.	<i>L.K. Salieva (Л.К. Салиева)</i>	Юрий Владимирович Рождественский, великий просветитель XX века	7
2.	<i>Uma Parihar (Ума Парихар)</i>	Лингвистическое и экстралингвистическое в художественном тексте (на примере стихотворения А. С. Пушкина «И. И. Пущину»)	17
3.	<i>Ajoy Kumar Karnati (Аджей Кумар Карнати)</i>	Своеобразие внутренней формы русского языка: Событийность коммуникативного ракурса типичного высказывания	26
4.	Kiran Singh Verma (Киран Сингх Верма)	Интерференция в речи взрослых, изучающих иностранный язык (на опыте преподавания русского языка как иностранного)	32
5.	<i>Ravinder Singh (Равиндер Сингх)</i>	Особенности передачи терминов (реалий и историзмов) с национально-культурным колоритом при переводе художественной литературы с русского на язык хинди (на материале произведений А.П. Чехова)	36
6.	<i>Kavita Thapliyal (Кавита Тхалиял)</i>	Употребление англицизмов в современном русском языке: хорошо ли это или плохо?	41
7.	<i>Janani Vaidhyanathan</i>	Emotional Intelligence Training in a Beginner's Classroom Learning Russian in India	44
8.	<i>Gunreet Kaur</i>	The Original in Translation	53
9.	<i>Rajkumar Yadav (Раджкумар Ядав)</i>	Лексический минимум и преподавание иностранного языка	67
10.	<i>Satyand Satyarthi (Сатянанд Сатяртхи)</i>	Формы обращения и вежливость (в контексте индийских и российских культур)	75
II. Literature & Culture			
11.	<i>Shmelkova V.V. (Шмелькова В.В.)</i>	О лингвокультурологическом потенциале произведений русской литературы	79
12.	<i>T.A. Kostyukova (Т.А. Костюкова), I.U. Malkova (Ю. Малкова), G.I.Petrova (Г.И.Петрова)</i>	Традиционные культурные ценности и духовно-нравственное воспитание молодежи	82
13.	<i>G.V. Strelkova (Г.В.Стрелкова)</i>	“Kavitaa ki Zaroorat” - Необходимость поэзии	90
14.	<i>I.A. Poplavskaya (И. А. Поплавская)</i>	Книга Иова в структуре романа И. А. Гончарова «Обрыв»	100

15.	<i>O.A. Dashevskaya (О.А.Дашевская)</i>	109
	Трансформация проблемы «Отцы и дети» в русской литературе 1920-1950-х годов («Железная мистерия» Даниила Андреева)	
16.	<i>Elena Brosalina (Елена Бросалина)</i>	119
	О принципах подхода к анализу поэтического текста Р. Тагора	
17.	<i>T.A. Kostyukova (Костюкова Т.А.), L.A. Mokretsova (Мокрецова Л.А.)</i>	125
	Синтез науки и духовности в современном гуманитарном образовании России	
18.	<i>Shraddha Sharma (Шраддха Шарма)</i>	132
	«Маленькость человека» – расширенный путь маленького человека от Пушкина до Солженицына	
19.	<i>Reeta Suchita Tigga (Рита Сучита Тигга)</i>	140
	Что такое социалистический реализм?: Обзор сочинении Андрея Сияявского	
20.	<i>Pankaj Malviya</i>	145
	Ivgeni Petrovich Chelyshev - Metaphor of Indology	
21.	<i>Neelakshi Suryanarayan</i>	152
	The Subversive Power of Political Fairy Tales: Reading Voinovich's – "Fairy tales for adults" (Skazki dlya vzroslikh)	
22.	<i>Anagha Bhat-Behere</i>	160
	Devdas and Onegin	
23.	<i>P.C. Singh</i>	166
	Historicism of Folk Epics: Aalha & Byliny	
24.	<i>Nisha Indra Guru, Bhavatosh IndraGuru</i>	172
	Interpretative Absolutes and Configurable Universals in Literary Theory: A Study in Relation to Indian Poetics and Russian Formalism	
25.	<i>Nagendra Shreeniwas</i>	176
	Dislocated Identity during Historical Mutation: A Comparative Study of Boris Pasternak's <i>Doctor Zhivago</i> & Amitav Ghosh's <i>The Glass Palace</i>	
26.	<i>Manuradha Chaudhary</i>	186
	Conflict between Traditional and Modern: A Study of Tolstoy's <i>Anna Karenina</i>	
27.	<i>Shivaji Bhaskar</i>	191
	Creating New Folklore: Gorky, Stalin and Socialist Realism	
28.	<i>Bulbul James</i>	203
	Few words with Andrei Germanovich Volos	
29.	<i>Saptadeepa Banerjee</i>	207
	Turgenev's <i>Rudin</i> : A Caricature of Bakunin?	
30.	<i>Pallavi (पल्लवी)</i>	214
	'स्मरण' में इतिहास स्मरण और स्मरण की अभिव्यक्ति	
31.	<i>Sonu Saini (सोनू सैनी)</i>	227
	रूसी – हिन्दी अनुवाद की समस्याएं: एक अवलोकन	

Юрий Владимирович Рождественский, великий просветитель XX века

L.K. Salieva (Л.К. Салиева)

The article is aimed to introduce the creative work of the great Russian philologist and philosopher Yuri V. Rozhdestvensky. Russian scientific community is still far from understanding and mastering the doctrine of this great thinker and little (if any) is known about him abroad. Drawing on the broad education and experience (music, technology, military art, Eastern and Russian and Western philology) and deep study of the world philology and language philosophy traditions (Indian, Chinese, Japanese, Greek, Latin, modern Western, Russian) Yuri V. Rozhdestvensky managed to penetrate deeply into the nature of the language, understand and formulate the laws of speech communications, create the communicational model of social organization. The model deals with urgent issues of contemporary society

«Юрий Владимирович имел талант руководителя, наставника и воспитателя, мощный разум мыслителя и спокойный здравый смысл организатора – жизнь Юрия Владимировича складывалась так, что он мог бы стать политиком, военным, администратором, врачом, но избрал иное поприще, путь ученого-филолога. Он прошел этот путь с высоким достоинством и честью и явил пример того, как и зачем нужно и можно быть именно филологом».

А.А. Волков¹

Рассматривая в ретроспективе творческий путь Юрия Владимировича Рождественского поражаешься логичности построения этого пути, неслучайности развития и следования тем, – словно изначально было предначертано: всесторонне исследовать главную информационную единицу, слово, и на этой основе показать ее обществообразующую роль. Все созданное филологом Ю.В. Рождественским оказывается в итоге развивающейся из центра, которым является слово (язык), информационной моделью общественного устройства и развития.

Язык именуется весь состав общественных явлений и процессов, аккумулирует культуру. Речь организует общество, объединяет его на пространстве и во времени. Филология, исследуя язык и речь, создает научную картину культуры общественной организации, раскрывает внутренне присущие ей законы устойчивости и развития. Филолог является экспертом в культуре и потому способен выступать консультантом в процессе принятия решений по управлению ею. Таково предназначение филологии в целом, и каждого отдельного филолога, в частности.

Жизнь Юрия Владимировича Рождественского была служением именно так понятому предназначению. Он служил обществу: отечеству, науке, делу, людям, называя это служением русскому языку.

Истоки логосического мировосприятия, безграничного уважения к языку как хранителю культуры и истинного знания, осознания языка как движущей

¹ Волков А.А. Творческий путь Ю.В.Рождественского/ Рождественский Ю.В. Философия языка. Культуроведение и дидактика. М., 2003. Стр. 193.

общественной силы, сознания ответственности человека перед языком, несомненно, лежат в происхождении Юрия Владимировича, в русской востоковедной школе, которую он прошел, в тех учителях, у которых «благодаря счастливому стечению обстоятельств» он «смог пройти ученичество».²

Род Рождественских – старинный священнический род: 13 поколений предков Юрия Владимировича были служителями Слова.

Профессиональные занятия филологией начались для Юрия Владимировича с изучения китайского языка в Московском институте востоковедения (закончил в 1952 году). Метод русского востоковедения состоит в сравнительном изучении цивилизаций на основе изучения языка и памятников. «Но это изучение не такое, как изучение иностранного языка. Изучать язык в востоковедном смысле слова значит изучать его так, как изучают в школе страны этого языка... Знание языка таким, как изучают его аборигены, позволяет раскрыть действительные смыслы слов. Смыслы слов и объем изучаемого словаря есть ключ к полному представлению культуры любого народа. Действительные смыслы слов и полнота лексики литературного языка устанавливаются образовательной системой, принятой у данного народа. Опираясь на эти смыслы можно понимать, с одной стороны, исторические памятники, а с другой стороны, историческую, географическую и другую реальность. Так складывается полная картина неродной цивилизации. Эта картина является подлинной, поскольку ей не навязывают никакие посторонние критерии».³ Этот метод «создает особый тип языковой личности филолога-востоковеда, владеющего восточной культурой и осмысливающего ее с точки зрения и в интересах той культуры, к которой он сам принадлежит. Востоковед оказывается в состоянии прогнозировать как общие тенденции развития изучаемой культуры, так и возможные решения, которые принимаются в ее рамках».⁴

Своими учителями Юрий Владимирович называл востоковедов профессора Николая Николаевича Короткова и академика Николая Иосифовича Конрада и русиста академика Виктора Владимировича Виноградова. О них он написал главу для книги «Русское подвижничество» и назвал их культурообразующими фигурами XX столетия.⁵

Академик В.В. Виноградова и Н.И. Конрада, несмотря на различие исследуемого ими материала (русского языка и японского, китайского и корейского языков), отличает родство научных устремлений. Их обоих характеризует комплексное, многомерное, обеспечивающее полноту исследования видение явлений языка в историко-культурной перспективе. Такое видение раскрывает, что язык является наилучшим свидетельством динамики общественного развития (и для Виноградова, и для Конрада словарь языка, составленный добросовестно, дает картину развития данной культуры), и, более того, выступает ведущим инструментом общественного развития, «когда не экономические отношения рождают речевые, а, напротив, речевые

² Рождественский Ю.В. Н.И. Конрад и В.В. Виноградов// Русское подвижничество. М., Наука, 1996. Стр. 353.

³ Там же, стр. 354.

⁴ Волков А.А. Творческий путь Ю.В. Рождественского// Ю.В. Рождественский. Философия языка. Культуроведение. Дидактика. Современные проблемы науки о языке. Стр. 194.

⁵ Рождественский Ю.В. Н.И. Конрад и В.В. Виноградов// Русское подвижничество. М., Наука, 1996. Стр. 357.

отношения создают и образуют экономические»⁶ (Конрад обосновывает речесцентрический взгляд на основание истории, разделяя ее на этапы письменной речи, печатной речи и массовой коммуникации). Историко-культурный подход к исследованию языка показывает (это отражено в трудах и Конрада, и Виноградова), что движущей силой общественного развития выступает стиль, а стилообразующим центром является грамматика: нормативная грамматика задает стиль и образ жизни народу на определенный, довольно продолжительный период времени. В языковой и речевой культуре находятся истоки любого творчества – художественного, научного, технического, экономического, педагогического. Историко-культурный взгляд на язык обнаруживает меру ответственности филологического труда, связанного с установлением и систематизацией фактов языка и речи, выявлением истинных смыслов. Полнота и непредвзятость исследования фактов и честность выводов составляют характернейшую черту творчества Виноградова и Конрада. От своих учителей Юрий Владимирович унаследовал не только метод и широту интересов, но и образцовую научную этику.

Центральной частью творчества Юрия Владимировича являются его лингвистические работы. Сначала это исследования в области китайской грамматики (50-60 гг.), затем – типологии языков (60-70 гг.), истории языкознания и теории языка (70-80 гг.). Основными работами в этих областях являются монографии: «Понятие формы слова в истории грамматики китайского языка: Очерки по истории китаеведения» (1952), «Китайский язык» (коллективная монография, 1961), «Типология слова» (1969), «Очерки по истории лингвистики» (в соавторстве с Амировой Т.А. и Ольховиковым Б.А., 1975), «Лекции по общему языкознанию» (1990).

В докторской диссертации и монографии «Типология слова» созданы основы современной структурной типологии. Но не только это. Юрий Владимирович, на основе изучения грамматических описаний более чем 500 языков, открывает фундаментальные принципы правильности организации и функционирования всех структурно-функциональных систем. Термином «структурно-функциональные системы» он обозначает социальные системы, которые изучаются гуманитарными науками (в отличие от физических систем, изучаемых естественными науками). Суть этих принципов состоит в правильности наложения запретов:

«а) создание такого минимума запретов на свободное комбинирование вещественных объектов деятельности, с помощью которого возможен максимум социально-значимых различий в свободном комбинировании вещественных объектов в процессе деятельности (первый принцип); б) правильные запрещения вводятся последовательно, поэтапно. Запрещение введенное на предшествующем этапе, и достигнутые с помощью этого запрещения различия ряда объектов в деятельности не могут быть отменены на последующих этапах, т.е. не может быть запрещено само запрещение (второй принцип)»⁷.

Содержание первого принципа семиотической правильности составляет дистрибутивное различие в троичной матрице элементов и позиций (матрица

⁶ Рождественский Ю.В. Н.И. Конрад и В.В. Виноградов// Русское подвижничество. М., Наука, 1996. Стр. 357.

⁷ Рождественский Ю.В. Типология слова. М. 1969. Стр. 94

Рождественского). «Дистрибутивное различие есть основной способ установления инвариантов языковой системы. Понятие дистрибуции лежит в основе описания любого языка и метода лингвистики, связывающего описание языков с описанием всех знаковых систем»⁸. Принцип дистрибуции «как общий гуманитарный принцип отвечает основной массе фактов истории культуры. История культуры представляет собой рост и расширение предшествующих достижений. Само же культурное достижение представляет собой выделенность факта вещественной или духовной деятельности, его различенность относительно других фактов. Различенность же чего-либо в деятельности достигается благодаря тем или иным запретам.

Одновременно общество постоянно стремится «размыть» существующие запреты, поэтому запреты должны быть минимальными, такими, без которых общество не может существовать».⁹

Матрица Рождественского «является неотъемлемым инструментом современного... гуманитарного знания, ...инструментом не только формально-логического, но и культурно-исторического анализа, представляя собой инструмент разбора опыта человечества, в частности речевого опыта, данного в культурно-исторической проекции».¹⁰

Существенно важным для построения логоцентрической модели общественной организации является осмысление Юрием Владимировичем античных теорий именования (китайской, индийской и греко-латинской), являвшихся важной частью философии своего времени. Используя в качестве базы для рассуждения античные теории, Юрий Владимирович показал, что для возникновения и развития общества необходимы имена (правильные и истинные), поскольку не только люди, но и животные могут действовать, мыслить и издавать звуки, но последние не составляют общества. Общество формируется деятельностью (т.е. разделением труда и структурой труда), а для становления деятельности необходима деятельность именования. «Общий смысл теории именований – «орудийность» имени: слово, именуя вещь, является орудием, с помощью которого в деятельности людей возникает именованная словом вещь. Конфуций кратко формулирует этот принцип так: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть сделано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело делается»... Это действие всегда имеет тот или иной результат, некоторое становление чего-то или всего сущего. Это ставшее сущее может касаться всего: ремесел, сакральной деятельности, административной деятельности, деятельности познавательной, отношения людей к природе и между собой. Отсюда видно, что слово есть ведущее начало, образующее разумное вообще: и в смысле мирового разума..., и в смысле разумности отдельного человека. Разумность человека, рожденная от слова, постигающего мир и объясняющего этот мир человеку, позволяет приобрести разного рода познания по хозяйству и технике, по космогонии и астрологии, по земледелию, сакральному поведению и этике. Эти познания лежат в основе деятельности людей, образуют из людей общество, т.е. общность людей, связанных отношениями родства и

⁸ Там же, стр. 95.

⁹ Там же, стр. 94.

¹⁰ Лободанов А.П. Юрий Владимирович Рождественский. Очерк научной биографии./Ю.В. Рождественский. Философия языка. культуроведение и дидактика. М. 2003. Стр. 205.

социальной иерархии, с одной стороны, и производственных процессов, с другой. Вот почему слово, будучи всеобъемлющим началом, требует к себе особенно внимательного отношения. Слово нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушится порядок в обществе. Поэтому слово (имя и речь) должно быть верным по существу... практическим центром теории именования было умение дать правильное имя...».¹¹

Юрий Владимирович подробно рассматривает вопросы создания правильных и истинных имен: правильность именования зависит от того, насколько выдержаны нормативы пользования языком при актах именования; истинность зависит от того, насколько имя отвечает природе вещи, описывает ее существенные свойства. Процесс именования - это сложный процесс создания имени, его утверждения и введения в речевой обиход общества. В истинности имен и правильности устройства структурно-функциональных систем Юрий Владимирович видел условия процветания общества.

Работы Юрия Владимировича в области языкознания многочисленны. Всестороннее исследование языка и его существования привело ученого к созданию новой общей теории языка для постиндустриального информационного общества. Положения этой теории изложены в книге «Лекции по общему языкознанию» (1990). В этой книге представлена всеобъемлющая картина общего языкознания как теоретической науки, рассмотрены вопросы фундаментального и прикладного языкознания. В ней говорится о языкознании как о части филологии – науки о языковой деятельности. Языковая деятельность рассматривается как историко-культурный объект, назначение которого фиксировать и хранить достижения культуры, обучать и служить объединению всех форм духовной, материальной и физической культуры. Именно в этом Юрий Владимирович видит фундаментальное свойство языка, являющееся смыслом его существования.

Цель теоретического языкознания, как и его общественная роль, состоит в том, чтобы на основе знаний формировать норму языка. Норма языка обеспечивает однозначность понимания речи и потому выступает в качестве инструмента интеграции общества и создания его единства. Целью прикладного языкознания является усовершенствование языковых контактов в обществе. Прикладное языкознание претворяет норму языка в общественно-языковую практику. Усовершенствование языковых контактов достигается путем усовершенствования (а) производства, передачи и восприятия языковых знаков, (б) языкового образования и воспитания и (в) информационного обслуживания.

Многие из вопросов, которые нашли отражение в «Лекциях по общему языкознанию» и определили нетрадиционный облик курса, Юрий Владимирович разрабатывал в рамках исследований в областях общей и прикладной филологии, семиотики, культуроведения, образования. Эти направления и составляют предмет его дальнейших исследований.

Обобщение исследований в области речи было впервые сделано во «Введении в общую филологию» (1979), а через годы вышел целый ряд обобщающих трудов «Введение в прикладную филологию» (в соавторстве с А.А. Волковым и Ю.В. Марчуком, 1988), «Общая филология» (1996.), «Теория риторики» (1997, 2000, 2004), «Принципы современной риторики» (1999, 2000, 2003). В этих работах раскрыты закономерности

¹¹ Т.А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М. 1975. Стр. 33-44.

развития речи и законы речи на любом языке, рассмотрено соотношение различных способов и форм применения языка в общественно-языковой практике, исследованы сферы общения и исторический опыт нормирования общественно-языковой практики. В них показано, что введение новой фактуры речи (устная – письменная – печатная – электронная) порождает новый тип общественных отношений. В «...«Теории риторики» в академическом изложении представлена система речевых отношений в современном обществе и основные законы компетентной аргументации и правильного управления обществом через слово, ...в «Принципах современной риторики» рассматриваются состав и структура культурно-социальных конфликтов, свойственных любому обществу и современному российскому обществу, в частности, анализируются причины крушения реального социализма и исчисляются возможности решения основных современных конфликтных проблем. Юрий Владимирович отдавал себе полный отчет в том, что содержательной основой жизни человеческого общества и культуры остаются духовно-нравственные нормы и что будущее нашей страны всецело зависит от того, насколько ясно они будут осознаны и последовательно проведены в жизнь: «... независимо от того, какую форму власти изобретет общество, успех будет на стороне тех речедателей, которые построят свои программы и свою жизнь в соответствии с пониманием культуры и искусством вынесения моральных суждений»¹²¹³.

Юрий Владимирович, создатель основ филологической теории массовой коммуникации, подчеркивал особую важность истинности именования и риторического знания для общества, единство которого создается посредством массовых коммуникаций: «массовая информация неизбежно по природе создания текста содержит эристическую уловку: она представляет сведения лишь частично и формирует коллаж сведений. Образ, содержащийся в этом коллаже, направлен на побуждение к действию. Если правдивость рекламы регулируется законом, а правдивость текстов информационных систем оценивается абонентом, то текст массовой информации идет только от создателя к получателю и может побуждать к разрушительным действиям, даже без намерения создателя речи. Поэтому коллаж, как сложное имя-миф, должно создавать честно и понимать критически».¹⁴

Имя стоит и в центре семиотической концепции Ю.В. Рождественского. Имена составляют номенклатуру социально значимых семиотических явлений и поэтому являются универсальным инструментом изучения знаков и их систем. Но не только в этом состоит роль языка для семиотики в целом. Язык является не просто одной из семиотических систем, «...язык – единственная знаковая система, знаки которой назначаются с помощью самой этой системы (система описывает сама себя). Все остальные знаковые системы назначаются языком... Роль языка по отношению к средствам назначения знаков является одновременно ролью посредника между разными знаковыми системами. Не будь языка, они существовали бы отдельно одна от другой»¹⁵. «С помощью высказываний на естественном языке наделяются смыслом все знаки и знаковые системы... Естественный язык – средство связи и упорядочения всех

¹² Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 1999. Стр. 135.

¹³ Волков А.А. Творческий путь Ю.В. Рождественского// Ю.В. Рождественский. Философия языка. Культуроведение. Дидактика. Современные проблемы науки о языке. Стр.197.

¹⁴ Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 1999. Стр. 65.

¹⁵ Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М., 1999. Стр. 44.

знаковых систем»¹⁶, выступает как центральная распорядительная, обучающая и культуuroобразующая система.

Ю.В. Рождественским установлено и описано шестнадцать семиотических систем общего пользования (общих), которые совместно обеспечивают вовлечение людей в деятельность, то есть создают общество. К ним принадлежат: язык, обряды, игры, средства счета, утварь, костюм, архитектура, меры, ориентиры, команды, гадания, знаменья, приметы, изображения/орнамент, танец, музыка. «Данные археологии, этнографии и фольклористики показывают, что знакообразование первоначального общества... образует систему знакообразования в целом. Образование такой системы, видимо, составляет социализацию человека... без... всей совокупности в целом... невозможно общество. Образование этой совокупности семиотических систем есть относительная дата становления общества».¹⁷

Механизмом, объединяющим общество является коммуникация посредством знаков, то есть передача социально значимой информации. «Информация в целом – то, что придает форму всем вещам и отношениям, определяет их структуру, поддерживает ее и развивает новые формы вещей и отношений, для чего используются энергия и материя. Информация, наряду с энергией и материей, является одной из основных категорий мира.

Социальная семантическая информация придает форму обществу, воплощаясь в человеческом составе (материале) общества и направляя энергию членов общества.

Социальная семантическая информация включает в себя сообщения, полученные, избранные, хранимые и передаваемые людьми друг другу. Эта информация семантически, т.е. обладает для человека смыслом (текущим или историческим) и направляет действия человека на развитие как отдельной личности, так и общества в целом»¹⁸. Текущая (оперативная) социальная семантическая информация имеет значение только для данного случая, не хранится и потому не может войти в культуру. Историческая (культурная) социальная семантическая информация является важной для сохранения общества во времени и потому включается в культуру и передается через школу от поколения поколению.

Таким образом, носителями информации о фактах культуры выступают знаки, обозначенные для человека именами, а слово-имя выступает проводником в мир культурно значимых фактов, инструментом их обнаружения, изучения, классификации, кодификации, распространения. Истинность имени – условие сохранения культуры. Нарушение истинности имен Юрий Владимирович называет информационным вандализмом. «Само понятие вандализм теперь стало сложным. Это не только прямое физическое разрушение фактов культуры, но и вандализм информационный, состоящий в невозможности пользоваться фактами культуры. Например, несовершенство каталогов библиотек, когда библиотечные классификации искажаются в угоду идеологиям или когда музейное экспонирование приобретает такой тематический характер, когда оно прямо служит целям пропаганды какой-либо идеологии. Подобные недостатки культурного строительства и

¹⁶ Рождественский Ю.В. Словарь терминов. Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование. М., 2002. Стр. 31.

¹⁷ Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М., 1999. Стр. 34.

¹⁸ Рождественский Ю.В. Словарь терминов. Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование. М., 2002. Стр. 22.

культуропользования особенно опасны в условиях создания широких международных систем информационного поиска...

Культурология пока не стала наукой, но в интересах правильности имен должна стать наукой, со своим предметом и со своим методом. Она должна как культуроведение обнаружить объективные законы культуры: законы физического развития человечества, законы влияния физического развития на духовное развитие, законы творчества технических форм и технической грамотности, законы культурной целесообразности эксплуатации природных ресурсов и другое подобное. Таким образом, критерий правильности имен, как и в древности, лежит в культуре, но культура выросла до почти необозримых размеров, и для правильности имен нужно освоить культуру и ее рост.¹⁹

Сохранение и преумножение культуры, пожалуй, - главный пафос научного творчества Юрия Владимировича. Культуру он определял как деятельность, служащую «обеспечению устойчиво-продуктивной жизни общества за счет отбора, систематизации, хранения, изучения и организации использования правил и прецедентов деятельности»²⁰. Многолетние разыскания и размышления Юрия Владимировича в этой сфере сжато изложены им в книге «Введение в культуроведение» (1996, 1999), где впервые в этой области знания осуществлен дедуктивный подход в освещении предмета исследования и дано его (предмета) системное представление. «Эта работа выполнена на громадном эмпирическом сопоставительном материале словарных, библиотечных, музейных, дидактических классификаций фактов культуры и содержит в системе своих категорий полный тезаурус культуры, который развертывается в историческом и системном планах от языка и знаковых систем к составу духовной, материальной и физической культуры, но в то же время дает и систематическое представление и региональных вариантах культуры. Полученная таким образом общая система феноменов культуры представляется надежным основанием (языком-эталоном) для последующих типологических и сравнительно-исторических исследований в области культуроведения»²¹.

Стержнем, скрепляющим культуру во времени является образование, поэтому особенно опасным видом вандализма Юрий Владимирович считал вандализм образовательный, когда в угоду идеологии или вследствие невежества искажается система учебного предмета и устанавливается однобокая система сведений. Каковы предпосылки создания полноценного учебного предмета? Существуют ли объективные закономерности в этом виде творчества? Эти вопросы особенно волновали Юрия Владимировича в последний период его творчества. Результатом многолетней работы в этой области стала изданная посмертно книга «Философия языка и учебный предмет» (2003). Эта книга была задумана как философско-теоретическое обоснование словаря-тезауруса терминов общего образования, разработка которого велась в рамках проекта «Круг знаний». В предисловии к книге Юрий Владимирович пишет: «... данная публикация имеет целью обосновать новую информационную форму дидактического материала, решает задачу бытия школы в условиях информационной

¹⁹ Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 1999. Стр. 69-71

²⁰ Рождественский Ю.В. Словарь терминов. Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование. М., 2002. Стр. 58.

²¹ Волков А.А. Творческий путь Ю.В. Рождественского// Ю.В. Рождественский. Философия языка. Культуроведение. Дидактика. Современные проблемы науки о языке. Стр.196-197.

культуры. Метод решения задачи состоит в установлении корреляции между философией языка, развитием видов словесности и развитием типов школы. Результатом исследования является обоснование причин языкового характера, влияющих на развитие педагогических систем, разработка принципов тезауруса терминов общего образования и прогноз развития школы в условиях информационного общества»²².

Такова в кратком изложении информационная модель общества Рождественского, в которой слово в полноте своего культурного значения, развертывается в речь во всем объеме ее объединяющих общество функций, именуется и соединяет семиозис, обеспечивающий социологизацию личности и организацию общественной деятельности, классифицирует и сохраняет культуру, передает ее при посредстве образования будущим поколениям, и осмысливает все эти процессы в философии языка.

Пафос сохранения и преумножения культуры был не только главным пафосом творчества Ю.В. Рождественского, он был также и главной движущей силой всей его жизни. Юрий Владимирович преодолевая предрассудки, а порою и запреты, продвигал новые и возрождал запрещенные направления гуманитарного знания; выступал в защиту русского языка и культуры в средствах массовой информации (статьи в «Литературной газете», цикл культуроведческих лекций на телевидении); консультировал, много преподавал.

Более четверти века (с 1972 по 1997) Юрий Владимирович руководил кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Он практически заново воссоздал кафедру: она пополнилась серьезными учеными, большое внимание уделялось подготовке молодых научных кадров; были обновлены основные курсы лекций, открылись новые курсы по типологии и семиотике, начались занятия древними и восточными языками. За эти годы Юрием Владимировичем читались такие фундаментальные общие и специальные курсы лекций как: «Введение в языкознание», «История лингвистических учений», «Общее языкознание», «Философия языка», «Философия грамматики», «Общая филология», «Прикладная филология», «Введение в востоковедение», «Общая риторика», «Риторика деловой прозы», «Культуроведение». Юрий Владимирович был столь же великим учителем, сколь и великим ученым. Не будет преувеличением сказать, что он служил своим ученикам, он любил каждого за его особый талант и стремился этот талант развить. Юрий Владимирович не только стремился сделать свое слово словом ученика, но и с необычайным интересом относился к творчеству учеников, он никогда не откладывал чтения их сочинений на потом, а читал сразу, как только работа попадала ему в руки: ему был интересен каждый, он умел любить другого, умел стать на другую точку зрения и незаметно помочь развить ее. На занятия с учениками Юрий Владимирович не жалел ни сил, ни времени, они (занятия) были частью его праздника жизни. Под руководством (официальным и неофициальным) Ю.В. Рождественского защищено 112 диссертаций. Наряду с многочисленными публикациями (около 120 работ) Юрий Владимирович оставил после себя школу Рождественского – людей, видящих мир его глазами и говорящих на его языке.

Юрий Владимирович любил жизнь и любил человека, верил в то, что стремление к свету свойственно человеческой природе и что слово (просвещение и образование)

²² Ю.В. Рождественский. Философия языка. Культуроведение. Дидактика. Современные проблемы науки о языке. М., 2003. Стр. 10.

способно спасти мир. Он принимался шлифовать каждого, кто попадал ему под руку, и даже в самых безнадежных случаях никогда не терял этой веры. В одной из последних работ Юрий Владимирович писал: «В этой ситуации неопределенности... единственно надежной возможностью честно посмотреть в глубины истории, - древней и новейшей, - является язык. Язык, в особенности русский, сообщает нам сведения о наших телесных и культурных предках, о наших соседях ближних и дальних в их истории и современности и тем определяет наше место в современном мире, а, следовательно, и то, куда нам следует направить усилия. На фоне слабости государства и политики, которая все что-то делит и никак не может поделить неведомо что: славу ли, власть ли, деньги ли... язык один... общее и некорыстное достояние... Единство языка и разнообразие средств выражения дают людям уверенность в их делах, душевный комфорт и приязнь друг к другу».²³

Юрий Владимирович Рождественский (1926 -1999) –

доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ (1972-1997), академик РАО, лауреат Гриммовской премии за вклад в немецкую филологию (1985), лауреат Ломоносовской премии за цикл работ «Фундаментальная теория языка для постиндустриального информационного общества» (1995).

Библиография

- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Волков А.А., Марчук Ю.Н., Рождественский Ю.В. Введение в прикладную филологию. М., 1988.
- Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солнцев В.М. Китайский язык / Серия «Языки зарубежного Востока и Африки». – М., 1961.
- Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М., 1996.
- Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
- Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
- Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.
- Рождественский Ю.В. Понятие формы слова в истории грамматики китайского языка. Очерки по истории китаеведения. М., 1958.
- Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 1999.
- Рождественский Ю.В. Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. М., 2002.
- Рождественский Ю.В. Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование. М., 2002.
- Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997.
- Рождественский Ю.В. Техника. Культура. Язык. М., 1993.
- Рождественский Ю.В. Типология слова. М., 1969.
- Рождественский Ю.В. Философия языка. Культуроведение и дидактика. М., 2003.

²³ Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 1999. Стр. 56.

Лингвистическое и экстралингвистическое в художественном тексте (на примере стихотворения А. С. Пушкина «И. И. Пущину»)

**Linguistic and Extra-linguistic Factors of a Literary Text
S. Pushkin's poem 'To I.I. Puschin')**

Uma Parihar (Ума Парухар)

One of the finest poems on the theme of friendship in world literature, the above-cited literary work - filled with gratitude, selflessness, warmth and strong bonds of love – demands an in-depth understanding of the socio-political and cultural atmosphere of the first quarter of XIX century Russia during which the poet and his best lyceum friend (a Decembrist) lived and worked, waging a relentless battle for freedom. To delve in the metaphorical meaning of each word and phrase a linguistic analysis is a must. The paper studies how such devices as inversion, anaphora, apostrophe, exclamation, impersonation, epithets along with the exploration of the poetic message composed in a unique contrasting style, help the poet explicitly communicate the idea of true friendship as envisaged by himself. A study of a literary text as a product of social thought (extra linguistic factors) and its verbal-weaving pattern (linguistic factor) is the key to its comprehensive understanding.

Стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «И. И. Пущину» является одним из лучших стихотворений на тему дружбы во всей мировой литературе. Оно веет счастливыми чувствами самоотверженности, благодарности, искренности, любви, радости, теплоты, задушевности, которые испытывали настоящие друзья друг к другу. Это пример тому, какими должны быть отношения между друзьями.

Любое литературное произведение – это продукт определённого времени и определённого пространства. Оно не только несёт на себе отпечаток своего времени, но и воспроизводит в художественных образах судьбу своего творца, мировоззрение которого зависит от того, в каком обществе он живёт и в каких условиях он творит. Можно сказать, что содержание (экстралингвистический фактор) и определяет форму выражения (лингвистический фактор). Таким образом, полнота понимания художественного произведения прямо пропорциональна уровню знания как лингвистических факторов так и экстралингвистических.

Творчество основоположника современного русского литературного языка А. С. Пушкина – это зеркало, отражающее жизнь России первой половины девятнадцатого века. Это документ, в котором зафиксирована жизнь во всём своём проявлении. В нём можно проследить и деспотический, самодержавный режим царей (Александра I и Николая I), и жизнь крестьян, угнетенных крепостным правом, и неугомонность интеллигенции делать что-нибудь для восстановления демократии, улучшения жизни невольников, возобновления свободы выражения в стране.

Посмотрим это на примере стихотворения «И. И. Пущину», написанного в плавно чередующихся мужской и женской рифмах:

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:*

*Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенья
Лучом лицейских ясных дней!*

Эти два пятистишия с всего сорока лексическими единицами – дружеское послание Пушкина своему лицейскому другу – И. И. Пущину, который в то время находился в ссылке в Чите за участие в восстании декабристов 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге. Стихотворение очень чётко разделено на две части. В первой части поэт вспоминает приезд своего друга в село Михайловское, где он вынужден был проводить одинокую, изолированную жизнь из-за своих свободлюбивых взглядов. Он говорит, какую радость ему предоставило посещение его ‘печального’ и ‘снегом занесенного двора’ лицейским другом – единомышленником. Во второй части Пушкин поддерживает своего настоящего друга, декабриста, который был приговорён к пожизненной каторге в Сибирь.

Эти стихи указывают на многие исторические и культурные факты, связанные с жизнью Пушкина и с тогдашним российским обществом. Во-первых, это **лицей**, где поэт получил своё школьное образование; Во-вторых, это село **Михайловское**, где поэт провёл свою вторую ссылку; В-третьих, это **восстание декабристов и судьба Пущина**; В-четвёртых, это мотив **подлинной дружбы** между двумя великими людьми своего времени.

Нельзя понимать Пушкина без представления об этих факторах:

Лицей – это вид среднего и высшего учебного заведения России 19ого века. Пушкин учился в Царском Селе в Императорском Царскосельском Лицее, который считался привилегированным высшим учебным заведением, назначенным для детей дворян. Этот лицей был открыт царём Александром первым 19 октября 1811 года и Пушкин был одним из первых тридцати его учеников. Учась в этом заведении, Пушкин приобрёл много друзей. Это были молодые литераторы (Пущен, Кюхельбекер, Дельвиг, Горчаков и другие). Благодаря удивительному кругу друзей время, проведённое в лицее, оставило очень яркий след в жизни Пушкина. У него много стихов, посвященных этому учебному заведению, например, «Воспоминания в царском селе», «Царское село» и много стихов, написанных на день основания лицея, т.е. 19 октября. В этот день друзья собирались и вместе праздновали. В своих стихах, посвящённых годовщине любимого учебного заведения («19 октября», «19 октября 1827», «19 октября 1828»), Пушкин очень тепло и с гордостью откликается о лицейском братстве. Он пишет:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен –
Непоколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз. (Пушкин 1974, 205)*

Бывали случаи, когда поэт не мог лично присутствовать, тогда он своими посланиями давал друзьям почувствовать своё соучастие. Вот, его переживания:

*Печален я: со мной друга нет...
Он не пришел, кудрявый наш певец...*

*О Пушкин мой, ты первый посетил..
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его лица превратил.*

*Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,...
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но незначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись...*

*О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благославил... (Пушкин 1974, 206).*

*Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам? (Пушкин 1974, 207)*

Глубоко любящий друг адресует каждого товарища отдельно, разлука с которым поэту очень тяжело обходится. От каждого обращения веет *сердечностью*, уважением и особой привязанностью поэта к каждому из них.

После разгрома декабристского восстания очередное стихотворение, посвященное 19 октября направлено на поддержку друзьям, томящимся на каторге в Сибири:

*Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли! (Пушкин 1974, 241)*

Выпускники лицея были передовыми людьми своего времени. Они все по своему боролись за лучшее будущее России. Пушкин своим вольным творчеством («Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву» ...) вёл борьбу против неприемлемого им порядка жизни. Друзья поэта, организовавшиеся в разные союзы, также боролись за политическую свободу, против крепостного права, самодержавия, препятствовавшие развитию России.

Ссылка в селе Михайловском (1824-1826) была второй ссылкой Пушкина. Перед этим он, как поэт-изгнанник, прожил четыре года на юге. И опять «за дурное поведение» и «атеизм» сослали поэта в глушь в село Михайловское Псковской области, где он должен был находиться под надзором местного начальства.

Для поэта это было тяжёлое испытание, он мучился от одиночества. Только занятием литературной деятельностью спасло его. За время ссылки в Михайловском Пушкин как личность созрел благодаря близости с простым народом. Именно тут он сочинил стихи «Деревня», «Пророк», «Я помню чудное мгновение», «Вновь я посетил», «Цыгане», начал работу над трагедией «Борис Годунов», написал некоторые главы «Евгения Онегина» и мн. др. В сентябре 1826 года закончился срок изгнания.

В этом же селе Пушкин узнал о событиях 14 декабря 1825 года и о трагических судьбах участников восстания. Поэт очень тяжело переживал за друзей.

Декабристы и их восстание. Многие передовые люди (в основном из дворянской среды) считали самодержавие и крепостное право большой помехой развитию России. Они думали, что путём замены самодержавного режима конституционной монархией и освобождения крестьян от гнёта крепостного права возможно будет ликвидировать вековую отсталость России и тем самым открыть курс её развития. Такому ходу мышления способствовали частые посещения европейских стран русской интеллигенцией. В первой четверти 19ого века в разных городах страны стали возникать тайные союзы, целью которых была подготовка к вооружённому восстанию против царя. Это были «Союз благоденствия» в Москве, «Северное общество» в Петербурге, «Южное общество» на Украине и др. И вот 14 декабря 1825 года носители революционной идеологии собрались на Сенатской площади и поднялось революционное восстание против правительственной власти с целью её свержения. Но, царь Николай первый, который заранее был поставлен в известность о планах выступления, жестоко разгромил восстание и очень беспощадно и кровавадно поступил по отношению к участникам движения. Среди декабристов было много друзей Пушкина. Некоторые из них были казнены и многие были сосланы в Сибирь на каторжные работы. И. И. Пущина тоже за участие и за заговор сначала приговорили к смертной казни, затем ему назначили другое наказание – пожизненную каторгу в Сибири.

Дружба. Мотив дружбы – один из главных мотивов в творчестве Пушкина. И почему же нет! Ещё с лицейских времён у Пушкина было много друзей. Но Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер, Антон Дельвиг, Иван Малиновский были самыми близкими его друзьями. Они были качественными людьми. Они не только были весьма одарёнными, но и глубокими патриотами, которых мучила отсталость страны и которые готовы были сделать всё, чтобы Россия пошла по пути развития наряду с другими странами Европы.

Поэт особо дорожал своей лицейской дружбой. Мы находим у него многочисленные стихи не только на тему дружбы, но и на каждого отдельного лицейского друга. Вот некоторые из них: «К студентам» (1814), «К Пущину» (1815), «Воспоминания /К Пущину/» (1815), «К Дельвигу. *Ответ*» (1815), «Друзьям» (1816), «Дельвигу» (1817), «К Чаадаеву» (1818), «Послание к кн. Горачкову» (1819), «Чаадаеву» (1821), «Чаадаеву» (1824), «Во глубине сибирских руд...» (1827), «Арион» (1827), «Послание Дельвигу» (1827) и мн. др.

После лицея каждый из них по своему вёл борьбу против неприемлемого им социально-политического порядка в стране. Все товарищи были самоотверженными людьми, которых ждала трагическая судьба. Они заранее знали об этом, но не отступали от намеченной дороги. Когда Пущин приезжал к Пушкину в Михайловское, он имел представление о том, что эта встреча может оказаться последней их встречей. И, действительно, после этого друзья никогда в жизни не встречались, хотя своей поэзией всегда оказывали поддержку друг другу. Их дружба была настоящей. Она выдержала испытание времени. Они оправдали пословицу, что подлинный друг познаётся в беде.

На тему дружбы и поддержку декабристам написано несколько стихотворений – «Арион» (1827), «19 октября 1827», «Во глубине сибирских руд» (1827). Стихотворение «И. И. Пущину» написано 13 декабря 1826 года т.е. на кануне первой годовщины восстания декабристов.

Первая часть стихотворения «И. И. Пушкину» была написана Пушкиным сразу после приезда Пушкина к нему в Михайловское. О времени, проведённом с любимым другом в этом селе, Пушкин вспоминает не только в стихотворении «И. И. Пушкину». О нём он с теплотой и ностальгией говорит в своём очередном моностихе «19 октября» (1825).

*О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его лица превратил. (Пушкин 1974, 206)*

В своих «Записках о Пушкине» Пущин очень подробно передал эмоциональную атмосферу их встречи. «С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его,» (Пущин, 1956) - пишет преданный друг поэта. Люди остерегали его, говоря, что поэт находится под двойным надзором (полицейским и духовным). На это отважный Пущин ответил: «Всё это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении ...» (Пущин, 1956) По воспоминаниям Пушкина, он приехал к поэту на конных санях к восьми часам утра. Звон колокольчиков осветовил Пушкину о приезде лицейского брата. Стояла суровая зима. Но поэт в одной рубашке побежал на крыльцо, чтобы взглянуть на друга. Впоследствии Пущин пишет: «Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим.» (Пущин, 1956) Далее мы читаем: «Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибравшая старуха застала нас в объятиях друг друга ..., наконец пролила слеза.» (Пущин, 1956) Пушкин «как дитя был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему ещё не верится, что мы вместе.» (Пущин, 1956) Пущин привёз Пушкину «Горе от ума», которому поэт был очень рад. Они читали комедию вместе. Поговорили по душам. Время очень быстро пролетело. Уже три часа ночи. Наступил час расставания: «Мы крепко обнялись в надежде, может быть скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье после так отраднo промелькнувшего дня. Ямщик уже запряг лошадей, колокольчик брякнул у крыльца, на часах ударило три. Мы ещё чокнулись стаканами, но грустно пилося: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьём, и пьём на вечную разлуку. Молча я набросил на плечу шубу и убежал в сани. Пушкин ещё что-то говорил мне вслед; ничего не слыша я глядел на него: он остановился на крыльце со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай друг» (Пущин, 1956)

Вторая же часть этого стихотворения написана накануне первой годовщины декабристского восстания 13 декабря 1825 во Пскове. Своим стихотворением Пушкин хотел облегчить страдание Пущина заключенного в Чите в Сибири и передать, что в этот тяжёлый момент его жизни его лицейский друг с ним и чтобы он не пал духом.

Пушкин послал эти стихи в январе 1827 года вместе со стихотворением «Во глубине сибирских руд» с Александрой Григорьевной Муравьевой. И Пущин получил их только в 1928 году. Вот как он откликнулся на поэтическое послание лицейского друга: «Пушкин первый встретил меня в Сибири задумчивым словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдаёт листок бумаги, на котором ... написано было: Мой первый друг, мой друг бесценный! . . . Отраднo отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной

благодарностью, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнание.» (Пушкин, 1956, 85)

Из за строгой царской цензуры после восстания декабристов Пушкин не смог напечатать это стихотворение при жизни. Оно было напечатано в 1839 году при содействии Пущина. В 1842 году Пущин нашёл подлинник стихотворения, который хранился у него в числе «заветных сокровищ» (Пушкин, 1956, 85)

Таким образом, можно заключить, что для того чтобы правильно понимать Пушкина необходимо иметь представления о социально-политической и культурной атмосфере (о монархической системе правления царями, о нечеловеческих условиях жизни крестьян из-за крепостного права, о строгих запретах и цензурах на голоса граждан со стороны властей) первой четверти 19ого века. В таких условиях смело выражая поэзией свой протест против системы и вынося наказания в роде многочисленных ссылок, достойно и с гордостью жил и творил основоположник современного литературного языка.

Лингвистический Анализ Стихотворения А. С. Пушкина «И. И. Пущину»

Лев Алексеевич Новиков – уважаемый академик-лексиколог Университета Дружбы Народов – говорит: «Изучение литературы и изучение языка связаны между собой теснейшим образом. Без вдумчивого анализа языка ... невозможно постичь идейное богатство и художественную ценность литературного произведения». (Новиков, 1979, 7) Другие языковеды, занимающиеся вопросами практического лингвистического анализа художественного текста, например, О. И. Меншутина и А. С. Феоктистова того же У.Д.Н. советуют: «Лингвистический анализ текста целесообразно начать с рассмотрения тех языковых средств, которые создают художественный образ.» (Меншутина, и Феоктистова, 1977, 11)

Следуя их руководству мы находим, что композиция стихотворения «И.И.Пущину» построена на контрасте прошлого и настоящего и в целом имеет два плана:

Светлые и радостные воспоминания поэтом о приезде друга, облегчившего чувства заброшенности и уединения его жизни в селе Михайловском. Эта часть написана в прошедшем времени в изъявительном наклонении (благословил, огласил);

Ободрение и поддержка другу, оказавшемуся ныне в таком же положении. Эта часть написана в настоящем и простом будущем временах. Тут можно наметить преобладание употребления повелительного наклонения в форме третьего лица (да голос мой душе твоей дарует то же утешенье, да озарит он заточенье лучом лицейских ясных дней!).

В стихотворении всего два действующих лица – сам поэт, который и является лирическим героем стихотворения (от имени которого идёт поэтическое повествование) и его лицейский друг, к которому он обращается. Можно сказать, что тут присутствуют *обращающий* (активное лицо) и *обращённый* (пассивное лицо). Стихотворение написано в жанре лирического послания. Отсюда преобладание личного и притяжательного местоимений первого лица (*я, мой первый друг, мой друг бесценный, мой двор уединенный, голос мой*) и второго лица (*твой колокольчик, душе твоей*).

Стихотворение звучит очень лирично и плавно благодаря таким литературным приемам, как инверсия (друг бесценный, двор уединенный, /двор/ печальным снегом занесенный, голос мой, душе твоей), анафора (мой первый друг, мой друг бесценный; да голос ...да озарит ...), апострофа или обращение (мой первый друг, мой друг бесценный!), восклицание (мой первый друг, мой друг бесценный!, лучом лицейских ясных дней!), олицетворение (уединенный двор, печальный сенг, голос дарует, голос озарит, луч ... дней), усиление или градация (то, же), эпитет (первый, бесценный, уединенный, печальный, занесенный, святой, лицейский, ясный).

Своими локальными лингвистическими средствами Пушкин передаёт много информации: Создаётся обиденная тоскливая картина зимней деревни словами *когда мой двор уединенный, печальным снегом занесенный*; Указывается на время приезда друга (а именно, что это произошло зимой) словом *снегом*; На то, что друг приехал на конных санях с звенящими колокольчиками указывают слова *твой колокольчик огласил*; О том, что приехавший человек очень близок и дорог поэту говорят прилагательные *первый, бесценный*; О том, что с этим товарищем поэт проводил счастливое время в лицее, которое вдохновляло его в ссылке и освещало его мрачную жизнь в одиночестве говорит словосочетание *лучом лицейских ясных дней*.

По ритмической размерности – это ямб. Специфика жанра (лирическое послание) определяет наличие обращения, эмоции, пожелания – молитвы, торжественного стиля. Десятистишие начинается с обращения, в конце которого поставлен знак восклицания (*Мой первый друг, мой друг бесценный!*). Всё оно наполнено положительными эмоциями поэта по отношению к своему другу. Эта эмоция выражена эпитетами *первый, бесценный*. Время, проведённое друзьями вместе в лицее также оставило очень счастливый след в их жизни. Эти приятные воспоминания помогают им преодолеть трудности настоящего, они служат им лучом, который способен *озарить* (т.е. *залить светом*) любое *заточенье*. В стихотворении также присутствуют пожелания и молитва одного друга детства для другого своего товарища, находящегося в тяжком положении. Друг поддерживает дух друга, утешает его, внушает в него веру в светлое будущее. (*Молю святое провиденье: да голос мой душе твоей дарует то же утешенье, да озарит он заточенье лучом лицейских ясных дней!*). Торжественность послания передана наличием слов высокого стиля – старославянизмов. Например, *благословить судьбу* (Благословить судьбу значит воздать благодарность судьбе за встречу с лицейским другом.), *уединенный* (Уединение имеет старославянский корень «един». Русский эквивалент этому «один», т.е. «е» вместо «о»), *занесенный* (Прилагательное «занесенный» имеет старославянский суффикс «енн». Русский эквивалент этому «ённ». Тут ударный «е» вместо ударного «ё»), *огласить* (Глагол «огласить» имеет старославянское неполногласие «ла». Русский эквивалент этому «оло». Ср. «глас» и «голос»), *молить, святое провиденье* (Молить святое провиденье значит молить бога.), *даровать утешенье* (Даровать значит дать), *озарить* (Озарить – глагол высокого стиля и значит «ярко осветить» (Ожегов, 1973,408), *заточенье* (Заточенье - существительное высокого стиля и значит «пребыванье в тюрьме и место такого пребывания» (Ожегов, 1973,207). Не только слова старославянского происхождения, но и старославянский стиль их употребления способствует передаче приподнятости, торжественности, книжности. Например, использование частицы *да* вместо *пусть* в побудительных предложениях: *Да голос мой душе твоей дарует то же утешенье; Да озарит он заточенье лучом лицейских ясных дней*.

Следует сказать, что Пушкин как создатель русского литературного языка наряду с старославянизмами использует и слова исконно русские, например, *голос*, (ср. *голос и огласить*).

Обращает на себя внимание использование притяжательного местоимения первого лица единственного числа *мой*, которое употреблялось 4 раза. Этим поэт подчёркивает свою теплоту и привязанность к обращенному. Он часто возвращается к этому приёму в других стихах тоже. [*Бог помочь вам, друзья мои*, (Пушкин, 1974, 241) *Мой брат родной по музе, по судьбам, О Дельвиг мой: твой голос пробудил*, (Пушкин, 1974, 206) *О Пушкин мой, ты первый посетил* (Пушкин, 1974, 206)].

Особую роль выполняют указательное местоимение *то* и усилительная частица *же*. Они устанавливают связь между двумя ссылками прошлого и настоящего. Тут только меняются ролями друзья – то в роли утешающего, то в роли утешаемого.

В этих двух пятистишиях чётко можно проследить линию **внутреннего сопоставления**:

- Контраст прошлого и настоящего

(тогдашняя Михайловская ссылка Пушкина и нынешняя Сибирская каторга Пушкина);

- Контраст атмосферы

(Унылая атмосфера дома до приезда друга в Михайловское и дом, восполненный радостным звоном колокольчиков после пребывания друга);

- Контраст светлого и тёмного

(Томящее, тёмное заточенье и лицейские ясные дни);

- Контраст средств утешенья

(Средство утешенья для Пушкина - личный приезд друга и средство утешенья для Пушкина - поэтический голос друга в виде послания).

Таким образом можно заключить, что все языковые средства направлены на выражение художественной идеи поэта. К этому относятся: жанровая особенность художественного текста (поэтическое послание); лексические средства выразительности (старославянизмы - слова высокого торжественного стиля); литературные приёмы (Инверсия, анафора, апострофа, восклицание, олицетворение, усиление, эпитеты); морфологические средства (полные прилагательные 'первый' и 'бесценный', выражают душевные отношения поэта к своему другу; прилагательные, пришедшие из причастия 'уединенный' и 'занесенный' и прилагательное 'печальный' характеризуют тогдашнюю общую грустную атмосферу села и дома; прилагательные 'лицейский', 'ясный' противопоставлены погруженному во тьме заточенью, местоимения 'мой' подчеркивает непосредственную близость поэта к своему другу, глаголы в изъявительном и повелительном наклонении, в прошедшем и настоящем и в простом будущем времени выражают благодарность и молитву о благополучии друга соответственно); синтаксические средства (употребление восклицательных и побудительных предложений определено жанровой особенностью литературного текста.)

Итак, для полного и правильного понимания литературного произведения нам понадобилось знать в каком «жестоком веке» (Пушкин, 1974, 378) поэт жил и творил, не переставая борясь за свободу [«восславил я Свободу» (Пушкин, 1974, 378)]. Вместе с тем, чтобы углубиться в метафорическое значение каждого слова и словосочетания, употреблённого основоположником современного литературного языка, потребовался лингвистический анализ на каждом уровне языка. Таким образом, можно сказать, что изучение художественного текста как продукта общественной мысли /экстралингвистический фактор/ и изучение его словесного устройства /лингвистический фактор/ - и есть ключ к полному пониманию литературного произведения.

Библиография

- Меншутина, О. И. и Феоктистова, А. С. Лингвистическое комментирование. Москва: УДН, 1977.
- Новиков, Л. А. Лингвистическое толкование художественного текста. Москва: Русский язык, 1979.
- Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1973
- Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. К 175-летию со дня рождения. Том 1. Стихотворения 1814-1836. Москва: Художественная литература, 1974.

**Своеобразие внутренней формы русского языка:
Событийность коммуникативного ракурса типичного высказывания
Peculiarities of the internal form of the Russian language:
Event Developments of the Communicative Perspective of a Typical Expression**

Ajoy Kumar Karnati (Аджой Кумар Карнати)

Following the footsteps of Wilhelm Von Humboldt (1767-1835), I. I. Sreznevsky (1812-1880) and A. A. Potebnya (1835-1891), Baudouin de Courtenay (1845-1929), Gennady Prokopyevich Melnikov has developed theoretical and applied principles of the modern systemic linguistics, in order to explain internal forms and their inner determinants of four morphological types of languages, namely, incorporating, agglutinative, inflectional and root-isolating types. Sentences in Russian which represents an inflectional type are formed based on a developing event. Therefore, the inner determinant of the Russian language is described as eventual. The morphemes of a subject and predicate can help the listener to guess the nearest meanings, which the speaker wants to convey. Further, the article explains the peculiarities of the Russian internal form in various cases.

Перед тем начать объяснять своеобразие внутренней формы русского языка, мне хотелось бы говорить об основоположнике системной типологии, именно о Г. П. Мельникове и о тех, которые разработали и развили теоретические и прикладные предпосылки по этой теме.

«Мельников Геннадий Прокопьевич (22.08.1928 – 21.02.2000) – российский лингвист, специалист в области теоретического языкознания, лингвистической типологии и системной лингвистики, был профессором кафедры общего и русского языкознания УДН (ныне РУДН). Г.П. Мельников работал над развитием идей системной лингвистики, над уточнением представления об особенностях внутренней формы русского языка в сопоставлении с внутренней формой других языков. При всем многообразии исследуемых языков и аспектов их изучения полученные им за четыре с лишним десятилетия научной деятельности результаты достигнуты благодаря использованию и развитию методологического принципа, который он назвал «современной системной лингвистикой», трактуемой как возрождение системной лингвистики, восходящей к идеям и понятиям В. Гумбольдта, И.И. Срезневского, А. А. Потевни и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Это позволило синтезировать различные методы и результаты теоретического и прикладного языкознания»²⁴.

Каждый язык развивается в определенных социальных и географических условиях. По мнению Мельникова, «язык – это, прежде всего, коммуникативное устройство, а не инструмент мышления»²⁵. Так как «смысл типичного высказывания как внутренняя форма сообщения должен быть приспособлен для преобразования типичных поводов в типичном аспекте при формировании типичных, для рассматриваемых условий

²⁴ Ведущие языковеды мира: Энциклопедия / Автор-составитель, А. П. Юдакин. М. 2000.

²⁵ Мельников Г. П. Язык и речь с позиций системной лингвистики // Язык и речь. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 227.

общения, сюжетов и при типичных временных и пространственных межкоммуникативных интервалах»²⁶, то язык, который представляет собой некую коммуникативную систему, должен обладать определенными особенностями коммуникативного ракурса. Именно в коммуникативном ракурсе, по мнению Зубковой Л. Г., Г. П. Мельников видел важнейшее проявление внутренней формы языка, в которой реализуется внутренняя детерминанта системы. Он выделял четыре внутренние детерминанты как четыре внутренние формы, которые характеризуют выделенные В. Гумбольдтом морфологические типы языков: обстановочная – инкорпорирующий тип, (качественно) признаковая – агглютинирующий тип, событийная – флективный тип, окказиональная – корнеизолирующий тип.

Таким образом, русский язык представляет собой событийную детерминанту, так как он является флективным типом по морфологической классификации. Главная особенность флективного строя с наиболее высоким уровнем синтетичности представлена современными славянскими языками, особенно русским, и заключается она в том, что по возможности любое сообщение стоит в форме предложения, номинативный смысл которого является динамическим и изображает на оперативном экране развивающееся событие. Простейшее из таких предложений – простое, нераспространенное, «одноэтапное». Его номинативный смысл предоставляет на оперативном зрительном, изобразительном ответе на вопрос слушающего «Что делает X?» Номинативный смысл подлежащего в таком предложении, являющемся ответом на этот вопрос, изображен, с такой или иной степенью конкретности, как действитель, а смысл сказуемого – как его действие. Отношение между действителем и действием уточнено с помощью словоизменительных грамматических морфем: именительного падежа – у существительного и показателей спряжения – у глагола-сказуемого. Морфемы подлежащего и сказуемого обеспечивают намёк на определенные ближайшие смыслы родовидовой классификации, которые намекают на дальнейшие смыслы, последовательно или параллельно, и эти номинативные связи между промежуточными номинативными смыслами, обычно выражаемые с помощью грамматических морфем и лишь иногда – позиционными средствами – позволяют – говорящему достаточно ясно намекнуть на все звенья внутренней формы при связи употребленных морфем подлежащего и сказуемого с конечными их номинативными смыслами в образе действителя и действия на оперативном экране.

Номинативная предикация между этими двумя номинативными смыслами простого нераспространенного предложения и даёт результирующий образ минимального события в виде действителя, находящегося в процессе действия.

Простое распространенное предложение отличается от нераспространенного тем, что его номинативный смысл на оперативном экране является многоэтапным, то есть рисует картину развития новых этапов изображаемого события, возникших как следствие действия действителя, выраженного подлежащим-существительным и глаголом-сказуемым. Суть этих новых этапов заключается в том, событие втягиваются новые действители и включаются в такие действия, которые естественно вытекают из осуществленности действия, названного глаголом-сказуемым. Это действие, по отношению к действиям остальных действителей и, следовательно, по отношению к

²⁶ Мельников Г. П. Принципы и методы системной типологии языков: Автореф. дис. ... докт. Филол. Наук. М. 1989. С. 24.

схеме связей этапов описываемого полного события, оказывается инициальным, и поэтому действитель, названный подлежащим, также должен рассматриваться как особый, выделенный среди остальных: как инициатор события.

В принципе каждое из неинициативных этапов событие, могло быть так же, как и инициативное, то есть с помощью своего подлежащего-существительного и сказуемого-глагола, называющего действие соответствующего действителья-инициатора. Например, это могло быть высказывание типа: «брат кидает, кукла летит, сестра ловит». Однако в процессе формирования флективного строя выработалась техника более четкого и менее громоздкого именованя многоэтапных развивающихся событий: с помощью падежных аффиксов выражено отношение номинативного смысла имени каждого из действителей к номинативному смыслу глагольного названия инициального действия. Именительный падеж, как уже отмечалось, сигнализирует о том, что слово именуется инициатора события, а косвенные падежи – о том, что любой иной названный действитель – не инициатор; различия в косвенно-падежном оформлении наименований действителей – неинициаторов помогают слушающему понять, в каком из неинициативных этапов действует каждый из действителей-инициаторов. Так, с помощью словоизменительных аффиксов номинативный смысл простого распространенного предложения превращается в целостный динамический образ развивающегося многоэтапного события, и типичные черты этих этапов, и типично-следственные отношения между ними, и, следовательно, типичные значения и промежуточные родовидовые смыслы, связывающие морфемы флективного языка с компонентами конечного номинативного смысла, - все это выражено с помощью предложения как сложной номинативной единицы.

Следует ещё отметить, что члены предложения, выраженные предложно-падежными формами, сигнализируют о том, что они называют таких субъектов или такие объекты, которые входят в номинативный смысл высказывания, но не являются действителями описываемого развивающегося события, то есть, если они осуществляют в ситуации какое-либо действие, оно, тем не менее, не является следствием инициального события, выраженного глаголом-сказуемым (Мельников, 1983; Дремов, 1984; Гегзян, 1988; Мельников, 1989). Кроме того, нужно обратить внимание на то, что родительный падеж отличается от всех остальных падежей тем, что не имеет прямого отношения к номинативному событийному смыслу, не называют его действителей, а выступает лишь в функции особого актуализатора номинативного смысла имён действителей/актуализатора ядра темы, (Мельников, 1980) если иметь в виду форму записи содержания события в виде перечня простых нераспространенных предложений. Такая актуализация осуществляется за счёт того, что с помощью имени в родительном падеже говорящий сообщает или напоминает слушающему о существовании некоторой надсистемы, некоторого целого, в том числе – и события, компонентом которого является тот действитель называемого предложением события, несогласованным определением имени которого служит имя в родительном падеже.

В отличие от согласованного определения, например, прилагательного (о чем речь будет впереди), определение в форме родительного падежа указывает в первую очередь на такие присущие определяемому смыслу черты, которые являются не причиной своеобразия потенций названного актанта специфичным образом включаться в описываемое событие, а следствием его включенности в названную родительными падежом надсистему. И если эта надсистема, напоминаемая слушающему через форму родительного падежа, оказывается в свою очередь частью

целочастной картины мира слушающего, то воспринятый им событийный смысл предложения перестает быть просто живой картиной, нарисованной творческой фантазией слушающего под управляющим воздействием знаков воспринятого высказывания. Номинативные смыслы такого высказывания и отношения между ними осознаются, благодаря актуализации с помощью родительного падежа, как определенные компоненты целочастной картины мира слушающего в таком из взаимодействия, из наблюдения за которым слушающий творит образ замысла говорящего: те черты этих компонентов, которые до акта общения были известны только говорящему, становятся «очевидным» и слушающему. Так воспринятое высказывание в форме типового предложения становится, благодаря актуализации и осуществлению, на этой основе, коммуникативной предикации, сообщением для слушающего; при этом динамический образ предложения как его номинативный смысл, подвергаемый актуализации, в осуществлении которой принимает участие несогласованное определение, представленное именем в родительном падеже, оказывается конкретной реализацией внутренней формы русского сообщения – динамическим образом развивающегося события, реализацией событийного номинативного ракурса (Мельников, 1983, 1989; 1990; Мельников, Дремов, 1983; Дремов, 1984).

Важная особенность событийного номинативного ракурса заключается в том, что причинно-следственные отношения между этапами изображаемого развивающегося события обеспечивает слушающему возможность с высокой степенью вероятности предугадывать, прогнозировать, по содержанию инициального этапа, какой хотя бы общий характер будет у содержания последующих этапов. (Мельнико, 1988, 1989; Лутин 1990)

В современном русском языке приспособленность грамматического строя содействовать тому, чтобы слушающий имел возможность предугадывать по воспринятой части речевого потока как можно больше характеристик единиц и структуры последующей части этого потока, при событийном номинативном ракурсе предложения проявляется в особенностях содержания и формы на всех языковых ярусах. Так например, наличие деривационных аффиксов у большинства русских имён уже намекает на то, что является смыслом имени: носитель определенной совокупности признаков, например, предмет, или же некоторый признак, приписываемый этому предмету. Если это название признака, то велика вероятность, что в скорости в высказывании должен быть назван и носитель, которому приписан этот признак, а поскольку имя признака оформлено к тому же словоизменительным аффиксом, согласуемым своими значениями с грамматическими значениями ожидаемого имени носителя признака, то на основании этой явно выраженной информации слушающий имеет возможность отвергнуть многие гипотезы относительно того, каким может быть это ожидаемое имя носителя признака при данном имени приписываемого ему признака. Например, по началу русского высказывания: «Он поднял белый», слушающий уже наверняка предсказывает, что именем носителя признака «белый» не может быть «книга», «цветы», «щепка», «зерно» и т.п., но не исключено появление такого имени, как «камень», «цветок», или «платок».

Все эти прогнозы о характере развития и продолжения событийного номинативного смысла воспринимаемого высказывания формируется на оперативном экране и психике слушающего. При этом важно иметь в виду, что в процессе номинации отдельных компонентов высказывания, как средства получения конечного целостного номинативного смысла, на оперативный экран проецируется и значения морфем, и

смыслы из родовидовой классификации, на которые значения намекают, и на конец, на оперативном экране фиксируются и результаты номинативных предикаций, то есть предикаты, предикатами и предикторами для которых служат смыслы, полученные в ходе предшествующих номинативных предикаций. Очевидно, что такие предикаты не обязательно представляют собой те или иные образы родовидовой классификации внеязыкового сознания слушателя, но остаются компонентами номинативного смысла высказывания, ещё не соотносёнными до акта актуализации с единицами целочастной картины мира слушающего и, следовательно, ещё не дающими ему материала для выявления и внесения нового знания в эту картину, то есть для собственно коммуникативной предикации. Например, всякий носитель русского языка, мобилизуя свою фантазию, представляет некоторые общие контуры образа, являющегося номинативным смыслом словосочетания «прыгающий экскаватор», но этот образ останется лишь на оперативном экране, если высказывание не пополнится актуализирующей информацией. Следовательно недоактуализированность не обязательно бывает связана с неконкретностью образа как смысла высказывания. Образ этот может быть очень конкретным, но главное, что не соотносён с тем или иным уровнем целочастной классификации. Его конкретность может ограничиваться высоким уровнем детальности, и описания образа события, но пока отношение этого образа события в целочастной картине мира слушающего так или иначе говорящим выражено, номинативный смысл высказывания для слушающего остаётся не актуализированным, слушающим лишь не оперативном экране.

Конечно, те или иные актуализационные средства, как морфемико-грамматические, так и лексические, позиционные или интонационные и т.д. могут быть употреблены говорящим не обязательно лишь после того, как номинативный смысл уже полностью сформировался на оперативном экране слушающего. Степени номинации могут перемещаться со ступенями актуализации. Например, если подлежащее предложения выражено именем собственным человека, хорошо известного слушающему, но компоненты формирующегося номинативного смысла, ещё не достроенного до целостной картины, начнут соотноситься с целочастной картиной мира слушающего, то есть актуализация будет протекать по ходу «разградки» номинативного смысла высказывания. Но несмотря на возможность такого «смешанного» режима восприятия слушающим и понимания им высказывания на флективном языке, верным остаётся принцип предшествования этапа номинации этапу актуализации, этапу актуализованного членения между членами высказывания и стоящими за ними компонентами номинативного смысла (смысла темы как предикатеда коммуникативной предикации и смысла ремы как предиктора этой предикации). Это предшествование заключается в том, говорящий, выбирая средства выражения своего замысла слушающему, озабочен прежде всего тем, чтобы намекнуть на него через номинативный образ развивающегося события, даже если эту событийность можно оправдать лишь как метафору. Например, в предложении «Спутниковый передатчик представляет собой сложную систему», по существу, смысл тождества (передатчик – это система) выражен через метафорическое именование события: «Что делает передатчик?» Он представляет систему, причем представляет её собой».

И лишь после того, как говорящий выбрал те языковые средства, которые изображают замысел как событийный номинативный смысл, он прикидывает, в какой мере недостаточна при этом актуализационная информация, чем её усилить, например, добавлением специальных частиц, модификациями порядка слов, интонацией и т.д.

Соответственно и слушающий прежде всего стремится понять высказывание как предложение, то есть как наименование события, а уже потом ищет недостающую актуализационную информацию в воспринятом предложении.

Все сказанное и служит в системной лингвистике обоснованием утверждения, что внутренней формой флективного языка с высоким уровнем синтетизма является событийный номинативный ракурс типичного высказывания, а история формирования флективного языкового типа – это последовательные шаги такой оптимизации состава морфем с вещественным и грамматическим значением и оптимизацией принципов объединения их в словоформы, а также словоформ – в предложения, чтобы с помощью предложения практически на любой замысел можно было намекнуть через событийный номинативный смысл на оперативном экране слушающего. Отсюда, в частности, вытекает, что тем самым слушающему обеспечиваются наиболее благоприятные условия для прогноза, то есть для догадки о том, как может и как не может развиваться дальше описываемый в потоке речи сюжет, какие формы может иметь, а какие невозможны у ожидаемого слова, содержательно связанного с уже воспринятым определением. Наличие такой взаимосвязи между формой и содержанием языковых знаков на всех языковых уровнях подтверждается исследованиями А. П. Журавлева, С. В. Воронина, Л. Г. Зубковой. (Журавлев 1974, 1981; Воронин 1982, 1983; Зубкова 1977, 1986, 1988) и их учеников. В дальнейшем необходимо рассмотреть внутреннюю форму на фоне глобализации, задавая себе вопрос, останется ли она такой же устойчивой при резко изменяющихся общественных условиях.

Библиография

- Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Гегзян Д. М., Функция предлога в составе семантической структуры слова: Автореф. дисс. М., 1988.
- Дремов А.Ф., Роль падежей русского языка в обеспечении связанности и компрессия текста. Автореф. дисс. М.1984.
- Журавлев А. П. Звук и смысл. М. Просвещение, 1981.
- Журавлев А. П. Фонетическое значение. ЛГУ. 1974.
- Зубкова Л. Г., Звуковая форма значимых единиц и структурные характеристики фонем / к вопросу об актуальных задачах фонологии // Известия АН СССР, т.47, 1986, №4.
- Зубкова Л. Г., Сегментная организация слова. М. УДН, 1977.
- Зубкова Л. Г., Соотношение звуковых единиц со значащими в типологическом аспекте / ономасиологический и семасиологический подходы в фонологии// ВЯ, 1988, №3.
- Мельников Г.П., Принципы и методы системной типологии языков. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 1990.
- Мельников Г.П., Природа падежных значений и классификация падежей, Сб. Исследования в области грамматики и типологии. Москва, МГУ, 1980.
- Мельников Г.П., Программа спецкурса «Общая теория падежей и русская падежная система», Программы спецкурсов. М. Изд-во УДН, 1983.
- Мельников, Г.П., Принципы и методы системной типологии языков. Автореф. дисс. М.,1989.

**Интерференция в речи взрослых, изучающих иностранный язык
(на опыте преподавания русского языка как иностранного)**

**Interference in the speech of adult learners of foreign languages
(on the basis of experience of teaching Russian as a foreign language)**

Kiran Singh Verma (Киран Сингх Верма)

This article discusses the phenomenon of interference in learning Foreign Languages, which results from language contact. The issue of language contact has been discussed for more than 100 years. Here the question has been analyzed in the context of learning Russian as a Foreign Language. It is emphasized, that mother tongue is a psychological factor in learning Foreign Languages. Most of the students, who study a foreign language in India, are teenagers and already have a command of their mother tongue. Besides mother tongue they learn regional languages and English language in the school from the very beginning. In multilingual environment the language of the students undergoes the influence of different languages and they easily shift from one language to another. The languages, which these students know, directly or indirectly influence the process of acquisition of language. Our article is focused on three types of interference, faced by the students while learning a Foreign Language: phonetic, lexical and grammatical.

Большинство учащихся, изучающих иностранный язык, относятся к такому возрасту, когда они уже владеют родным языком. Помимо родного языка они учат в школах региональный и/или английский язык. Некоторые учат и язык санскрит. Так что, индийская аудитория с самого начала отличается многоязычностью. Это многоязычность характерна для индийской школы вообще, где учатся ученики с разными родными языками. Значит, наших подростков постоянно окружает многоязычие, и языковые контакты для них совсем нормальное явление. Находясь в таком окружении, язык или языки этих подростков претерпевают влияние разных языков. Общаясь между собой, они запросто переходят с одного языка на другой.

Окончив школу, некоторые из выпускников поступают на факультет иностранных языков. Они начинают изучать иностранные языки с азбуки. Следует отметить, что процесс изучения иностранного языка существенно отличается от изучения других предметов, других дисциплин. Суть этого суждения заключается в том, что языки, которыми уже владеют эти учащиеся, прямо или косвенно оказывает влияние на процесс усвоения иностранного языка. Это влияние может быть и положительным и отрицательным. Положительное влияние родного языка при изучении иностранного языка принято называть переносом, а отрицательное влияние – интерференцией. Наша статья посвящена вопросу интерференции родного языка учащихся при изучении русского языка как иностранного. Эти учащиеся по своему возрасту подростки и взрослые. Они учатся или учились на курсе бакалавра, или они изучают или изучали русский язык как факультативный предмет. Некоторые учат русский язык на вечерних курсах. В вузах Дели родным языком большинства учащихся является язык хинди. В группах учатся также носители других языков. Поэтому большинство из приводимых в нашей статье примеров взяты из речи носителей языка хинди, а некоторые примеры отражают интерференцию других родных языков. Следует отметить, что явления переноса и интерференции связаны с вопросом об языковых контактах, о чём стали

писать лингвисты уже давно – И. Бодуэн де Куртенэ (1875), Л. В. Щерба (1907), У. Вайнрайх (1953) и др.

Все они указывают на то, что контактирующие языки оказывают влияние друг на друга, в результате которого происходит смешение языков. Л. В. Щерба считает, что языковые контакты следует описывать как процесс интерференции. По мнению Щербы сущность этого процесса определяется взаимным приспособлением языка говорящего и языка слушающего и соответствующим изменением норм обоих контактирующих языков. (Щерба 1915, с. 4, цитировано по В. В. Алимову, с. 32). Л. В. Щербу побудил заниматься вопросом языковых контактов И. А. Бодуэн де Куртенэ, который ещё в 1875 году говорил о смешанном характере языков под влиянием контактов языков.

Почти через полвека после Щербы, американский лингвист У. Вайнрайх описывает понятие языковой интерференции как отклонения от норм языка, происходящие в речи билингов в результате их знакомства с более чем одним языком (Weinreich 1953, с. 1-7 : цитировано по Алимову, с. 32). По мнению Вайнрайха языковая интерференция происходит не только при общении между двумя индивидами, но и в учебной ситуации. Нас интересует именно интерференция, происходящая в учебной ситуации. Не будет преувеличением сказать, что понятие интерференции разработал У. Вайнрайх, основы которой до него заложили И. Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба. После выхода книги Вайнрайха «Языковые контакты» (Languages in Contact) термин «языковая интерференция» получил широкое признание.

Теперь переходим к обсуждению явления интерференции в процессе изучения иностранного языка. При этом мы исходим из того, что родной язык постоянно присутствует в мозгу учащихся, и они бессознательно переводят изучаемый иностранный язык на свой родной язык до тех пор, пока иностранный язык у них не автоматизирован. Автоматизация происходит довольно позже. Они как бы «переводят» не только слова, фразы и предложения, но и грамматические конструкции и звуки. Поэтому интерференция проявляется на разных уровнях языка. Как сказано выше, это происходит бессознательно. Поэтому интерференцию можно считать психологическим явлением, которого не может избежать ни один студент, особенно на начальном этапе. Родной язык оказывает давление даже позже, доказательством которого служат ошибки в переводе, связанные с интерференцией родного языка. На эту тему посвящена книга Алимова «Интерференция в переводе». Н. К. Гарбовский тоже писал отдельную главу об интерференции в переводе в своей книге «Теория перевода» (с. 316-324). При изучении иностранного языка полностью освободиться от влияния родного языка невозможно, и интерференцию можно считать бессознательным вмешательством родного языка на иностранный язык.

Интерференция заметна на всех уровнях языка – на уровне фонетики, лексики, грамматики.

Интерференция на уровне фонетики

На уровне фонетики встречаются в основном два типа интерференции – замена звуков и смешение звуков.

При замене звуков звуковая единица изучаемого языка заменяется близким, сходным звуком родного языка. Например, губно-зубной согласный [в] хиндиязычные студенты обычно произносят как [w]. Русский звук [в] в таких словах как **вот, ваш, волк, вилка** звучит в речи студентов как согласный [w], который встречается в языке хинди и в других индийских языках. Но губно-зубной согласный [в] отсутствует в них.

Ещё один пример замены наблюдается в артикуляции заднеязычного щелевого согласного [x] как заднеязычный смычный [kx] под влиянием родного языка.

Эти ошибки продолжают довольно долго, на устранение которых следует обращать особое влияние.

Смещение звуков наблюдается чаще всего в согласных [б] – [в] и [с] – [ш]. Не все учащиеся могут различать эти согласные и произносят их как [б] и [с], соответственно. Звук [в] в словах **вот, ваш, великий** в их речи звучит как [б]; звук [ш] в словах **карандаш, шёлк, шесть** в их речи звучит как [с]. Эти ошибки со временем частично исчезают.

Интерференция на уровне лексики

Интерференция на уровне лексики встречается в таких словах, которые различаются в русском языке, но не различаются в родном языке. Например, глаголы **уметь** и **мочь**, для которых в языке хинди существует один эквивалент *сакна (सकना)*. Поэтому встречаются такие ошибки как **Она не может петь, Я могу плавать** вместо **Она не умеет петь, Я умею плавать**. Русские наречия **завтра** и **вчера** имеют один эквивалент в языке хинди *кал (कल)*. Поэтому иногда встречается ошибки в употреблении этих наречий: **Завтра я ходила на стадион** вместо **Вчера я ходила на стадион**. В русском языке прилагательные **горячий, тёплый** и **жаркий** выражают разные оттенки значений. В языке хинди все они имеют один эквивалент *гарам (गरम)*. Поэтому иногда мы слышим **жаркий чай**, вместо **горячий чай**. Чтобы устранить лексические ошибки, связанные с интерференцией, желательно давать специальные упражнения с учётом родного языка.

Интерференция на уровне грамматики

Интерференция на уровне грамматики проявляется в тех случаях, когда грамматическая особенность изучаемого языка частично похожа на родной язык учащегося. Здесь мы можем привести пример употребления русских предлогов **из, с, от**, которые в языке хинди передаются одним и тем же послелогом *се (से)*. Поэтому встречается следующие типичные ошибки: **Она получила письмо из подруги**, вместо **от подруги**; **Лист упал от дерева** вместо **с дерева**. Для устранения таких ошибок желательно давать специальные упражнения с учётом родного языка.

Иногда студенты путают винительный и дательный падежи, для которого в хинди употребляется послелог *ко (को)*. Поэтому они говорят – **дай свою сестру** вместо **своей сестре** (*अपनी बहन को*).

Глаголы движения - особенность русского языка. Некоторые ошибки в их употреблении связаны с интерференцией. Глаголы **прийти, приехать, прилетать** имеют только один эквивалент в языке хинди *ана (आना)*. Кроме этого глагол **идти** тоже переводится как *ана (आना)*, как и *джана (जाना)*. Поэтому очень часто студенты путают эти глаголы. Вместо одного употребляют другой глагол. Тема «глаголы движения» в целом имеет огромное значение в преподавании русского языка как иностранного.

Мы постарались обратить внимание на роль родного языка, при изучении русского языка и как родной язык интерферирует с изучаемым языком. В начале родной язык оказывается психологическим барьером, но со временем учащиеся преодолевают этот барьер и постепенно изучаемый иностранный язык автоматизируется. Значит, на

начальном этапе мы не должны пренебрегать бессознательным вмешательством родного языка учащихся.

Библиография

- Weinreich U. Languages in Contact. Finding and Problems. New York, 1953.
- Бодуэн дэ Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1, Москва, 1963.
- Алимов В. В. Интерференция в переводе, Москва, 2011
- Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Т. I. Пг. 1915.
- Горбовский Н.К. Теория перевода, Москва, 2004.

Особенности передачи терминов (реалий и историзмов) с национально-культурным колоритом при переводе художественной литературы с русского на язык хинди (на материале произведений А.П. Чехова)

Importance of Conveying the Meaning of Realia and Historicisms in Translation of Literary Works from Russian into Hindi (a case study of the translated works of Anton P. Chekhov)

Ravinder Singh (Равиндер Сингх)

Language is not just a means of communication but it is also a depiction of culture, tradition, customs, life style and mentality of people of the country. Realia and historicisms are an essential part of non-equivalent vocabulary and they have different shades in different countries. It makes the task of a translator difficult. These words are used very often in literary texts. Translating these cultural realia and historicisms is essential because these words and expressions give a pure national and cultural flavor of the particular country. In this article, I tried to show how a translator finds difficulties in conveying the meaning of these words and expression and how sometimes he makes mistakes in choosing the exact equivalent. I also suggested my own translations of some of the realia and historicisms from the works of Chekhov. That might convey the meaning as well as the purpose of using realia and historicisms in literary texts in better way.

Язык – это способ не только общения, но и отражения культурных ценностей любой нации. Иными словами, если язык, с одной стороны, выполняет коммуникативную функцию, то, с другой стороны, он наилучшим образом представляет своеобразную и богатейшую национально-культурную специфику данной страны.

Различие между языками и культурными явлениями подталкивает к принятию способа межъязыковой и межкультурной коммуникации, т.е. перевода. Преодолевая коммуникативные барьеры, перевод обеспечивает возможность погружения и знакомства с традициями, обычаями, образом жизни, бытом, моралью, менталитетом и поверьями иноязычного народа. Таким образом, перевод приближает друг к другу не только два чужеземных народа, говорящих на разных языках, но и две разные культуры.

Отсутствие или различие у одного народа предметов, понятий и явлений с культурным компонентом, характерных для другого народа и иной культуры, определяет сложность для переводчика при переводе. Например, слово *журавль* вызывает разные представления у русских и французов. Если *журавль* напоминает русским о весне, то для французов *grue* (*журавль*) имеет негативную коннотацию. В Франции словом *grue* называют проститутку, стоящих вдоль дороги.²⁷ Аналогичным образом, если русские фразеологизмы *Бог с тобой* (*с ним, с ней, с ними, с вами*) выражает безразличие или уступку, то на языке хинди подобный фразеологизм несёт положительный оттенок т.е. наилучшее пожелание или благословение другому человеку. Например,

²⁷Велединская С.Б. Курс общей теории перевод. Томск: томский политехнический университет, 2010 с. 34

ईश्वर आप के साथ है। (ईश्वर की कृपा आप पर बनी रहे) (*Бог с тобой*).

Произведения художественной литературы заслуживают особого внимания и рассмотрения со стороны переводчика, поскольку язык художественной литературы гораздо более насыщен культурологическим и историческим колоритом (т.е. *реалиями и историзмами*).

Произведения художественной литературы заслуживают особого внимания и рассмотрения со стороны переводчика, поскольку язык художественной литературы гораздо более насыщен культурологическим и историческим колоритом (т.е. *реалиями и историзмами*).

Реалии и историзмы составляют важнейшую часть безэквивалентной лексики. С.Б. Велединская таким образом определяет слово реалия: «Различия в культурных традициях, в условиях жизни и быта народов приводят к появлению в языке лексики, специфичной для конкретного языка, и не имеющей аналогов в языках, отражающих другие культуры. В результате, в переводе мы сталкиваемся с лексикой, называющей специфичные с лексикой, называющей специфичные культурные элементы – *реалии*».²⁸ Например, слова *квас, селянка, борщ, пожарнице* и т. д.

Историзмы – лексика, обозначающая предметы или явления, которые были известны и употреблены в старые времена, но уже исчезли из современной жизни и перестали употребляться. Например, слова *аршин, рince-пeз, коллежский асессор, кантонист, боярин*, и т. д.

Антон Павлович Чехов как мастер «малого жанра» является одним из тех писателей мира, в произведениях которых национальное своеобразие занимает особое место. Большое число реалий и историзмов в чеховских произведениях сохраняет не только народно-культурную специфику России, но и усложняет задачу переводчика, поскольку интерпретация реалий и историзмов требует от него профессионализма высокой степени, обширного знания исходной культуры, языка и умения использовать необходимые переводческие приёмы при передаче реалий и историзмов на язык перевода. Поэтому задача переводчика заключается не только в их правильной интерпретации, но и в сохранении известного влияния перевода на читателя, соответствующего тому, которое имеет текст оригинала на своего читателя. Читатель перевода должен воспринять перевод как исходный текст, содержащий своеобразие и достоинство исходного языка и культуры.

В результате анализа существующих переводов на хинди некоторых чеховских рассказов - «Толстый и тонкий», «Июныч», «Крыжовник», «Рассказ гостюжи N.N.» и «Нищий» нами обнаружены следующие примеры, наилучшим образом показывающие то, как неправильная интерпретация реалий и историзмов лишает текст перевода национального колорита, содержащегося в тексте подлинника.

Примеры реалий и историзмов и их перевод

Например, в рассказе «Толстый и тонкий», который был опубликован в индийской газете «*नवभारत टाइम्स*» (*Навабхарат Таймс*) на хинди, переводчик принимает как способ переводческой трансформации *опущение*, переводя подчеркнутую часть предложения:

²⁸Велединская С.Б. Курс общей теории перевода. Томск: томский политехнический университет, 2010 с. 139

Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею.

मे तो दोस्त जज का असिस्टेंट हो गया हूँ²⁹

Нам кажется, что в данном примере переводчик теряет как смысловую адекватность, так и культурную специфику. Если бы переводчик принял как способ переводческой трансформации добавление или дал бы сноску, поясняющую, что такое орден Святого Станислава, то перевод был бы адекватным и более понятным. В основном, Орден Святого Станислава был учрежден в 1765 г. польским королем Августом Понятовским в честь святого покровителя Польши Станислава. В 1831 г. Николаем 1 причислен к Российским Императорским и Царским орденам. Орденом награждали чиновников за отличие.³⁰ Правильнее, на наш взгляд, перевести это предложение таким образом:

Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею.

प्रिय मित्र मैं तो काम धंधा करता हूँ पिछले दो सालो से जज का असिस्टेंट हूँ और संत स्तानिस्लाव दर्जे का पदक हे मेरे पास। (добавление) или

Сноску संत स्तानिस्लाव पदक 1831 से 1917 तब रूसी साम्राज्य में क्लर्कों को उनके अच्छे कार्यों के लिये सम्मानित करने के लिए दिया जाता था।

Также в ходе перевода рассказа «Крыжовник» переводчик Кришан Кумар переводит слово «земство» как ज़ेम्ство³¹. Слово земство даже большинство современных русских плохо знают, вряд ли и индийцы когда-нибудь слышали это слово. Слово земство означает выборные органы местного самоуправления в российском государстве в 1864-1918 гг. Мы можем предложить перевести слово земство с заменой словом языка хинди «जिला परिषद ИЛИ मण्डल परिषद». Хотя слово «जिला परिषद ИЛИ मण्डल परिषद» - не точный перевод, но всё-таки ближе к смыслу оригинала.

Следующие примеры приводим из рассказа «Июныч», где переводчик Кришан Кумар при переводе слово Вознесение (Вознесение Господне, название праздника, отражающее суть события — Вознесение на Небо Господа. Ежегодно на 40-й день после Пасхи, в четверг 6-й недели по Пасхе, весь православный мир отмечает один из двенадцатых праздников церковного года - Вознесение Господне)³² пользуется приёмом генерализации:

Весной, в праздник — это было Вознесение

बसंत में एक धार्मिक छुट्टी के दिन

²⁹ Navbharat times. “मोटा और पतला.” Navbharat times, 2014. Web. 19 July 2014

<<http://navbharattimes.indiatimes.com/articleshow/4804002.cms>>

³⁰ Награды императорской России 1702-1917 гг. “Орден Святого Станислава.” 2014. Web. 21 July 2014 <<http://medalirus.ru/rus-ordena/orden-svyatogo-stanislava.php>>

³¹ अ.पा.चेखव. लघु उपन्यास और कहानियाँ. मास्को: प्रगति प्रकाशन, 1982 पेज.256

³² Calendar.RU календарь событий. “Вознесение Господне.” 2014. Web. 22 July 2014

<<http://www.calend.ru/holidays/0/0/184/>>

Имя собственное Отелло - главный герой трагедии Вильяма Шекспира «Отелло, венецианский мавр», которая была написана в 1603 г. Отелло известен своим ревнивым и вспыльчивым характером) переводится с помощью транслитерации:

Мой муж ревнив, это Отелло.....

मेरे पति तो ओथेल्लो की तरह ईर्ष्यालु है³³

Полагаем, что здесь в обоих ситуациях следует использовать приём добавления, с тем чтобы не только сохранить адекватность перевода, но и раскрыть точнее религиозную и общекультурную реалию:

Весной, в праздник — это было Вознесение

बसंत में इस्टर सप्ताह के धार्मिक गुरुवार के दिन.....

Мой муж ревнив, это Отелло.....

मेरे पति तो विलियम शेक्सपीयर के नायक ओथेल्लो की तरह ईर्ष्यालु है।

Иногда переводчику приходится раскрывать читателю незнакомое значение переводимого слова или словосочетания. В этой ситуации он прибегает к принятию разъяснительного способа перевода т.е. описательного приёма перевода, чтобы точнее передать релевантную информацию исходного слова или словосочетания.

Например, переводя рассказ «Крыжовник» на язык хинди, *переводчик* Кришан Кумар опускает слово «наливка». Наливка – сладкий фруктово-ягодный спиртной напиток. Мы убеждены, что переводчик до известной степени искажает не только определённую информацию, но и национальную составляющую этого слова. В рассматриваемом случае актуален описательный приём, позволяющий передать избегаемое переводчиком значение слова наливка таким образом:

Наливка (नलिवका) – फलों से तैयार किया जाने वाला मादक पेय है।

Итак, в процессе рассмотрения примеров из чеховских рассказов выясняется, что игнорирование и искажение важности передачи реалий и историзмов не только устраняет аутентичность переводного текста, но и отводит читателя перевода от культурно-исторических достижений народа, обозначенных в тексте оригинала. При этом степень уровень фонового знания переводчика играет решающую роль. Он должен хорошо ознакомиться с историей, традициями, культурой и обычаями той страны, с языка которой он переводит. Таким образом, в современном переводе реалий и историзмов является актуальным вопросом, который ещё нуждается в глубоком и тщательном исследовании.

Библиография

- Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Москва: Международные отношения, 1975.
- Велединская, С.Б. Курс общей теории перевода. Томск: томский политехнический университет, 2010 с. 34,139

³³ अ.पा.चेखव. लघु उपन्यास और कहानियाँ. मास्को: प्रगति प्रकाशन, 1982 पेज.141

- Галеева, Н.Л. Перевод в культуре: уточнение статуса и понятий, Тверь, 2006. С. 24-35.
- Дробышева, Т.В. Национально-культурный колорит художественного произведения, Воронеж: ВГУ, 2008 с.66-70
- РефеГрад. “Реалия”. 2014. Web. 23 July 2014
<<http://www.refegrad.ru/index.php?id=657>>
- Степаненко, А.Ю. Карманный хинди-русский словарь. Москва: Степаненко, 2001.
- अ.पा.चेखव. लघु उपन्यास और कहानियाँ. मास्को: प्रगति प्रकाशन, 1982

**Употребление англицизмов в современном русском языке:
хорошо ли это или плохо?
Usage of English Words in Russian Language- Good or Bad?**

Kavita Thapliyal (Кавита Тхуплиял)

This article "Usage of English words in Russian language- good or bad? (Upotribleniye anglisizmov v russkom izike- kharasho li aeta ili plokha?) deals with the contemporary condition of use of English words in Russian language. This article deals with the idea that whether this usage of English words in any language is good or bad. In this article, we have tried to find the reasons responsible for this trend. We have given examples in English and in Russian language. We have tried to quote examples of those words whose Russian counterpart is already available in Russian language. This article does not give any judgement on this trend. It only gives one's viewpoint on this trend.

В последнее время изменение стало постоянным качеством нынешнего общества. Эти изменения происходят быстрым темпом. Язык как динамичное средство общения воспринимает и отражает все эти явления с помощью свой структуры. При этом в языке возможно стилевые и структурные модификации.

Язык в любом обществе не может жить изолированной жизнью.

Все языки постоянно изменяются. Они появляются и распадаются. Они постоянно берут слова из других языков, воспроизводят их и употребляют их в новом значении, теряя старые слова в этом процессе.

Мы используем язык не зная, что мы говорим различно от наших ранних поколений.

Языки изменяются из-за разных причин. Один из главных причин - заимствование слов из разных других языков. Заимствование слов - это процесс языкового развития, с помощью которого обогащает словарный запас любого языка. В русском языке также заимствованы многих слов из английского языка. Слова, заимствованные из английского языка, называются англицизмами.

Употребление англицизмов в русском языке много замечается в последних двух десятке. Это произошло благодаря культурного, экономического, политического обмен между странами.

В настоящее время большое количество англицизмов употребляются в русском языке и в последнее 20-30 лет эта тенденция развивалась.

Употребление англицизмов в русском языке зависит от разных причин, как на пример:

1.) Это всегда угодно употреблять англицизмы.

Иногда, когда мы разговариваем по-русски, очень трудно искать исходные слова по-русски. Это правда для иностранцев, для которых русский это - второй язык, неродной язык. Это немножко легко выражать ваши мысли, употребляя английские слова, которые имеют подобные значение по-русски. Как например: Паб-pub, паспорт-password, уикэнд- weekend, кул- cool, таргет-target.

- 2.) Многие слова, которые появились сейчас и не имеют русских вариантов, например: эмелить (э- мейл), принтер, сканер, стартап, дайжест, чилинг, пиар, аутсорсинг, имидж, коннсалтинг, инжиниринг, маркетинг и т.д.
- 3.) Открытость современного общества для международных контактов.
- 4.) Люди стали больше путешествовать.
- 5.) Появление интернета.
- 6.) Культурный, экономический и политический обмен.
- 7.) Употребление англицизмов стало модно.
- 8.) Молодежь с их помощью стремится подражать западной культуре.
- 9.) Английский язык имеет статус международного языка.

Эти слова употребляются в разных сферах, как например: наука и техника, политика, государственный уклад, история, литература, искусство, религия, спорт, бытовая лексика, морское и военное дело, финансы и т.д.

В общении в настоящее время употребляются английские словечки. Это неплохо, это везде происходит.

Слова, как колледж, ланч, меню, чикен-бургер, хот-дог, пикник и т.д, употребляются в нашем повседневном общении, бездумчивая.

Англицизмы, употребляемые в разных сферах жизни, как например: в сфере политики, экономики: саммит, брифинг, спикер, ваучер, инвестиция, рецензия, маркетинг, дистрибутор и т.д., Продукты питания, одежда: поп- корн, мультибрендовый, коттон, топ, спа-салон, супермаркет, шоппоголик, дисконт и т.д., спорт: шейпинг, фитнес, сноуборд, пауер-йога, байкер, снайпер и т.д., Искусство и радио- телевизор: триллер, видео-клип, кастинг, шейк, брейк-данс, хит-парад, ток-шоу и т.д., Дом и бытовая техника: кондиционер, тостер, парфюм, скотч, миксер и т.д., Информационно-коммуникационная технология: компьютер, калькулятор, ноутбук, кликать, блог, смайлик, девайс, хакер, эсэмэска, сканер и т.д.

Эта тенденция употреблять англицизмы хорошо, когда некоторые слов или понятия отсутствуют в языке, но эта тенденция вредна тогда, когда у нас в языке эти слова существуют. Как например: акцептировать вместо приниматься, маргинальный вместо доходный.

Иногда употребление других слов в языке непонятно каждому жителем. Для иностранцев угодно употреблять английские слова. В современных языках замечается тенденция, "чем короче, тем лучше".

Употребление англицизмов в русском языке, это неплохо, потому что это обогащает язык, но эта тенденция конечно вредна для развития языка. Люди сейчас употребляют не русских слов, но англицизмов чаще. Это уменьшает значение русского языка.

Эта тенденция употребления не русских слов, не только замечается у иностранцев, но и у русских также. Конечно эта тенденция не вредна для языка, но тогда где ощущение русского языка.

Библиография

- Голуб Ирина, Упражнения по стилистике русского языка, 4-е издание, Москва 2003.
- Известия.ру
- Пулькина И.М., Е.Б. Захава-Некрасова, Учебник русского языка для студентов иностранцев, Практическая грамматика с упражнениями, изд. 6-е, «Русский язык», Москва, 1977.
- Розенталь Д.Э., Практическая стилистика русского языка, изд. 4-е, Москва Высшая школа 1977.
- Фомина М.И., Современный Русский Язык: Лексикология, изд. 4-е, «Высшая школа», Москва, 2001.

Emotional Intelligence Training in a Beginner's Classroom Learning Russian in India

Janani Vaidhyanathan

As a result of Globalization and Internet, the youth are now aware of the benefits of foreign language learning in India and the demand for learning Russian in the Indian Universities has posed a challenge with a huge classroom that is making the task of teachers very difficult. The methodology of teaching Russian is worked keeping in mind a classroom size of 5-12. In India the number exceeds to around 40 - 50 students in the first year of learning. Also dropouts or students not having adequate knowledge of Russian at the end of their 3-year graduation course makes it necessary to find a suitable methodology to teach Russian are increasing in number. As a solution to this problem, this paper looks into the possibility of emotional intelligence training in one of the areas in a beginner's classroom learning Russian in India. Russian language classes can be conducted in such way that the students can also be trained at the same time to enhance the level of their Emotional Intelligence that can in turn improve their learning skills of the language.

In this globalization era, the students from all corners of India are rushing to learn foreign languages that they had earlier thought as a very tough task. There are 2 Indian universities offering BA Honors course in Russian, one in the North, in JNU, New Delhi and other in EFLU, Hyderabad. Some colleges and the Russian cultural centers in the metropolitans have diploma courses, where some offer part time courses. Our concern here in this paper are those university students who take up Russian to get a BA honors degree in Russian in the universities. This is because when the number of learners is increased to more than 10, makes it difficult and tiring for a teacher teaching the first years, however experienced one is. Teacher fails to pay attention to the weak students in a group of more than 15 and Indian foreign language classrooms are not less than 20.

It is really surprising sometimes how some manage to learn everything that is taught very easily in a class and some get bored and lazy and drop out. The problem faced by both the teachers and the students is that interaction becomes less and less in a group in the days that follows. The quick learners go ahead and impress the teacher and the slow learners tend to shut themselves out and slowly stop following what is being taught. In the undergraduate courses performance is measured by grades and most of them learn the short-cuts like copying and other forms to maintain the grades. Those who lag behind are the dull students who slog by coming to class regularly, attend extra classes meant for them as remedial. However, after three long years, their level is the same and their papers are nightmares for the teachers to check.

After having browsed through many studies on emotional intelligence and also some comparative studies of emotional intelligence with education and languages, a study of emotional intelligence level (EI) of Indian students learning Russian in India was carried out and was published in the earlier issue of critic.³⁴

Analysis was carried out and a workshop on Russian language was conducted for 5 days where 16 students of 2nd Year (BA Honors Russian) participated. They answered the

³⁴ Emotional Intelligence and Foreign Language Anxiety in Russian Learners in India - a study. Critic, JNU 11 (2013) pp. 131-138.

Schutte's questionnaire measuring EI before and after the workshop. The Schutte Self Report Emotional Intelligence Test (SSEIT) is a 33 item self-report measure of emotional intelligence developed by Schutte et al. in 1998 and the items of the test were related to the three aspects of EI: (1) appraisal and expression of emotion; (2) regulation of emotion; (3) utilization of emotion.³⁵

The above tool was used from the beginning of the study to measure EI and was therefore continued to be used for the workshop too. The students attending the workshop were the same as those who participated in our earlier study for measuring the emotional intelligence level with same tool. The two EI levels thus measured in a span of a week were compared. The analysis of the comparison of EI Levels led to the idea for framing Russian language lessons along with training of EI to help students with low emotional intelligence. Further study focused at this scope by using the emotional intelligence (EI) training material to increase the level of EI as suggested by Khlevnaya E. and Yuzhaninova L.³⁶

It becomes necessary here to brief on what is Emotional Intelligence and how the construct is being studied by different researchers. Emotional Intelligence was defined by Mayer, J. D., Salovey, P., & Caruso, D. R. as "*the capacity to reason about emotions, and of emotions to enhance thinking. It includes the abilities to accurately perceive emotions, to access and generate emotions so as to assist thought, to understand emotions and emotional knowledge, and to reflectively regulate emotions so as to promote emotional and intellectual growth.*" The abilities and skills were divided into four areas and became known as four-branch model³⁷. (Mayer, J. D., Salovey, P., & Caruso, D. R., 2004: 197)

Emotional Intelligence was studied by many scientists and gradually had two basic scientific approaches as ability model and mixed model of EI as mentioned by Mayer J. et al. Mayer J. and others disposed the mixed model saying it included outside mental abilities. This was discussed in their study about the four-branch ability model. In the study on emotional intelligence Specific-ability models are described by them as that which examines a particular area of emotional intelligence in detail and that Integrative models better allow for an overview of how the parts of EI fit together to form an overall intelligence.³⁸

Mayer and others conceptualized EI as a mental ability which is a latent potential of an individual and EI as conceptualized as a trait by Neubauer and Freudenthaler in 2005 and Petrides and Furnham in 2003 focused on typical adaptive emotional functioning. The assessment for emotions measure developed by Schutte et al. in 1998 was classified as a Trait EI model which was designed to be applied to a narrower definition as proposed by Salovey and Mayer in 1990.³⁹

³⁵ Schutte, N.S. et al.. Development and validation of a measure of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences* 25 (1998): 172.

³⁶ Хлевная Е. А., Южанинова Л. А. Где твоя волшебная кнопка? Как развивать эмоциональный интеллект. СПб: Петер, 2013. 203-207 С.

³⁷ Mayer, J. D., et al. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications. *Psychological Inquiry* 15 (2004): 197, 199.

³⁸ Mayer, J. D., et al. "Emotional Intelligence", *The Cambridge Handbook of Intelligence*. Ed. Robert J. Sternberg and Scott Barry Kaufman. 1st ed. Cambridge: Cambridge University Press, (2011): 531. *Cambridge Books Online*. Web. 21 October 2014. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511977244.027>

³⁹ Schutte N. S., Person–Situation Interaction in Adaptive Emotional Functioning. *Current Psychology* 27. 2 (2008): 103.

The EI theorists find it convenient to divide the abilities and skills of EI into four areas: ability to perceive emotions; use emotion to facilitate thought; understand emotions and manage emotion. Given below are the description of skills as proposed by Mayer and others:

"The first set is basic skills of EI and involves the perception and appraisal of emotion. The second set of skills involves using emotional experiences to promote thinking, including weighing emotions against one another and against other sensations and thoughts, and allowing emotions to direct attention. The third branch involves understanding and reasoning about emotions and using language to describe them. The experience of specific emotions – happiness, anger, fear, and the like – is rule-governed. The fourth branch of emotional intelligence involves the management and regulation of emotion in oneself and others, such as knowing how to calm down after feeling angry or being able to alleviate the anxiety of another person."⁴⁰

As mentioned earlier the Russian lessons suggested in this paper below looks into the 1st branch of the above mentioned set of skills that can be adapted for training to enhance EI level along with Russian language learning skills.

Looking at the first branch of basic skills that involves the perception and appraisal of emotion, the following exercises in Russian are suggested in this paper. These exercises can help train the Russian language learners for identifying emotions. These can be adopted from day one of language learning. The students after learning how to recognize emotions in the classroom can practice individually and can get the emotions on the face for stipulated time while doing their homework each day.

Russian Language Practical Exercises Indian Classroom for identifying emotions in oneself

I. Exercises for identifying emotions in self.

Aim of this exercise is to make the students realize how to get to know personally reducing the distance and at the same time how to get introduced in Russian.

Method: How to get introduced and call each other.

1. Lesson on Acquaintance (Урок "Знакомство")

An excerpt is given here as an example from the lesson "Знакомство".

1 To greet in Russian and make the new students to introduce themselves with the word "Здравствуйте".

To say hello for getting acquainted:

- Здравствуйте, меня зовут... (teacher tells his or her name by showing oneself)
- Как Вас зовут? (pointing to one of the students asks the name)

The student tells his name and should now ask in turn his neighbor his name: "Как Вас зовут?" The neighbor answers "меня зовут" and continues to ask another. So this continues. In between the teacher may ask someone inattentive to get the class to be attentive. When doing this the questions such as "Как его зовут?", "Как её зовут?" or "Как их зовут?" can be asked.

⁴⁰ Хлевная Е. А., Южанинова Л. А. Где твоя волшебная кнопка? Как развивать эмоциональный интеллект. СПб: Петер, 2013. 203-207 С. pp. 531-533.

The teacher may ask someone who is shy to answer to such interrupting attempts in order to check the class and make them to listen and participate. At the same time, the shy gain confidence and more articulated.

All the students should by now know how to ask each other their names after repeating: - "Меня зовут (Name of the student)," and asking "Как Вас зовут?" to the other.

2. The teacher now makes it complex.

- "Меня зовут (Name of the teacher), а как Вас зовут?" and the pattern is enacted by two students who are shy or not yet quick in learning.

Finally, the shy students who are identified should ask the teacher: "Как Вас зовут?" The teacher should tell the name and further explain how the students should address a Russian teacher. These remove the barrier in the new students and also know something new.

This step is an introductory step to improve communication and interpersonal relations.

3 The Russian name which has 3 parts: name, patronymic and family: имя, фамилия и отчество is introduced. How different people are addressed in Russian society, the family members, friends, teachers, elders, strangers and so on. Teacher also tells how to address a teacher and how they greet their classmates. Thus the team - the students lead by the teacher now knowing each other proceed to the next step of learning.

II. "The Mirror" ("Зеркала на уроке русского языка")

1. Students are divided into Groups and a mirror is distributed to each group.

2. Relaxing with Russian vowels

The Mirrors are put in front of the students in such a way that all the students look into the mirror to see how their facial muscles change when they learn Russian and also how the emotions can be seen on their faces.

a. The Russian alphabets 'А, а' is written on the board and its sound [a] showing the letters is said. The students are requested to relax their facial muscles. They are asked to yawn opening their mouth widely and then repeat the sound aloud [a] after the teacher repeats and note it down.

b. The students again take a deep breath and relax the facial muscle. This time the lips are brought to a position to say a stressed [о] after the teacher and the capital and the small 'О, о' are written.

c. Time to be Happy! The students along with the teacher relax and smile broadly thinking about something happy, especially in an unrestrained manner and with the mouth open. The lips that are smiling are opened into a wide grin followed by saying the sound [и]. The letters 'И, и' are now written on the board by the teacher and the students look into the mirror and repeat when she writes the sound and not forgetting the grin before.

d. Now after relaxing the facial muscles, the lips are protruded into a tubular form to say the sound [у], later relax and think about something that makes one happy and produce the sound [и] again.

One should practice for half an hour daily for a week at home in front of the mirror while saying the sounds aloud, i.e. while learning Russian sounds.

e. Learning Interjection!

After relaxing the facial muscles one should open the eyes wide. Think that you have seen your old childhood friend in the Russian class. Call out "Эй!" as you do when you get surprised and call someone. However, you realize it is not the same person. Say "ГМ!" and all close their eyes and relax.

Now thinking of a friend, each student calls one of them in their class and says: «Эй! Садись ко мне, дружок.» - "Hey my friend, sit near me". The meaning has to be explained to the class. Here, the class rearranges and they know a new person, as most of the students are new to each other in the first class of the first year.

We know that Interjection has its origin from emotional exclamations and sounds accompany reflexes of an organism to external excitations. Likewise, the words expressing different feeling are: Ох! (pity, sorrow, grief); А-а-а, Ах, больно! (pain); Ой мама! (surprise!); Ага! (sign of agreement)

III. Exercise "Find and Remember"

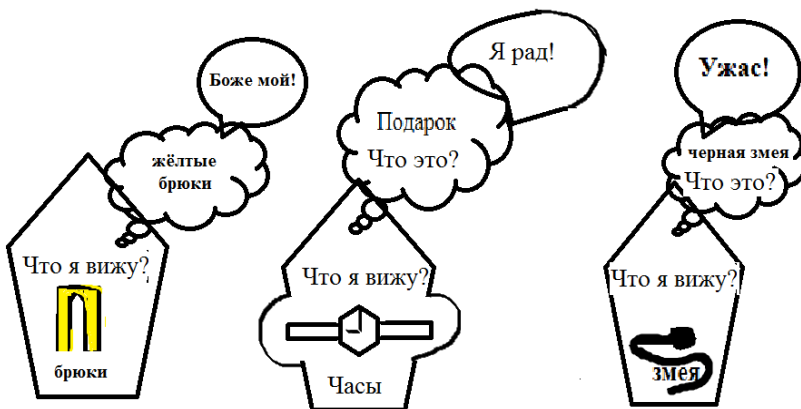
The students should look around and say what makes them happy, surprised, angry or sad. Phrases that describe their emotions after are taught in Russian to tell aloud in first person. For example happiness can be expressed as:

Я рад. (A boy says when he is happy) / Я рада. (A girl says when happy)

When something surprises the students they learn to say: "Боже мой!"; "Господи!".

Something that had made a student to get frightened: "Ужас!"

After this they make a flashcard and write down what made them happy after looking around. Looking around at some object or some action they remember something else that make them feel a particular emotion.

Image

IV. Exercise "Sound"

The mobiles can be used and give them your phone number and ask one of them to call the teacher. The teacher answers the call with the simple welcoming opening phrase "Добрый день!" (Good Morning). It is attended by the teacher in a tone as done by different people of the society like an important person of an organization, angry professor, exhausted dispatcher, irritated receptionist, bored official in a government office etc. This can also be a recorded video that can be shown if the class is taken in the language laboratory. The opening phrase has different emotions when answered by different people. A receptionist usually answers pleasant. When someone answers with an angry voice it can be easily recognized. Here the fact should be noted that such exercise can be taken by the students along with recognizing these different emotions with the any other form of greeting like Добрый день! (Good afternoon).

Listening to the recording will make it clear how the sound differs in each case. This is done with Russian examples. The reason must be clear now to the reader why we are taking Russian examples here. By doing so we are learning not just the Russian way of greeting, but also the different ways the Russians feel and express. In this process we learn to recognize the emotions of a Russian. The student can now differentiate the greeting and he can practice to say a happy "Добрый день!" like "До.....брое у.....тро!" The student can be thus trained to greet in a happy and an interesting way with a dragged vowels of the first 'o' "До.....брое" and the 'y' of "у.....тро".

V. Exercise "Listen to yourself" - a 21-day training.

Human learns from birth from the surroundings he/she lives in and perceives by the five organs of senses. Follow yourself for 21 days to be aware of and respond to one's surroundings. Ask yourself in Russian: "Что я чувствую?"

When learning a language this exercise is very much needed as you have to see language through what is written, listen to the speech with different intonations, feelings and emotions and also know your feelings when you listen to this new situation which is the "Russian language class".

For the question "what one sees?" ("Что я вижу?"), can be practiced with the question "Что это?" what is this? What am I seeing? The student observes during the first days of learning by observing what he/she sees around finding out the Russian equivalents. In the class he is shown the Russian "шоколад" (chocolate), "черный хлеб" (brown bread), "блины" (pan cakes), "творог" (cottage cheese), "варение" (jam), "мёд" (honey) "яблоко" (apple) etc.

The food typical of the Russians like their "блины" (pancakes) with мёд (honey) and "творог" (cottage cheese) can be given to eat, and ask how it tastes and how they like its taste. The question "Какой вкус у меня в рту?" and "Как хорошо!" can be taught here.

For knowing the smell "яблоко" (apples) and "банан" (bananas) can be kept that give out smell.

The task for 21 days is to be given here to observe so that one learns to use the five senses simultaneously. What the student sees outside the window and the sounds that are heard in nature for half an hour every day.

VI. Exercise "Colour"

Colours are stimulants of nature. Colour psychology studies the effect on emotions.⁴¹

⁴¹ Whornwell, P. & Carruthers, H. *The Colors We Feel Graphic*

Many Russian learning textbooks use colours to depict different concepts of language. In Russian language books red, green and blue are seen along with the usual black print. A multidisciplinary approach of colour emphasizes its study with languages and culture.⁴² As a child we were told to be careful wearing red colour dresses as it would incite a cow's anger due to which it chases and some of us fear the red colour as it is the colour of blood. Besides we have the visual difficulty of recognizing colours due to which some students complain of not seeing some colours. The white boards enable to use different colour markers to write to denote different concepts of Russian grammar. The ending of nouns and adjectives or verbs for plurals and genders, the declensions and conjugations of verbs are usually made clear by marking it with a different colour used in the root word.

The Emotion intelligence training involves an exercise where in course of some days one should try to concentrate consciously one's attention on a colour stimulant and specially name them. One should try to know what is happening with one's emotions under such stimulants such as colour.

Белый мел - белая рубашка - белое пальто - белые лампы

чёрный маркер - чёрная ручка;чёрное море - черные волосы

красный карандаш - Красная площадь - красное яблоко - красные ручки

зелёный лист - жёлтый лист- красный лист

белый снег, голубое небо, синее море.

The association of colours to emotions can be seen after learning colours. The emotions describing various emotions like счастье, горе, страх, ужас, печально, грустно, счастливый, сердитый, довольный, рассердиться are taught in Russian and how the students feel with different colour can be described and noted down.

For eg. Student 1 seeing white feels happy and writes down as "Я рад." or "Я рада."

Student 2 feels surprised at a yellow shirt writes as "Боже мой!".

Student 3 recollects the yellowish brown snake on the way to his class and writes "Ужас!" that means to feel the horror. He tries now to find out to explain the colour of the snake in Russian and how to say a snake in Russian.

VII. Exercise "Dictionary of Emotions"

Write within 3 minutes in two columns any positive and negative words, expressions, speech patterns that allow describing emotions exactly. Here one should notice the number of words. If the number is 30 then it is considered that others can understand one's emotional experiences. 20-30 training has not gone waste. Less than 10 would need a training to recognize, understand and express emotions.

VIII. Exercise - "A log to recognize emotions"

Birren, F. "Colors of Our World." (1962):43-52.

⁴² Zollinger, H. (1999) How Do We See Colors?, in Color: A Multidisciplinary Approach, Verlag Helvetica Chimica Acta, Zürich. doi: 10.1002/9783906390413.ch5

When you have a strong emotion, ask yourself when you last felt like this. What happened before, during and after? The emotions that arise have to be recorded in a table form.

Emotions	Action causing emotions	Reaction in the body	Thoughts that arise	Reaction of the surroundings
Happiness				
Sadness				
Anger				
No Emotions				

The Home Work: 1. Students should relax and by looking at a mirror once a day, they should practice for a week, where facial muscles are moved showing various emotions while saying out aloud the Russian sounds. 2. Then looking into the mirror, the eyes are trained to show happiness, boredom, kindness, cruelty, loving, jealous and with say aloud Russian sounds. 3. The log of emotions has to be maintained and followed and those students having problems in recognizing emotions or language should take help of the teacher.

We can conclude here that an Emotional Intelligence Training can be included in the Russian classes itself. All other branches of this EI construct can be worked out further in this manner for enhancing the emotional intelligence level. A Russian language learner and the weak student can benefit after undergoing such training.

Bibliography

- Caruso, D. et al. "Emotional intelligence: New ability or eclectic traits." *American psychologist* 63.6 (2008): 503-517.
- Mayer, J. D. et al. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications. *Psychological Inquiry*, 15.3 (2004): 197-215.
- Mayer, John D., et al. "Emotional Intelligence", *The Cambridge Handbook of Intelligence*. Ed. Robert J. Sternberg and Scott Barry Kaufman. 1st ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, pp. 528-549. *Cambridge Books Online*. Web. 21 October 2014. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511977244.027>
- Regier, Terry, and Paul Kay. "Language, thought, and color: Whorf was half right." *Trends in cognitive sciences* 13.10 (2009): 439-446. <<http://www1.icsi.berkeley.edu/~kay/tics2.pdf>> web 25 Oct. 2014.
- Schutte, Nicola S., et al. "Development and validation of a measure of emotional intelligence." *Personality and individual differences* 25.2 (1998): 167-177.
- Schutte, Nicola S., et al. "Person-situation interaction in adaptive emotional functioning." *Current Psychology* 27.2 (2008): 102-111.

- Vaidhyanathan Janani. "Emotional Intelligence and Foreign Language Anxiety in Russian Learners in India - a study." *Critic* 11.18 (2013): 131-138.
- Zollinger, H. *Color: A Multidisciplinary Approach*, Verlag Helvetica Chimica Acta, Zürich. (1999) DOI: 10.1002/9783906390413
- Крайг, Ж. Эмоциональный интеллект: думай, просчитывай, побеждай. СПб. : Питер, 2010.
- Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов / Под ред. А.Н. Щукина. М.: «Русский язык». 1990. 231.
- Хлевная Е. А., Южанинова Л. А. Где твоя волшебная кнопка? Как развивать эмоциональный интеллект. СПб: Петер, 2013.

The Original in Translation

Gunreet Kaur

This article is an attempt to analyze three different translations (each in Hindi, Punjabi and English) of some of Konstantin Paustovsky's short stories with their original text. The choices made and strategies used by the three translators and in the process try to find out who among the three could understand and portray the original writer's work better in their respective translation.

A successful translation entails much more than using the right grammar and vocabulary. It entails knowledge about the differences in cultural values, socio-cultural aspects and use of language between the two different language communities; which impacts the strategies of the translator to communicate the spirit of the original writer's work to the Target Language (TL) readers. Such skills are crucial for understanding and communicating the intentions and explicit and implicit meanings of the original writer and the Source Text (ST).

Hence, a direct translation from the original source truly conveys the ST to its non-language speakers. In this paper, I have made an attempt to analyze this by comparing three different translations (each in Hindi, Punjabi and English) of some of Konstantin Paustovsky's short stories with their original text. We shall discuss the choices made and strategies used by the three translators and in the process try to find out who among the three could understand and portray the original writer's work better in their respective translation.

1) Figurative Speech:

--*Во какие быстрые! – засмеялся старик. (Шиповник 487)*

कितने तेज़ हैं आप लोग! बूढ़ा हंसने लगा। जंगली गुलाब की झाड़ियाँ 27)

ਤੁਸੀਂ ਬਹੁਤ ਤੇਜ਼ ਦੀ ਆਸ ਤਾਂ ਨਹੀਂ ਕਰ ਰਹੇ ਨਾ, ਖੁੱਫਾ ਹੱਸਿਆ। (ਜੰਗਲੀ ਗੁਲਾਬ 36)

In this example the Hindi TT translator uses an equivalent figurative expression of the ST which is equivalent not just in meaning but also in lexical construction. But on the other hand we see that Punjabi TT translator uses another figurative expression which is nothing closer to the ST's meaning. It says 'you must not be expecting much'.

Я понял, что могу полюбить эту женщину до полного отречения от себя.

(Снег 434)

मैं समझ गया कि मैं इस लड़की को जी जान से प्यार कर सकता हूँ। (बर्फ 54)

I felt that I could have loved that woman to distraction. (Snow 356)

We see that the ST phrase means that the speaker could give up everything for the love of this girl. Although the figurative meaning is that he would so deeply love her. And this is very well captured in both the TT; preserving the truthfulness of the speaker's emotions, with the use of a general expression saying so, instead of using a similar figurative expression of the TL's.

Так я думал тогда, но всё же не двинулся с места. (Снег 434)

ऐसा मैंने उस समय सोचा था लेकिन अभी भी वह चाहत बरकरार है। (बर्फ 54)

This is what I thought, standing there, but *I did not move from the spot.* (Snow 356)

In this example we see that the translator uses a paraphrase to explain the figurative meaning of the ST unit which literally says that nothing moved and is as it was but the figurative meaning is that the feelings are unchanged till this day. And in the English TT the translator literally translates the text thus losing the essence and complete meaning of the original.

2) Idiomatic and proverbial expressions:

- *ей показалось, что у неё остановилось сердце. Каждый невольно задумался о роковой зависимости жизни и счастья человека от случайностей и пустяков, по видимому, ничтожных, не стоящих, как говорится, яйца выеден Радн бора не волнуйся и не кури папиросу за папи* *Радн бора не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю! Умоляю! (Снег 429)*

Cigarette ke dhuen main apni zindagi barbaad n karo....सिगरेट के धुएं में अपनी

ज़िंदगी बर्बाद न करो। मैं तुम्हारे हाथ जोड़ता हूँ। (बर्फ़ 48)

But for goodness sake don't start worrying and smoking cigarette after cigarette. (Snow 348) But for goodness sake don't start

In the above examples too the Hindi TT translator uses idiomatic constructions of the TL for ST units and the English TT translator using the literal translation conveys the right idea.

Среди зимы начали приходиться письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой....думала, что вот со дня на день может приехать с фронта в этот дом незнакомый человек...2А то у нас, знаете ли, много болтающих о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдет до дела, так натыкаешься на пустые глаза. (Телеграмма 463)

You know, we've so many people who babble about concern for the artist, sensitivity and what not, but when it comes to doing things all you encounter is a blank wall. (The Telegram 389)

तुम जानती हो कि ऐसे बहुत से लोग हैं जो कलाकारों के बारे में अपनी चिंता, संवेदना और न जाने क्या-क्या दिखाते हैं लेकिन जब वास्तव में कुछ करने का समय आता है तो सब टांय-टांय फिसा। (टैलीग्राम 41)

The above example the implied meaning of the idiomatic expression of the ST unit 'а как дойдет до дела, так натыкаешься на пустые глаза' is very well expressed with an equivalent idiomatic expression in the Hindi TT. In the English TT the translator goes a step further and using an almost equivalent figurative construction even tries to tell that one never finds any exhibits of the artists on the walls.

"Опять расходились нервы" (Телеграмма 464)

My nerves are in a bad way. (The Telegram 390)

मेरा तो दिल बैठा जा रहा है। (टैलीग्राम 42)

In the above example as well we notice that the Hindi TT translator using the right equivalent idiom of the TL expresses the actual meaning of the TT unit. But the English TT translator

goes on to construct a phrasal expression nonexistent in the TL, thus ending up with an unclear expression.

3) Explanations/Additions:

Татьяна Петровна решила выступать в лазаретах – их было несколько в городе – и успокоилась।*Петровна решила Татьяна выступать в лазаретах - их было несколько в городе - и успокоилась. (Снег 428)*

Tatiyan ne sainik aspatalon main apni kala ke pradarshan ka faisla liya. तात्याना ने सैनिक अस्पतालों में अपनी कला के प्रदर्शन का फैसला लिया। शहर में ऐसे कई अस्पताल थे। यह सब सोच कर उसका मन शांत हो गया। (बर्फ 47)

Tatyana Petrovna decided to give performances in the army hospitals – there were several of them in the town – and stopped worrying.

In the above example we see that the Hindi TT translator has either added phrases to the ST, or has explained the deeper and implicit meanings specific of words of the ST that cannot be conveyed by a single word from the TL; either by clauses or additional sentences. But it was not necessary for the English TT translator as the lexical meanings of the words were completely expressed by the TL words.

Непонятно, как я еще не издох в этой берлоге. (Телеграмма 461)

“It’s a wonder I’am still alive at all in this den.” (The Telegram 385)

आश्चर्य है कि मैं अभी भी इस कोठरी में ज़िंदा हूँ। (टैलीग्राम 38)

The idiomatic expression of the ST unit ‘я еще не издох в этой берлоге’ has been expressed using a paraphrase in the Hindi TT. In the English TT the translator tries to be more explicit and uses the phrase ‘at all’ in order to emphasize the meaning, but it is unable to do so. The phrase ‘at all’ means ‘in the slightest degree’ or ‘in the least’ which in the given concept doesn’t seem to fit properly.

Кое-где заросли шиповника прерывались, и в прогалинах цвел стройными свечами синий, почти до черноты, шпорник. За ним в неслыханной густоте вздымалось, переливаясь солнечной рябью, разнотравье: красная и белая каша, подмаренник, белоснежный поповник, дикая мальва с прозрачными на свету розовыми лепестками и сотни других цветов, чьи названия ни Маша, ни летчик не знали. За ним в неслыханной густоте вздымалось, переливаясь солнечной рябью, разнотравье: красная и белая каша, подмаренник, белоснежный поповник, дикая мальва с прозрачными на свету розовыми лепестками и сотни других цветов, чьи названия ни Маша, ни летчик не знали. (Шиповник 488)

ਜੰਗਲੀ ਗੁਲਾਬ ਦੀਆਂ ਝਾੜੀਆਂ ਵਿਚ, ਜਿੱਥੇ ਕਿਤੇ ਖਾਲੀ ਥਾਂ ਸੀ, ਸੰਘਣੇ ਉੱਗੇ ਹੋਏ ਘਾਹ ਅਤੇ ਫੁੱਲਾਂ ਉਤੇ ਧੁੱਪ ਵੰਨ ਸੁਵੰਨੀਆਂ ਸ਼ਕਲਾਂ ਬਣਾ ਰਹੀ ਸੀ। ਉਥੇ ਮੋਮ-ਬੱਤੀਆਂ ਵਰਗੇ ਨੀਲੇ ਤੇ ਜਾਮਨੀ ਲਾਰਕਸਪਰ ਉਗੇ ਹੋਏ ਸਨ, ਲਾਲ ਤੇ ਚਿੱਟਾ ਕਲੋਵਰ ਘਾਹ ਸੀ, ਤੁਲਸੀ ਦੀਆਂ ਨੀਲੀਆਂ ਜੀਭਾਂ ਸਨ, ਤੇ ਡਾਲੀਆਂ ਤੇ ਦੁੱਧ-ਚਿੱਟੀਆਂ ਗੁਲਦਾਉਦੀਆਂ ਸਨ, ਪਾਰਦਰਸ਼ੀ ਸੂਹੀਆਂ ਪੱਤੀਆਂ ਵਾਲਾ ਜੰਗਲੀ

मालवा ते मैभां दुजे दुँल सन, जिनुं दे नावां दा ना मासा हुं पडा सी, ना हवाघाज हुं। (जंगली गुलाब 37)

कहीं झाड़ियों के बीच खाली जगह थी। इन खाली जगहों में सुडौल मोमबती की तरह नीले, लगभग काले निर्विषी) लार्कस्पर (के फूल खिले थे। इसके पीछे अयानक घनी झाड़ियों में सूरज की रोशनी में झिलमिलाते खिले थे अनेकानेक फूल .. लाल और सफेद तिपतिया)क्लोवट , (कैचवीड , बर्फ सी सफेद गुलदावदी , मुश्कदाना) मैलो (और सैंकड़ों फूल जिनके नाम न तो माशा को और न ही वायुसैनिक को मालूम थे।) जंगली गुलाब की झाड़ियां (27)

Всю дорогу студенты спорили о каменной резьбе, сводах, Андрее Рублеве и о высотных домах в Москве. (Шиповник 486)

साचा राघ विदिआचवी पँधर दी नँवामी, महिराघां, आँदरेयी रुघालीओव ते मासवे दीभां उीचीभां इमारतां घाते गँलां वरदे रगे। (जंगली गुलाब 33)

Poore raste yeh vidhiyarthi pathron par nakkashi, mehraboun, Andree Rubliov aur Mascow ki bahumanjali imarton ke bare main behas karte rahe. पूरे रास्ते ये विद्यार्थी पत्थरों पर नक्काशी ,मेहराबों ,अन्द्रेय रुबल्योव और मास्को की बहुमंजिली इमारतों के बारे में बहस करते रहे।) जंगली गुलाब की झाड़ियां(25)

Footnote: अन्द्रेय रुबल्योव – महान रूसी चित्रकार (1360-1430)

In the above examples the Hindi TT translator in addition to the translation explains the meanings of specific words of the SL either in brackets or in footnotes, along with their equivalent translation which is either in the TL or is a borrowed word when there is no equivalent in the TL. But in the Punjabi TT the translator chooses not to explain the SL words that are not known to the TT readers thus leaving it to their imagination.

4) Grammatical equivalence:

На полях Бородина мы чувствуем особую торжественность природы и слышим её звенящую тишину. Она вернулась сюда после кровавых боев последней войны, и с тех пор никто её не нарушал. (Ильинский омут 523)

We are aware of a special solemnity in nature in the fields of Borodin and hear its vibrant silence. It returned here after the bloody battles of the last war and since then no one has disturbed it. (Ilyinsky Waters 435)

Hum sabhi parichit hain 'borodin ke maidan' ki praktik bhawiyata se aur sunte hain us ki anumadi shanti ko jo akhri sangraam main bhari raktpaat ke baad loti thi aur tab se nirantar surakshit hai. हम सभी परिचित हैं 'बोरोडिन के मैदान' की प्राकृतिक भव्यता से और सुनते हैं उसकी अनुनादी शांति को जो आखरी संग्राम में भारी रक्तपात के बाद लौटी थी और तब से निरंतर सुरक्षित है।) इल्यिन्स्की जलाशय। 15)

The English TT translator was able to retain the syntactical structure of the SL, because the syntactic rules of English language allow constructing sentences on patterns more or less similar to Russian. But the Hindi TT translator had to join the two sentences forming the latter as a subordinate clause, thus avoiding an awkward construction in the TL and inconvenience to the readers.

По голосу его, по тому, как он вдыхал запах речной воды, оглядывался по сторонам и засмеялся, когда пароход дал за поворотом короткий гудок и ночное эхо начало перекачивать этот гудок все дальше, пока не занесло в заокские леса, – по всему этому я понял, что Зуев не хочет торопиться только потому, что с необыкновенной и какой-то изумленной радостью ощущает себя в привычных местах. (Ночь в октябре)

ਉਸ ਦੀ ਹਰ ਚੀਜ਼ ਕੁਝ ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਸੀ ਕਿ ਮੈਨੂੰ ਲੱਗਾ, ਉਸ ਨੂੰ ਜਾਣ ਦੀ ਕੋਈ ਕਾਹਲ ਨਹੀਂ ਸੀ। ਉਸ ਦੀ ਆਵਾਜ਼, ਨਦੀ ਦੀਆਂ ਮਹਿਕਾਂ ਨੂੰ ਬੜੇ ਚਾਅ ਨਾਲ ਸੁੰਘਣ ਦਾ ਉਸ ਦਾ ਅੰਦਾਜ਼ ਤੇ ਉਸ ਦਾ ਹੱਸਣ। ਮੋੜ ਦੇ ਪਾਰਲੇ ਪਾਸੇ ਜਹਾਜ਼ ਨੇ ਸੀਟੀ ਮਾਰੀ, ਜੋ ਰਾਤ ਵਿਚ ਗੂੰਜਦੀ ਹੋਈ ਓਕਾ ਦੇ ਉਸ ਪਾਰ ਜਾ ਕੇ ਜੰਗਲਾਂ ਵਿਚ ਗਵਾਚ ਗਈ। (ਅਕਤੂਬਰ ਦੀ ਇਕ ਰਾਤ 11)

Judging by his voice, the way he drew in the smell of the river water, glanced about him and laughed when the boat gave a short whistle as it rounded a bend, and the night echo picked up the sound and rolled it on and on until it drifted away into the forests beyond the Oka -- judging by all this, I could see that Zuyev was in no special hurry for the simple reason that he was experiencing an extraordinary and unexpected joy at finding himself in this familiar place to which he had almost lost hope of returning. (A night in October 367)

Here we notice that the PT translator has completely mistranslated the given ST. It seems as if the TL translator has little understanding of the SL grammatical constructions. The translator is unable to clearly render the reason behind Zuyev delaying his journey and not hurrying towards his destination.

Кусты, неясные от тумана, нависали над палубой. (Шиповник 483)

ਧੁੰਦ ਵਿਚ ਛਾਵਾਂ ਜਿਹੀਆਂ ਜਾਪ ਰਹੀਆਂ ਝਾੜੀਆਂ ਨੇ ਡੈੱਕ ਉੱਤੇ ਆਪਣੀਆਂ ਟਿਹਣੀਆਂ ਵਧਾਈਆਂ ਹੋਈਆਂ ਸਨ। (ਜੰਗਲੀ ਗੁਲਾਬ 28)

कोहरे से धुंधलाई झाड़ीयां स्टीमर के डेक पर झूल रही थीं। (जंगली गुलाब की झाड़ियां 21)

In the above example the Punjabi TT translator uses as intransitive verb ‘ਵਧਾਈਆਂ ਹੋਈਆਂ’ unlike the ST, where the expression is rendered by a transitive verb ‘нависали’.

На полевой дороге мне попались навстречу две деревенские девушки. Они шли, должно быть, издалека. Пыльные тупфли, [...] у них через плечо. (Приточная трава)

ਉਸ ਰਾਹ ਤੇ ਦੋ ਪੱਛੂ ਕੁੜੀਆਂ ਤੁਰਦੀਆਂ ਹੋਈਆਂ ਮੇਰੇ ਵਲ ਆ ਰਹੀਆਂ ਸਨ। ਉਹ ਬੜੀ ਦੂਰੋਂ ਆਈਆਂ ਹੋਈਆਂ ਹਨ, ਉਨ੍ਹਾਂ ਦੇ ਧੂੜ ਭਰੇ ਬੂਟ, [...] ਲਟਕੇ ਹੋਏ ਸਨ। (ਜਾਦੂ ਦਾ ਫੁੱਲ 24)

Two country lasses appeared walking towards me along the path over the fields. They must have come a fair way. Their dusty [...] over their shoulders. (Good Fortune Flower 417)

खेतों के रास्ते पर दो ग्रामीण लड़कियां मेरी ओर आती दिखाई पड़ीं। वे अवश्य ही दूर से आ रही होंगी। फीतों से बंधे [...] लटक रहे थे। (किस्मत वाला फूल 98)

The Punjabi TT translator in the above example mistranslates the ST phrase 'должно быть'. When semantically analyzed the TT unit eliminates the probability of the action with surety of the action taking place.

Композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах около Бергена. (Корзина с еловыми шишками)

ਉਸ ਪੱਤਝੜ ਦੀ ਰੁੱਤ ਵਿਚ ਸੰਗੀਤਕਾਰ ਐਡਵਰਡ ਗ੍ਰੀਗ, ਬਰਗਨ ਦੇ ਜੰਗਲੀ ਇਲਾਕੇ ਵਿਚ ਰਹਿ ਰਿਹਾ ਸੀ। (ਸਰੂ ਦੇ ਫੁੱਲਾਂ ਦੀ ਟੋਕਰੀ 87)

संगीतकार एडवर्ड ग्रिग बेरगिन के निकट जंगल में पतझड़ का आनन्द ले रहे थे। (अनुपम भेंट 82)

The composer Grieg was spending the autumn in the forest around Bergen. (A basket of fir cones 420)

In the above example as well, the Punjabi TT translator mistranslates the SL word 'около' and instead uses another lexical unit conveying an opposite meaning that says 'in'. Whereas the other two translators use the closest equivalent lexical units of their respective TLs.

5) Transformation of meaning

Маше показалось, будто пароход непонятным образом очутился на земле, в чаще кустарников. (Шиповник 483)

ਮਾਸ਼ਾ ਨੂੰ ਜੇ ਪਹਿਲਾਂ ਧਿਆਨ ਆਇਆ ਉਹ ਇਹ ਸੀ ਕਿ ਜਹਾਜ਼ ਕਿਸੇ ਤਰ੍ਹਾਂ ਧਰਤੀ ਉਤੇ ਪੁੱਜ ਗਿਆ ਹੈ ਤੇ ਹੁਣ ਝਾੜੀਆਂ ਵਿਚਕਾਰ ਖਿਰਿਆ ਹੋਇਆ ਖੜੋਤਾ ਹੈ। (ਜੰਗਲੀ ਗੁਲਾਬ 28)

माशा को लगा कि स्टीमर ज़मीन पर झारहियों के बीच अड़ गया है। (जंगली गुलाब की झाड़ियां 21)

In the above example the Punjabi TT translator mistranslates the SL word 'показалось' thus transforming the simple meaning of 'seemed to Masha' as 'the first thing Masha thought of was'.

Посоветовала Маше поехать пароходом бабушка, вдова речного капитана. Маша была рада, что послушалась её. (Шиповник 485)

ਮਾਸ਼ਾ ਦੀ ਵਿਧਵਾ ਦਾਦੀ ਨੇ ਹੀ, ਜਿਸ ਦਾ ਪਤੀ ਜਹਾਜ਼ ਦਾ ਪਾਇਲਟ ਸੀ, ਉਸ [...] ਜਹਾਜ਼ ਦੇ ਉਸ ਸਫ਼ਰ ਤੋਂ ਖੁਸ਼ ਸੀ। (ਜੰਗਲੀ ਗੁਲਾਬ 31)

माशा की नानी नाविक की विधवा थी। उसी ने ही माशा [...] मानकर बहुत खुश थी। (जंगली गुलाब की झाड़ियां 23)

Again here we notice that the Punjabi TT translator mistranslates the ST phrase ‘речного капитана’ as ‘pilot’, using phrase ‘ਜਹਾਜ਼ ਦਾ ਪਾਇਲਟ’ without explaining if he was a pilot of a ship or plane and transforms the meaning. However the Hindi TT translator uses the word ‘नाविक’ i.e. a sailor thus retaining the meaning.

6) Omission / deletion:

Они были готовы к зиме: [...], а над избами прибрежных деревень курился белый дымок – всюду уже топили печи. И река была готова к зиме. (Ночь в октябре)

ਕੰਡੇ ਲਾਗਲੀਆਂ ਪਿੰਡ ਦੀਆਂ ਚਿਮਨੀਆਂ ਚੌਂ ਧੂੰਆਂ ਉਠ ਰਿਹਾ ਸੀ। (ਅਕਤੂਬਰ ਦੀ ਇਕ ਰਾਤ_10)

...and little white wisps of smoke curled over the cottages of the villages – stoves were already being heated everywhere. (A night in October 366)

The ST unit ‘всюду уже топили печи’ has been altogether omitted by the Punjabi TT translators. The reason probably being that the concept of room heating stoves is not found in the Punjabi language culture, therefore to avoid the unnecessary explanation the translator chose not to translate it. On the other hand the English TT translator even though translated it, but did not explain the stoves that were referred to thus giving a wrong picture of cooking stoves to his readers.

Татьяна Петровна складывала их на письменном столе. (Снег 428)

तात्याना उन्हें मेज़ पर इकट्ठा करती जाती। बर्फ़(48)

Tatyana Petrovna stacked them up on the desk (Snow 347)

Here we notice that the word ‘письменный In this example the translator drops out the adjective 'writing' used for table in the ST, because there exists no such concept in the TL culture and writing an equivalent lexical term for the same would have confused the readers as they could not have identified with the object.’ is left untranslated in the Hindi TT but is translated as ‘desk’ in the English TT, because in Hindi language culture the concept of a writing table does not exist.

Днем Татьяна Петровна, [...] старика настройщика, обрусевшего чеха, [...] и настройкой роялей. Фамилия у настройщика была очень смешная: Невидаль. Чех, настроив рояль, сказал, ... (Снег 430)

लाल लाल गाल व परेशन तात्याना [...] एक बूढ़े रूसी चेख को पकड़ लाई [...] उसका उपनाम बड़ा ही अजीबोगरीब था 'नेविदाल'। प्यानो ठीक करने के बाद...)बर्फ़(50)

Footnote: नेविदाल – जो पहले न देखा गया हो। बर्फ़(50) (Снег 430)

Later in the day Tatyana Petrovna [...] a Russianized Czech [...] dolls and accordions. When he had finished, ... (Snow 349)

In the above example the English TT translator chose to omit a complete sentence about the surname of the piano mechanic. But the Hindi TT translator not only translated the sentence but also went on to explain the meaning in the footnote of the text.

Было очень тихо, только внизу, под горой, брэнчали пустыми ведрами женщины – шли к проруби за водой. (Снег 432)

चारों ओर सन्नाटा था ,केवल नीचे पहाड़ की तलहटी में औरतें खाली बाल्टियां खड़खड़ाती पानी भरने के लिए गढ़डे की ओर जा रही थीं। (बर्फ52)

Only below at the foot of the hill, women were clattering their empty pails as they went to the ice hole for water. (Snow 352)

In this example the ST word ‘пропуть’ refers to an ice-hole in the frozen river used to draw water. This is a concept very typical to the Russian village life. The translator of the Hindi TT has used the near lexical equivalent for the word but was not able to clearly portray the picture as to what kind of a hole it is.

7) Forming new phrases

Тряпичница я, что ли? (Телеграмма 458)

“Take me for an old-clothes woman?” (The Telegram 381)

“क्या मैं कोई पुराने कपड़े लेने वाली लगती हूँ” (टेलीग्राम 35)

– Сдам в утиль, – решила Манюшка, забирала все и уходила.)Телеграмма 458)

“I’ll give it to the junkman,” Manyushka decided, swept up the things and departed.)The Telegram 381)

मैं इन्हें कबाड़ी को दे दूंगी। मन्युशका सोचती। वह सारी चीजें इकट्ठा करती और चली जाती।) टेलीग्राम 35)

Опять расходились нервы» (Телеграмма 464)

My nerves are in a bad way.)The Telegram 390)

मेरा तो दिल बैठा जा रहा है।) टेलीग्राम 42)

The phrases ‘old-clothes woman’, ‘nerves are in a bad way’ and word ‘junkman’ are constructions made in TL by the translator of the English TT. The translator who is a non-native English speaker seems to have come up with these constructions too enthusiastically. On the hand the Hindi TT translator used the closest possible equivalents of the given phrases.

8) Wrong/mistranslation

– Не раздевайтесь, – буркнул Тимофеев. Телеграмма (461)

Don’t take your coat off,” Timofeyev barked. (The Telegram 385)

“कोट मत उतारिये”! तिमोफयेव ने ज़ोर दे कर कहा। (टेलीग्राम 38)

The English TT translator translates the word ‘буркнул’ literally as ‘barked’ which is a wrong usage in the English language. Instead he could have used word ‘growled’ or ‘muttered’, which seem more suitable and captures the ST meaning too.

Моряк смотрел на нее спокойными, чуть насмешливыми глазами, будто спрашивал: "Ну что ж? Неужели вы так и не припомните, где мы встречались?". (Снег 429)

The sailor gazed back at her with calm, slightly mocking eyes, as though he were chiding her: "Well, how about it? Can't you remember where we met?" (Snow 346)

नाविक उसे शांत और कुछ कुछ चंचल आंखों से देखता रहता, मानो पूछता हो, "हां, कहां? वास्तव में तुम्हें बिल्कुल याद नहीं कि हम कहां मिले थे? और अब? (बर्फ 48)

The word 'спрашивал' is translated as 'chiding' in the English TT, which is a completely wrong translation given the fact that the English language has an equivalent word 'asked' for 'спрашивал', and even the ST nowhere implies the speaker in intentionally rebuking the addressee.

Кучевые облака громоздились в небе. Они были на взгяде такие тугие, [...] просеками, полянами, цветущей рожью, поблескиваньем тихой воды и пестрыми стадами.

ਭੱਜਦੇ ਹੋਏ ਬੱਦਲ ਏਨੇ ਠੋਸ ਵਿਖਾਲੀ ਦੇ ਰਹੇ ਸਨ ਕਿ ਜਾਪਦਾ ਸੀ ਜਿਵੇਂ ਚਮਕਦਾਰ ਰੁੱ ਅਤੇ ਉੱਨ ਦਾ ਢੇਰ ਲੱਗਾ ਹੋਇਆ ਹੋਵੇ ਤੇ ਆਦਮੀ ਉਸ ਤੇ ਲੰਮਾ ਪਿਆ ਹੋਇਆ ਇਕ ਉਚਿਆਈ ਤੋਂ ਆਪਣੀ ਪਿਆਰੀ ਧਰਤੀ ਵਲ ਵੇਖ ਰਿਹਾ ਹੋਵੇ – ਉਸ ਦੇ ਜੰਗਲਾਂ, ਪੱਕਦੀ ਹੋਈ ਰਾਈ ਦੀਆਂ ਫ਼ਸਲਾਂ ਤੇ ਡੱਬ ਖੜਬੇ ਇੰਜੜਾਂ ਨੂੰ। (ਜਾਦੂ ਦਾ ਫੁੱਲ 24)

The sky was a mass of cumulus. The dazzling white blanket of the clouds looked firm enough to lie on and gaze down at the friendly earth with its forests, cuttings, glades, ripening rye, still, glinting water and herds of grazing cattle. (Good Fortune Flower 417)

घने बादल के टुकड़े आकाश पर छा जाते। वे चकाचौंध सफेद चादर की तरह इस प्रकार तने हुए लगते कि कोई भी उस पर लेटकर वहां से हंसती खेलती धरती पर जंगल, मैदान, जंगली रास्ते, खिली राई, झिलमिल स्थिर पानी और रंगबिरंगे जानवरों के झुण्ड देख सकता था। (किस्मत वाला फूल 97)

The phrase 'Кучевые облака' is wrongly translated as 'ਭੱਜਦੇ ਹੋਏ ਬੱਦਲ' despite the fact that there is a proper equivalent in the TL for it, i.e. 'ਵਾਲੇ ਬੱਦਲ'. Secondly the phrase 'пестрыми стадами' does not seem to have been captured in its full essence in any of the three translations. The English TT translator seems to have completely ignored the meaning and has translated it as 'grazing' a word not even close in meaning. The Punjabi TT has a phrase 'ਡੱਬ ਖੜਬੇ ਇੰਜੜਾਂ ਨੂੰ' which succeeds a fair bit to give an idea of the expression but it still falls short. On the other hand the Hindi TT equivalent used 'रंगबिरंगे जानवरों के झुण्ड' is the closest in meaning and representation of the exact meaning of the author of ST, who is describing the large number of kinds of cattle.

Потом из норы под пнем вылезал заспанный – черный с золотом – шмель и, гудя, как самолет, взлетал, норовя шелкнуть с размаху в лоб разрушителя.

ਉਸ ਵੇਲੇ ਇਕ ਉੱਪਲਾਉਂਦੀ ਹੋਈ ਮੱਧ-ਮੱਖੀ ਆਪਣੇ ਛੱਤੇ ਚੋਂ ਨਿਕਲੀ, ਜੋ ਕਿ ਇਕ ਪੁਰਾਣੇ ਮੁੱਢ ਥੱਲੇ ਬਣਿਆ ਹੋਇਆ ਸੀ, ਤੇ ਕਿਸੇ ਹਵਾਈ ਜਹਾਜ਼ ਵਾਂਗ ਘੁਕਦੀ ਹੋਈ, ਉਤਾਂਹ ਉਡੀ। (ਜਾਦੂ ਦਾ ਫੁੱਲ 23)
 फिर सोया सा काला सुनहरा भींरा ठूँठ के नीचे एक छेद से सरकता बाहर निकलता और हवाई जहाज की तरह भिनभिनाता घुसपेथिये के साथे पर पूरी ताकत से वार करने के उद्देश्य से उड़ता। (किस्मत वाला फूल 97)

A sleepy black and gold bumble bee crawled out of a hole under the stump and flew up droning like an airplane and taking aim to give the intruder a good bang on the forehead. (Good Fortune Flower 417)

ST word ‘шмель’ is yet again wrongly translated in the Punjabi TT as ‘ਮੱਧ-ਮੱਖੀ’ although there is an equivalent in the TL ‘ਭੈਰਾ’.

Цветы были незнакомые, похожие на колокольчики. Но у колокольчиков чашечка всегда склоняется к земле, а у этих неизвестных цветов сухие чашечки стояли, вытянувшись вверх.

ਉਹ ਨੀਲੀਆਂ ਘੰਟੀਆਂ ਵਾਂਗ ਜਾਪਦੇ ਸਨ, ਬਸ ਜੇ ਫਰਕ ਸੀ ਤਾਂ ਏਨਾਂ ਕਿ ਨੀਲੀਆਂ ਘੰਟੀਆਂ ਦੇ ਸਿਰ ਹੇਠਾਂ ਹੋਏ ਹੁੰਦੇ ਹਨ ਤੇ ਉਨ੍ਹਾਂ ਫੁੱਲਾਂ ਦੇ ਸਿਰ ਉਤਾਂਹ ਵਲ ਉੱਠੇ ਹੋਏ ਸੀ। (ਜਾਦੂ ਦਾ ਫੁੱਲ 24)

I had never seen these flowers before. They looked like blue bells except that their dry cups stood erect not bending down like those of the bluebell. (Good Fortune Flower 417)

ਸੁਝੇ ਫੁੱਲਾਂ ਦੀ ਪਹਚਾਨ ਨ ਥੀ। ਯੇ ਫੁੱਲ ਬਠਾਕਾਰ ਥੇ। ਬਠੇ ਕਾ ਊਪਰੀ ਹਿਸਸਾ ਪਿਆਲੇ ਦੀ तरह ਹਮੇਸ਼ਾ ਜ਼ਮੀਨ ਦੀ ਆਰ ਝੁਕਾ ਰੇਹਤਾ, ਲੇਕਿਨ ਝਨ ਅਨਜਾਨ ਫੁੱਲਾਂ ਕੇ ਖੁਰਖੁਰੇ ਪਿਆਲੇ ਊਪਰ ਦੀ ਆਰ ਫੈਲੇ ਸੀਏ ਖੜੇ ਥੇ। (ਕਿਸਮਤ ਵਾਲਾ ਫੁੱਲ 97)

Here in this example we again see a mistranslation of the ST word ‘колокольчики’ as ‘ਨੀਲੀਆਂ ਘੰਟੀਆਂ’ in the Punjabi TT. Although there is no equivalent in the Indian culture for the flowers blue bells we see how the Hindi TT cleverly adapts the text by altering the original text and instead uses an explanatory phrase ‘ਯੇ ਫੁੱਲ ਬਠਾਕਾਰ ਥੇ’.

Дорога вышла из леса в поля. Невидимые жаворонки тотчас запели над рожью. Впечатление было такое, будто они перебрасывали друг другу стеклянную нитку. Они то роняли её, то тут же на лету подхватывали, и дрожащий её звон не затихал ни на минуту.

ਰਾਹ ਜੰਗਲ ਚੋਂ ਨਿਕਲ ਕੇ ਖੇਤਾਂ ਵਿਚ ਦੀ ਵਗਦਾ ਸੀ। ਤਦ ਮੈਂ ਵੇਖਿਆ ਕਿ ਰਾਈ ਦੇ ਖੇਤਾਂ ਉੱਤੇ ਪੰਛੀਆਂ ਦਾ ਗੀਤ ਫੁੱਟ ਪਿਆ। ਇੰਜ ਲਗਦਾ ਸੀ ਕਿ ਉਹ ਪੰਛੀ ਜਿਵੇਂ ਚਾਂਦੀ ਦੇ ਤਾਰਾਂ ਨੂੰ ਛੇੜ ਰਹੇ ਸਨ ਤੇ ਉਨ੍ਹਾਂ ਨੂੰ ਅੱਗੇ ਪਿੱਛੇ ਖਲਾਰ ਰਹੇ ਸਨ, ਕਦੇ ਉਨ੍ਹਾਂ ਨੂੰ ਹੇਠਾਂ ਸੁੱਟਦੇ, ਪਰ ਥੱਲੇ ਡਿੱਗਣ ਤੋਂ ਪਹਿਲਾਂ ਹੀ ਉਨ੍ਹਾਂ ਨੂੰ ਫੜ ਲੈਂਦੇ, ਤੇ ਉਨ੍ਹਾਂ ਦੀ ਆਵਾਜ਼ ਸਦਕਾ ਹਵਾ ਵਿਚ ਝਰਨਾਹਟਾਂ ਛਿੜ ਰਹੀਆਂ ਸਨ। (ਜਾਦੂ ਦਾ ਫੁੱਲ 24)

The path ran out of the wood into the open fields. High above the rye some invisible larks immediately burst into song. It seemed as if they were tossing a string of crystals back and forth, letting it fall only to swoop down and catch it instantly in

flight. Its tremulous ringing never ceased for one second. (Good Fortune Flower 417)

रस्ता जंगल से होकर खेतों में जाता था। अदृश्य भरल पक्षी उस समय राई के ऊपर चहचहा रहे थे। ऐसा लगता था मानो वे एक दूसरे पर शीशे के धागे फेंक रहे हों। कभी वे उसे छोड़ते तो कभी उसे हवा में पकड़ लेते और उनकी खनखनाती आवाज़ एक पल के लिये भी बंद न होती। (किस्मत वाला फूल 97)

In this example as well we notice that the Punjabi TT translator has omitted the use of Punjabi language equivalent ‘ਚੰਡੋਲ’ for the ST word ‘жаворонки’, for no clear reasons. Further in the passage we see that he wrongly translates the ST phrase ‘стеклянную нитку’ as ‘ਚਾਂਦੀ ਦੇ ਤਾਰ’.

Опять расходились нервы» (Телеграмма 464)

My nerves are in a bad way. (The Telegram 390)

मेरा तो दिल बैठा जा रहा है। (टेलीग्राम 42)

The translator of the English TT has translated the phrase ‘расходились нервы’ using a construction nonexistent in English language. The Russian language phrase literally means the nerves are dispersed or going in all directions. But the figurative meaning is ‘losing my mind’. Whereas, the Hindi translator has used an equivalent proverb to give the true picture.

9) Changing authors style and titles

По писательскому своему опыту я знаю, что гораздо лучше работать в деревне, чем в городе. В деревне все помогает сосредоточиться, даже треск фитиля в маленькой керосиновой лампе и шум ветра в саду, а в перерывах между этими звуками та полная тишина, когда кажется, что земля остановилась и беззвучно висит в мировом пространстве. (Ночь в октябре)

ਸ਼ਹਿਰ ਦੇ ਮੁਕਾਬਲੇ ‘ਚ ਦਿਹਾਤ ਵਿੱਚ ਲਿਖਣਾ ਮੈਨੂੰ ਹਮੇਸ਼ਾ ਵਧੇਰੇ ਸੌਖਾ ਲਗਦਾ ਹੈ। (ਅਕਤੂਬਰ ਦੀ ਇੱਕ ਰਾਤ 9)

Personally, I find it far easier to write in the country than in town. In the country everything helps you to concentrate: even the sputtering of the small paraffin lamp and then, in between these sounds, there is that complete hush when the earth seems to have come to a standstill and hang soundlessly in space. (A night in October 365)

In the above example we notice that both the TTs have failed to capture the original author’s emotions in the true spirit. The author here wants to share his experience as a writer in the ST, with his readers. Although, a vain attempt is made in the English TT by the translator using the word ‘Personally’ but it still does not solve the problem.

Прошлым летом я возвращался с Борового озера к себе в деревню. Дорога шла на просеке в сосновом лесу. Все вокруг заросло пахучими от летней сухости травами. (Приточная трава)

ਪਿਛਲੇ ਵਰ੍ਹੇ ਹੁਨਾਲ ਵਿਚ ਬੋਰੋਵੋਏ ਝੀਲ ਤੋਂ ਘਰ ਪਰਤਦਿਆਂ, ਮੈਂ ਚੀੜ ਦੇ ਜੰਗਲ ਵਿਚ ਬਣੇ ਹੋਏ ਇਕ
ਰਾਹ ਤੋਂ ਦੀ ਲੰਘਿਆ। (ਜਾਦੂ ਦਾ ਫੁੱਲ 23)

पिछली गर्मी में मैं बरोव झील से अपने गांव लौट रहा था। रास्ता देवदार के जुंगलों से
होकर जाता था। (किस्मत वाला फूल 97)

*One day Last summer I was on my way back to the village from Borovoye Lake.
The path ran along a cutting in a pine wood. (Good Fortune Flower 416)*

The English TT translator added the phrase ‘One day’ in the translation, which was not done by the other two TT translators. Although, it does not affect the overall meaning of the text but it takes away the style of the original author. On the other hand the Punjabi TT translator chooses to translate the word ‘village’ as ‘house’ which again bends the author’s style.

Корзина с еловыми шишками

ਸਰੂ ਦੇ ਫੁੱਲਾਂ ਦੀ ਟੋਕਰੀ

A basket of fir cones

अनुपम भेंट

We also notice that the translators at times even chose to change the title of the ST. It may seem a good idea to the translator at the time of translation and may be justified in some cases, but he must also take care of the style of the original author. In the above example we see the Hindi TT translator has changed the title from “Корзина с еловыми шишками” to “अनुपम भेंट”. Although if compared with the plot of the story the translator’s choice seems justified, but we know that Paustovsky is writer who uses the imagery of nature in his writings therefore the reference to the fir cones cannot be ignored.

Conclusion:

On comparing the various TTs it was observed that just the knowledge of two languages does not ensure a good translation. We saw that in most of the cases the Punjabi TT translator was mistranslating at many occasions. This shows that he had little knowledge of the SL, its culture, grammar and usage. Or perhaps he was referring to an English translation of the ST.

In case of English TTs we analyzed translation of three different translators. They seem to be both native English speakers and native Russian speakers. The English native speaker has done a fairly good job and it shows that he has a good command over both the SL and TL. But the non-English speaking translators have often made mistakes in the TT. At times they even came up with unconventional constructions in the TL, which tends to distort the real image portrayed in the ST.

On the other hand the Hindi TT translator comes out with better translations. He seems to have a fairly good knowledge of both the SL and TL. There were negligible mistakes found in his work on the levels of grammar of SL and TL, SL culture and its usage. He also seems to have a researcher’s attitude towards his work because of which he goes to lengths of explaining the meaning of words and SL cultural concepts unknown to the TT readers, thus minimizing the level of ambiguity.

In conclusion to the above analysis of the three TTs in comparison with the ST and amongst themselves we can say that a translator must have good working knowledge of both the SL and TL, be well acquainted with the cultures of both the SL and TL, know the style of the original writer and above all have a researchers attitude to look for the equivalent TL

expressions for the SL units that have no equivalent in the TL or its culture. It is also recommended that the translator must have some introduction to the study of translation, so that he knows what tools (like: deletion, addition, adaptation, etc.) he can use when he finds himself in a difficult situation while translating a text. And a translator must always translate from the original text instead of translating from a previous translation of the same.

Captivating the spirit of the original may not be an easy task for a translator but it is not impossible either. A translator's job is a well maintained balance of skill, knowledge and experience.

Bibliography

- “A Basket of Fir Cones” Kathleen Cook pp. 420
- “A Night in October” Leonard Stoklitsky (1970) pp. 365
- “Good Fortune Flower” Kathleen Cook pp. 416
- “Ilyinsky Waters” Kathleen Cook pp. 433
- “Snow” Leonard Stoklitsky pp. 345
- “The Telegram” Vladimir Talmy pp.379
- “अनुपम भेंट” मालवीय ,पंकज) 2005 (शवेत इन्द्रधनुष .नई दिल्ली ,ग्रंथलोका)
- “इलियन्स्की जलाशय” मालवीय ,पंकज) 2005 (शवेत इन्द्रधनुष .नई दिल्ली ,ग्रंथलोका)
- “जंगली गुलाब की झाड़ियाँ” मालवीय ,पंकज) 2005 (शवेत इन्द्रधनुष .नई दिल्ली ,ग्रंथलोका)
- “टेलीग्राम” मालवीय ,पंकज) 2005 (शवेत इन्द्रधनुष .नई दिल्ली ,ग्रंथलोका)
- “बर्फ” मालवीय ,पंकज) 2005 (शवेत इन्द्रधनुष .नई दिल्ली ,ग्रंथलोका)
- “श्वेत इन्द्रधनुष” मालवीय ,पंकज) 2005 (शवेत इन्द्रधनुष .नई दिल्ली ,ग्रंथलोका)
- «Ильинский омут» Паустовский, К. (1974) Разливы Рек. Москва: Издательство «Детская Литература» pp. 522.
- «Корзина с еловыми шишками» Паустовский, К.
<http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/rasskaz/korzina-s-elovymi-shishkami.htm>
- «Ночь в октябре» Паустовский, К.
<http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/rasskaz/noch-v-oktyabre.htm>.
- «Приточная трава» Паустовский, Кю http://bookz.ru/book.php_p.austovskii-konstantin
- «Снег» Паустовский, К. (1974) Разливы Рек. Москва: Издательство «Детская Литература» pp. 428.
- «Телеграмма» Паустовский, К. (1974) Разливы Рек. Москва: Издательство «Детская Литература» pp. 457.
- Baker, Mona (1992) In Other Words: a Coursebook on Translation, London: Routledge.
- Baker, Mona (1998) Routledge Encyclopedia of Translation Studies, London: Routledge.
- K. Paustovsky Selected Stories. Moscow: Progress Publishers.
- Malviya, Pankaj (2010) The Suitable Equivalence – The Key to Perfect Translation. (Special reference to translation of literary texts from Russian into Hindi); in Ranjana Saxena, Rashmi Doraiswamy, Window into Russia: Art and Society in the XXI Century, Prakashan Sansthan, New Delhi.
- Munday, J. (2001) Introducing Translation Studies. London, Routledge.
- Newmark, Peter (1981) Approaches to Translation, Pergamon Press, Oxford.
- Nida, Eugene A. (1964) Towards a Science of Translating, Leiden: E. J. Brill.
- Tiwari, Bholanath (1972) Anuvad Vigyan, Shabdakar, Delhi.

- Tiwari, Bholanath, Naresh Kumar (1987) Videshi Bhashaon se Hindi me Anuvad ki Samasyaen, Prabhat Prakashan, Delhi.
- Паустовский, К. (1974) Разливы Рек. Москва: Издательство «Детская Литература»
- ਸਾਲਕੀਯ ,ਪੰਕਜ਼) 2005 .(ਸ਼ਕੇਤ ਇੰਡਰਖਨੁਥ ,ਜੳੰ ਫਿਲਲੀ ,ਸ਼ੰਯਲੋਕਾ)
- ਅਕਤੂਬਰ ਦੀ ਇਕ ਰਾਤ pp. 7
- ਸਰੂ ਦੇ ਫੁੱਲਾਂ ਦੀ ਟੋਕਰੀ pp.87
- ਜੰਗਲੀ ਗੁਲਾਬ pp. 28
- ਜਾਦੂ ਦਾ ਫੁੱਲ pp. 23
- ਪਾਸਤੋਵਸਕੀ, ਕੋਨਸਤਾਨਤਿਨ, ਸੁਖਬੀਰ (ਅਨੁਵਾਦਕ) (1965). ਸਮੇਂ ਦੇ ਖੰਭ. ਦਿੱਲੀ ਨਵਜੁਗ ਪ੍ਰੈਸ.

Лексический минимум и преподавание иностранного языка Word Frequency Lists and FLT

Rajkumar Yadav (Раджкумар Ядав)

It is required to learn languages faster in today's world. In FLT, learning grammar and vocabulary are two essential parts of the process that need different set of skills all together. Most textbooks concentrate on the grammar part and vocabulary is kept secondary. Contrary to the most used syllabi, the natural process of learning a language is based primarily on imitation. The pivotal nature of vocabulary is further emphasised by the concept of Universal grammar by Noam Chomsky, according to which, a person doesn't necessarily need to learn the grammar of a language to start using the words of a language and making sense out of it.

An author of a foreign language textbook, happens to, inevitably, introduce certain vocabulary to the students. A good way to increase the efficiency of the textbook as a language learning tool is to use word frequency lists to select the same. Word frequency lists, based on Zipf's law can form the first step to the language learning process. A word frequency list consisting of 2000-4000 words can provide a student with the most crucial vocabulary.

Лексический минимум составляет часть учебной лексикографии. Необходимость в лексическом минимуме возникает в связи с преподаванием языков, особенно иностранных языков. При обучении иностранному языку необходимо давать студентам базовую лексику, т.е. слова, которые, встречаются и повторяются в текстах разного типа.

Наиболее распространённым способом подбора самых необходимых слов считается частотность повторения слов в текстах. На основе частотности составляются так называемые частотные словари. Объём частотных словарей бывает разный, в зависимости от целей и задач. Например, в 1977 году был выпущен частотный словарь современного русского литературного языка под редакцией Засориной, состоящий из 4000 слов. Этот частотный словарь большого объёма и он рассчитан на специалистов-филологов.

В 1963 году вышел известный частотный словарь современного русского языка, состоящий из 2500 наиболее употребительных слов. Его составила Э. А. Штейнфельдт. Этот словарь ставит себе другие цели. Словарь такого объёма очень пригоден при обучении русскому языку как иностранному.

Если взять контекст трёхлетнего курса, изучающих русский язык, можно считать, что студентам начального этапа (первого, второго, третьего года) нужно давать 4000 слов. Из них 2000 слов должны войти в лексический минимум первого курса. Как говорят специалисты, одна тысяча наиболее частотных слов покрывает 85% обычного текста. Это было бы достаточным для студентов первого курса. Потом они могут расширить свою лексику, усвоив следующую одну тысячу самых частотных слов. Таким образом, можно систематизировать подачу лексики студентам начального этапа. Конечно, вместе с этими словами они будут усваивать также другие слова. Таким образом, расширяется запас их лексики.

Лексический минимум одного языка малая форма частотного словаря одного языка. Он даёт нам самые ключевые слова того языка, повторяющиеся больше всего в употреблении языка.

Теория, на которой основана концепция лексического минимума, называется законом Ципфа, который объясняет отношение между функционированием мозга и частотой употреблений разных слов данного языка.

Употребление лексического минимума в изучении языка требует сначала понять процесс языкознания и роль в нём лексикона и грамматики языка, рассмотренные здесь как взаимосвязанные и в то же время противопоставленные части языка.

Грамматика языка является основой большинства пособий, которые обычно используются при преподавании в разных институтах, где изучают иностранный язык. И какие слова усваивает студент через уроки грамматики, занимает второстепенное место.

Изучение языка процесс не короткий, и можно продолжать его всю жизнь, но так как это период глобализации и сегодня нужда изучения иностранного языка требуется и в большинство случаев вся жизнь для этого не даётся.

Мы знаем, что изучение грамматики занимает ключевое место в изучении языка и поэтому большинство пособий обращают внимание на изучение грамматики языка. Но лексика языка не менее важная и усвоение слов языка должно происходить вместе с изучением правил грамматики. Но лексика каждого языка более или менее огромная и поэтому выбор слов должен быть сделан внимательно.

Изучение грамматики и лексики языка взаимосвязанные, например выразительность отдельных слов в аналитических языках больше чем в синтетических языках, и сложность грамматики влияет на выразительность отдельных слов.

Концепция универсальной грамматики объясняет нам случаи, где иногда человек передаёт свою мысль, употребляя только слова данного иностранного языка. Поэтому можно научить только ключевые слова языка и передать мысль в начале, но для этого надо определить, из скольких слов должен состоять такой лексический минимум.

Частотный словарь

Лексический минимум - это список, который составляется из самых важных, самых употребительных слов.

Частотный словарь одного языка считается набором слов того языка данных в списке, где показывается слово в одном ряду и его частотность в другом ряду. Частотность слова здесь понимается как число его появлений в данном корпусе.

Корпус понимается как набор текстов, взятых из одной или более сфер употребления языка. Например, газеты, устная речь, телесериалы, новости, пособия и т. п. Такие списки делаются по алфавиту или по частотности. Частотные списки используются для преподавания языка, создания новых словарей, применения компьютерной лингвистики, исследований в области лингвистической типологии, и т. д.

Объемы таких словарей минимумов бывают разные. Большие варианты их называются частотными словарями, и маленькие называются словарями минимумами. И число слов колеблется от 500-1000 до полного словаря того типа.

Сталкиваются много проблем при создании частотных списков. Самая большая в них - вероятность корпуса.

Корпус, который употребляется в создании таких словарей не одинаковый, время от времени нужны новые словари и поэтому даже если сфера двух таких работ совпадает, не обязательно совпадут их списки, так как каждый отдельно взятый текст влияет на конечную частоту слова в списке. И так особенно позиция слов, имеющих редкую частоту в языке, очень много зависит от выбора текстов корпуса. И так все частотные словари имеют не совсем точную аккуратность. И дальше даже наша речь, в свою очередь, зависит от происходящих вокруг нас случаев. Например, во время революции в арабских странах люди много говорили о революции, употребляя слова, связанные с политикой, революцией и т.д., даже в газетах, в новостях употреблялись такие же слова, и так и на маленьком уровне язык наш окружают происходящие случаи, которые изменяются каждый день.

Частотные словари помогают нам также сравнивать два корпуса. В относительных списках двух данных корпусов мы можем сравнивать слова, которые имеют разные частотности в этих списках. Также надо отметить, что аккуратность позиции слова в таком списке зависит от количества текстов в корпусе или объема корпуса.

Закон Ципфа

Теория, которая отмечает и объясняет все присущие здесь проблемы и другие наблюдения, называется Законом Ципфа. Через этот закон он объясняет, почему частота одного слова так различная по сравнению с другими.

Закон Ципфа (Зипфа) — эмпирическая закономерность распределения частотности слов естественного языка: если все слова языка (или просто достаточно длинного текста) упорядочить по убыванию частоты их использования, то частота n -го слова в таком списке окажется приблизительно обратно пропорциональной его порядковому номеру n (так называемому рангу этого слова, см. шкала порядка). Например, второе по употребительности слово встречается примерно в два раза реже, чем первое, третье — в три раза реже, чем первое, и т. д.

Этот закон, в свою очередь, был основан на работе мозга. Ли Вэнъянь - американский биолог, хотел доказать недостатки закона Ципфа, но хотя доказательство его было строгое, оно не смогло опровергнуть закона Ципфа

Языкознание

Изучение языка процесс непростой и для того, чтобы понимать язык полно, требуется изучение разных предметов как грамматика и связанных наук как синтаксис, лексикология, морфология, фонетика, и также узнать слова наизусть изучать переносные их значения, узнать значения известных литературных выражений, и также понимать культуру людей, говорящих на том языке и как нужно в некоторых языках даже их речевые выражения. Это всё нужно, если вам надо понять каждое выражение говорящего на данном иностранном языке, не пропустив никаких коннотаций.

Все эти предметы можно разделить на две части, грамматику и лексику. Не всё входит в это разделение, но это считается как основная часть языкознания. Грамматика содержит все правила языка, которые студент должен узнать, чтобы употреблять язык правильно и понимать точное значение того, что он слушает. И знать лексику языка также нужно, чтобы понять значение слов, употребленных в том языке и для того, чтобы обогатить свой язык.

Эти два раздела требуют совсем разные навыки в общем процессе изучения, так как в грамматике есть правила как в математике, которые надо понять, а потом употреблять

их с каждым словом. И употребление его всегда следует некоторой системе. И как-то это горизонтально работает в языке. И в изучении словарного состава какого-то языка нужно знать значение каждого отдельного слова. Здесь это значение дано слову не по какому-то правилу, а случайно. И как-то работает вертикально, хотя в языкознании встречается наука, которая рассматривает правила словообразования.

Кроме этих разделов есть и другие части языка, что студенту надо узнать на высшем уровне изучения языка как диалекты и акцент языка данного района.

Процесс изучения языка

Разные институты, где преподают язык, употребляют разные книги, которые в свою очередь употребляют разные методы в изучении языка. Но большинство этих методов преподают правила грамматики через разные отдельные случаи употребления языка, а потом маленькие тексты языка, и в этом процессе студенты узнают словарный состав, употребленный в данном пособии. И в каждой такой книге встречается разный сбор слов, так как большинство этих книг сосредоточивают внимание на грамматику языка. Дальше они употребляют книги с рассказами, и потом студенты начинают читать литературу языка и знакомятся с ещё большим количеством слов и выражений. Нечасто встречаются институты или программы, где и практика языка в ежедневном общении получает большое внимание.

Давайте, рассмотрим естественный процесс изучения языка. В основном мальчики знакомятся с языком в их детстве и начинают употреблять его процессом имитации. Мы видим, что понятие родного языка у ребёнка самое ясное и более эффективное, чем изучение на уроках. Так как ребёнок только преобразовывает выражения языка, которые он слышит в употреблении людьми вокруг него, он употребляет их в данной его грамматической форме и в нужном контексте и ему не нужно изучать отдельно эти грамматические особенности, чтобы употреблять эти выражения. И иногда они узнают язык так четко, что бывают случаи, где человек может уточнять и добавить к грамматике особенности какого-то употребления в его родном языке, которое до сих пор не определено, часто в высшей степени их образования.

Но естественный процесс изучения также имеет некоторые недостатки как - если люди вокруг ребёнка употребляют неправильный язык, он так и говорит. И если ребёнок неправильно воспринимает язык в первую очередь, то он может долго не справляться и не узнает правильное употребление. Все это почти невозможно на уроках, где мы начинаем от изучения правильного употребления.

Процесс изучения языка требует немало времени и точно сказать человек никогда не перестанет изучать язык, потому что язык всегда развивается, и каждый день появляются новые слова, в результате разных событий, которые происходят каждый день и в результате новых открытий в области науки и т.д.

Так как сегодня период глобализации, изучать иностранный язык и общаться с людьми другой культуры, другой страны уже стало нуждой каждой страны. И во множестве случаев, для этого не даётся вся жизнь изучать язык и студенту надо эффективно и в данном определённом сроке овладеть языком. И для того чтобы способствовать человеку с основным умением понимать и выражать себя на каком-нибудь иностранном ему языке, ему надо учить некоторые основные правила языка и узнать основной словарный состав языка.

Грамматика

Грамматика как наука является раздел языкознания, изучающий грамматический строй языка, закономерности построения правильных осмысленных речевых отрезков на этом языке (словоформ, синтагм, предложений, текстов). Эти закономерности грамматика формулирует в виде общих грамматических правил.

Грамматика (синтетических языков) включает морфемистику как науку о правилах построения слов из морфем и синтаксис как науку о правилах построения высказываний из слов, а также промежуточную между морфологией и синтаксисом сферу морфосинтаксис, изучающий поведение клитик, служебных слов, компонентов аналитических форм).

Семантика, лексикология и фонетика, как правило, не включаются в грамматику (и противопоставляются ей). Однако в некоторых концепциях грамматики её сфера понимается расширенно — грамматика «абсорбирует» соответствующие предметные области этих научных дисциплин. В неё включаются грамматическая семантика, морфонология (включающая сегментную морфонологию, акцентологию и интонологию, то есть науку об интонации) и дериватологию (науку о словообразовании), лежащие на грани грамматики и, соответственно, семантики, фонетики и лексикологии.

И есть части грамматики, которые считаются, характерны трудностями языка. Например, в русском языке спряжение глагола считается одной из самых основных частей и является очень сложной по сравнению с другими частями грамматики в других языках.

Большинство книг сосредоточивают и основаны на грамматической части изучения языка. И это совсем важно, так как изучение языка процесс не короткий и нормально курс преподавания языка сравнительно маленького срока, так как обычно в институтах изучения иностранного языка курс продлится за один до пяти лет, или немножко побольше. И в контексте нашей работе студент может научить любое количество слов и выражений, если он хорошо знает грамматику.

Лексикон языка

Лексика языка – набор всех слов языка. Лексикон языка можно называть конкретным набором его слов. По лексикологии слова - это система символов в языке, и помогают нам указать разные вещи и идеи, которые они обозначают.

Связь между словами их значениями, т.е. предметами, которые они обозначают случайная и не следуют никаких правил, и это различается между двумя языками на маленьком или большом уровне. Один и тот же предмет, например, обозначается двумя словами в двух разных языках. Но только научить слова, которые даны предметам в иностранном языке, не способствуют человека понимать или говорить в том языке. Есть правила (т.е. грамматики) употребления этих слов в том языке и они тоже сильно отличаются в разных языках. Поэтому изучать грамматику языка становится необходимой частью изучения языка. Без знания грамматики не возможно эффективно общаться с людьми.

Это приводит нас к замечанию, что преподавание грамматики является очень важной частью преподавания языка, которое следует за преподаванием других связанных ей наук как лексикология, фонетика, синтаксис морфология и т.д. и всё это становится более ясно через употребление языка в форме чтения, восприятия и т.д.

Давайте, также обращаем внимание на лексику, которую мы должны узнать в процессе изучения языка. Это должно зависит от цели изучения данного иностранного языка.

Есть разные цели изучения языка. Изучение данного языка должно способствовать студенту, иметь эффективное общение с говорящими того языка, читать газеты и другие типы литературы данного языка.

Можно здесь заметить, что в ежедневных разговорах мы употребляем нормальные слова, но в письменности и конкретно в литературе употребляются слова, которые не обычные, которые носят эмоциональные или другие оттенки значения, явление характерное литературе. Это значит, что лексика, которую нужно выбирать, чтобы осматривать этих нуждах, должна иметь слова, касающиеся обеих сфер.

Одна работа над языком в школах Харияны показывает, что множество книг пособий для школьников в штате Харияна Индии авторы употребляли лексику, которую они думали, будет понятно студентам курсов 2, 3, 4 классов, но через свою работу он показал, что студенты этих курсов не знали эти слова, а их знакомая им лексика была совсем разная. И этого можно называть проблемой уровня лексики. Во множестве книг употреблены в Харияне можно было находить проблему уровня лексики, так как нормально, когда автор пишет какую-то книгу, бывают случаи, где автор хочет включить слова, которые по нему входят уровня читателей его книги, но не обязательно, что выбор набора слов автора будет правильным или нет. И так невредно сказать, что выбор правильной лексики необходимой во время составления любого курса. И эта нужда не менее касается составления учебных программ начального этапа какого-то иностранного языка.

Взаимозависимость изучения лексикона и грамматики

Языки мира разделяются на две группы синтетические языки и аналитические языки. Синтетические языки - типологический класс языков, в которых преобладают синтетические формы выражения грамматических значений. Они противопоставляются аналитическим языкам, в которых грамматические значения выражаются при помощи служебных слов, и полисинтетическим языкам, в которых в пределах цельноформленного комплекса (внешне напоминающего слово) объединено несколько именных и глагольных лексических значений. В синтетических языках роль отдельных слов в выражении какого-то грамматического значения отличается от аналитических и поэтому важность грамматики увеличивается в синтетических языках, чем в аналитических. Русский язык, например, является синтетическим.

В языках компьютера грамматика и есть язык. Там нет небольшой разницы между грамматикой языка, т.е. правила общения с компьютером и языком вообще. И оно включает всяких общения. Но это нельзя сказать о других языках. Нам надо и слова узнать, отдельные словосочетания научить, и культуру и события изучать, чтобы понимать их. Поэтому грамматика языка кроме в языках компьютера не так помогающая часть, как оно считается так как спорится грамматика языка во многих случаях неравно к языкам компьютера. Появляются разные диалекты, где иногда рождаются совсем новые языки с различными их грамматиками и возникают тому подобные проблемы с употреблением грамматики. И бывают и случаи где только отдельные слова передают нужную идею слушателю, так как контекст и другие факторы поясняют нужный смысл. Одна причина этого явления связана с универсальной грамматикой.

Универсальная грамматика — термин, которым в ряде лингвистических теорий обозначается предполагаемый набор правил или принципов, присущих каждому человеческому языку. Исторически, идея универсальной грамматики восходит к идеям таких философов, как Роджер Бэкон и Рене Декарт, но в современном контексте она практически всегда ассоциируется с теориями американского лингвиста Ноэма

Хомского. Подобные правила не определяют язык полностью: они допускают значительную вариантность, но ограничивают её некоторыми конечными рамками. В современной когнитивной науке универсальная грамматика понимается как встроенное на генетическом уровне, знание языка.

Аргументами в пользу существования универсальной грамматики являются: наличие определённых языковых универсалий (таких как, к примеру, части речи, гласные и согласные звуки и т. п.), присутствующих во всех языках; данные исследований усвоения языка; доводы в пользу существования отдельного языкового модуля — независимой когнитивной системы в составе человеческого разума, предназначенной для обработки языка.

Важность лексикона

Высшее данная дискуссия показывает, что если человек уже знает какой-то язык и знает основные слова данного иностранного языка и даже мало знает грамматику, он ещё может передать свою мысль в основных разговорах, которые не требуют много сочетаний слов или требует лишь некоторые слова.

И так ясно, что, начиная от знания основного словарного состава человек, может общаться и даже понимать грамматику легко вовремя его изучения. Это также устанавливает основной словарный состав как возможный первый шаг изучения иностранного языка.

И так можно сказать, что основной словарный состав не только способствует человеку общаться, но и делать его без аккуратного или полного знания грамматики. И этот основной набор слов также помогает ему научить новые слова, связывая их со словами, которые он уже знает. Так, чем больше слов он знает, тем больше он легко может выучить новые. И даже грамматика не отдельная часть языка и поэтому он также может связывать правила грамматики со словами, которые он уже знает вовремя их употребления. Так человек со знанием основного словарного состава легко выучить новые слова, и даже правила грамматики.

Объём частотного словаря

Человек не может уточнить, сколько слов в данном языке, так как количество их каждый день меняется, потому что в лексику одного языка входит, ясные иностранные слова, слова которые входят в общий сбор слов, которые употребляются говорящими того языка как родного языка. Но очень часто число слов в самом большом словаре более и менее считается как число слов в языке. Можно сказать, что русский язык имеет 160,000 слов. Но не все знают все эти слова, есть разные люди, которые знают разное количество слов из этих 160,000. Это зависит от возраста, профессии, уровня образования и проч.

И поэтому количество слов, которые нормально человек знает очень мало. И даже в том есть слова, которые считаются активным и пассивным его памяти. Поэтому не трудно верить, что слова, которые человек должен знать, чтобы говорить нормально на каком-нибудь языке, не так много. Но работа разных лингвистов, работающих по этой теме, показывает неожиданные результаты. Самый хороший пример в данном контексте является Brown Corpus где только 135 слов составляют более половины части корпус который составляется из более миллион слов.

И так если мы знаем частотность разных слов, в каком-то языке и готовим лексический минимум того языка из 2000-3000 слов, мы можем использовать его как основу для процесса изучения того языка. Этот лексический минимум помогает студенту понять

большинство того, что говорится и как сказано выше также помогает студентам изучать новые слова и правила грамматики во время изучения языка.

Библиография

- Bhatnagar Dr. Y. C., *Second Language Pedagogy in India*, Publ.: Ajanta, New Delhi, 2000, 197p.
- Brillouin , Léon, *La science et la théorie de l'information*, 1959, réédité en 1988, traduction anglaise rééditée en 2004
- Chomsky, Noam (2007). "Approaching UG from Below". In Hans-Martin Gärtner; Uli Sauerland. *Interfaces + Recursion = Language? Chomsky's Minimalism and the View from Syntax-Semantics*. Studies in Generative Grammar. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Cook V. J., *Chomsky's universal grammar : an introduction*, Publ.: Basil Blackwell, Oxford, 1988, 201p.
- Dolezal, Fredric Thomas, Don R. McCreary, *Pedagogical Lexicography Today: A Critical Bibliography on Learners' Dictionaries with Special Emphasis on Language Learners and Dictionary Users*, , Publ.: Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 1999, 204p
- Fagan, Stephen; Gençay, Ramazan, "An introduction to textual econometrics", in Ullah, Aman; Giles, David E. A., *Handbook of Empirical Economics and Finance*, CRC Press, 2010, pp. 133–153
- Johnson, N. L., Kotz, S., Kemp A. W. (). *Univariate Discrete Distributions* (second ed.). New York: John Wiley & Sons, Inc. 1992, 466p
- Lyons, John, *Natural language and universal grammar*, Publ.: Cambridge University press, Cambridge, 1991, 190p.
- Steinfeldt E. A., *Russian word count*, Progress publishers Moscow, 1965, 227p.
- Денисов П. Н., Новиков Л. А., *Вопросы учебной лексикографии*, Изд-во Московского ун-та, Москва, 1969, 168с.
- Денисова П. Н., Морковкина В. В., *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*, Изд-во: Русский Язык, Москва 1978, 192с.
- Засорина Л. Н., Аграев В. А., *Частотный словарь русского языка, Русский Язык, Москва , 1977, 935с*
- Литвиненко А. И., *Современная русская лексикография*, Изд-во- Наука, Ленинград, 1975, 123с.
- Порохова О. Г., *Современная русская лексикография*, Изд-во: Наука, Ленинград, 1975, 114с.
- खडिलकर मीनाक्षी, *हिंदी शब्द सम्पत्ति का अध्ययन विद्या प्रकाशन कानपुर, 1993, 276*

**Формы обращения и вежливость
(в контексте индийских и российских культур)
Form of Address and Politeness
(in the Context of Indian and Russian Cultures)**

Satyanand Satyarthi (Сатянанд Сатяртхи)

This article is intended to do a brief analysis of form of address and politeness in the context of Indian and Russian cultures. Due to rapid globalization the distance and borders are no longer a huge problem. But it is necessary for an effective cross cultural communication that persons of one culture should understand the widely prevalent norms of other culture. In any conversation, form of address is the first step to tell whether a man is polite or not. But the meaning of politeness may be different in the different cultures. The politeness in one culture may not be politeness for the other culture. What is generally accepted as a good behavior or gesture may not be good behavior or gesture for the other culture. Effective and successful cross communication can only be possible if persons of both the cultures are feeling comfortable while interacting with each other. Keeping in view of the above mentioned factors, an attempt is made to study the forms of address in the context of Indian and Russian cultures. A brief study of the books/papers of Larina.T.V, Suryanarayan.Neelakshi, P.Brown and S. Levinson, Watts. R, Mehrotra.R.R and some other authors had been helpful in formulating this article.

Значительность правильного использования вежливости:

Из-за быстрой глобализации Мир сокращается. Люди разных общества общаются друг с другом более свободно и симпатично. Расстояние и граница не более являются принудительными факторами и не играют большую роль если люди двух разных культур хотят общаться друг с другом. Для успешной межкультурной коммуникации, люди одной культуры должны быть способными понимать широко распространённые нормы другой культуры. В межкультурной коммуникации, в некоторых случаях выражение жеста или выражение в словах человека в одной культуры может быть непонятым или ошибочно понятым человеком другой культуры. Что считается хорошим поведением в одной культуре не может быть достаточным для другой культуры. Эффективная межкультурная коммуникация является коммуникацией в которой люди обеих культур чувствуют себя удобными при общении или взаимодействии. Люди одной культуры хорошо знают принятые нормы той культуры и они знают, как им надо вести себя для того, чтобы быть культурными. Но люди другой культуры не могут понимать подробные достоинства и недостатки культуры другой страны. Принятые формы поведения и лингвистическая правильность в одной культуре не может быть совсем принятыми в другой культуре. Что считается вежливым поведением в одной культуре может быть невежливым поведением в другой культуре. Понятие вежливости занимает очень важное место в ежедневном поведении всех людей. Категория вежливости является универсальной в любой культуре но понятие вежливости является разным. У каждой культуры есть определенные нормы для вежливого поведения. Существуют некоторые лингвистические и нелингвистические знаки для вежливости. Например извинение для любой ошибки, благодарить и ждать на свою очередь –типические вежливые поведения для некоторых культур могут быть менее обязательными в других культурах. Так как что обращения является первым шагом любого разговора в любой культуре мы будем стараться изучить эту тему более подробно как часть вежливости.

Форма обращения как часть вежливости

Мы можем рассматривать обращение как речевую этикетную единицу которая играет важную роль в межличностном общении. Обращение помогает в создании особого коммуникативного пространства между говорящим и адресатом. Обращение тоже способствует взаимодействию говорящего и адресата при общении. Обращение является неотъемлемой частью вступления какого-либо разговора. Обращение является первым этапом начала разговора. Если кто то хочет быть вежливым, он может быть вежливым с помощью следования правильной формой обращения.

Метод анализ формы обращения в Индийской культуре с точки зрения языка Хинди

Я спросил почти 20 студентов из города Канпура как они обращаются к незнакомым. Большинство из них использовали уважительную форму обращения например Сэр, Мадам и т.п. Даже термины родства например: Бхайя, бехен, Анкал, Анти были употреблены при обращении. Почти 12 из информантов использовали уважительную форму обращения. 8 из них использовали термины родства.

Некоторые особенности формы обращения индийской культуры

Термины родства широко используются даже при обращении к незнакомому; (For example: uncle, aunt, brother, sister, bhaiya, chacha, chachi, dadi, behen etc)

Одна особенность индийской формы обращения состоит в том что она является очень вариативной. (Мы можем обращаться к пожилому человеку с термином Дада и ещё можем обращаться к молодому человеку с термином Дада)

Двухсторонняя интерференция английского языка на хинди и языка хинди на Индийский вариант английского языка). Например: - СЭР, МАДАМ

Существуют некоторые уважительные выражения формы обращения в Хинди. Можно назвать некоторые из них популярных уважительных выражений формы обращения: Шри, Зи, Бабу, Сахоб (как дополнение к именам. При формальных отношениях если говорящий намерится быть исключительно вежливым, он использует почётные выражения формы обращения на обоих местах перед именем и фамилией. Например- Шри мишра Зи, Бабу Анул Лал Зи и т.п.

В Индийской культуре с точки зрения языка Хинди, только ЗИ является таким почётным выражением формы обращения, которое может быть использоваться для почти всех типов людей независимо от их категорий, каст, полов и профессий. Даже пожилой человек может обращаться к его младшим добавляя ЗИ для проявления более интимности и взаимопонимания.

При обращении к незнакомым люди всегда уделяют внимание возрасту и социальному положению.

Метод анализа формы обращения в Российской Культуре

Я спросил почти 20 Русских Туристов. Большинство (12) из них объявили что они используют нулевую форму обращения при обращении к незнакомому, то есть они не используют либо имя, термины родства и уважительную форму обращения. Для них, даже возраст не играет никакой роль при обращении. 4 из 20 информантов использовали термин Молодой при обращении к незнакомым. 4 из них использовали термин красавица при обращении к девушкам.

Некоторые особенности формы обращения российской культуры (в отличие от индийской культуры)

Термины родства редко используется в Российской культуре.

Формы обращения в Российской культуре не является вариативными как мы уже обсуждали в контексте Индийской термин Дада. Можно назвать, что Российские термины обращения являются однозначными в отличие от Индийской культуры.

Уважительная форма обращения совсем отсутствуют в Российской культуре.

При обращении даже к незнакомым, Русские свободно выражают жестикуляцию и эмоцию в отличие от формы обращения Индийской культуры.

При обращении, Русские обращаются более естественно, более откровенно.

При обращении к незнакомым, люди некогда не уделяют внимание возрасту адресата.

При обращении, контекст играют большую роль. Различие может появиться в зависимости от контекста и уровня общения.

При обращении к незнакомым, говорящий не даёт возможность не совершать действие. В других словах, Говорящий обращается к незнакомым прямо и непосредственно.

Библиография

- Brown, P., Levinson, S.D. Politeness: Some Universals in Language Usage, Cambridge. Cambridge University Press. (1987).
- Larina, T.V., Suryanarayan N. English and Hindi Address forms in a bilingual context.//35th International LAUD Symposium: Cognitive Psycholinguistics: Bilingualism, Cognition and Communication. March 26-29, Landau (Germany). (2012).
- Mehrotra, R.R. Sociolinguistics in Hindi Context. Oxford and IBH publishing company, New Delhi. P.39-79. (1985)

- Watts, R.- Politeness. Cambridge. Cambridge University Press. (2003)
- Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации (Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций). М.; (Языки славянских культур) (2009).
- Ларина, Т.В., Сурьянараян, Н. Формулы обращения как социально-культурной организации общества (На примере Русского, Индийского варианта Английского языка и Хинди) (Статья прочитана на конференции, организованной Индрапрялом, Нью-Дели.) (2010).

О лингвокультурологическом потенциале произведений русской литературы

Shmelkova V.V. (Шмелькова В.В.)

The article considers some problems of lexicon in the contemporary literary Russian language.

Анализ лексики художественного произведения, как известно, предполагает внимательное отношение к каждой лексической единице. Лексика художественного произведения содержит очень ценную культурологическую информацию, её лингвокультурологический потенциал огромен.

Проблемы интерпретации художественного текста всегда занимали и занимают особое место в филологической науке. Они всегда привлекали к себе пристальное внимание филологов различного профиля: лингвистов, литературоведов, текстологов, историков языка.

Проблема изучения художественного текста с точки зрения преподавания русского языка как иностранного – также важная проблема лингводидактики. Однако следует отметить, что несмотря на большое количество работ, касающихся этой проблематики, и имеющиеся блестящие образцы анализа художественных текстов классиков филологии (Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Л.А. Новиков и многие другие), интерес к ней не ослабевает.

Одна из центральных проблем лингвостилистики и лингводидактики в области исследования художественного текста – проблема анализа художественного произведения, последующего его комментирования и интерпретации.

Эта проблематика рассматривалась следующим образом:

1. Лингвистический подход к анализу художественного текста.

Лингвистический анализ и интерпретация художественного текста находятся в центре внимания исследователей в силу его обращённости к языковым особенностям художественного текста в их отношении к значению и смыслу текста (Н.М. Шанский, Л.А. Новиков, М.И. Гореликова и другие исследователи).

2. Литературоведческий подход к художественному тексту.

Литературоведческий анализ и интерпретация важны как обязательный компонент учебной работы над художественным текстом, направленный на выявление значения и смысла художественного произведения через изучение его идейно-образной структуры.

3. Лингвострановедческий и лингвокультурологический подходы к работе с художественным текстом.

Необходимость лингвострановедческого анализа и интерпретации текста обусловлена, как уже говорилось ранее, огромным лингвострановедческим и лингвокультурологическим потенциалом художественных текстов и значения этого

потенциала для процессов смыслопорождения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.В. Кулибина и другие).

Конечно, все эти подходы дополняют и обогащают друг друга.

В настоящей работе предполагается на примере анализа рассказа И.А. Бунина «Чистый понедельник» рассмотреть некоторые группы лексических единиц художественного произведения в лингвокультурологическом аспекте.

Рассказ «Чистый понедельник» был написан И.А. Буниным в 1944 году, он вошёл в его сборник «Тёмные аллеи» и является очень тонким и точным произведением, в котором проявился талант писателя очень ярко.

Сюжет его несложен: молодой человек и девушка любят друг друга. Каждый раз он открывает в ней что-то новое, по-новому смотрит на неё, хотя в конце рассказа происходит неожиданная и очень драматичная для этого молодого человека развязка.

И.А. Бунин, рассказывая эту историю, очень точен в деталях, невнимание к которым приведёт читателя к неполному пониманию рассказа, его глубины.

Хотя И.А. Бунин не называет имён героев. Мы знаем только, что они «были богаты, здоровы, молоды» и очень хороши собой. Он молодой барин из пензенских дворян, она дочь богатого купца из Твери. Это, пожалуй, всё, что мы точно о них знаем.

В рассказе можно выделить несколько групп слов, которые требуют особого внимания, комментирования в иностранной аудитории:

1. Названия «московских» реалий:

– названия московских улиц (Остоженка, Ордынка, Арбат и т.д.). Москва – особый для автора мир, в котором происходят все события. Мы не знаем имён главных героев рассказа, но можем ясно представить, где и как они живут, где они бывают, какие места им дороги. Герой рассказа живёт около Красных ворот, дом героини находится на Остоженке, рядом с Храмом Христа Спасителя. Почти каждый день он проделывает путь от своего дома до её, буквально «ощущая» город, замечая милые для него мелочи. Она снимает свою «угловую квартиру на пятом этаже» на Остоженке «ради вида на Москву»,

– названия часто посещаемых мест Москвы начала XX века (Художественный театр, рестораны «Прага», «Яр», трактир Егорова в Охотном ряду, Метрополь и т.д.).

Художественному театру посвящены описания «капустников». Автор называет такие имена, как Станиславский, Качалов, Москвин. Эти люди живут в рассказе, герои обсуждают «новые постановки» этого театра.

Трактир Егорова в Охотном ряду герои рассказа посещают в прощёное воскресенье. Что они видят там? «В нижнем этаже ... было полно лохматыми, толсто одетыми извозчиками, резавшими стопки блинов, залитых сверх меры маслом и сметаной... В верхних комнатах, тоже очень тёплых, с низкими потолками, старозаветные купцы запивали огненные блины с зернистой икрой замороженным шампанским»;

– названия московских соборов и монастырей (Марфо-Мариинская обитель, Новодевичий монастырь, Зачатьевский монастырь, Спас-на-Бору и т.д.);

2. Православная лексика, очень важная для понимания текста в целом (прощёное воскресенье, чистый понедельник, рапиды, тракирии и т.д.);
3. Названия одежды и элементов одежды (архалук, отороченный соболем, казакин с галунами и т.д.);
4. Названия блюд русской кухни (расстегаи с налиम्ей ухой, блины с зернистой икрой, домашний травничек и т.д.);
5. Исторические и литературные персоналии (Платон Каратаев, Пересвет и Ослябя, Шамаханская царица) и реминисценции, цитаты, относящие читателя к «Войне и миру», «Повести о Петре и Февронии» и другим произведениям русской литературы.

Идея и практика толкования «трудных слов» и «неясных мест» текста существовала, как известно, ещё в древности. Время возникновения комментариев, пометок к словам текста точно определить достаточно сложно, кроме того, первые комментарии были анонимными.

Практику комментирования текста справедливо считают началом филологии, поскольку комментарий – наиболее древняя форма и классический прототип филологического труда, а комментирование – древнейшая форма филологической деятельности. Уже в древности возникла необходимость к комментариях разного рода и в разработке принципов комментирования.

В практике преподавания русского языка как иностранного грамотный лингвокультурологический комментарий очень важен и необходим.

Традиционные культурные ценности и духовно-нравственное воспитание молодежи

T. A. Kostyukova (Т.А. Костюкова,)

I. U. Malkova (И.Ю. Малкова)

G.I. Petrova (Г.И. Петрова)

In this article the thought that modern educational strategy is defined by a welfare context in which the concept of spirituality now is satirized develops. The analysis of this concept of secular and religious interpretation is given. Expediency of inclusion of religion, religious education in number of objects of pedagogical research is analyzed.

Современные мировые образовательные стратегии определяются социально-культурным контекстом и, в особенности, духовными установками общества; теми ценностями, на которые ориентируются традиционные или новые элиты, отсюда проблема нравственных и этических ценностей в содержании образования всегда была и будет актуальной и значимой. В трактовке понятия духовности сегодня нет единого мнения. В нашем понимании суть целостной духовности состоит в том, что человек как духовное существо содержит в себе начала всех видов духовности: народной, религиозной, светской. Поэтому целостное понимание духовности не допускает акцентуации только религиозной, или только светской (выраженной в различных формах культуры – в философии, науке, искусстве, морали) или традиционной народной духовности.⁴³

В христианстве духовность, по мнению Н. Бердяева, – «это состояние близости души, внутреннего мира человека к Вышнему и Горнему миру; нравственность - это твердая постоянная решимость воли следовать за добрыми влечениями сердца и совести (добронравие). Духовно-нравственное воспитание понимается как целенаправленная деятельность, нацеленная на приобщение человека к Вышнему и Горнему миру, на постепенное восстановление целостной структуры личности, самоопределение человека и совершенствование его в добродетели. Именно оно формирует ядро личности, благотворно влияя на все стороны и формы взаимоотношений человека с миром».⁴⁴

Отсюда духовное развитие есть актуализация возможного. Это следует понимать так, что духовность в скрытом, не пробужденном состоянии в человеке - всегда как "искра" Божия, как отражение Божественной любви к человеку, сотворенному по Его образу и подобию. Путь становления человека личностью, которая есть истинное, глубинное, настоящее его "Я», теснейшим образом связан с духовностью. Человек, как указывает Н.А.Бердяев, может реализовывать свои творческие способности, "раздувая",

⁴³ Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях: поиски и решения: Монография. Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2002. С. 79.

⁴⁴ Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого /Н.А. Бердяев. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005.

выращивая свой внутренний Божественный огонь. При этом истинным творчеством может считаться только то, что согласуется с совестью, что не противоречит воле Творца, что укрепляет мировое Добро и уменьшает зло; человек должен осознать, что сотворен по образу и подобию Божьему, и это осознание должно руководить его действиями, направляя на труднейший путь Богоподобия.⁴⁵

Воспитание в православной модели направлено «на правильное иерархическое устройство трех сторон человека - духа, души и тела, то есть на создание условий, способствующих рождению духовной жизни и ее развитию в человеке. Первое и самое важное условие - восстановление человеческой природы, подчинившей свое духовное начало психофизической сфере и тем самым затмившей в себе образ Божий. Отсюда и особое понимание духовности в православии».⁴⁶

Данное понимание духовности в христианстве созвучно, например, одному из ведущих принципов воспитания в светском понимании - принципу незавершенности воспитания (А. Мудрик). Он предполагает «признание каждого возрастного этапа развития человека самостоятельными (индивидуальной и социальной) ценностями». Принцип «незавершенности воспитания предполагает признание того, что в каждом ребенке, подростке, юноше, а в дальнейшем уже и во взрослом человеке есть нечто незавершенное и в принципе незавершенное, ибо находясь в диалогических отношениях с миром и с самим собой, они всегда сохраняют потенциальную возможность изменения и самоизменения»; что «на каждом возрастном этапе каждый имеет возможность "состояться заново": заново познать себя и других, заново развить и реализовать свои возможности, заново найти свое место в мире» и смысл своего существования.⁴⁷

У Л. Толстого есть такое словосочетание: "Пустыня отрочества". Речь идет о пустыне смысловой и ценностной, духовной. И светская школа, и религии могут вести к выходу из этой «пустыни» по-разному, но, возможно, бережнее относясь к опыту друг друга.

Мировые религии, бесспорно, оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на ценностно-смысловое ядро современных культур. Известно, что в многонациональной России традиционными религиями являются православие, ислам, буддизм и иудаизм; при этом особая роль принадлежит православию. Именно поэтому, по мнению некоторых ученых (Е. Бондаревская, Б. Братусь, Т. Костюкова, В. Слободчиков и др.), поиск целей и задач духовно-нравственного воспитания должен осуществляться в контексте интеграции основ христианской и светской педагогики. Однако для этого необходимо, чтобы система образования и религия были готовы к конструктивному диалогу, сориентированы на сотрудничество и взаимопонимание, а не на конфронтацию.

Исторически сложилось, что истоками традиционных духовных ценностей любой национальной общности являются религиозные представления как наиболее устойчивые мировоззренческие ценности наций, народов, отдельных индивидуумов. Традиционные духовные ценности имплицитно лежат в основе мировых

⁴⁵ Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого /Н.А. Бердяев. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. С. 420.

⁴⁶ Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях: поиски и решения: Монография. - Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2002. С.108.

⁴⁷ Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. Для студ. пед. Вузов / Под ред. В.А.Сластенина. 3-е изд., испр. И доп. М.: Издательский центр "Академия", 2000. С.171.

образовательных систем, придавая им устойчивость, определяя их самобытность, культурно-мировоззренческое своеобразие. Через «систему образования традиционные духовные ценности, несущие основной фонд представлений о духовно-нравственном развитии подрастающих поколений, в течение длительного периода формируют педагогические концепции и сохраняют свое значение до настоящего времени, в том числе в государствах с самыми передовыми экономикой, наукой, технологиями».⁴⁸ Целесообразность включения религии, религиозного образования, воспитания и развития человека в число объектов педагогического исследования обусловлено сегодня процессами демократизации и гуманизации общества и образования.⁴⁹ Общественный запрос на религиозное образование в современных условиях России остается очень высоким: одним из важнейших элементов демократизации общественных отношений является проявление уважения к международно-признанному праву ребенка на получение религиозного воспитания, в соответствии с традициями семьи. Другой элемент демократизации – воспитание веротерпимости – приобретает важное значение, в связи с отмечаемым по всему миру ростом религиозного экстремизма и фундаментализма, конфликтов на межрелигиозной основе. Сегодня религия, как и наука, искусство, мораль и право, является важнейшей частью духовной культуры человечества. Религиозные убеждения и религиозная вера продолжают оставаться в современном обществе в числе самых влиятельных факторов формирования личности.

Однако, следует отметить, что включение религиозного компонента в образование - нелегкая задача. Опыт реализации религиозного образования в развитых странах мира свидетельствует о том, что его преподавание в светской государственной системе влечет за собой множество непростых вопросов (культурологических, этических, правовых, психологических, дидактических и воспитательных), требующих вдумчивого деликатного подхода.

На Западе понимание важности и специфичности проблематики, связанной с преподаванием религии в светской школе привело к тому, что существует целая отрасль в педагогике – религиозная педагогика, которая превратилась в самостоятельную область академического исследования. В Европе и США издаются десятки педагогических журналов, созданы и активно действуют международные ассоциации специалистов, университетские кафедры, институты и методические центры по обеспечению религиозного образования в школах. Благодаря развитию междисциплинарной интеграции и межконфессиональному сотрудничеству в этой области педагогической деятельности, по утверждению исследователей, определен основной круг проблем, сформирован категориальный аппарат, заложены научные основы религиозного образования, разработано множество конкретных моделей преподавания религии в школе, начинают складываться международные академические стандарты.⁵⁰

Россия, безусловно, в этом вопросе отстает от этих процессов, здесь, по меткому замечанию Б.Л. Вульфсона, все приходится «начинать с нуля». Продолжающиеся более двадцать лет достаточно ожесточенные дискуссии о

⁴⁸ Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях: поиски и решения: Монография. Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2002. С.196.

⁴⁹ Вульфсон Б.Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века. М.: УРАО, 1999. С.141.

⁵⁰ Козырев Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе: Монография. – СПб: Апостольский город, 2005. С.45.

возможности/невозможности введения компонентов религиозного образования в российскую систему образования закончились неким реальным выходом, а именно введением в 4-е классы курса «Основы религиозных культур и светской этики». Специалисты отмечают, что эксперимент по введению в государственные школы элементов духовно-нравственного воспитания следует признать самым масштабным явлением подобного рода в постсоветской России.

При этом «Основы православной культуры» утратили свою особую конфессиональную направленность. В курсе «Основы религиозных культур и светской этики» декларирован культурологический подход к отбору материала и языку его подачи, а также право выбора родителями блоков, связанных с православием и другими традиционными для России религиями (ислам, иудаизм, буддизм), светской этикой или мировыми религиями. Учтены права агностиков, атеистов, светских гуманистов и представителей не православных вероисповеданий. И все же, по мнению специалистов, по сути дела культурологический подход создает преимущества все же православному христианству, ведь культурообразующая роль православия в судьбе России несопоставима ни с одним другим конфессиональным влиянием.

Серьезным вопросом представляется технология преподавания данного курса и учет психологии учителей, возрастных и индивидуальных особенности учащихся. В этой связи, безусловно, полезным будет знакомство с опытом других стран, где религиозное образование занимает достаточно прочные позиции в духовном и нравственном воспитании подрастающего поколения.

По мнению специалистов, на сегодняшний день за рубежом сформировались две основные системы религиозного образования в государственной школе - обязательная и факультативная, опирающиеся на традиционные духовные ценности.⁵¹ Суть обязательной системы заключается в том, что преподавание религии в школе осуществляется традиционно (Финляндия, Германия, Норвегия, Дания, Греция, Бельгия и др.).

Для факультативной системы (США, Франция и др.) Характерно то, что родители должны письменно заявлением уведомить администрацию школы о намерениях религиозного просвещения своих детей.

Вопрос о форме включения религиозного компонента в программы общеобразовательных школ решается органами власти, которые вынуждены часто исходить не только из соображений целесообразности, но и опираться на действующие в стране законодательные нормы. Специалисты отмечают, что в демократическом государстве, в котором конституционно закреплено право граждан на свободу совести и вероисповедания, есть три легитимных пути решения вопроса.

Первый путь, по которому шел СССР, самый простой, наиболее радикальный и наименее конструктивный в педагогическом отношении, заключается в исключении религиозной компоненты из школьной программы. Это секулярный путь, который обычно мотивирован следующими соображениями: доктринальной природой религиозного образования; нежеланием разжигать межнациональную рознь в поликонфессиональном обществе; стремлением уйти из-под влияния религиозных институтов; правом на конфиденциальность религиозных убеждений и практической

⁵¹ Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях: поиски и решения: Монография. Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2002.

невозможностью соблюсти этот принцип при преподавании религии в школе; правом нерелигиозных родителей не стимулировать развитие у детей религиозного чувства; их желанием оградить духовную жизнь своей семьи от внешнего вмешательства.⁵²

Исследователи отмечают, что в секулярных школах сегодня обучается больше половины учащихся всего земного шара. Однако, секулярная модель школ, например, во Франции, Германии, Великобритании сталкивается сегодня с серьезными практическими трудностями по причине большого количества мигрантов и стирания национальной идентичности.

Второй и третий пути связаны с организацией религиозного образования в конфессиональной или неконфессиональной форме. С правовой точки зрения, различие между решениями заключается по существу в том, каким образом в этих случаях обеспечивается соблюдение свободы совести. Оно может осуществляться путем разделения учащихся по конфессиональному признаку и предоставления им религиозного образования отдельно, как скажем, это сделано в Финляндии и других странах. При неконфессиональном образовании такого разделения не требуется, поскольку светским становится сам характер изучения и преподавания предметов образовательного цикла (Франция, США и др.).

Конфессиональная форма преподавания религии в школе чаще всего осуществляется под непосредственным контролем религиозных объединений. Она предполагает конфессиональную однородность участников образовательного процесса, возможность преподавания религии как закона и нацеленность на воспитание учащихся в вере. К положительным моментам такого обучения ученые относят простоту и четкость в процедуре отбора учащихся; в осуществлении правового контроля; в установлении принципов и приоритетов образования; наиболее полном использовании в обучении всего богатства богословского, апологетического и культурного наследия изучаемой религиозной традиции; отсутствии межконфессиональных конфликтов. К недостаткам такого подхода относится сам факт разделения школьников, способствующий дезинтеграции и формированию субкультур.⁵³

Неконфессиональный путь преподавания религии в светской школе не предполагает никакого разделения учащихся. Для того, что бы он не вступал в противоречие с демократическими свободами и принципом религиозного плюрализма, важно, чтобы само религиозное образование было действительно светским, а именно: адресовано светской аудитории и адекватным образом построено. Преимущество неконфессионального образования заключается в возможности знакомить детей с миром религий без их разделения. Другая положительная сторона такого образования заключается в возможности встречи учителей и детей на нейтральной в конфессиональном отношении почве, что создает более благоприятные условия для сравнительного изучения религий, формирования идентичности учащихся на критической основе и способствует адаптации школьников к жизни в секуляризованном и плюралистическом обществе. Еще одной особенностью такого образования является его более высокая способность интегрироваться в общеобразовательный школьный процесс. Такое образование легче может становиться органической частью школьной программы, подчиненной идеалам и приоритетам светского образования, включаться в активное взаимодействие с другими ее компонентами.

⁵²Там же. С.310-311.

⁵³Там же. С. 212.

Конфессиональное религиозное образование тяготеет к интроспективным катехизическим законодательным формам изучения и подачи материала, светское – к конфессионально нейтральным культурологическим, сравнительно-научным или развивающим. При этом анализ специальной литературы позволяет установить, что понятие светского религиозного образования объединяет подходы достаточно разные по целям, исходным принципам и методам. Одна из наиболее удачных типологий в религиозном образовании связана с именем профессора Бирмингемского университета Майклом Гриммитом (Grimmit, 1981). Он предложил различать три пути получения религиозного образования: в религии; о религии; у религии.

Первый соответствует понятию катехизического образования. Второй – нейтральный, скорее религиоведческий, критический и основанный на исключительно информационном подходе к изучению религии. Третий путь, по Гриммиту, имеет особую характеристику. В нем педагогическая составляющая выходит на первое место и в целеполагании, и в методах преподавания, и в профессиональной этике учителя. Это проявляется в том, что религия выступает не столько в роли объекта наблюдения и анализа, сколько в качестве ресурса развития личности. Школьник учится у религии, как у искусства и науки, которым, как указывает М. Grimmit, есть что «предложить растущей личности не только со стороны пополнения знаний, но и со стороны развития собственных личных способностей и даров, формирования целостной картины мира, самостоятельной ориентации в духовных вопросах».⁵⁴ Джон Халл, коллега Гриммита (Hull, 2002), охарактеризовал эти три пути следующим образом: первый предполагает подчинение религиозному авторитету вероисповедной традиции, второй – авторитету науки, третий – авторитету педагогики.⁵⁵

Последний путь, по мнению исследователей, наиболее приемлем для православной религиозной традиции, в которой важным является эмоциональная составляющая православной веры и обращение к ней в ходе изучения религии. Разговаривая с учащимися об их вере, учитель должен стараться укреплять в них способность противостоять опасности потерять свое собственное «Я» под давлением информации или под давлением иного авторитета. Религиозное образование, по мнению специалистов, должно быть построено таким образом, чтобы оно учитывало ростки собственного религиозного переживания ребенка. Процесс культурологического религиозного образования школьников должен содержать экзистенциальный элемент, включать в поле рассматривания не только религиозную традицию и культуру, но и личную религиозность участников процесса. Такое включение значительно обогатило бы учебный процесс и вполне возможно на светской основе.⁵⁶

Кратко остановимся на характеристике нескольких больших зон, соответствующих распространению в них трех основных мировых религий (христианской, восточной и исламской), в которых исторически сложился своеобразный круг идей и представлений о роли религий в образовании, поскольку это идейное наследие вносит свой значительный вклад в процесс развития религиозной педагогики и даже в некоторой степени противостоит влиянию глобализации.

⁵⁴Grimmit, Michael. What is Commitment a Problem in Religious Education? // *British Journal of Religious Studies*. 1981. P.42-53.

⁵⁵Hull, John M. Spiritual Development: Interpretations and Applications // *British Journal of Religious Education*. 2002. V. 24 (3). P. 171-182.

⁵⁶Ф.Н.Козырев. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе: Монография. СПб: Апостольский город, 2005. С.564-565.

Исламский мир характеризуется наибольшей степенью единства в выборе религиозно-образовательных стратегий. Изучение религии в школе в странах с большинством исламского наследия осуществляется на конфессиональной основе и является обязательным для мусульман. В общее образование включено не только изучение Корана, истории, законов и культуры ислама как отдельных предметов, но оно находится в целом под влиянием религии. Идеология образования неразрывно связана с исламской этикой. Представители других религий, как правило, посещают частные конфессиональные школы. В некоторых странах с ярко выраженной конфессиональной неоднородностью государственные школы предоставляют учащимся несколько курсов религиозного обучения в соответствии с их вероисповеданием.

Восточная зона, напротив, характеризуется тяготением исключения религии из школьной программы. В Индии, Китае, Северной и Южной Корее, Японии, Монголии, Лаосе, Вьетнаме запрещено преподавание религии в светской школе. Вместе с тем, ряд стран, в которых преобладающей религией является буддизм, включает изучение в общеобразовательную программу религии на обязательной основе. При этом позиции конфессиональной школы остаются достаточно сильными. В государствах с некоммунистическим режимом обеспечивается возможность беспрепятственного учреждения негосударственных конфессиональных учебных заведений и обучения в них.

Применительно к миру христианской традиции, следует отметить необычайную пестроту подходов и невозможность говорить о каком-либо одном или нескольких предпочтениях в решении вопросов религиозного образования. Секулярную систему национального образования имеют такие крупные страны как США, Франция, Мексика и др. Это же можно было бы сказать до определенного времени и о странах Восточной Европы, но сегодня страны бывшего социалистического лагеря пошли разными путями. Конфессиональный характер образование приобрело в Венгрии, Литве, Польше, Румынии; в России введение в школьную программу религиозного компонента на факультативной основе пока не принесло сколь-нибудь ощутимого результата.

В последние 10-15 лет в некоторых странах, традиционно дававших в государственных школах только христианское религиозное образование, разработаны и преподаются светские программы религиозно-этического характера («Этика и философия» - в Германии, «Общество, культура и религия» - в Испании, «Философия жизни» или «Мое мировоззрение» - в Финляндии). В ряде стран присутствует и так называемый «смешанный» подход⁵⁷, представляющий собой переходные формы религиозного образования (Норвегия, Турция, Голландия и др.). Во многих странах Европы до сих пор продолжает функционировать высокоразвитая сеть негосударственных конфессиональных школ, оказывающая различное по силе и характеру влияние на общее положение дел в образовании этих стран.

Анализ исследований, посвященных проблеме религиозного образования за рубежом, позволяет российским специалистам в этой области сделать вывод о том, что изучение традиционных духовных ценностей в светской системе образования за рубежом и в рамках конфессионального образования обеспечивает преемственность передачи основного фонда знаний, умений, мировоззренческих представлений, ценностей,

⁵⁷ Козырев Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе: Монография. СПб: Апостольский город, 2005. С.29.

которые система образования транслирует подрастающим поколениям. В заявлениях ООН эти результаты оказывают самое благоприятное действие на развитие общества, позволяющее создать возможности, оставляемые в «наследство будущим поколениям для удовлетворения их собственных потребностей».⁵⁸

Этот важный тезис заявления ООН разделяют многие ученые с мировым именем, связывающие будущее развитие общества и мира с образованием, придавая последнему решающую роль в осуществлении социальных реформ (Дж. Дьюи, Э.Макгрэйдди др.). Это связано, по их мнению, с уникальностью самой школьной ситуации, которая заключается в том, что люди (дети) разных вероисповеданий подвигнуты самим фактом совместного обучения к необходимости не только установления, к примеру, партнерских отношений, что возможно и в совместном труде; но и активного диалога, обмена идеями по самым важным и главным жизненным вопросам, самовыражения в самых различных формах. Школа может на долгие годы стать для учащихся самым естественным «питомником» религиозного плюрализма и реальностью религиозного многообразия, позволит культивировать внутри себя те ценности и модели взаимоотношений, с которыми они столкнутся во взрослом мире.

Задача духовно-нравственного воспитания формирующейся личности, решаемая религиозным образованием, при таком подходе раскрывается как задача практической подготовки детей к жизни в плюралистическом обществе и интеграции их в это самое общество, совершающейся уже в их школьной жизни. Укрепление идентичности и воспитание толерантности становятся в данном случае неотрывными моментами этого процесса. Естественно, решение задач в такой постановке потребует от современного учителя гораздо больше и такта, и знаний, и умений, и проявления именно личностно-профессиональной позиции, которая должна заключаться в том, чтобы независимо от собственной веры или мировоззренческих взглядов, готовить детей к жизни.

Библиография

- Grimmitt, Michael. What is Commitment a Problem in Religious Education? // British Journal of Religious Studies. 1981. P.42-53.
- Hull, John M. Spiritual Development: Interpretations and Applications // British Journal of Religious Education. 2002. V. 24 (3). P. 171-182.
- Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого /Н.А. Бердяев. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005.
- Вульфсон Б.Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века. М.: УРАО, 1999.
- Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях: поиски и решения: Монография. Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2002.
- Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. Для студ. пед. вузов /Под ред. В.А.Сластенина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр "Академия", 2000.

⁵⁸ Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях: поиски и решения: Монография. Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2002. С.141.

**“Kavitaā ki Zaroorat” - Необходимость поэзии
G.V. Strelkova (Г.В.Стрелкова)**

G.V. Strelkova (Г.В.Стрелкова)

The article deals with poetry of a prominent Hindi poet Kunwar Narain, translated recently into Russian by Guzel Strelkova and Anastasia Guria, colleagues, working in Indian Philology department of IAAS MSU. This Russian collection «Цветы дерева ним» is based on five original poetry collections by Kunwar Narain, and is ready for publication. Both translators combined an analytical approach of a scholar and an enthusiasm of poetry lovers, and this is reflected in the article also.

«Поэзия нужна» или «Необходимость поэзии»⁵⁹ - так называется одно из стихотворений Кунвара Нараяна, по-настоящему великого индийского поэта, который пишет на языке хинди. Стихи о том, почему и кому нужна поэзия, вошли в один из его поэтических сборников «Никто другой»⁶⁰; он вышел в свет уже двадцать лет назад и был переиздан через несколько лет. Действительно, практически каждое стихотворение Кунвара Нараяна убеждает, что «очень многое может дать поэзия, / потому что очень многим может быть поэзия / в жизни / если мы место дадим ей / как цветам даёт место дерево / как звёздам даёт место ночь»⁶¹. Такая уместность поэзии, насущная, жизненная потребность в ней – одно из главных, на наш взгляд, и неизменных качеств Кунвара Нараяна.

Он родился в 1927 году в Фаизабаде, ранние его годы прошли между Айодхьей и Фаизабадом, особенными городами-близнецами: первый из них овеян индуистской эпической древностью, почитается как родина Рамачандры, героя «Рамаяны», а второй – порождение эпохи, когда ислам завоёвывал Индию и превращал её в свою родину. Это выразилось, например, и в том, что на «месте рождения Рамы» по повелению первого могольского падишаха Бабура в XVI веке была выстроена мечеть Бабри масжид.

Юность будущего поэта тоже пришлась на особое время: Кунвару Нараяну было всего двадцать, когда Индия стала независимым государством. Эти годы, помимо происходивших в стране потрясений, были для него отмечены и тяжёлыми потерями: он рано потерял мать и любимую сестру⁶². Но вместе с тем, сиротой он не остался: о нём заботился дядя, в семье которого Кунвар Нараян жил вместе со своими двоюродными братьями. Это было в Лакхнау, где он закончил и Университет, получив в 1951 году степень магистра по английской литературе. Город Лакхнау, столицу Аудха, поэт любит и воспекает неустанно, в чем можно убедиться, прочитав стихи

⁵⁹ Kavitaā kii zaroorat.

⁶⁰ Kunwar Narayan. Koi doosraa nahiin. Delhi, 1993 (Второе издание 2000 г.)

⁶¹ Kunwar Narayan. Koi doosraa nahiin. Delhi, 2000. С.54.

⁶² Основные биографические сведения приводятся по автобиографии К.Нараяна, любезно им предоставленной, и предисловию к сборнику переводов его поэзии на английский язык «No other world» (N.Delhi, Rupa and Co. Delhi, 2008, p.xi-xiv), автор предисловия и переводчик – сын поэта, Апурва Нараян.

Кунвара Нараяна. А английский язык и знание английской литературы помогли впоследствии стать ему и блестящим переводчиком.

Сороковые годы были особенными для начинающего поэта еще и потому, что в доме его дяди постоянно бывали многие политические деятели, игравшие большую роль в национально-освободительном движении. Двое из них – Ачарья Нараян Дев, ученый-буддист, сторонник социалистических взглядов⁶³, и Ачарья Крипалани, последователь гандизма, повлияли на мировоззрение и формирование литературного таланта Кунвара Нараяна. Его литературные интересы и пристрастия сложились и благодаря сотрудничеству с журналом «Vigil» («Часовой»), которым руководил Ачарья Крипалани, и общению с литераторами Лакхнау в Писательском Союзе.

Поворотным моментом в творческой судьбе молодого поэта была поездка в 1955 году в Европу, которая отразилась и в стихах, и в более поздних воспоминаниях. Четыре страны «социалистического лагеря» - Польша, Чехословакия, СССР и Китай – дали возможность не только увидеть иные миры, но и познакомиться с видными литераторами того времени, например, Назымом Хикметом или Пабло Нерудой. Они стали и героями некоторых стихов Кунвара Нараяна. Его первый сборник «*Чакравьюха*» (букв. «круговое построение войск») вышел вскоре после возвращения поэта в Индию – в 1956, и стал литературным событием.

Начиная с середины сороковых годов, в поэзии хинди складывалось новое литературное направление – экспериментализм (*прайогвад*), вдохновителем и родоначальником которого был выдающийся поэт и романист Агьея (Хирананда Саччидананда Ватсыяна). В 1943 году он издал поэтическую антологию «*Тар сантак*» («Семерица струн»), в которую вошли произведения семи (включая самого Агьею) молодых поэтов-интеллектуалов – блестяще образованных, знакомых с европейской, прежде всего, английской, поэзией. Это была серьезная философская лирика, в которой отражалось и происходящее вокруг, но прежде всего – духовная жизнь нового поколения. С некоторыми из поэтов «Семерицы струн» Кунвар Нараян был знаком. Не менее важным было и то, что примерно в одно время с выходом своего первого поэтического сборника (в 1956 г.) он стал соредактором, вместе с поэтом и прозаиком Девраджем, авангардного литературного журнала «*Юэ-Четана*» («Сознание эпохи») и сблизился с лучшими молодыми поэтами того времени, например, с Рахувиром Сахаем и Дхумилом. Эти поэты стали родоначальниками уже следующего литературного направления – «*наи кавита*» (новая поэзия), которая – в отличие от экспериментализма – не столь тщательно относилась к форме стиха и стилистическим изыскам, но отражала менталитет молодого поколения свободной Индии, знакомой с экзистенциализмом и западным авангардом, живущей современной, активной, городской жизнью. А дом Кунвара Нараяна в Лакхнау в это время стал центром и местом для литературных встреч и литературно-музыкальных состязаний – *кавья саммелан*, и, как пишет сын поэта, «долго таким оставался»⁶⁴.

⁶³ Такое неожиданное сочетание двух, казалось бы, разных мировоззрений («буддист-социалист») – явление, характерное для идеологической атмосферы Индии того времени. Два самых ярких примера – писатели Нагараджуна и Рахуль Санкритьяян, принявшие буддизм на Шри Ланке, чтобы иметь возможность изучать марксизм.

⁶⁴ Apurva Narayan. Introduction to Kunwar Narayan «No other world». N.Delhi, Rupa and Co. Delhi, 2008, p.xiv.

Следующая веха на поэтическом пути Кунвара Нараяна – 1959 год, когда он стал одним из семи поэтов, чьи стихи были включены в третью «Семерицу струн» - антологию, которую составлял и издавал великий Агья. В 1961 году вышел в свет следующий сборник Кунвара Нараяна «*Паривеш: Хам-Тум*» («Окружающее: МыТы»⁶⁵), а спустя четыре года, в 1965, эпическая поэма «*Атмаджайи*» («Победивший себя»⁶⁶). Она была основана на сюжете о Начикету из «Катхопанишады»⁶⁷, и посвящена глубинным вопросам бытия – противостоянию жизни и смерти. Эта религиозно-философская, и в то же время модернистская поэма, обращенная и к древнеиндийской философской мысли, и к экзистенциальным поискам Европы, сегодня считается классическим произведением современной литературы хинди. Но и в 50-е – 60-е годы ранние произведения создали Кунвару Нараяну репутацию поэта-философа, стремящегося к духовной свободе в материалистическом мире. В последующие годы эта репутация только укреплялась.

В 70-е годы поэт увлекся и театром, кинематографом, музыкой и одновременно с поэзией создавал глубокие и высоко ценимые интеллектуальным сообществом⁶⁸ статьи и исследования в этих областях, был соредактором литературных журналов, возглавлял культурные организации. Многие отмечают необыкновенную одухотворённость и в то же время приветливость Кунвара Нараяна, его доброжелательность и простоту в общении⁶⁹. Поражают его работоспособность и широта интересов, сочетающиеся с глубиной им созданного. Помимо статей, он писал и рассказы (сборник «*Акаарон ке аас-наас*» - «Рядом с образами», 1971), выходят сборники его стихов в 1979 («*Анне саамне*» – «Перед нами»), 1993 («*Кои дуусраа нахин*» - «Никто другой»), сборник литературно-критических статей, сборник интервью – в 1999 и 2000. Но главное, конечно, стихи. И в 2002 году публикуется сборник «*Индинон*» - «Нынче», в 2008 – эпическая поэма «*Ваджашрава ке бахаане*» («Под предлогом Ваджашравы»), которая продолжает начатый за 40 лет до этой поэмы философский разговор о взаимоотношениях отца и сына, о противостоянии жизни и смерти, звучавший в «*Атмаджайи*». В 2009 году вышел сборник «*Хаашиэ каа гаваах*» («Свидетель, расписавшийся на полях») – некий итог пережитого и прочувствованного. Стихи из этого сборника наряду с другими включены и в сборник переводов произведений Кунвара Нараяна на русский язык⁷⁰.

Следует отметить, что это было желание самого поэта – увидеть и даже услышать свои стихи на русском языке. Помимо того, что произведения Кунвара Нараяна уже давно переведены на многие индийские и европейские языки, да и не только читаются, но и

⁶⁵ Возможен перевод «Окружающее: Я и ты».

⁶⁶ Этот термин, часто встречающийся в эпосе «Махабхарата», в переводе Я.В. Василькова имеет вариант «Обуздавший себя».

⁶⁷ Упанишады - поздневедийские религиозно-философские тексты.

⁶⁸ Свидетельство известного литератора, писателя хинди Ранджита Саха в статье «Творческая уникальность Кунвара Нараяна» - Dr.Ranjit Saahaa. Kunwar Narayan kii rachnaatmak ananyataa. Aajkal, March 2009, p.11. См. также Pankaj Chaturvedi. Jivan ke “amar arth” kaa anveshaN (Kunwar NArAyN kii kavitaA./Akaar, 2002, No.6, p.53-73.

⁶⁹ В частности, я, Стрелкова Гюзэль, преподаватель индийской литературы, познакомилась с Кунваром Нараяном в 2005 году, и не раз бывала в его доме в Дели, беседовала с ним и продолжаю переписываться с самим Кунваром и его сыном, Апурвой Нараяном. В их доме, полном книг, царит удивительная атмосфера интеллигентности и доброжелательности.

⁷⁰ Кунвар Нараян. Цветы дерева ним. Составление, перевод с хинди, Послесловие и комментарии Г.В.Стрелковой и А.Г.Гурия. М., 2014 (сборник подготовлен к печати).

исследуются в европейских университетах (например, в Италии и Польше), и давно пришло время, чтобы они зазвучали и на русском, есть еще одна причина. Сам поэт очень любит именно русскую литературу, один из его любимых поэтов – Арсений Тарковский, а наиболее высоко ценимый режиссёр – Андрей Тарковский. Близки индийскому поэту и классики русской литературы, и великие русские поэты XX века – Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Марина Цветаева.

Стихи Кунвара Нараяна, переведённые на итальянский, польский, английский, теперь приходят и к русскоязычным любителям поэзии.

Эти стихи привлекают своей глубиной, бережным отношением к прошлому и современным звучанием. Например, стихотворение «Кабирдас сегодня», в котором говорится о великом поэте прошлого, живущем в маленькой деревушке Магхаре – и не в средневековье, а в трех временах (*trikaal men*). Ему не по душе склоняться перед властью, и он стремится к свободе. Самого же Кабира можно найти и обрести в качестве духовного учителя и в земле, и в воде, и в игре огня, ведь всюду он оставляет свою подпись - любовь (*ek amit hastakshar – prem*). Перевод же самих стихов Кунвара Нараяна, постижение их глубинного смысла - очень сложный процесс, требующий знания не только хинди, но и индийской философии, истории, культуры, а кроме этого - вдохновения и большой ответственности.

Широкому европейскому читателю Кунвар Нараян стал более доступен благодаря переводу на английский язык лучших стихотворений поэта, которые отобрал и перевел целых восемь лет его сын – Апурва Нараян. Этот сборник избранного назван им “No other world” и вышел в 2008 году⁷¹. Название «Нет иного мира», очевидно, отсылка к одному из сборников поэта – “*Kou duusraa nahin*”, 1993, а это название, в свою очередь, напоминает нам известное стихотворение-*над* Мира Баи, средневековой поэтессы, воспевавшей любовь к Кришне – “*Дуusraa на коши*”. Действительно, стихи Кунвара Нараяна очень тесно связаны с великой литературной традицией Индии, так же как и его жизнь, которая протекает в Фаизабаде и Айодхье, Лакхнау и Дели. Он и сам, словно Кабир, живёт в трёх временах – настоящем, прошлом и будущем, и эпический Рама для него также важен и современен, как и трагические события, произошедшие в Айодхье в 1992 году. Сам факт, что для перевода стихов Кунвара Нараяна на английский язык потребовалось восемь лет, подтверждает, насколько сложно передать красоту их звучания, глубину и многомерность их значения на другом языке.

Роль, которую играет этот поэт в современной литературе Индии, становится особенно ясной благодаря присуждению ему премии *Джнянитх*. Кунвар Нараян стал седьмым поэтом хинди, удостоенным ею за 55 лет существования премии. Она присуждается с 1961 года фондом Бхаратий Джнянитх, основанным семьей Саху Джайн – издателями известной газеты The Times of India. Ею награждают самых выдающихся поэтов и писателей, которые создают свои творения на одном из государственных языков Индии. Первоначально премию присуждали за какое-либо отдельное произведение, а последние несколько лет – за вклад в развитие индийской литературы в целом. Предшественниками Кунвара Нараяна были великие поэты хинди Агьея, Махадеви Варма, Нареш Мехта, Динкар, Сумитранандан Пант и Нирмал Варма.

⁷¹ Это сборник был переиздан с Предисловием известного специалиста по английской и индийской литературе, профессора Делийского Университета Хариша Триведи в 2010 году в издательстве Arc Publications.

Кунвар Нараян занимает достойное место в славном ряду великих поэтов и прозаиков современной Индии. Его стихи читают не только в Индии, но и других странах. Это действительно поэт мирового звучания. О поэте создан и фильм – «*Абхи бааки хэй куч палъ*» («Еще осталось несколько мгновений») режиссера Бикрама Сингха. Но более важны не многочисленные премии, статьи, исследования и переводы его стихов, а то, что это поэт, чьи стихи читают, и чья поэзия нужна. Ведь поэзия, если мы для неё сохраним внутри себя хотя бы «уголок», по словам поэта, создаст в нём «землю и небеса / где меж человеком и богом расстояние / меньше всего»⁷².

Г.В.Стрелкова

Рассуждать о стихах Кунвара Нараяна – примерно то же самое, что играть на скрипке о картинах Рембрандта. Нет, какую-то часть впечатления передать получится; но явно не всё, может быть – даже не главное. И все-таки попробую.

Стихи Кунвара Нараяна я бы назвала частью не только национального (индийского), но и общечеловеческого культурного достояния. Культура вообще одно из узловых понятий для нашего поэта. С одной стороны – это культурная память, те корни, которые подпитывают его. Не случайно большой раздел книги стихов Кунвара Нараяна в переводе на русский язык посвящен историческим персонажам и местам, с которыми для индийца связан целый пласт ассоциаций, воспоминаний и чувств, как для нас – с Великим Новгородом или Сталинградом, с именами Сергия Радонежского или Сергея Есенина. Эта часть сборника позволит русскоязычному читателю гораздо лучше прочувствовать многие страницы индийской истории, чем знакомство с дюжиной научных монографий. От роц Джетаваны, овеванных памятью о Будде, до переполненного следами изысканной жизни мусульманского двора Лакхнау и до современного Аудха (наследника древней Айодхьи), истерзанного межконфессиональной рознью. От завоевателя Бахтияра до бедняка Судамы из кришнаитской легенды, до Махатмы Ганди и не названного по имени, но вполне узнаваемого Христа. И, конечно же, здесь собрались поэты – глубокий, как вековая народная мудрость, ткач-проповедник Кабир, раненый в сердце и умудренный своим страданием Бхартрихари, Амир Хусро, с лукавой улыбкой покидающий двор падишаха по ухабистым дорогам Истории.

С другой стороны, культура у Кунвара Нараяна – это накопленное за века богатство всего человечества. Это сумма той духовной работы, проделанной поколениями наших предков – в каждой стране на свой лад, – благодаря которой современный человек способен тонко и глубоко мыслить, воспринимать и осмысливать чужое для себя и новое, делать его своим. Частью своего мировоззрения, ступенькой своего духовного роста. Так проникают в поэзию Кунвара Нараяна образы Чехии и Италии, Назым Хикмет и Пабло Неруда, портрет кисти китайского друга-поэта и долгая дорога через Сибирь на поезде. Путь развития цивилизации для поэта принципиально един, и его стихи, созданные по поводу совсем других событий, часто едва нам знакомых, читаются как наши, родные, тесно связанные с русской историей, и не могут не трогать:

*Это была не долина, а котлован
который успели мы выкопать -
и, отчаянно стараясь выкопать его,
мы на сотни лет назад зарывались всё глубже*

⁷² Kunwar Narayan. Koi doosraa nahiin. Delhi, 1993. P. 54.

*так далеко и так глубоко
что теперь в наших раскопках еле отыщешь нас самих.*

Возможно, там-то нас и покинула память культуры
где в первый раз я, пытаясь вдохнуть,
ощутил удушье
и я побежал что было сил
к тем небу, настоящему и простору, еле видимым,
что исподволь тускнели, теряясь в земле.

(«Он никогда не спал»)⁷³

Кунвар Нараян, безусловно, поэт-философ и гуманист; человечность и мир для него – неоспоримая ценность. При этом, однако, ему удастся избежать морализаторства и той степени уклона в социально-политическое, при которой в тексте теряется поэзия. Эту особенность его стихов отмечают и индийские критики: в этом смысле поэт находится в стороне от основного течения современной поэзии хинди, где социально-назидательный уклон очень силен. Кунвар Нараян будит в читателе нравственное чувство более мягко – и поэтически более действенно:

*Горстку зерна насыпая
в его чашу заглянем:
данное нами
не мелко ли рядом с его смиреньем?
Не на пустой глиняный сосуд
но на глаза его, что милосердием полны, посмотрим -
к порогу нашему пришедший нищий странник
не сам ли Будда?*

*(«Прежде чем отпустить его с пустыми
руками»)⁷⁴*

Еще один чудесный стих, своего рода собирательный образ индийского народа, - это «Описание пропавшего»⁷⁵.

*Кожа цвета пшеницы, повадки крестьянские,
на лбу шрам от удара
росту не меньше футов пяти
болтает так, будто горя не знает.
Заикается.
Спросишь возраст - "да тысяч за пять уж годов", -
откликается.
С виду вроде помешанным кажется - но не так.
Падал с высот и не раз разбивался
поэтому, если увидите, собранным он по кускам
покажется вам,*

⁷³ Vah kabhii nahiin soya/ Apne saamne.

⁷⁴ Use khaalii haath lauṭaane se pehle/ In Dino.

⁷⁵ Laaptaa kaa huliya/ Aapne saamne.

как карта Индии.

Пафосность (в современной речи – негативный синоним старого понятия «пафос»), напыщенность поэту несвойственна, ему никогда не изменяет деликатность и самоирония:

*Столько всего было в этом мире
за что стоило
драться, ругаться
убивать, умирать
а уродился я с таким сердцем
что в пригоршню любви нырнул с головой
а жизнь себе шла и шла.*

Философская сторона его поэзии связана, прежде всего, с глубиной и многослойностью осмысления действительности:

*Как ясно было б, как это - идти вперед,
будь десять сторон света перед нами,
не вокруг нас.
Как просто было б дальше двигаться,
если бы двигались лишь мы,
всё остальное замерло.
(«Последняя высота»)⁷⁶*

При этом всегда остается свойственное подлинно культурному человеку признание того, что мы не истина в последней инстанции, что человек может ошибаться. Даже программный стих (скажем, «Какая разница?») у поэта все равно будет представлять собой не утверждение, навязываемое читателю как бесспорная истина, а скорее – изображение хода мысли, ведущего мыслителя к тем или иным выводам. С этим связана и структура многих стихов – это верлибр с большим количеством придаточных предложений, то выделенных синтаксически, то без всяких знаков препинания, где сама затрудненность формы позволяет читателю словно бы самому проделать вместе с поэтом тот же путь размышления, переживания, которое его обогащает.

*Между вещью и вещью есть язык,
что разделяет нас,
между мной и тобой есть безмолвие,
что в одну неразрывность сливает нас:
есть взгляд, что один, вне мира,
пробивается сквозь бессчётные сны,
есть покоя не знающий ум, что безумцу подобно, в неистовстве
язык принимая за вещь, рвет его в клочки
рассыпает обрывки в своем одиночестве
а потом, как малыш, содрогаясь от всхлипов,
языка те же самые ключья вновь
в своем дрогнувшем сердце собирает, раскладывает
и жизнь утверждает уже в новом смысле.
(«Проводник»)⁷⁷*

⁷⁶ Antim unchaai/ Аарне saamne.

⁷⁷ Maadhyaam/Chakravyooh.

Сторона творчества Кунвара Нараяна, лишь частично и слабо представленная в переводе на русский язык, - это тяготение к абстрактной живописи. Сознаю прекрасно, что это моя вина (А. Гурия), поскольку сама не разделяю это увлечение поэта – и передать всё вложенное им в эту часть стихов мне не удалось. Но здесь была и «Герника» Пикассо, и сюрреалистический образ человека, лишённого свободы говорить и действовать, и не раз упомянутый в стихах Кафка, писавший о том же. Из оставшегося в нашем сборнике к этой теме примыкает «Полночь», «Абхинавагупта», «Он никогда не спал» и «Смех»:

*Наблюдая историю - год за годом всё то же - заскучал он, устал
он выстроил себе жилище - на вид суший склеп
выбрал камень потяжелее, укрылся им и уснул.*

*Он не проснулся уж больше; хотя, глядя на него, казалось
что он никогда не спал. В этом сыром промозглом месте
нечеловеческое напряжение его немигающих глаз, его черты,
его немая неподвижная речь - всё оставались неуловимые признаки
того, что не камень он, а человек
и тысячи лет человеком остаться живым
старался.*

(«Он никогда не спал»)⁷⁸

Свойственное всему XX веку ощущение разьединенности бытия, разрыва привычных связей в жизни не обошло творчество Кунвара Нараяна стороной, но и главным его содержанием никогда не было. Скорее, в его стихах любопытным образом примирилось сознание того, что жизнь хрупка и уязвима, - и, с другой стороны, вера в нее, любовное к ней внимание и чуткость. Наверное, нигде эта могучая гармония жизни не слышна так сильно, как в стихах о природе и любви. Последних, кстати, относительно немного – поэт как будто особенно бережно подходит к теме любви, не поминает всуе то, что составляет само дыхание жизни. Любовь у него как-то удивительно сочетает в себе и возвышенно философский аспект («Сияние», «Мариша»), и домашнее ощущение родного тепла, простого человеческого счастья:

*...или вместе с ней
близ самой обычной тропинки
сотворить реку или крепость Манду
и сказать: "Рупмати,
в этом мгновении хочу я жить века
с тобою вместе", -
и нежданно обняв, удивить ее
как раз тогда,
когда она-то тревожится
о морщинках, что всё глубже на ее лице,
или о том, что так рано придется носить очки!*

(«Не стареет река»)⁷⁹

⁷⁸ Vah kabhii nahiin soya/ Aapne saamne.

⁷⁹ Nadii buRhii nahiin hotii/Koii doosraa nahiin.

Стихи о природе – может быть, самая лиричная часть творчества поэта. Здесь меньше раздумий и больше задушевности, часть «Деревья», пожалуй, моя любимая в получившемся сборнике. К примеру, вот так («Мой старый сосед»⁸⁰, о дереве):

*Усядусь, бывает, устав,
с ним бок о бок
всегда, будь то день или ночь,
слушает, не перебивая, меня
ничего не говорит
только новый рассвет даёт
моим тревожным ночам.*

Еще одна важная составляющая мира Кунвара Нараяна – это путешествия. Само предвкушение пути, множество мелких и крупных философских мыслей о путешествии – от привычного к чужому, освоении незнакомого, о жизненном пути и отношении к людям, переживание прощания и возвращения в знакомую жизнь... Странствия обогащают путешественника, расширяют его сердце, а не только кругозор и структуру метафор, которой он пользуется в обычной жизни (так – в «Сердце-банджара»⁸¹). И, конечно, вдохновляет само ощущение путешествия как полета, как другой точки зрения на привычное:

*Жизнь глазами отваги. Высота –
Не бегство, а взлет. С вершин решимости
оглядывает всё бытие –
одно с другим сближая.
На одной оси заставляя всё небо
кружиться в танце.*

(«Сокол»)⁸²

Философия Кунвара Нараяна – это философия поэта. И, стало быть, - не абстрактная, а теснейшим образом сплетенная с человеческой жизнью, прожитая сердцем. Поэтому и гуманизм его – не лозунг, не тезис, высказанный убедительными звучными словами, а скорее какое-то простое, повседневное человеколюбие и человекопонимание, которое не может не трогать. Вообще с годами он, видимо, как и Пастернак, оставаясь внутренне очень тонко организованным и сложным, внешне становится прост и понятен. Простота эта, как и пастернаковская, - мнимая, за ней скрываются огромные глубины. Вот, например, - о старости:

*В парке посидел немного –
было хорошо
под деревом в тенёчке нежиться
было хорошо,
с ветки упал листок
листок про себя
подумал «пора мне...» - и это
было хорошо.*

(«В парке»)⁸³

⁸⁰ Meraa ghanishṭh paRosii/In dino.

⁸¹ Banjaaraa man/Haashiye kaa gavaah.

⁸² Chiil/ Aapne saamne.

⁸³ Paark men/ Haashiye kaa gavaah.

Или еще одно, с какой-то детской простотой:

*Затемно чёрная буря
подхватив, несла по воздуху
цветы звёзд
Пока закрывал я дверь,
звёздная пыль
набилась в дом.
Целый день потратил
дом подметая да протирая
засохших цветов да погасших звёзд –
полную пригоршню сора
сбрав, рассыпал за порогом...
по небу рассыпались
звёзды да звёзды без счета...⁸⁴*

Детская ясность восприятия – вообще основа хорошей поэзии. Способность передать другим свои впечатления, придать им ту или иную форму, - это всё уже следующий этап; в начале же стоит прожитое открытым сердцем впечатление, которое поэт, как ребенок, вполне принимает в себя и без тени фальши, искренне проживает его, делает частью себя. Это то, что нас подкупает у великих итальянских режиссеров, у Пушкина, у Ахматовой. И это же свойство в сочетании с многослойным культурным багажом, человечностью и глубиной мысли – отличительная черта поэзии Кунвара Нараяна. Наверное, прочитав его, нельзя и самому не впитать в себя частичку этой светлой сердечности и духовного богатства. По крайней мере, я рада, что мне довелось переводить эти стихи удивительного поэта хинди. ***А.Г.Гурия***

⁸⁴ Taaron kii dhuul / Haashiye kaa gavaah.

Книга Иова в структуре романа И. А. Гончарова «Обрыв»
The Book of Job in the Structure of the Novel by I.A. Goncharov «The Precipice»

I.A. Poplavskaya (И. А. Поплавская)

In the article by I.A. Poplavskaya the Book of Job, included into the first part of the Bible, is considered as the prototext of the Goncharov's novel «The Precipice». Righteousness of Job, who was being tried on fidelity to God by carnal losses and sufferings, is interpreted as the biblical parallel to the life of principal characters of the novel «The Precipice» - Raisky and Vera (in Russian the name Vera means «belief»). Both of them are also tried by the Beauty, creative work, love. In this sense, the way of principal characters in the novel is, to a large extent, conceived as metaphorical development of internal semantics of their names.

Coincidence of religious and vital principles of Job is considered in the article as the basis of life creation esthetics of Raisky – writer and in many respects defines the genre nature of the novel «The Precipice» as the novel - education and the novel – examination.

In the article, national features of Russian life are seen in external statics and simultaneously in deep internal dynamics, in an apparent exterior uneventfulness and at the same time profound life of soul and spirit. The image of a coming-to-life statue becomes a symbolic manifestation of Russian life of 1860-s. This image is perceived as a symbol of awaking Russia and as an autometatextual metaphor.

The Goncharov's novel «The Precipice» is analyzed such as the novel about search of the way in the modern unsteady world by the principle heroes. In the novel images of «the precipice» and «faith» become the symbolic expression of author's philosophy of history.

Роман И. А. Гончарова «Обрыв», изданный в 1869 году, отличается сложной сюжетной, образной и жанровой структурой. Современные исследователи видят в нем две продуктивные жанровые модели: это роман воспитания и роман испытания. По мнению Е. А. Краснощековой, «в истории Райского, как и в судьбах Адуева и Обломова, писателя интересует проявление «закона взросления» на разных этапах роста человека («роман воспитания») и на этапе вызова судьбы («роман испытания»)»⁸⁵. В этой связи путь главных героев в романе во многом осмысливается как метафорическое развертывание внутренней семантики их имен. Не случайно Борис Павлович Райский предстает перед читателем как человек, раскрывающийся «во влечении к абсолюту – совершенству – Раю, значит, вечный искатель, духовный странник, артист, влюбленный в Красоту...»⁸⁶. Имя же Вера оказывается неотделимым от внутренней жизни героини, от поисков спасения, от попыток примирения знания и «божественных верований сердца». В сюжетном плане путь обоих героев в романе связан не только с процессом их самоактуализации и рефлексии, но и с ситуацией испытания их искусством, любовью, семейными ценностями.

⁸⁵ Краснощекова В. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 371.

⁸⁶ Там же. С. 359.

В качестве одного из возможных прототекстов данного произведения может служить «Книга Иова», одна из важнейших книг Ветхого Завета. Упоминание о ней содержится в VI главе первой части романа. Здесь речь идет о детстве Райского, об его обучении в школе, когда директор, считая его «пустым мальчишкой», пригрозил высесть его. Герой, как пишет автор, «чувствовал оскорбление от одной угрозы, и ему казалось, что если она исполнится, то это унесет у него все хорошее, и вся его жизнь будет гадка, бедна и страшна, и сам он станет, точно нищий, всеми брошенный, презренный.

*В это время, как будто нарочно пришлось, священник толковал историю Иова, всеми оставленного на куче навоза, страждущего...*⁸⁷. В этом отрывке страх перед наказанием главного героя романа воспринимаются как параллель к судьбе библейского персонажа, который испытывается на верность Богу земными утратами и физическими страданиями и обретает в конце благодать пред очами Его.

Важно отметить, что в иудаистических и христианских преданиях Иов изображается как «страдающий праведник, испытываемый сатаной с позволения Яхве. <...> Вера Иова в справедливый Божественный миропорядок вступает в мучительный конфликт с его знанием о своей невинности, вплоть до сомнения в Божественной справедливости». В этом смысле особое значение приобретает этимология его имени, которое в переводе с еврейского означает «теснимый» или, по другой версии, воспринимается как вопрос: «Где отец?»⁸⁸.

Книга Иова включает в себя 42 главы, которые можно разделить на пять частей: пролог (I-II главы), разговоры Иова с друзьями (III-XXXI главы), речи Елиуя (XXXII-XXXVII главы), речи Господа (XXXVIII-XLII:6 главы) и эпилог (XLII: 7-36 глава)⁸⁹. Как отмечают комментаторы этой книги, в ней «страдания праведника, составляя проявление борьбы между семенем жены и семенем змия (пролог), суть в то же время и показатели ее результатов, - конечного торжества правды, победы добра над злом»⁹⁰. Как видно из структуры книги, самое большое количество глав посвящено диалогу Иова с тремя друзьями, которым он говорит о своей непорочности перед Богом и о возникающем в нем сомнении в правосудии Бога. Друзья же, напротив, убеждены в его виновности и призывают Иова покаяться пред Господом. Так, один из них Елифаз Феманитянин говорит Иову: «Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай, ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют» (5:17-18). Позиция же автора книги заключена в словах Елиуя, который воспылил гневом и на Иова за то, «что он оправдывал себя больше, нежели Бога», и на трех друзей его за то, «что они не нашли, что отвечать, а между тем обвиняли Иова» (32:2-3). Сходная точка зрения утверждается и в словах самого Господа, обращенных к Иову. Ср.: «...кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? <...> где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. <...> Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на

⁸⁷ Гончаров И. А. Обрыв. М., 1982. С. 61. В дальнейшем все сноски даются по этому изданию с указанием в скобках страницы.

⁸⁸ Мифы народов мира: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 553.

⁸⁹ Лопухин А. П. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Книга Иова // http://azbyka.ru/otechnik/?Lopuhin/tolkovaja_biblija_21 [Электронный ресурс].

⁹⁰ Там же.

земле? <...> будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? <...> Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить меня, чтобы оправдать себя? <...> кто же может устоять перед Моим лицом? Кто предварил Меня, чтобы Мне воздавать ему? Под всем небом все Мое» (38:2,4,33; 39:32; 40:3; 41:2-3).

Страдания и размышления Иова о несправедливости наказания Господа исходят из осознания им своей праведности, в основе которой лежит совпадение его религиозных и жизненных принципов, совпадение внутреннего чувства и его внешнего проявления. В этом смысле Книга Иова и роман Гончарова «Обрыв» с утверждающейся в нем эстетикой жизнестроительства и состоящий тоже из пяти частей обнаруживают свое типологическое и композиционное сходство, а сам автор «принадлежит к числу тех художников, которые скорее бессознательно дают читателям возможность религиозно осмыслить отображенную им жизнь»⁹¹. Так, для Райского как «артистической натуры» основой творчества становится соответствие слова и поступка, эстетизация своего поведенческого текста и одновременно привнесение отдельных литературных образов, сюжетов и ситуаций в реальную жизнь. Можно сказать, что эстетика житнетворчества становится определяющей в деятельности Райского-художника. В этой связи принципиально значимым оказывается диалог героя и бабушки в IV главе четвертой части романа. Он воспринимается как узнаваемая читателем отсылка к программному стихотворению В. А. Жуковского «Я музу юную, бывало» (1823) с его известной формулой «Жизнь и Поэзия - одно». Ср. у Жуковского:

*Я Музу, юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На все земное наводило
Животворящий луч оно –
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.*⁹²

У Гончарова: «Что ты все пишешь там? – спрашивала Татьяна Марковна, - драму или все роман, что ли? – Не знаю, бабушка, пишу жизнь – выходит роман; пишу роман – выходит жизнь. А что будет окончательно – не знаю» (С. 550).

Если в Книге Иова герой ищет Высшую правду и через сомнения приходит к покаянию, созерцанию Бога и признанию разумным Божественного миропорядка («...я трепещу пред лицом Его; размышляю – и страшусь Его <...> Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле», 23: 15, 42:5-6), то герой романа Гончарова ищет в мире идеальную Красоту. И одним из воплощений подобной Красоты становится для него в тот момент его кузина Софья Беловодова. Увлеченный ею, Райский решает написать роман о современной жизни и

⁹¹ Дунаев М. М. Вера в горниле Сомнений. Православие и русская литература в XVII-XX вв. // <http://e-libra.ru/read/209299-vera-v-gornile-sommenij.-pravoslavie-i-russkaya-literatura-v-xvii-xx-vv..html> [Электронный ресурс].

⁹² Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. М., 2000. С. 235.

в диалоге с Аяновым в V главе первой части романа так формулирует для себя основные принципы этого жанра. Ср.: «... в роман все уходит – это не то, что драма или комедия – это, как океан: берегов нет, или не видать; <...> В романе укладывается вся жизнь, и целиком, и по частям. <...> Это новый для меня род творчества. <...> Смешать свою жизнь с чужою, занести эту массу наблюдений, мыслей, опытов, портретов, картин, ощущений, чувств... une mer a boire!... <...> Я тебе сказал: жизнь – роман, и роман – жизнь» (С. 54, 55, 56). Как справедливо отмечает в этой связи современный исследователь, сюжетной основой романа «Обрыв» становится «поиск Борисом Райским женщины, достойной его идеала и в равной мере способной послужить прототипом для положительной героини задуманного героем романа»⁹³.

Как позиция Иова и его раскаяние раскрываются через диалог героя с друзьями и с самим Богом, так эстетическая точка зрения Райского на роман дополняется точкой зрения других персонажей. Например, петербургский знакомый Райского Иван Иванович Аянов, обращаясь к нему, говорит: «Послушай, Райский, сколько я тут понимаю, надо тебе бросить прежде не живопись, а Софью, и не делать романов, если хочешь писать их... Лучше пиши по утрам роман, а вечером играй в карты...» (С. 55).

Основная позиция Райского как художника-дилетанта связана с использованием им принципа «двойного видения», под которым понимается, в частности, восполнение живописи литературой и литературы живописью. Так, размышлению Райского над романом из современной жизни предшествует его работа над портретом Софьи Беловодовой. Он говорит о ней: «... это идеал строгой чистоты, гордости; это богиня <...> не от мира сего!» (С. 144). Идеальный образ женской красоты, воплощенный в новом портрете Софьи, кажется неудачным Аянову. И он возражает Райскому: «Воля твоя, тот был больше похож! <...> а этот ... она тут как будто пьяна (С. 142). А знакомый Райского, петербургский художник Семен Семенович Кириллов видит в этом облике внешнюю красоту и внутреннюю порочность, поэтому образ Софьи напоминает ему то «какую-нибудь актрису» «со страстным вожделием», то «молящуюся фигуру», то «блудницу у ног Христа».

Ветхозаветный Иов испытывается потерей семьи и всего своего имущества, испытывается «проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его» (2:7). Обращаясь к Богу, он восклицает: «Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твое, посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его?» (7:17-18). Главный же герой романа «Обрыв» испытывается любовью и творчеством. Не случайно Гончаров в своем предисловии к этому произведению пишет о том, что его всего более поглощал «анализ натуры художника» с преобладанием в нем «силы творческой фантазии»⁹⁴. Эта непрерывно пульсирующая в герое «творческая фантазия» приводит к возникновению у него после второго приезда на Волгу, в свое имение Малиновка замысла нового романа – романа о жизни русской провинции. В этом романе Райский, как пишет автор, «набросал первую встречу с Верой, свое впечатление, вставил туда, в виде аксессуаров, все лица, пейзажи Волги,

⁹³ Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров - романист и художник. М., 1992. С. 53.

⁹⁴ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1972. Т. 6. С. 512.

фотографию с своего имени – и мало-помалу оживлялся. Его «мираж» стал облекаться в плоть. Перед ним носилась тайна создания» (С. 389). Для этого типа романа принципиально значимыми оказываются и «сеть жизненных сцеплений», и «полнота поэтического мирозерцания»⁹⁵, и попытка передать «тайну» русской жизни через образ дома, дворянской усадьбы и женский характер. Для Райского-художника, который во многом воспринимается как проекция «внутренней автобиографии» самого Гончарова со столкновением в нем «домоседа и путешественника»⁹⁶, главная особенность русской жизни видится во внешней статике и одновременно глубинной внутренней динамике, в кажущейся внешней бессобытийности и в то же время углубленной жизни души и духа.

В этом плане символический смысл получает портрет спящей Веры, нарисованный Райским перед его отъездом из Малиновки. Ср.: «Вдруг он остановился, стараясь уловить и определить тайну ее задумчивого, ни на что не смотревшего, но глубокого, как бездна, говорящего взгляда <...> в котором улеглась вся ее драма и роман. <...> Он нарисовал глаза закрытыми, глядя на нее и наслаждаясь живым образом спящего покоя мысли, чувства и красоты» (С. 716). Как в Книге Иова физические страдания и неподвижность Иова соединяются с исключительной работой его духа, приводящей к тайне Богопознания, так и образ Веры на портрете представляет собой единство «спящего покоя мысли, чувства и красоты» с выстраданной ею внутренней «драмой и романом». Отсюда и судьба ветхозаветного Иова, и жизнь Веры, в которой «поэзия прошлого слилась с поэзией вечного»⁹⁷, и странствования Райского по Европе воспринимаются как параллель к пониманию национальных особенностей русской жизни с точки зрения Гончарова. В ней сквозь центростремительное начало, выражающее «земное жизни тяготенье», зримо просвечивает начало центробежное, раскрывающее «неудовлетворимую тоску избанников»⁹⁸. И если центростремительное начало, «потребное для идиллического счастья, отрицает событийность и противится движению времени»⁹⁹, то центробежное начало неотделимо от семантики движения, перемен, странствования.

В связи с вышесказанным важный сюжетобразующий и философский смысл имеет для русской литературы тема странствования и домоседа, активно разрабатывавшаяся в романтической поэзии, в частности, в известном стихотворении В.А. Жуковского «Теон и Эхин» (1814), в одноименном произведении К.Н. Батюшкова «Странствование и Домосед» (1815), в юношеской поэме Н.В. Гоголя «Ганс Кюхельгартен» (1829). Так, например, исповедь Теона, в которой делается акцент на

⁹⁵ Добролюбов Н. А. Что такое обломовщина? // Добролюбов Н. А. Литературная критика: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 341.

⁹⁶ Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1998. С. 206, 207.

⁹⁷ Мережковский Д. С. Гончаров // Мережковский Д. С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М., 1991. С. 141.

⁹⁸ Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1998. С. 214.

⁹⁹ Лахманн Р. Дискурсы фантастического. Перевод с немецкого. М., 2009. С. 220.

внутренней жизни героя, может служить своеобразным лирико-философским комментарием к роману «Обрыв». Ср.:

*Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей –
Вот счастье; о друг мой, оно не мечта. <...>
Все небо нам дало, мой друг, с бытием:
Все к жизни к великому средство... 100.*

Здесь земное существование человека воспринимается как приготовление к высшей небесной жизни, а поэтическая формула «Все к жизни к великому средство» становится жизненным девизом Жуковского. Варьируя в его письмах и дневниках («Все в жизни к прекрасному средство», «средство к великому заключено для нас в разлуке!», «самое страдание есть средство к прекрасному!»)¹⁰¹ эти слова передают не только философию его внутренней жизни, но и определяют основные жизнестроительные тенденции русской литературы на протяжении последующих десятилетий, ее религиозную и социально-психологическую направленность. Показательно, что «воплощая трагические коллизии в жизни своих героев, писатель использовал достижения лирической поэзии в области познания мятущейся человеческой души»¹⁰¹.

Диалектическое единство статики и динамики жизни воплощено в романе в образе оживающей статуи, которая видится во сне Марфеньке, а затем и Райскому в ночь перед отъездом его из Малиновки в Петербург. Она воспринимается и как символ пробуждающейся России, и как автоматактуальная метафора. Как известно, в статуе воплощается неподвижность материала (камня) и изменчивость самой жизни, она передает одновременно внешнюю статичность предмета и его внутреннюю динамику. В отличие от пушкинского мифа об оживающей и несущей гибель статуе («Каменный гость», «Медный всадник») в романе Гончарова этот образ обращает читателя к онтологическим основам жизни. В данном случае именно скульптура «снимает» противопоставление «безжизненной, неподвижной» массы, из которой вылепена статуя, и «подвижного, одушевленного» существа, которое статуя изображает»¹⁰². По мнению Р. О. Якобсона, «статуя – в отличие от произведения живописи – в силу своей трехмерности столь приближается к своей модели, что неживой мир почти полностью исключается из круга скульптурных тем»¹⁰³. Также статуя как воплощение покоя в движении, «одушевленного» мира в «неодушевленном» материале становится своего рода и автоматактуальной метафорой. Она позволяет осмыслить сам процесс создания романа как преодоление инертности, «сопротивляемости» материала жизни через преобразующее его слово.

¹⁰⁰ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. М., 1999. С. 382, 384.

¹⁰¹ Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 92.

¹⁰² Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 166-167.

¹⁰³ Там же. С. 166.

Если прямое обращение Бога к Иову становится для него откровением, основой для покаяния и будущего благоденствия, то обращение Райского к скульптуре в финале романа воспринимается как новая форма постижения героем Красоты и возможность приближения его к идеальному началу, к своему эстетическому Раю. В этом смысле жизненный путь героя осмысливается во многом как реализация внутренней семантики его имени, как движение к самому себе, к своему сверх-Я.

С образом Веры в романе «Обрыв» связана попытка автора изобразить современную русскую жизнь 1860-х годов в ее устойчивых, традиционных проявлениях и в динамике. Именно Вера в значительной степени выражает «поэзию прошлого» с неповторимым укладом русской жизни, воспоминаниями детства, религией, традициями воспитания, любовью к родной деревне¹⁰⁴ и драматизм настоящего, она пытается соединить в себе веру и знание, сохранить нравственное самостояние перед лицом новых идей. В этом смысле позиция героини оказывается внутренне созвучной и самому автору. Понимая прогресс не только как историческое явление, но как явление прежде всего нравственное, Гончаров в предисловии к роману писал о том, что нравственное развитие «состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует Евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания»¹⁰⁵. Это нравственное движение представлено в романе главным образом через женские образы: бабушки Татьяны Марковны Бережковой, Марфеньки и Веры.

Что касается Веры, то автор романа говорит о том, что его преимущественно «увлекали проявления страсти в чистой и гордой натуре женщины и борьба ее с ней»¹⁰⁶. Символично, что «проявление страсти» в характере Веры раскрывается через пространственные образы часовни и обрыва. Ср.: «*Однажды в сумерки опять он <Райский. – И. П.> застал ее у часовни молящуюся. Она была покойна, смотрела светло, с тихой уверенностью на лице, с какою-то покорностью судьбе, как будто примирилась с тем, что выстрелов давно не слышать, что с обрыва ходить более не нужно*» (С. 537). Как видим, здесь, с одной стороны, лик Спасителя, правда бабушки, гармония сердца, ума и воли, с другой – безверие, разрушительное знание, «обрыв времен» как нарушения плавного хода истории¹⁰⁷.

Любовь для героини неотделима от семейных традиций русской жизни, от ее религиозного чувства, от необходимости спасения другого человека. Вера, по выражению Д. С. Мережковского, «берет из прошлого, из Евангелия, из собственного сердца вечный идеал любви, противопоставляя его беспощадному отрицанию Марка»¹⁰⁸ [11. С. 142]. С этой точки зрения особенно показательной кажется сцена расставания Веры и Марка, описанная в IV главе первой части романа. Ср.: «*Правда и свет, сказал он, - думала она, идучи, - где же вы? Там ли, где он говорит, куда влечет*

¹⁰⁴ Мережковский Д. С. Гончаров // Мережковский Д. С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М., 1991. С. 138.

¹⁰⁵ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1972. Т. 6. С. 509.

¹⁰⁶ Там же. С. 522.

¹⁰⁷ Мельник В. И. Реализм И. А. Гончарова. Владивосток, 1985. С. 93.

¹⁰⁸ Мережковский Д. С. Гончаров // Мережковский Д. С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М., 1991. С. 142.

меня... сердце? <...> Или правда здесь?..» - говорила она, выходя в поле и подходя к часовне.

Молча, глубоко глядела она в смотрящий на нее, задумчивый взор образа.

- Ужели он не поймет этого никогда и не воротится – ни сюда... к этой вечной правде... ни ко мне, к правде моей любви?» (С. 535). В этом фрагменте, представляющем собой внутренний диалог героини, раскрывается ее путь как попытка соединения «вечной правды» Христа с правдой одухотворяющей женской любви, как понимание спасительности евангельских идеалов в стремительно изменяющемся современном мире. По замечанию современного исследователя, «героиня «Обрыва» убеждена (и отсюда второе значение ее имени), что подлинная любовь требует веры, крепка верой»¹⁰⁹. В этом смысле «диалог бабушки и Веры, когда первая кается перед второй в давнем собственном грехе, — кульминация и развязка в развитии событий, поставивших всех героев на краю обрыва», поэтому «исход представляется центральным персонажам романа (и автору) истинно церковный: в покаянии и очищении от греха»¹¹⁰.

В итоге главная героиня проходит в этом произведении классический христианский путь: от греха к покаянию и воскресению. Как отмечает И. И. Мельник, «в Вере есть борьба со страстями, есть покаяние – а это важнейшие составляющие истинной духовной жизни человека», поэтому писателю было гораздо важнее показать «драматический разрыв в образе Веры», поскольку речь шла «о поиске путей к преодолению «обрывов» в современной жизни и в современной личности»¹¹¹.

Итак, Книга Иова во многом определяет проблематику и поэтику последнего романа трилогии Гончарова – романа «Обрыв». Как страдания и болезни Иова позволяют поставить вопрос о путях Промысла Божия¹¹², так жизненный путь главных героев романа позволяет раскрыть драматизм поиска ими своего пути в современном «покачнувшемся» обществе¹¹³. Важно подчеркнуть, как пишут комментаторы Книги Иова, что «страдание не обязательно есть признак содеянного греха», что «Бог может предопределить праведнику страдать ради его, Яхве, славы и во искупление чужих грехов, чтобы таким образом открыть путь к спасению и для грешников»¹¹⁴. В романе Гончарова путь героев к спасению связан с верой, с идеалами Христа, с готовностью страдать за другого человека, с жертвенной женской любовью, с искусством, с эстетикой жизнестроительства, с поисками совершенной Красоты.

¹⁰⁹ Недзвецкий В. А. Романы И. А. Гончарова: В помощь преподавателям и абитуриентам. М., 1996. С. 74.

¹¹⁰ Дунаев М. М. Вера в горниле Сомнений. Православие и русская литература в XVII-XX вв. // <http://e-libra.ru/read/209299-vera-v-gornile-sommenij.-pravoslavie-i-russkaya-literatura-v-xvii-xx-vv..html> [Электронный ресурс].

¹¹¹ Мельник В. И. Гончаров и Православие. Духовный мир писателя. М., 2008. С. 370, 362.

¹¹² Библейская энциклопедия. С иллюстрациями Г. Доре и цветными вклейками. М., 2002. С. 303.

¹¹³ История русской литературы: В 4 т. Л., 1980-1983. Т. 3. С. 197.

¹¹⁴ Рижский М. И. Книга Иова: Из истории библейского текста. Новосибирск, 1991. С. 163.

В романе «Обрыв», как ранее в романах «Обыкновенная история» (1847) и «Обломов» (1859), образующих известную трилогию писателя, отразились глубинные основы русской национальной жизни, показанные через столкновение «старины и новизны, молодости (идеализма) и зрелости (практицизма), отцов и детей, жизни-покоя и жизни-движения, мнимого и подлинного, морали (веры) и аморализма (неверия)», а во «Фрегате «Паллада» (1858) Гончаров сумел изобразить и «различия между житейскими укладами целых народов»¹¹⁵. Эти важнейшие философско-эстетические оппозиции, представленные в романе «Обрыв», включая сюда также образы «веры» и «обрыва», позволяют воспринимать их как символическое выражение авторской философии истории, авторского представления о судьбе личности и судьбе России в современном изменяющемся мире.

¹¹⁵ Недзвецкий В. А. Глазами эмигрантов первой волны. Вступительная статья // Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья. Сборник документов и материалов. М., 2002. С. 9.

Трансформация проблемы «Отцы и дети» в русской литературе 1920-1950-х годов («Железная мистерия» Даниила Андреева)

«Transformation of the Problem «Fathers and Sons» in Russian Literature of 1920-1950-s («Iron Mystery» of Daniil Andreev)»

O.A. Dashevskaya (O.A. Дашевская)

The article is dedicated to the traditional for the Russian literature problem of mutual relations of fathers and sons, which in modern socio-philosophical research is considered as a phenomenon of national consciousness and defines cross-cutting themes and timely semantic paradigms of Russian thought. The author of the work rightly relies on native research about Russian literature, in particular, the article of V.I. Mildon «Patricide as Russian question», where nihilism and «total ahistorism» are mentioned as an important sacred component of national mental outlook, that allows to talk about new approaches in Russian lore studies and defines topicality of the research.

Scientific newness in the solving of the problem resides in the analysis of representational material of literature of 1920-1950-s. It is persuasively showed in the article that literature of the XXth century both reflects common features of national mental outlook, and emphasizes new landmarks in traditional themes solving. The thought, that problem of «Fathers and Sons» becomes an important feature of life perception in literature of 1920-1950-s – time of radical breakage of historical forms of existence, is true. The theme of patricide and the motive of search of fathers are analyzed as two principal vectors in literature development of this period, mainly, in «Iron Mystery» of D. Andreev concerned in the literary context of the historical epoch.

В современных социально-философских исследованиях о русской литературе проблема «отцов и детей» рассматривается как феномен национального сознания. В.И. Мильдон в статье «Отцеубийство как русский вопрос» указывает на нигилизм и «тотальный не(вне)историзм» как важную духовную составляющую национального мироощущения, для которого «все существовавшее до настоящего момента не имеет значение и лишь собственная воля служит точкой отсчета». ¹¹⁶ Мильдон отмечает, что в русском варианте происходит полный отказ от прошлого, при этом наличествует убеждение, что «переустройство, затеваемое настоящим, есть первое подлинное устройство». Автор статьи делает вывод о том, что «существование без прошлого и без будущего» накапливает опыт аннигиляции, передавая его от поколения к поколению. ¹¹⁷

В.И.Мильдон анализирует эту особенность национального сознания в произведениях русских писателей и поэтов XIX века («Горе от ума» А. Грибоедова, поэзия М. Лермонтова, «Капитанская дочка» А. Пушкина, «Отцы и дети» И. Тургенева, «Братья Карамазовы Ф. Достоевского). Он обнаруживает инфантильность духа, состояние «вечного детства» как важную черту национального мироощущения. С другой стороны, «безотцовщина» и сиротство логически порождают «культ отцов», «гипертрофически

¹¹⁶ Мильдон В.И. Отцеубийство как русский вопрос // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 50.

¹¹⁷ Там же. С. 50-51.

претворяемый в любовь к его социальным заместителем – царю, высшему руководителю страны, персональному или коллективному, со стороны которого предполагаются (симулируются) ответные чувства» [1. С. 51]. Автор статьи указывает на глубокоую, многовековую укорененность этих двух интуиций в национальном сознании.

Литература XX века и отражает общие черты национального мироощущения, и обозначает новые вехи в решении традиционных тем. Проблема «отцы-дети» становится важной чертой жизнеощущения литературы 1920-1950-х годов – времени радикальной ломки исторических форм бытия.

Проблема отцов и детей в этот период развития литературы обретает вектор «отказа от отцов» и поиска их заместителей. Творчество избранного нами автора – Даниила Андреева (1905 – 1959) – дает возможность раскрыть разные грани актуальной темы.

Литература 1920-х годов наиболее остро отразила драматизм перехода к новой исторической эпохе, дала разные варианты полного и безоговорочного отрицания прошлого и опасность этого (поэзия Пролеткульта, творчество В. Маяковского 1920-х годов, «Конармия» И. Бабеля, «Донские рассказы» М. Шолохова и др.). Отвергая ценности «отцов», молодое поколение ищет их новый аналог в идеях интернационализма и в коллективных ценностях.

В героях литературы 1920-х годов присутствует «вечное детство» русских нигилистов литературы XIX столетия; они устремлены к новому и в этом тяготении к будущему обнаруживают легкость расправы с отцами. Герои русской литературы XX века, как и их предшественники, радикальны в своих методах, решительны и безапелляционны в отвержении опыта отцов. В произведениях этих лет особенно отразились социально-исторические и нравственно-психологические аспекты традиционной русской проблемы.

Особенно показательно с этой точки зрения, творчество Михаила Шолохова (1905 – 1984). В «Донских рассказах» (1924 – 1927) писатель показал, что конфликт поколений и отказ от наследия отцов лишь отчасти обусловлен некими исконными русскими чертами. Он отразил новый исторический этап национального нигилизма как следствие глобального кризиса национальной жизни, в полной мере представил ситуацию «крушение гуманизма», доведя коллизии до трагического предела в разных вариантах.

Отцеубийство и детоубийство становятся основными темами новелл Шолохова. Отцы и дети в «Донских рассказах» становятся жертвами исторических обстоятельств, оказываясь по разные стороны баррикад в исторической ломке; отцы и сыновья выступают одинаково жестокими по отношению друг к другу («Продкомиссар»). Детоубийство может являться следствием трагической случайности: отец по родинке на ногу узнает в убитом им красноармейце сына (рассказ «Родинка»). Шолохов выявляет безусловную жестокость и отцов, и сыновей, связавших свою судьбу с белым движением («Бахчевник», «Коловерть»). Ситуация детоубийства, вводимая Шолоховым, исключительна и недопустима для русской литературы XIX века; в то же время очевидно, что в интерпретации Шолохова большей жалостью наделены отцы по отношению к сыновьям.

Сиротство в мире «Донских рассказов» – конкретные жизненные судьбы героев. С другой стороны, «безотцовщина» и бездомность становятся особым состоянием носителей новых идеалов, мироощущением и способом жизни, от которого они не торопятся отказываться: ограниченные классовым мировоззрением красноармейцы равнодушны к семье, непримиримы к «врагам» («Шибалково семя»). Сиротство детей означает не только их «безпорность» и неприютность (живут при заводе, или в батраках по чужим углам), но и духовную и человеческую необеспеченность их будущего. Сиротство – расширение опыта бесхозийственности, забвение практических навыков прежних поколений. По мысли Шолохова, смерть и отцов, и молодого поколения – растрата духовного и интеллектуального потенциала нации.

Другой аспект проблемы «отцов и детей» обозначил Даниил Андреев, основные произведения которого были написаны в 1950-е годы. Даниил Андреев – религиозный философ и художник-метафизик. Ему принадлежат книги «Русские боги» (1955), «Железная мистерия» (1956), «Роза Мира» (1958). В основе его мирозерцания лежит русская религиозная философия и индийская парадигма мышления (брахманизм). Д. Андреев анализирует духовную историю человечества и пытается осмыслить место и роль России в восхождении универсума в поисках вселенской гармонии, названной им эпохой Розы Мира.

В мифологических дискурсах Д. Андреева изображается развитие земной жизни в символических формах, исследуются социальные структуры и общественное бытие человека в связи с универсальными законами развития вселенской жизни. В «Железной мистерии» (1956) действуют условные персонажи, Андреев пытается объяснить в культур философском ключе сущность смены социально-исторических форм жизни в XX веке, в частности, выявить генезис и природу тоталитарного государства.

Даниил Андреев рассматривает отцеубийство и детоубийство как метафору духовного состояния общества и конкретную практику в постреволюционный период. Проблема взаимоотношений отцов и детей рассматривается им не в социально-историческом и нравственно-психологическом ракурсе, как у Шолохова, а в аспектах психоаналитическом и культур философском.

1. Проблема «отцы и дети» оборачивается в «Железной мистерии» вопросом о взаимоотношениях власти и народа. Андреев опирается на национальные историософские модели, согласно которым власть (царь, «отец-батюшка») выполняет защитные функции, охраняет своих «чад» (народ)¹¹⁸. В представлениях Андреева, самодержавная власть, как правило, отступает от своего предназначения, Андреев анализирует жестокость Ивана Грозного, Петра Первого, но может и выполнять свои функции. Так, Андреев развивает существующий в национальном сознании миф о старце Федоре Кузьмиче, русском царе, отрекшемся от престола и ушедшем тайком для искупления вины русских престолонаследников. Андреев рассматривает тоталитарное государство и как продолжение монархических форм правления, и как скачок в их развитии.

В мифологической модели мира Андреева все, происходящее в земной жизни, не произвол людей, а отражение космических процессов, сложившихся в метаистории. В сюжете мистерии параллельно развиваются два плана: события в метафизической

¹¹⁸ Рябов. О.В. Рябов О.В. Русская философия Женственности. Иваново: «Юнона», 1999. С. 29 - 33

реальности и в земной жизни. В картине мира Андреева есть как космос, так и противостоящий ему антикосмос.

Сюжет земной истории в «Железной мистерии» начинается с отцеубийства в антикосмосе, что является первопричиной, или предпосылкой-толчком образования тоталитарного государства. Андреев развивает архаические мифы: а) убийства отца сыновьями, б) борьбы братьев за власть, в) победы старшего брата. В сюжете мистерии от демона великодержавной государственности (жругра-отца) отпочковываются один за другим сыновья, на земле их выражением становятся условные персонажи мистерии, названные Бурый, Бледный, Багровый, Черный. Они пытаются пожрать сердце отца («Враг-сын норовит в храм»), довершает акт младший – Черный. В сюжете земной жизни одновременно начинается противостояние разных партий, оно завершается победой старшего брата – вождя бурых, происходит убийство царя (земного «отца»). Таким образом, в концепции Андреева любая социальная революция имеет в основе отцеубийство, где первенство принадлежит сильнейшему, и на каждом последующем этапе – самому властному. Первый указ победившего вождя гласит: «Кровью промыть край!».

Отцеубийство как стремление братьями по классу скинуть «отца» (вождя, правителя) и друг друга в борьбе за господство не только этап становления государства, но и его суть. Победивший Бурый оказывается слаб и «человечен» (плачет), его убивают, мистифицируя трагедию потери «отца». Его место занимает еще более свирепый вождь («Он сумрачней гуннов и курдов»): начинается разрушение церкви, поругание Бога-Отца. Античеловеческие законы подземного мира окончательно переносятся в земную жизнь. Андреев, носитель религиозного сознания, современник сталинской эпохи, пытается философски обосновать происходящее в современной ему истории – причины рождение «отца народов» (Сталина).

2. Многие механизмы, описываемые в «Железной мистерии», рассмотрены и объяснены в работах З. Фрейда, в частности, в книге «Психология масс и анализ человеческого «Я» (1921). Фрейд указывает, что убитый отец символически воскресает в образе нового отца, или зверя-тотема.¹¹⁹ В сюжете мистерии победивший окончательно вождь становится «отцом народов»: он *«зодчий, отец всех»*.¹²⁰

Основное содержание мистерии – исследование взаимоотношений «отца народов» и массового сознания, которые выстраиваются по схеме «отец – дети». Андреев использует открытие Фрейдом схемы. Отношения с групповым лидером строятся по модели отношений с первейшими детскими авторитетами; при этом, с одной стороны, индивид регрессирует до инфантильного уровня; с другой стороны, сам лидер отражает детское сознание. Его речь схожа с параноическим бредом и обретает формы массовой патологии.¹²¹

В «Железной мистерии» окончательно победивший правитель, ставший «отцом всех», обретает гигантские размеры. Он упирается в небо, занимая все пространство; сначала

¹¹⁹ Философская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 5 Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 411

¹²⁰ Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присельс, 1995. Т. 3. Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присельс, 1995. Т. 3. С. 102

¹²¹ Философская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 5 Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 411- 412

он ростом с трехэтажный дом, потом с пятиэтажный, затем – с небоскреб и т.д. Его появление сопровождается иллюминацией и салютами, толпа немеет от неожиданности, испытывает детское чувство страха и ужаса перед ним и одновременно восхищения как перед сверхчеловеком. Между «отцом» и массовым сознанием (народом) поддерживаются отношения всезнающего грозного отца и детей, которые трепещут перед ним, когда он силен, и ненавидят его, готовые к мести и расправе, когда он повергнут.

3. Главная проблема общества упирается в вопросы воспитания нового поколения. Страна превращается в «фабрику» воспитания – «фабрикацию» нового сознания. В мистерии Андреева персонажи делятся на три группы: власть – педагоги – обучаемые (генерал-лейтенант культурных сил, агитаторы, организаторы, борцы за новый быт и т.д.).

О р г а н и з а т о р ы .

- Икру в роддомах вынянчить.
- Питать, подсушить и выжучить.
- Заветную мысль вымучить.
- Доносам за страх выучить.¹²²

П е д а г о г и

- Иголкой ... ум протрачиваем.
- Идейкой насквозь просвечиваем.
- Магический том разучиваем.
- ...Деды по домам тычутся,
- В старый гардероб прячутся.¹²³

Реплики Автомата и педагогов рассчитаны на младенческое состояние сознания общества, включают его имитацию, завуалированный и откровенный цинизм, приказ и угрозу. Например, Генерал-лейтенант культурных сил: «Еще немало среди нас / В мечте сосущих ананас»; «По гнездам плодятся змееныши»¹²⁴. Обратим внимание, что человек, формирующий культурное сознание, имеет воинское звание – Генерал-лейтенант. Как видим, развивается особая система методов – патопедагогика, которая сориентирована на сохранение человека в детском состоянии, всегда подконтрольном, боязливым и безликим. Это выражено на вербальном уровне в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов и «увеличительных», в манере разговора – как с детьми. Все уподобляется детскому празднику: «Самому вернейшему – хлопайте! Хлопайте» / Самому мудрейшему – топайте! Топайте! / Трижды величайшему – гикайте! Гикайте!»¹²⁵.

4. В «Железной мистерии» обозначена как общая тенденция смена частной жизни, семейной массовыми формами существования и воспитания, что выражено в мотивах

¹²² Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присцельс, 1995. Т. 3. Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присцельс, 1995. Т. 3. С.74

¹²³ Там же. С.75

¹²⁴ Там же. С. 73,76

¹²⁵ Там же. С.65

стайки, стойла, дetsада, яслей («Птенчики юрко вылупливаются, / В стайки стройные скапливаются»). Стратегически общество преследует цель заменить родных отцов идеологическими. Действия отца народов направлены на расторжение родственных уз, которые выкорчевываются системой доносов. Министр общественного воспитания: «Дети на отцов, / Исподволь, в ночи / Исповедь несут мне: / Мучит ли их блуд? / Спят ли на печи? / Стонут ли в хмельном сне?».¹²⁶ С одной стороны, культивируется отказ от отцов; с другой стороны, обескровливаются и родительские чувства, так как «каждому быть в урках, сгннуть по лагерям». Отцеубийство в логике Андреева неизбежно оборачивается и «детоубийством».

Общество создает и поддерживает миф о себе как о «единой семье». Все существуют в ее «тискаx» во главе с «отцом народов», границы жизни каждого от рождения и до смерти определены им. А в т о м а т: «Каждый, родясь, знать / Должен, как жить впредь: / Ртом пусть сосет грудь, / Оком – следит мать» [4. С.93]. Поэтика Андреева (гротеск) развенчивает мифологию и эстетику советского искусства.

5. Одна из важных тем мистерии – тема обожествления идеологического «отца», прежде всего его чадолюбия. Однако сакрализация любящего всех «отца» выстроена так, что восхваления содержит подтексты, ассоциативно противоположные по смыслу: это примеривающийся взгляд, держащий предмет под контролем и готовый к его уничтожению, напоминающий взгляд волка на красную шапочку.

А г и т а т о р ы:

– *Как он любит всех
самого мало!*

– *Как объемлет всех:
смелого, хилого...*

– *Как он знает счет
дел его, сил его!*

– *Как он видит все:
Голову, тулово!*¹²⁷

Отец народов в мифологии Андреева, с одной стороны, возводится в сан богочеловека – в речах политиков, с другой, – развенчивается обучающимися обывателями.

Ц е р к о в н ы й п о л и т и к:

Святой Бог!.. Он прогнал тьму!

Он расторг ночь на Руси!

Кто подобен в веках ему?

*Он нам дал огонь с небеси.*¹²⁸

В репликах обывателей он называется «человеко-боже», «Отце наш»; с другой стороны, форма возвеличивания становится и способом его развенчания: «О, *никто*, свет всех верующих! / Не карай нас, вверх прыгающих»; «О, родник благ, зло сдобрывающий! / Человек-бог, мир вздыбливающий» (Выделено нами – О.Д.).

¹²⁶ Там же. С.74

¹²⁷ Там же. С.83.

¹²⁸ Там же. С.85.

Сам Автомат с самого начала ведет себя патологически, его речи напоминают «параноический бред», он произносит их в упоении: «Я изобрел вам, / Что не придет в ум. /... Два раза ноль – ноль. / Десять раз ноль – сто. / В этом всех тайн – руль.../ Что? Там ворчат? Кто?»¹²⁹ В гротесковом образе развенчивается абсурдность персонажа. Более всего Андреев развивает традиции М.Е. Салтыкова-Щедрина.

6. В решении проблемы отцов и детей особого внимания заслуживает коррелирующая связь «отец – мать – дети». В новейших исследованиях высказана мысль, что тоталитарная власть – поругание материнства. Она восходит к С. Булгакову, который увидел корни большевизма в «матерной ругани»: «Если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани, да он, в сущности, и есть поругание материнства всяческого: и в церковном, и в историческом отношении. Надо считаться с силою слова, мистическою и даже заклинательною».¹³⁰ Эти положения разделяет Д. Андреев, его философия слова «строится» на утверждении, что оно наделено мирозидательной энергией, является способом «возделывания» бытия.¹³¹ Восхождение неприемлемого для художника нового мира в мистерии маркирует его «речь»:

Р е в (толпы)

– Гад... – Рвут... – В гроб... – В мать...
 – Спут... – Скот... – Срыть... – Смять...
 – В глаз... – В пах... – Рвань... – Псы...
 – А... – О... – У... – Ы...¹³².

В тексте представлен язык матов, приводящий к утрате речи, переходящий в звериный вой (вплоть до междометий в последней строке). Утрата речи и замена ее матерщиной связана и с конкретной ситуацией борьбы за власть, но эксплицирована и как норма общения, которая чревата общей инволюцией человека и деградацией мира.

7. Андреев развивает национальные архаические модели, согласно которым социальные институты сопоставлялись как с материнским, так и отцовским началом; отцовские функции чаще выполняла власть, а материнские – церковь. В русском сознании материнское всегда по значению доминировало над отцовским, в черты правителей вносились и ценились более женские качества – милосердие, материнские заботы. Русский человек был не хозяином, а сыном матери-земли.¹³³ Андреев трансформирует миф о Матери-земле согласно исконным представлениям: он персонифицирует Мать-сыру землю в Афродиту Всенародную – ваятельницу народной плоти (праматери всех русских). Он представляет ее как живое существо, испытывающее человеческие чувства и являющееся субъектом своих поступков. Андреев реализует метафору, что «наша общая мать – русская земля, она дает жизнь и

¹²⁹ Там же. С.101.

¹³⁰ Булгаков С.Н. На пиру догов. // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 320 – 321

¹³¹ Дашевская О.А. Жизнестроительная концепция Д. Андреева в контексте культурфилософских идей и творчества русских писателей первой половины XX века. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 202

¹³² Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присельс, 1995. Т. 3. Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присельс, 1995. Т. 3. С. 39

¹³³ Рябов. О.В. Рябов О.В. Русская философия Женственности. Иваново: «Юнона», 1999. С. 33 – 37

вскармливают». Как в произведениях древней русской литературы и средневековья включались плачи «русской земли» о погибших воинах-детях, так в мистерию Андреев помещает «плачи» Афродиты Всенародной, которая страдает от гибели каждого ее «ребенка», ее плач – об обреченном поколении страны: «Рвут меня крючья и клещи, - / Все беспощадней, все резче / Ветер из бездны горячей! / Плоть моя плачет все горше / Каждым бездомным ребенком! / По лагерям и застенкам! / По безымянным поминкам! / По очагам разоренным! / По колумбариям! Урнам! / ...Камерам! каторгам! тюрьмам!». ¹³⁴ Мы видим, как отождествляются мать-сыра Земля, ваятельница народной плоти страны, и родная мать в мифологии Андреева. В мотивацию «плача» входят не только физические и духовные страдания, но и обвинения в детоубийстве «отцов» - «зодчих твердыни» власти, а также представления о «чести родной земли»: «Ропшет вся кровь от страданий, / В красных стигматах ладони! / Ты обещал мне, как чудо, / Новые дивные чада, / но от твоей благодати – / Только чугунные дети!». ¹³⁵ В отличие от традиционных плачей древней литературы, этот отличается тем, что Афродита Всенародная становится невольно виновной в том, что поколения «детей» рождены ею на страдания от бесчинства властей, она становится заложницей своего материнского инстинкта. Андреев развивает анти индустриальные мотивы: опасности внедрения в земные недра, разрушение природных основ мира («Роем копалища, Строим заводища»).

8. Материнский образ в мистерии предстает в трех ипостасях: Мать-сыра земля, родная мать, Богоматерь. В земном сюжете матери сдают детей в общественные приюты; отлучение от высшего материнского смысла обесценивает жизнь женщины: «Сдам ребятню в ясли, / Там подрастут, если... / Чувства, права, мысли / Мыслит за нас он». ¹³⁶ Мужское государство «отца народов» отказывается от матери – в аспекте Богоматери, но поощряет ее как блудницу. В мистерии есть мотив женской жизни как легкого времяпрепровождения и связанный с ним мотив проституции: «Ой, разряжусь шелком! /...Ай, подзавьюсь челкой!»). Среди многих других есть один женский голос, который ведет христианскую тему: «Ищет неистовый Ирод / Дух твой, за власть трепеща». ¹³⁷ В концепции Андреева спасти духовно человека может только мать.

Андреев моделирует проблему отцов и детей сначала по вертикали, а потом по горизонтали; в духовно-религиозной системе ценностей автора вертикальные связи первичные. Художник утверждает значимость «духовных» отцов для развития земной жизни.

Выбрав Отца народов, Лже-отца и Лже-учителя в наставники, поколения людей становятся его пленниками: бедные дети земли «в плену сходят ко сну», «дети ущерба снуют во мгле». Следствием этого становится бездомность и бесприютность как формы существования национальной земной жизни. Основные топосы в мистерии –

¹³⁴ Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присцельс, 1995. Т. 3. Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присцельс, 1995. Т. 3. С. 183.

¹³⁵ Там же. С. 184.

¹³⁶ Там же. С. 86.

¹³⁷ Там же. С. 86. С.70-71.

улица и площадь перед цитаделью. В сюжете мистерии выстраивается оппозиция: Отчего Дома (Небесного) – земного – и подземного капища.

*Не знает взысканий, струит благодать
Великое Сердце Вселенной,
Творя, как Отец, и тоскуя, как Мать,
Как Сын, выводя из геенны.¹³⁸*

Треугольнику Лже-отец (Отец народов) – воспитатели – дети противопоставлен другой: учитель – родители – дети. В концепции Андреева родственные чувства как основа жизни реализуются в полной мере лишь в ситуации первичности духовного наставничества, тогда взаимоотношения родные отцы (матери) – дети находятся в гармоническом соответствии (тогда отцеубийство недопустимо). Возможно это в мире Андреева только через возвращение к Небесному Отцу; в противном случае «вертикаль», определяющая мировоззрение и поведение человека, нисходит в антикосмос.

Итак, проблема отцов и детей рассматривается в творчестве Д. Андреева как русский вопрос и феномен национального сознания. Однако связывается она не с нигилизмом молодого поколения, а с проблемой самодержавной власти, в логике развития которой в русской истории особое место занимает XX век. «Отцовство» власти – реализация исконных черт национального сознания. Андреев как величайшую трагедию рассматривает отцеубийство и детоубийство, ставшие нормой жизни общества в послереволюционный период, как этиологию советского государства. В отличие от литературы 1920-х годов (М.Шолохов, И. Бабель и др.), причины и истоки этих явлений метафизические. Проблема поиска отцов, подчеркнем – «духовных отцов», и есть главная проблема всех произведений Андреева и «Железной мистерии», в частности, так как последние определяют и способ существования человека в земной реальности во взаимоотношениях с родными отцами.

Тема отказа от отцов остается характерной чертой литературы XX века, отражая особенности национального мироотношения. Она заявлена в Серебряном веке романом Андрея Белого «Петербург» (1916), а завершает ее в XX столетии роман Дмитрия Галковского «Бесконечный тупик» (1990). Русская литература именно 1920 – 1950-х годов в полной мере отразила нигилизм как общую черту национального сознания. В отличие от литературы XIX века новая литература двадцатого столетия отразила не только бунт молодого поколения против отцов, но и раскрыла другую важную черту национальной ментальности – неистребимое чувство сиротства и экзистенциального одиночества человека в мире как необратимое следствие разрыва с отцами и глубинную потребность в опоре – физической, интеллектуальной, духовной.

В середине XX века Д. Андреев обращается к культур философии и мифологической интерпретации проблемы отцов и детей как явления пострелигиозной эпохи, ищет путей «воссоединения» целостности человека с Божественным целым. В это же время литература исследует также социально-исторические причины и корни «отцеубийства», выходит к проблеме вины «детей» и ответственности за замену «родных» отцов «отцом народов» (поэма А. Твардовского «По праву памяти», 1969).

¹³⁸ Там же. С. 188.

Литература

- Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присцельс, 1995. Т. 3. Андреев Д. Собр. соч.: В 3-х томах. М.: Моск. Рабочий; Присцельс, 1995. Т. 3.
- Булгаков С.Н. На пиру догов. // Вехи. Из глубины. М., 1991.
- Дашевская О.А. Жизнестроительная концепция Д. Андреева в контексте культурфилософских идей и творчества русских писателей первой половины XX века. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 198 – 202.
- Мильдон В.И. Отцеубийство как русский вопрос // Вопросы философии. 1994. № 12.
- Рябов. О.В. Рябов О.В. Русская философия Женственности. Иваново: «Юнона», 1999.
- Философская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 5 Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5.

О принципах подхода к анализу поэтического текста Р. Тагора. Principles of Approach to Analysis of R. Tagore's Poetry

Elena Brosalina (Елена Бросалина)

The paper presents new approach to analysis of R. Tagore's poetry. This approach is based on assumption that each poetic piece may be looked upon as a kind of letter. To rouse some respond it has to be addressed properly to a certain person (or group). In R. Tagore's poetry the most popular form of such address carries out personal pronoun, plus-minus vocative particle.

The purpose of paper is to define rather unconventional (for his time) use of these personal pronouns by the poet, attempt to give some interpretation to this depending on addressee subdivide into certain groups. This may be very helpful for translations.

Я предлагаю взглянуть на стихотворный текст в несколько необычном ракурсе, а именно рассмотреть его как некое послание (message), у которого существует автор и адресат. В подобном случае для корректной интерпретации поэтического высказывания представляется логичным подвергнуть анализу три его неперменные составляющие: а) форму обращения (the way to address), поскольку это позволит определить характер связи между автором и адресатом б) форму изъяснения (т.е. the way to express) что включает определение времени, места и цели послания и в) комплекс изобразительных средств, которые использует автор чтобы сделать свое поэтическое послание максимально убедительным (the way to impress).

Полагаю, что подобный комплексный анализ поэтического высказывания даст возможность должным образом сложить в единую картину отдельные его компоненты (тема, основная мысль, средства выразительности), а также поможет избежать многочисленных неточностей, а временами и серьезных ошибок, особенно заметных при переводе стихотворений великого поэта на другие языки.

В данном случае чтобы показать результативность подобного подхода остановлюсь в основном на первом из названных этапов, а именно на форме обращения. В современной поэзии на новоиндийских языках, в частности, в бенгальском, обращение приобретает особую важность в силу нескольких причин. Из них три имеют объективный характер. Одна это отсутствие в бенгальском языке собственных показателей рода. Вторая – наличие субординативной системы местоимений. Третья – отсутствие заглавных букв в бенгальской орфографической системе. Есть и еще одна причина субъективного характера. Она имеет непосредственное отношение к восприятию поэтом мира, к его представлениям о природе творчества и источнике вдохновения, а также к его взглядам на систему этических связей в пределах социума, сформулированных им в концепции «религия человека». (mānaba dharma)

Исходя из постулата равноценности и самоценности каждого индивида, Р. Тагор формирует свою собственную ценностную шкалу употребления местоимений. Он полностью исключает из своей поэтической лексики личные местоимения 2 лица (āpni), маркирующие высшую степень почтения и социальной разницы между автором и адресатом, местоимение 3-го лица tini он также употребляет чрезвычайно редко (и то

лишь в целях противопоставления автора адресату¹³⁹). При этом поэт в соответствии со своей концепцией «общечеловеческого братства» значительно расширяет сферу использования так называемых нейтральных форм 2-го и 3-го лица (tumi и se). Это создает дополнительные трудности для осмысления поэтического текста, поскольку в одном местоименном (с формальной точки зрения) регистре оказываются Всевышний и простой смертный, господин и слуга, богач и нищий бродяга. В подобной ситуации именно междометийный или глагольный элемент обращения играет решающую роль в определении отношения автора к адресату.

По *местоположению* обращение занимает, как правило, начальную позицию в поэтическом высказывании, хотя оно также может быть как вынесено в рефрен-репризу (bihaṅga, ore bihaṅga mor¹⁴⁰), так и встроено в середину строфы (cala jātī, calo dinarātrī¹⁴¹).

По *типу связи между автором и адресатом* их можно подразделить на несколько категорий: а) обращение типа я – я (āmi – āmi). Для поэта-лирика это наиболее распространенный тип связи автора и адресата. Подобные стихотворные послания представляют диалог автора со своим сокровенным, скрытым от постороннего взгляда «Я». Они носят исповедальный характер. Наиболее ярко в творчестве Р. Тагора он представлен в таких сборниках, как Sandhyā saṅgīt, Prabhāt saṅgīt, Chabi o gān, Sonār taṅī.

б) обращение типа я – Ты (āmi – tumi). В качестве адресата подобного обращения в поэзии Р. Тагора, как правило, выступает существо или сущность высшего порядка, вызывающее у автора чувство глубокого благоговения и любви. Стихотворения носят отчетливо выраженный молитвенный характер. Наиболее ярко они представлены в таких стихотворных сборниках, как Naibedyā, Utsarga, Gītañjalī, Pūrabī и Rūpāntar.

в) обращение типа я – он/она (āmi – se). Адресность подобных поэтических посланий в основном такая же, как и в предыдущем случае, однако в отличие от него они написаны в более «спокойном» регистре и носят скорее философический, нежели исповедально-молитвенный характер. (сборники Kheyā, Sonār taṅī, Janmadine, Balākā, Kaṛī o kamal, Citrā)

г) обращение типа я – ты (āmi – tui). Напомним, что интимно-фамильярная форма «tui» двойственного характера. В ряде случаев она соотносится с темой приязни, любви (сборники Mānasī, Prem, Videśī phuler guccha), в других случаях – сравнительно редко – маркирует осуждение, несогласие и означает диспут с адресатом¹⁴².

С точки зрения грамматической (т.е. по составу) наиболее употребительными в поэтической практике Р. Тагора являются междометийные обращения (he, go, ogo, o, ore, hāy). Междометие при этом чаще всего находится не в изолированной позиции, но в сочетании с другой словоформой. Основываясь на грамматической категории этого второго компонента, обращения такого рода можно подразделить на именные, местоименные и глагольные.

Согласно тагоровской иерархии наивысшая степень почтения выражается с помощью междометия «HE». Косвенным, но достаточно весомым подтверждением этого

¹³⁹ Rabīndra racanābālī, Janmaṣatabārśik saṃskaraṇ. Kalikātā 1961-1966. V. II, p. 291

¹⁴⁰ ibid, V. I, p. 269

¹⁴¹ ibid, V. IV, p. 206 №40

¹⁴² ibid, V. IV, p. 206 № 41

являются переводы Р. Тагором ведических гимнов, стихотворений Бхавабхути и Видьяпати, где он употребляет именно это междометие. В качестве примера приведем два отрывка из его перевода гимна в честь Варуны:

«*He, baruṇ, tumi dūr karo he, dūr karo mor bhay*» (О, Варуна, избавь, о, избавь меня от страха).

«*He, baruṇadeva, mānuṣ āmrā, debatār kāche yadi thāki pāp kare, laṅghan kari tomār dharma...*» (О, Варуна, мы люди [всего лишь] и согрешив, мы нарушаем тобою установленное¹⁴³).

Отметим, что уже на уровне этого переведенного автором текста, обнаруживается формальное несоответствие используемых Тагором форм нейтрального местоимения (*tumi, tomār*) с пафосной тональностью начального обращения, о чем было упомянуто ранее. Это особенно важно принимать во внимание в тех случаях, когда Р. Тагор использует не имя собственное, а глагольную форму, и помимо междометия в тексте нет никакого другого указания на личность адресата.

В употреблении сочетаний с междометием «*he*» отметим две особенности. Обе они находятся в русле мировоззрения Тагора, как поэта романтика, и теснейшим образом связаны с его концепцией «*mānaba dharma*». Во-первых, при обращении к Высшему началу Р. Тагор в собственных стихотворениях использует не одно из его конкретных имен (Вишну, Шива, Парвати и пр.), а эпитеты общего плана, такие как *bidhātā, bhagabān, bhāgyabān, aśīm, prabhu, rājā, rājār rājā, antaryamī, antarātama, biśhadebatā* и пр. При этом в каждом конкретном случае они «привязаны» к содержанию «послания».

Во-вторых, в своей поэтической практике Р. Тагор значительно расширяет сферу употребления подобных междометийных обращений. Этот высочайший статус адресного обращения у него приобретает целый ряд субстантивированных существительных. Часть из них вполне традиционны и в основном связаны с лексикой сочинений бхактов и песен баулов (*man, citta, buddhi, mājhi, ānanda, ascenā, maner mānuṣ*). Однако и в этом случае в их поэтическом осмыслении мы можем наблюдать некое смещение акцентов. Оно происходит благодаря постоянному употреблению в составе обращения еще одного элемента, а именно, притяжательного местоимения *мой/мое/моя (mor/āmār)*¹⁴⁴. Это придает всему поэтическому изъяснению глубоко личностный характер.

Помимо вышеназванных, Р. Тагор использует в качестве второго элемента междометийных обращений с «*he*» новый пласт понятий, которые также имеют прямое отношение к философическому складу его поэзии, а также к поэзии Р. Тагора как поэта-патриота. Реализация первой из названных особенностей в составе обращения происходит с помощью таких существительных, как *dharanī, pṛthibī, maraṇ, mahāmaraṇ, jīban, aīt, āśā* (земля, смерть, жизнь, надежда, прошлое). Что касается обращений, маркирующих гражданскую позицию Р. Тагора, то в их ряду следует упомянуть прежде всего такие как «*he, bhārat, āji nabīn barṣe*»¹⁴⁵, «*he, mor durbhāgā deś*»¹⁴⁶.

¹⁴³ *ibid.*, V. XV, p.10

¹⁴⁴ *ibid.*, V. IV, p. 30, p. 195

¹⁴⁵ *ibid.*, V. II, p. 136

¹⁴⁶ *ibid.*, V. II, p. 283

По частотности употребления далее назовем обращения, первым элементом которых являются междометия группы «go», «go» и «oge». Сфера их употребления Р. Тагором также имеет свои особенности. Первые два свидетельствуют об обращении поэта к мотивам вишнуитской поэзии. Как правило, в качестве второго элемента он использует здесь традиционные для вишнуитской пады обращения «sakhā/sakhī», «bandhu» или «sajanī». Именно этот тип обращений широко применяет поэт в своем цикле «Bhānūsīmher thākurer padābālī»¹⁴⁷. Примечательно, что в данном случае мы имеем дело не с оригинальным текстом в переводе Р. Тагора, а со своего рода литературной мистификацией. Поэт настолько точно воспроизвел здесь поэтику вишнуитской пады, что, в последствии, это его сочинение было принято некоторыми за подлинный сборник неизвестного средневекового автора.

В своем творчестве наиболее интенсивно Р. Тагор применяет такого рода обращения для выражения собственного сокровенного чувства любви в сборнике «Kaṅī o komal»¹⁴⁸.

Помимо упомянутых, в качестве второго компонента в сочетаниях с междометиями «go» и «ogo» мы находим и адресный эпитет, опять-таки, характерный для вишнуитской поэзии, такой, например, как «Nemnalīnī»¹⁴⁹, «Sundar cog»¹⁵⁰.

Уместно заметить, что обращения подобного рода обычно отсылают нас к вишнуитской поэзии не только на уровне темы, но и функционально, поскольку большинство стихотворений, начинающихся с междометий «go», «ogo», получили «второе рождение» в творчестве Р. Тагора уже в виде песенных текстов или песенных вставок в его пьесах.

Сфера употребления сочетаний с междометиями «oge/ohē» тематически и субординативно совпадает с упомянутой выше для «go», «ogo». Однако поэт склонен использовать значительно более широкий спектр лексики. Эта лексика в большинстве случаев маркирует тип связи я – Ты или я – ты. Она включает самые различные вещи, как обыденного, вполне конкретного плана, так и философского¹⁵¹. Такого типа обращения могут передавать отношение поэта к сиюминутному переживанию, мимолетному впечатлению, или иметь характер серьезного раздумья.

О тех стихотворениях, где с помощью сочетаний «ogo» и «oge» автор размышляет о смысле жизни или поэтическом призвании следует сказать особо. Довольно часто при этом Р. Тагор избирает в качестве адресата чисто условного собеседника. Чаще всего в этой роли выступает лодочник (majhī), путник (yatī) или странник (pathik). В действительности это всего лишь маски, которые «примеряет на себя» поэт, и вследствие этого они, возможно, должны быть рассмотрены как один из вариантов типа связи я – я.

Последнюю позицию в череде наиболее часто встречающихся форм междометийных обращений занимает междометие «hāy/hāy-re». Сфера его употребления не связана ни

¹⁴⁷ ibid, V. I, p. 133 № 7, p. 137 № 13, p. 139 № 16

¹⁴⁸ ibid, V. I, p. 190-191

¹⁴⁹ ibid, V. X, p. 308

¹⁵⁰ ibid, V. I, p. 698

¹⁵¹ ibid, V. III, p. 538; V. VI, p. 381; V. I, p. 575

с определенной тематикой, ни с фактором субординации. Оно лишь фиксирует эмоциональное состояние автора: оно передает чувство горечи, потери, разочарования (hāy, dharitī, hāy re, tore rākhba dhāre; hāy re, bhikṣu, hāy re¹⁵²).

В настоящей статье остались не рассмотрены еще две важные категории обращений: местоименная и глагольная. Для распознавания адресата они представляют, пожалуй, наибольшую трудность. поэтому в заключение хотелось бы предложить свою интерпретацию роли таких обращений (в основном, местоименных) на примере конкретного стихотворения, взятого из сборника Sbadeš (Родина)¹⁵³.

*bidhir bādhan kaṭbe tumi
 śaktimān -
 tumi ki eman śaktimān
 āmāder bhāḡāgaṛā tomar
 hāte eman abhimān -
 tomader emani abhimān||
 ciradin ṭānbe piche,
 ciradin rākhbe nice -
 eta bal nāire tomār, sabe
 nā sei ṭan||
 śāsane yatai ghero āche
 bal dūrbalero,
 hao-nā yatai baḡo āchen
 bhagabān||
 āmāder śakti mere torāo
 bācchi ne re,
 bojhā tor bhārī halei
 āubbe tarikhān||*

*Закон судьбы нарушить тщишься.
 Ты столь силен?
 Ужель ты столь силен?
 Гордыней обуян, ты нашу жизнь
 вершить стремишься?
 Гордыня ваша столь уж велика?
 Вечно толкаете вспять, вечно
 главу не даете поднять.
 Нет у тебя столько сил, а у всех
 нас терпенья.
 Сколько ни давите властью,
 однако и слабый силен,
 Коли Всевышнего силою он осенен,
 Нас уничтожишь, но не спасетесь
 и сами:
 Груз когда слишком велик - лодку
 быстро накроет волнами.¹⁵⁴*

В пяти двустушиях, из которых оно состоит, использован в качестве адресного обращения целый ряд личных и притяжательных местоимений. Общей структурной и смысловой их особенностью является их оппозиция по отношению к авторскому «я». По поводу последнего следует подчеркнуть, что в рассматриваемом поэтическом послании, как и во многих других в этом сборнике, использован необычный для Р. Тагора-лирика прием, когда для обозначения позиции автора им избрана не форма местоимения I л. ед. числа, а притяжательное и личное местоимения I л. во множественном числе - «āmāder» (наш) и «āmḡā» (мы). С их помощью поэт выражает мысль о единении со своими унижаемыми соотечественниками. Что касается остальных местоименных форм, то порядок их употребления в каждой из пар отдельно взятых двустушии служит единой этической задаче - показать мощь иноземного давления и степень народного протеста. Итак, в обоих стихах вводящего в тему начального двустушия в качестве адресного обращения фигурирует одна и та же нейтральная форма «tumi» (ты, II л. ед. число). В первом стихе второго двустушия

¹⁵² ibid, V. III, p. 690; V. II, p. 705, p. 899

¹⁵³ ibid, V. IV, p. 207 №44

¹⁵⁴ При переводе автор стремился лишь к тому, чтобы сохранить местоименные формы и передать общую тональность поэтического высказывания.

обозначается и «совокупный» автор послания, который находится в оппозиции к вторично названному адресату - ты (tumi). Во второй строке этого же двустушия адресат представлен той же местоименной формой, но уже во множественном числе. Это сделано, по всей видимости, для того, чтобы подчеркнуть силовой перевес оппонента. Подобное предположение подтверждается и на уровне лексики: напомним о риторическом вопросе в первом двустушии: «Ужель ты столь силен? (ṣaktimān)» - и о своеобразном ответе на него в пятом: «Нас уничтожишь, но не спасетесь и сами:/ Груз (bojhā) когда слишком велик - лодку быстро накроет волнами».

Третье двустушие - ключевое по содержанию. На этот раз враждебно настроенный адресат снова представлен местоименной формой II-го лица единственного числа, в то время как совокупный автор-оппозиционер обозначен через собирательное местоимение «все» (sabe). С помощью перестановки местоименных обращений автор таким образом выстраивает напряженную картину противостояния двух политических сил: иноземных властей и населения страны. Четвертое двустушие не менее значимо, однако здесь противопоставление осуществляется не с помощью местоименных, а на основе им соответствующих глагольных форм. С тем, чтобы подчеркнуть преимущество своих соотечественников, лишенных права самим решать свою судьбу, поэт напоминает о том, что Всевышний всегда на стороне слабых. Здесь мы имеем как раз тот случай, когда при этом Р. Тагор употребляет глагол «āchā» (быть, существовать) в форме, соответствующей пиететному и редко используемому им местоимению III лица «tini» - āchen.

Наконец, в пятом, завершающем двустушии, содержится призыв к самопожертвенному подвигу и прямой вызов. На уровне обращения он обнаруживается в изменении местоименной формы адресата: оппозицией формы «мы» (āmrā) здесь является адресная форма «tui/togā», с помощью которой, как известно, кроме чувства интимной близости бенгалец выражает и крайнюю степень презрения.

Итак, эмоциональное действие этого стихотворения развивается по нарастающей: от несогласия - к протесту, от него - к провозглашению уверенности в своем праве, а далее - к грозному предупреждению о неизбежном крушении могущества сильных и выражению презрения к ним. Это восхождение по пяти двустушиям совершается с помощью своеобразных ступеней, обозначенных логически выстроенной системой обращений: ты; мы - вы; мы - ты; ты - он; мы - ты (уничужительное).

P.S. Мое «послание» имеет предварительный характер. Оно ориентировано в первую очередь на проблемы перевода стихов Р. Тагора на другие языки. Хотелось бы надеяться, однако, что оно может также привлечь внимание и вызвать интерес и у тех, которые посвятили себя исследованию его поэтического творчества.

P.P.S. Предложенные здесь принципы подхода к анализу поэтического текста имеют ограниченное применение и «работают», главным образом, в сфере его лирики.

Синтез науки и духовности в современном гуманитарном образовании России

T.A. Kostyukova (Костюкова Т.А.)

L.A. Mokretsova (Мокрецова Л.А.)

The article considers the problem the spiritual crisis in modern Russia and, as one of the ways of overcoming it are the new contents of Federal educational standards of General education of the new generation. The analysis of educational areas (history, Philology, physical culture, etc.) from the point of view of reflection of the traditional Russian spiritual values. Made an attempt to understand the new educational area «Spiritual-moral culture» and the new course «the Basics of religious cultures and secular ethics».

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) после длительных обсуждений введены в России в 2012 году и представляют собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования образовательными учреждениями, имеющими государственную аккредитацию. Федеральные государственные стандарты обеспечивают единство образовательного пространства Российской Федерации посредством установления единых требований к результатам, структуре и условиям реализации основной образовательной программы; сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, овладения духовными ценностями и культурой многонационального народа России; а также внеурочную деятельность, ориентированную, на социальное и гражданское становление, воспитание и социализацию обучающихся, их самоидентификацию.¹⁵⁵

Во ФГОС нового поколения выделено 7 предметных областей и определены основные задачи реализации содержания. Так, предметная область «Филология» нацелена на формирование первоначальных представлений о единстве и многообразии языкового и культурного пространства России, о языке как основе национального самосознания; развитие диалогической и монологической устной и письменной речи, коммуникативных умений, нравственных и эстетических чувств, способностей к творческой деятельности.¹⁵⁶

Область «Обществознание и естествознание (Окружающий мир)» предполагает формирование уважительного отношения к семье, населенному пункту, региону, России, истории, культуре, природе нашей страны, ее современной жизни; формирование осознания ценности, целостности и многообразия окружающего мира, своего места в нем; психологической культуры и компетенции для обеспечения эффективного и безопасного взаимодействия в социуме.¹⁵⁷

Цель области «Искусство» - развитие способностей к художественно-образному, эмоционально-ценностному восприятию произведений изобразительного и

¹⁵⁵ Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования. М., 2012.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

музыкального искусства, выражению в творческих работах своего отношения к окружающему миру.¹⁵⁸

Область «Физическая культура» ориентирована на укрепление здоровья, содействие гармоничному физическому, нравственному и социальному развитию, успешному обучению, формирование первоначальных умений саморегуляции средствами физической культуры. Формирует установки на сохранение и укрепление здоровья, навыки здорового и безопасного образа жизни.¹⁵⁹

Так же выделено ядро остальных предметных областей – математики и информатики, технологии, естественнонаучных предметов. Особое место в стандарте занимает новая область - «Основы духовно-нравственной культуры народов России», которая нацелена на воспитание способности к духовному развитию, нравственному самосовершенствованию; формирование первоначальных представлений о светской этике, об отечественных традиционных религиях, их роли в культуре, истории и современности России, становлении российской государственности; понимание их значения в выстраивании конструктивных отношений в семье и обществе. Данная область призвана обеспечить понимание значения нравственности, веры и религии в жизни человека и общества; становление внутренней установки личности поступать, согласно своей совести; воспитание нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания, духовных традициях народов России; осознание ценности человеческой жизни.¹⁶⁰

Остановимся подробнее на анализе некоторых гуманитарных предметных областей с целью выявления в них учебного материала, напрямую связанного с традиционными российскими духовными ценностями.

Изучение сущностных характеристик традиционных российских духовных ценностей позволило установить, что это, во-первых, исконные - изначально воспринятые ценности, ставшие историческим выбором, сформировавшие культуру, традиции и российские этносы в целом; во-вторых, культуuroобразующие, оказывающие в течение длительного времени влияние на развитие государства, народа и культуры; в-третьих, это именно те ценности, которые составили основу повседневного образа жизни народа, войдя в его язык, обычаи, стали архетипами его мировоззрения; в-четвертых, эти ценности делают отечественную культуру самобытной (отличной от других).

Одной из содержательных линий в области «Обществознание», включающей историю, обществознание, географию, является историческое движение: человек в истории, восприятие мира ценностей, религиозных и светских учений, духовной и материальной культуры. В требованиях стандарта к историческим знаниям учащихся отмечается, что они должны иметь представления о религиозных верованиях людей, христианстве как основе культурной и духовной жизни; понимать отношения культуры и религии; характеризовать место и роль церкви и религии в истории России. В разделе «История древнейших цивилизаций» должны быть изучены религиозные представления людей в древности, зарождение религий, древние библиотеки, сообщено понятие о книге книг – Библии.

В разделе «История средних веков: Россия и мир» изучается христианское учение средневековья; человек в эпоху средневековья; развитие духовной жизни, картина мира, религиозное сознание и мышление. В специальных темах изучается крещение

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

Руси, его значение, культура Киевского и Московского государства, дается обзор памятников древнерусского искусства, письменности и культуры, роль политических деятелей средневековой Руси.

В разделе «История нового времени: Россия и мир» (XVII – н. XX вв.) прослеживается изменение ценностей человека, его отношений с природой и социальной средой, распространение идей гуманизма и материализма, взаимоотношения самодержавия и церкви, церковный раскол, роль патриарха Никона и протопопа Аввакума, преобразования Петра I, внешняя и внутренняя политика России в XIX в..

В разделе «Новейшая история: Россия и мир в XX в.» – причины разрушения религиозного чувства россиян в начале XX в., борьба против религии и церкви в советский период, деятельность русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны, эволюция духовных и нравственных ценностей.

В курсе «Обществознание» изучаются темы, посвященные традиционному обществу, познанию человеком мира и самого себя, духовная жизнь человека и общества, роль религии в жизни человека и общества.

Если при изучении данных курсов учитель будет лишь следовать за текстами ставших многочисленными в последнее время версий, изложенных в учебниках, без личностно-профессионального самоопределения в ценностных основах, учащимся будет весьма трудно разобраться с трактовкой многих противоречий и драматических сюжетов прошлого. Действительно, как же оценивать исторические события, которые трактуются диаметрально противоположно, например, русским и татарским народами? Для русских, несмотря на последние изыски историков, Золотая Орда остается символом разорения, духовного и физического насилия. Для татар – это символ величия их этноса. И наоборот, взятие войсками Ивана Грозного Казани – прогрессивный геополитический акт для русских, для татар же – плач по десяткам тысяч погибших, горькие воспоминания о периоде в шесть лет насилия и притеснений, который последовал за этим.¹⁶¹

Как отмечает А. Тарасов, некоторые современные учебники истории переполнены ошибками, вымыслами, домыслами и совершенно откровенно внушают школьникам, что многие жители России – люди ущербные, что почти вся история России – цепь неудач и позора, а образцом для подражания является западная цивилизация.¹⁶² Так, в учебнике И.Н. Ионова «Российская цивилизация и истоки ее кризиса» указано, что все беды России проистекают от ее национально-культурной самобытности, и вообще Россия была обречена на катастрофу с того момента, когда князь Владимир выбрал не ту религию (надо было выбрать католичество). Резкой критике в журнале «Преподавание истории в школе» подвергались учебники А.П. Богданова «История России до Петровских времен»; В.М. Хачатурян «История мировых цивилизаций», Л.И. Семенниковой «Россия в мировом сообществе цивилизаций» - за исторические, фактические, методологические ошибки. Данный факт актуализирует необходимость профессионального самоопределения будущего педагога в контексте традиционных российских духовных ценностей, ибо курс отечественной истории – это, прежде всего, курс исторических символов Родины и русского человека, принимающего все народы, населяющие Россию; понятие о национальном пути, духовном своеобразии России; типах ее национальных деятелей. При этом важно вдохнуть веру в школьников,

¹⁶¹ Богуславский М. Учебник истории: Взгляд на проблему //Педагогический вестник. 2009. № 11. С.9.

¹⁶² Тарасов А. Молодежь как объект классового эксперимента//Свободная мысль. 2009.№ 1. С.36.

показать, что для преодоления фазы надлома необходимо понять и освоить ценности духовного мира, в котором жили наши предки в лучшие периоды России.

Невозможно обойти осмысление традиционных духовных ценностей и в курсе литературы, цель которой состоит в приобщении читателей к духовным ценностям национальной и духовной культуры, в формировании национального самосознания и патриотизма. Литература связана с такими формами общественного сознания, как мораль, религия, философия и другие гуманитарные науки. Школьный курс литературы предполагает знакомство с разными художественными текстами и осознание их специфики: притчи, агиография, произведения (сказания) по библейским сюжетам, произведения древнерусской и русской классической литературы. Знание древнейшей книги человечества – Библии, представляющей до сих пор непознанную педагогическую ценность, необходимо для понимания литературы и искусства, наиболее часто обращающихся к библейским сюжетам и образам, вдохновлявшим художников слова, и интерпретировались в их произведениях. Неслучайно Ф.М. Достоевский отметил: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества».¹⁶³

Огромным воспитательным потенциалом обладают евангельские притчи как аллегории, в которых читатель или слушатель должен узнать себя. Притчи – не просто житейские иллюстрации некоторых нравственных истин, а это обращение к совести человека¹⁶⁴. На выбор учитель может обращаться к евангельским притчам – о милосердном самарянине, о двух должниках, о рабочих в винограднике, о талантах, о мытаре и фарисее, о сеятеле и семени – представляющих богатейшие возможности для осмысления нравственных ценностей, истин и смысла жизни, духовных проблем современного человека.

Изучение русской литературы начинается с изучения «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», «Поучения Владимира Мономаха», «Моления Даниила Заточника», основанных на традиционных духовных ценностях – стремлении к истине, образованию, добру, любви, защите Отечества, смиренню и внутреннему достоинству. Так, в «Повести временных лет» преподобного Нестора впервые в русской истории дана трактовка вечной моральной темы добра и зла. Академик Д.С. Лихачев пишет: «История человеческого рода, с точки зрения Нестора, есть история борьбы добра и зла»¹⁶⁵.

Литературные памятники Древней Руси полны различными примерами нравственного состояния русского народа. Среди них значительное место уделяется патриотизму как важной нравственной категории, которой в Киевской Руси часто уделялось первоочередное внимание. Так, автор «Слова о полку Игореве» пытается объяснить, что причиной драматических междоусобиц является нравственное падение верхушки древнерусского общества. Гордость и сребролюбие – вот два маховика, которые привели в действие страшную разрушительную машину братоубийственных войн на Руси. И насколько осознание этого актуально для событий, происходящих в современном мире!

Житийная литература дает образец целостности характера русского человека, неразрывности слова и поведения, патриотизма. Высокий образец супружеской жизни дается в «Повести о Петре и Февронии». В образе Февронии, рязанской крестьянки,

¹⁶³ Ильин И.А. Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М., 2011.С.411.

¹⁶⁴ Кураев А. Библия в школьной хрестоматии. М., 2005. С.73.

¹⁶⁵ Лихачев Д.С. О национальном характере русских. М., 2009.с.39.

ставшей женой муромского князя Петра, прославляется величие и сила подлинной любви.

Без преувеличения можно утверждать, что практически все без исключения произведения отечественной классической литературы органично связаны с традиционными духовными ценностями.

Роман-эпопея «Война и мир» Л.Н. Толстого увлекает осмыслением духовных исканий русской дворянства. Необходимо показать ученикам силу и целеустремленность русского характера: хрупкая, деликатная, добрая и терпимая к другим людям, княжна Марья умеет отстоять свои духовные ценности, несмотря на ироничное отношение к ним брата и откровенно отрицательное – отца, который «велит гонять этих странников, а она принимает их». Бесконечная любовь к ближнему помогает героине влиять на людей. Смысл жизни, который князь Андрей обретает в конце романа, она подсказала и предсказала ему, благословляя на войну семейным образком Спасителя: «Против воли он спасет и помилует тебя и обратит тебя к себе, потому что в нем одном и истина, и успокоение». Кротость и смирение, с которыми она переносила мучения отца, послужили причиной предсмертного раскаяния старого князя: «Спасибо тебе... дочь... дружок... За все, за все... Прости... Спасибо... Прости, спасибо – и слезы текли из его глаз».

Учитель литературы, неопределившийся в традиционных российских духовных ценностях, может не обратить внимания на отрывок из Евангелия, который Ф.М. Достоевский поместил в романе «Преступление и наказание» – о воскрешении Лазаря. Между тем, Ф.М. Достоевский указывал, что ради этого отрывка весь роман написан. Раскольников и есть умерший Лазарь, тело которого уже начало разлагаться. Он не старуху убил, себя убил. Он мертв духовно. Если этот отрывок из Евангелия не принять во внимание, как объяснить, что способно Раскольникова воскресить?

Можно было бы продолжить анализ произведений русской классики - Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова и других писателей. Однако уже приведенные отрывки наглядно иллюстрируют мысль о том, что их понимание невозможно вне круга традиционных духовных ценностей.

Даже этот беглый анализ убеждает в необходимости создания специальных условий для профессионального самоопределения будущего педагога – преподавателя гуманитарных дисциплин в традиционных ценностях, без чего он не сможет быть компетентным специалистом. Однако закономерно может возникнуть вопрос, полезно ли знание традиционных духовных ценностей тем, кто очень далек от какой-либо профессиональной принадлежности и в будущем свяжет свою жизнь только с точными науками? Е.Л. Файнберг, академик Российской академии наук, так отвечает на этот вопрос: «Благодаря интеллектуальной революции наука переживает особый период. Менталитет представителей так называемых естественных наук и математики приближается к менталитету деятелей гуманитарных наук, потому что обнажается грандиозная роль внелогического, интуитивного суждения».¹⁶⁶

Переходя к обобщению вышесказанного, следует заметить, что, согласно новым ФГОС, современная концепция школьного гуманитарного образования предусматривает значительное обогащение содержания предметов литературы, истории, мировой художественной культуры, экономики, физической культуре и других, за счет более глубокого осмысления истинных ценностей, подъема сознания

¹⁶⁶Файнберг Е.Л. Наука и культура: Материалы круглого стола //Вопросы философии. 2008. № 10. С. 19.

над прагматизмом стремлений. В этих условиях личность учителя должна пережить своеобразное преображение. Учитель с жестким атеистическим мировоззрением, не допускающий свободы мнений, не имеющий сил преодолеть односторонность личного опыта, не сможет донести до школьников всей глубины содержания предметов, обеднит выбор духовной опоры молодым человеком в дестабилизированном обществе. Русский философ И.А. Ильин так сформулировал одну из важнейших задач русского общества и правительства: подготовить учителей, «идейно преданных своему делу, способных не только «обучать», но и духовно воспитывать, и спаянных единством национально-патриотической убежденности».¹⁶⁷

Эта задача более, чем актуальна для современного российского общества. Именно учитель должен показать ребенку, что природа человека дуалистична, противоречива. Путь жизненный – путь крестный. На порок следует смотреть как на болезнь духа. Гордыня, зависть и алчность всегда заставляют человека ступить на трагический путь. Содержание школьных гуманитарных дисциплин должно показать, что "история культуры, философии определила два пути познания – рациональный и иррациональный. Мышление рационально, но этой рациональности иррациональными силами сообщается такой мощный импульс, что оно качественно меняется: не случайно интуицию связывают с озарением, гениальностью, даром. Такого рода импульсы свойственны самой природе ребенка. Именно поэтому предлагать школе чистый рационализм в кастрированном виде губительно!" – указывает директор Независимого института воспитания, доктор педагогических наук Ю. Азаров.¹⁶⁸

Таким образом, усложнение духовной жизни общества, открытие огромного слоя философской, художественной, искусствоведческой литературы требуют усвоения смыслов традиционных духовных ценностей, значит – синтеза науки и духовности. Рассмотрение духовных ценностей в контексте школьного и университетского образования должно носить общеобразовательный культурологический характер и быть нейтральным в идейном отношении, т.е. не носить открытого атеистического или специфически религиозного взгляда; формировать уважительное отношение ко всем вероисповеданиям и их носителям; а также к людям, не исповедующим никаких религий и к атеистам. Стержневым моментом отношения к традиционным духовным ценностям должно стать их историко-культурное содержание. Религиозные духовные ценности должны рассматриваться как феномен культуры, ее стержневая основа, важнейшая составляющая национального менталитета; средство, соединяющее народы в крупные сообщества; путь преодоления кризиса идентичности, к которому привело забвение национальных традиций, связывающих духовной нитью прошлое, настоящее и будущее народа.

Литература

- Азаров Ю. Дидактика общечеловеческих ценностей. М., 2008.
- Богуславский М. Учебник истории: Взгляд на проблему //Педагогический вестник. 2009. № 11. С.7-11.
- Достоевский Ф.М. и православие: Сборник. М., 2010.
- Ильин И.А. Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М., 2011.
- Кураев А. Библия в школьной хрестоматии. М., 2005.
- Лихачев Д.С.О национальном характере русских. М., 2009.
- Тарасов А. Молодежь как объект классового эксперимента//Свободная мысль. 2009.№ 1.С.34-38.

¹⁶⁷ Ильин И.А. Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М., 2011. С.211.

¹⁶⁸ Азаров Ю. Дидактика общечеловеческих ценностей. М., 2008. С.3.

- Файнберг Е.Л. Наука и культура: Материалы круглого стола //Вопросы философии. 2008..№ 10.С.18-24.
- Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования. М., 2012.

**«Маленькость человека» - расширенный путь маленького человека
от Пушкина до Солженицына**

Malenkost Cheloveka: Literary Journey of Little Man from Pushkin to Solzhenitsyn

Shraddha Sharma (Шраддха Шарма)

The concept of “Little Man” which is literal translation of “Malenki Chelovek” is a well known entity of Russian Literature. This concept has been discussed in every era of literature as “Little Man” always exists in every society.

In this paper, a different aspect of this concept has been dwelled upon. Most of the noted Russian literature scholars have symbolized the concept of “Little Man” through a clerk. I believe that this concept is neither restricted nor symbolized by this particular role or designation. Through this article, I have presented much wider range of people who belong to this “Little Man” category.

Little man is not only a person who is been ignored and tortured by the society due to his poverty, social status, caste or origin but is any person who has resigned to his fate due to his inability to fight against the injustice due to whims, fancies and tyranny of a system and society.

Понятие о маленьком человеке является не чисто литературным или литературоведческим концепцией. Оно гораздо шире и глубже. Оно охватывает понятия о человеке вообще, и о человечности и о гуманизме в особенности. Оно также может быть связано с понятием о назначении, роли и месте человека в обществе и в жизни.

Маленький человек концепция не новая в литературе, ибо тот факт является бесспорным, что Маленький Человек всегда существовал в обществе на всех этапах истории человечества. Не является исключением в этом плане и русское общество. Поэтому тема маленького человека занимала важное место в русской литературе.

В XIX веке был переломным периодом в истории России. В течение этого периода общественная жизнь в России была в бурном состоянии. Впервые раз в истории русской литературы писатели начали писать о той прослойке населения, на которую раньше никто не обращал внимание. Эту прослойку составляли так называемые Маленькие люди.

Простой народ или неядовые люди эксплуатировались светским обществом, т.е., помещиками, высокопоставленными лицами или людьми высокого ранга российской армии. Как это часто наблюдается в истории человечества, а также и в истории в России так- называемый высший класс смотрел на неимущий слой населения не только с высока, но и он относился к низкому человеку как к нечеловеку. Вельможи из русской аристократии чинили всевозможные злодеяния над бедными людьми, т.е., над русскими мужиками и другими обезолонными людьми русского общества этого времени.

Надо однако, отметить, что подобное зло существовало не только в царской России, но и во всех странах мира. Подобную социальную болезнь можно найти даже в древнем Индийском обществе. В древней индийской литературе они назывались “шудрами”.

В русской литературе изучение образов социально-отчужденных и подавленных людей нашло распространение в форме образа «Маленького Человека». Здесь следует найти ответ на вопрос как определить людей «большими» и «маленькими». Могут подниматься также вопросы: куда отнести это определенное понятие: к классовому или философскому понятию? Адекватно ли понятие маленького человека или неадекватно? Мне кажется, что необходимо подробно останавливаться на подобных понятиях. Литература всегда было и должна была быть зеркалом общества. Общественные явления или события всегда отражались литературе в той или иной мере. Поэтому писатели XIX и XX веков много писали о таком важном вопросе как о роли и месте человека в обществе.

В русской литературе отражение маленького человека набирает силы с появлением сентиментализма: особенно с появлением «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А.Н.Радищева и повести «Бедная Лиза» 1792 Н. Карамзина.

Образ маленького человека, который прошёл творческий путь со времён Радищева, Пушкина, Карамзина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Салтыкова Щедрина, Толстого, Чехова, Горького и других, нашёл отражение даже в повестях и рассказах писателей начала XIX века. Это длительный процесс эволюции темы маленького человека, становится важной темой и в русской литературе второй половины XIX века.

«Маленький Человек», это не только мелкий чиновник, но и сюда принадлежит и тот человек, которому общество не разрешает жить свободно по своей воле. Он никогда не становится хозяином своей судьбы, это большая часть, непризнанная часть общества. По мнению русских писателей чиновничество уничтожало нравственные принципы и духовные ценности человека. В результате всего этого получается, что «Маленький Человек», это тот человек, который перестал сопротивляться несправедливости, учиненной ему окружающей средой и в результате этого он перестал быть человеком, он стал нечеловеком.

Все писатели, включая Радищева, Пушкина, Карамзина, Гоголя, Достоевского и т.д., описывают маленького героя, в виде бедного, жалкого, угнетённого существа в общественной системе. Он потерял своё достоинство перед самим собой. В рамки этого образа входят не только те люди, которые страдали из-за общественной системы, но и те, которые оскорблены, угнетены и унижены. Помимо этого сюда входят такие люди, которые страдали или унижались из-за политических убеждений. Эти люди в XIX веке были жертвой общественной экономической системы. А в XX веке они становились жертвами более сложных обстоятельств.

Горький их назвал «Дном» общества. Это значит не только те люди, которые потеряли своё достоинство, должны называться маленькими людьми, но и те люди, которые не потеряли своё достоинство. Однако те люди, которые относились равнодушно к жизни. У которых цель в жизни была только выживать, т.е., те люди тоже, которые не хотели бороться против системы, которые не хотели бороться против системы, которые не хотели изменить то, с чем они не согласны, тоже становилась периферийными людьми, т.е., маленькими людьми на разных этапах истории.

Кроме того, надо считать маленьким не только тех людей, у которых есть рабская психология и которые потеряли своё достоинство, но и тех людей тоже, у которых нет рабской психологии, которые не потеряли своё достоинство, но у них нет силы воли, нет мужества, нет решительности и т. д. Бороться против злодеяния в обществе.

Из разного рода несправедливых обстоятельств человек был доведён до крайней жалкости и он был брошен в ряды общественных низов. Именно этого низкого

человека положено было считать маленьким человеком в русской критике в XIX веке. На мой взгляд существует малenkости иного рода. Это ничтожество, подлость, двуличие, ханжество, жестокость, или подобные пороки, что может превращать даже самого сильного, богатого человека в ничтожное существо.

Итак, малenkость человека, делится на две разновидности: положительная, т.е., по невыбору и отрицательная малenkости, т.е. малenkости по выбору. Человек, который был подавлен высокопоставленными людьми и, который ещё не старался изменить мир к лучшему, не старался бороться против несправедливости, т.е., его цель в жизни было только кое – как выжить страдал от положительной малenkости. Но малenkость у такого человека получается против его воли, она ему называется из-вне. Человек, который подавляет других с помощью своей власти, зная при этом, что он делает это для того чтобы удовлетворять свои эгоистические прихоти, страдал от отрицательной малenkости, т.е., он сам выбрал подобную малenkость. Итак, человек, который думает только о себе тоже малenkий. Итак, обе категории – человек, который подавлен, который подавляет другого человека, страдают от малenkости определённого типа. Обе эти разновидности малenkости – результат эксплуатации человека человеком. Самая главная причина рождения малenkости – это бедность.

Например – В “Сказке о рыбаке и рыбе” Пушкина, жена рыбака была жадной бабой и для того чтобы удовлетворять свои желания она эксплуатирует своего мужа. В этом случае старик страдал от положительной малenkости. Его малenkость в том, что он проявлял собственную несамостоятельность, он не проявлял способности разбираться в том, что хорошо, что плохо. Старуха страдала от отрицательной малenkости.

Самсон Вырин из повести А. Пушкина «Станционный Смотритель» не мог защитить собственную дочь Дуню от молодого гусара Минского. В этой повести сам гусар Минский страдал от отрицательной малenkости. Хотя он был богатым человеком, но это не значит что он мог бы грабить всё у любого беспомощного человека с помощью денег.

Итак, в повести «Станционный Смотритель» Гусар Минский стал маленьким человеком второго типа, потому что он унижает бедного беспомощного человека. Вырин является маленьким человеком потому, что он как бедный человек признавал себе слабым и рабом высокопоставленных лиц. Он потерял своё достоинство, ибо из-за бедности он страдал от рабской психологии.

В Пушкине Маленьким Человеком был то бедный Рыбак, то Станционный Смотритель, то жалкий гробовщик и т.д. У Гоголя Маленький Человек превратился в нечеловека типа Башмачкин из рассказа «Шинель». Конечно, трактовка темы Маленького Человека в этом рассказе изменилась. Здесь следует отметить, что тема Маленького Человека в русской литературе в 1830-50-х годах развивалась.

В повести «Муму» Тургенева малenkость центрального персонажа Герасима в том, что чувство рабской благодарности, чувство лже-долга перед своей хозяйки привели его к тому, что он чувствует себя ничтожным существом, он полностью потерял человеческое достоинство. Именно подобная малenkость Герасима доводит его к моральной слепоте. Итак, глухой Герасим стал и слепым, что привело к тому, что он совершил гнусное преступление, предательство – убийство собственного друга Муму (собака). Малenkость здесь в обезчеловечивание человека, что хуже всех малenkостей. Но на мой взгляд, самое главное в жизни – это сохранение уважении к самому себе, прежде всего.

В повести «Муму» И. Тургенева на самом деле показывается маленькость барыни, которая думала, что она своего рода бог и, что всем надо было подчиняться её приказам. Эгоизм, бесчеловечность, жестокость, себялюбие – основные черты маленькости в характере барыни.

Если у Гоголя враг человека – общественные порядки, т.е., бюрократическая система, то у Тургенева человек сам создаёт маленькость.

Человек (мужик) унижён до такой степени общественными порядками, что он перестал верить, что он человек.

В повести “Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил” Салтыков Щедрин показал такую же маленькость мужика, который сам становился жертвой перед генералами. В этой повести автор показывает, что “маленькость” доходит до крайнего уродства. Подавлённый человек перестает считать себя человеком. Он начинает думать, что по сравнению с его господами он хуже чем животные.169

В повести “Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил” Щедрин показывает, что источником не только материального благополучия, но и так – называемой дворянской культуры является труд мужика, т.е. маленького человека, Генералы – паразиты, привыкшие жить чужим трудом, очутившись на необитаемом острове без прислуги, обнаружили повадки голодных диких зверей, из-за которых готовы были пожрать друг друга. Только появление мужика спасло их от окончательного озверения и вернуло им обычный “генеральский” облик.170

По Толстому маленькость человека не в материальном бедствии, а в его духовной бедности. В повести «Хозяин и Работник» Толстой сделал попытку доказать, что каждый человек «работник». «Хозяин» у Толстого только бог, а человек действует по его приказаниям.

Толстой сам сказал что, “Мы все мужики, так как мы всю жизнь заняты спасением своей души”.171

Толстой передает, что человек не становится великим из-за богатства или власти. Наоборот, только тот человек должен считать себя великим, который озабочен о благе других. Богатство и власть – лишь своего рода допинг, Нужна только добрая душа.

В рассказе “Бедные люди” Толстого изображается величие и великодушие так – называемых маленьких людей.

В басне “Как мужик убрал камень” Толстого Маленькость проявляется в том, что несмотря на умелость и способность мужика, его эксплуатируют, унижают, не считаются с его достоинством, так как он был готов убрал камень за сто рублей, тогда как инженеры требовали восемь или шесть тысяч рублей за эту работу. Кроме того. Метод убирания камня у инженеров был не таким правильным, как у мужика, Мужик не только убрал этот камень, но он также основал умную выдумку.

Здесь маленькость в том, что во – первых мужик сам недооценивал свою способность, требуя только сто рублей за трудную задачу. Во – вторых, богачи тоже заплатили ему

¹⁶⁹ История Русской Литературы, т-III, Расцвет Реализма., Редакторы Тома: ф. Я. Прийма, Н.И. Пручков., Л., 1982 стр. 851

¹⁷⁰ Тамже, стр. 852

¹⁷¹ Толстой Л., “Жизнь и творчество”, М., Русский язык, 1979

то, что он требовал. Это произошло потому, что они не считали мужика человеком. Поэтому господа не признали его в качестве окривателя умной выдумки.

Толстой в этом рассказе передает, что несмотря на, способность, ловкость и разумность, мужик не признается в качестве изобретателя. Господа смотрят на него с высоко, так как он маленький человек.

Толстой не видит никакого выхода из этой малenessи. Но он показывает, что подавленный маленький человек не без способностей, не без ума. Наоборот он может бы гораздо более способнее, чем богатые господа. Но у маленького человека нет возможности проявлять свои способности.

Чувство неполноценности тоже является важной чертой малenessи. В рассказе “Слепой музыкант” В. Короленка чувство неполноценности вселяло в маленьком мальчике отрицательные черты. Он страдал от чувств неполноценности, из-за чего он раздраженно и болезненно реагировал на самые невинные замечания девочки.

Короленко, однако, убежден в том, что данную малenessь можно преодолеть. Поэтому рассказ завершается на обнадеживающей ноте. Петрусь и девочка, поняв друг друга в полной мере, подружились на всю жизнь. И так в рассказе “Слепой музыкант” мальчик Петрусь скорее всего перестает быть маленьким человеком.

Показав малenessь с этой точки зрения Короленко внёс совершенно новый элемент в понятие маленького человека.

Из-за бедности человек стал неуверенным в себе до такой степени, что он сам готов подавлять самого себя перед самим собой. Черяков из “Смерти Чиновника” А. Чехова, Башмачкин и из “Шинели” Гоголя примеры этого явления.

Эгоизм, самоуверенная наглость, корыстие и злодеяние тоже существенные черты малenessи.

В одной из легенды “Старуха Изергиль” М. Горького малenessь показывается в эгоизме, самоуверенности, корыстии и злодеянии. В легенде в характере Ларры отражается состояние “Малenessи” человека. Характер Ларры отличается от других людей, которые считаются маленькими людьми. Ларра не слабый, наоборот он очень смелый, высокомерный, гордый человек. Он причинял людям только зло и все способности Ларры стали отрицательным чертами из-за зла, причиняемого им людям.

Когда человек злоупотребляет свою власть, то никто не уважает его поступки, никто его не может поддерживать. Когда человек любит только самого себя и думает только о своей благе, он не может считаться героем, он лишь олицетворение зла, он страдает от “малenessи”, созданной эгоизмом и высокомерной надменностью.

В рассказе “Макар чудра” Горького себялюбие, высокомерие, чрезмерный эгоизм и т.д. приводят к моральной малenessи. Когда человек наступает на свободу другого человека для того, чтобы самому оставаться свободным, он играет роль подлого, т.е., маленького человека. И в этом рассказе обо Лойка и Радда действовали именно так. И в их характерах отражается отрицательная малenessь. Они сами были жертвами собственного высокомерия и надменности. И так, оба они потеряли своё достоинство, так как они не уважают свободу друг друга. И желая подчинять Радду, Лойко убил её.

В этой рассказе Горький изобразил безвольных, хмурых и циничных людей, что является чертой малenessи иного типа, а именно малenessи созданной искажением человеческой личности – тщедушием и тщеславием.

В легенде “Сердце Данко” Горького маленькость обращается в тщедушии толпы, в её несознательности, в неглубокодушши.

В “Челкаше” Горький показывает, что маленькость босяков создана обстоятельствами. Даже будучи вором, Челкаш не теряет человеческое достоинство: он не обманывает своих товарищей, он не предаёт их, он не является жадным ханджей. Но он беден, бездомен, одинок, беспомощен, поэтому он вор, гуляка, т.е., “маленький человек”. Были бы благоприятные обстоятельства для него, он мог бы хорошим, честным и положительным человеком.

«Маленький человек» Солженицына отличается от предыдущих писателей. «Маленький человек» Солженицына не унижён, не жалок, не беден. Он не потерял своё достоинство перед самим собой. Однако, он страдал из-за политических убеждений или из-за отсутствия их.

Маленькость людей получается в результате чудовищного явления сталинщины. Сталинщина искажение истинных принципов социализма, превращает людей в винтики громадной государственной махины. Люди теряют своё лицо, они превращаются в нелюдей.

По Солженицыну маленькость сталинской системы рождает «Маленького человека» в советское время. Итак, не только люди становятся жертвами системы, но и все те люди, которые идут не в ногу с системой, т.е., бунтуют против отрицательных сторон системы, и тем самым становятся жертвами системы, не взирая на то, кто они: писатели, врачи секретери, преподаватели, учителя и т.п.

Солженицын сам стал жертвой сталинской системы из за чего ему пришлось покинуть свою страну против собственной воли. По этому поводу Солженицын выразил своё мнение в нобелевской лекции так: “А сегодня между писателями одной страны и писателями, и читателями другой, есть взаимодействие, если не мгновенное, то близкое к тому, я сам на себе испытываю это. Не напечатанные, увы, не на родине, мои книги, несмотря на поспешные и часто дурные переводы, быстро нашли себе отзывчивого мирового читателя.”¹⁷²

В повести А. Солженицына “Для пользы дела”, где черта маленькости проявляется в поведении властей, которые использовали свою власть над простыми людьми незаконно. Власти для того, чтобы обмануть простых людей делали вид, что они работали по принципам коммунизма, но на самом они нарушали эти принципы, и вели себя как диктаторы.

В этой повести из-за своей надменной позиции власти не поняли эмоционального состояния студентов. Они проявляли жестокую бюрократическую бесчувственность по отношению к студентам и тем самым нарушали принципы коммунистического поведения. Подобное поведение властей, привело студентов в состояние разочарования, о чём четко сказано, “не в камнях, а в людях надо коммунизм строить”.
173

Солженицын в повести “Для пользы дела” видит маленькость простых людей в том, что находятся в состоянии беспомощности. В подлости, высокомерности и нечуткости властей Солженицын видит маленькость винтиков сталинской чудовищной махины.

¹⁷² Солженицын А. “Нобелевская лекция по литературе”, 1970, с. 56-57.

¹⁷³ Солженицын А. “Собрание сочинений”, Германия, 1970, с283

После смерти Сталина, сталинщина существовала долго и почти во всех сферах жизни. Никита Хрущев, став Генеральным секретарем КПСС, попытался разоблачить злодеяния Сталина на XX съезде партии. Он отметил, что искажения в функционировании советской системы произошли из-за культа личности Сталина. На самом деле Хрущев правильно считал, что во всех партийных аппаратчиках глубоко сидел носитель сталинизма, т.е., каждый из них закоренелый бюрократ и жестокий аппаратчик. Он признался в том, что, может быть, в нём самом, т.е., в самом Хрущеве сидел какой-то сталинист. Об этом свидетельствует вывод Дж. Пирса, сделанном им: “How can we fight against the remnants of the personality cult if Stalinist of this type are still among us?” Khrushchev is alleged to have said: “there is a Stalinist in each of you; there’s even some of the Stalinist in me. We must root out this evil”.¹⁷⁴

Коррупция и несправедливость в коммунистическом режиме создало маленькость во всех аспектах жизни людей. Так мы не можем обвинять одного человека потому, что правительство состоит из группы людей и эти люди для того чтобы сохранить своё место и свою карьеру обезчеловечиваются, становятся “маленькими людьми”. Они не слушают голос своей совести. Они думают только о собственных интересах. Другие люди, которые думают о других людях, т.е., которые хотели бы сохранить в себе коммунистические черты, вынуждены были расстаться с ним, потому что верховная власть заставляет подчиненных действовать так же, как и они.

Так в таком обществе было мало людей, кто думал о благе простых людей, у которых не было власти. Но они верили властям и надеялись, что правительство действовало на блага народа. Именно поэтому они не протестовали, не бунтовали. Кроме того, тех, которые протестовали против несправедливости, ожидала печальная участь – либо тюрьма, либо концентрационный лагерь.

Итак, несправедливость рождает коррупцию и другие зла в обществе, что делает простой народ “маленьким”.

Дело в том, что Солженицын из-за собственной горькой судьбы слишком уж обижен всем тем, что он считает коммунистическим. Он потерял способность трезво отличать идеологию коммунизма от явления сталинщины. Либо он не понимает, либо он нарочно закрывает глаза на то, что в Советском Союзе не существовал настоящий социализм. В имя социализма не самом деле царил государственный капитализм, при котором нарушалось основное положение социализма. Настоящий социализм, без демократии в его основе не может быть построен. Обще известным является и тот факт, что в практике сталинщины демократизм был полностью исключен. Из-за чего процветал культ личности, сплошные репрессии.

Мало известен и тот факт, что большинство репрессированных людей состоялось из настоящих коммунистов. Итак, Солженицын отравлен ядом слепого антикоммунизма, из-за чего он готов “to throw out the baby with the bath water”, т.е., он вместо того, чтобы отличать социализм от сталинщины, готов разрушить саму идеологию социализма.

Неудивительно, что из-за своего антикоммунизма, Солженицын поддерживает самую бесчеловечную систему капитализма. Поэтому Запад так преподносил Солженицына так его восхваляет...

¹⁷⁴ Pearce. J., “Solzhenitsyn, A Soul in Exile”, Great Britain, 1999, p.151

Но Солженицын в корне своём крайне ретроградный человек. Он оправдывает даже крепостное право, при котором все мужики были в гораздо худшем положении, чем Матрёна из рассказа “Матрёнин двор”

Кстати Матрёна по Солженицыну не “Маленький человек”, а Солженицынский идеал русской женщины.

Следовательно маленькие люди Солженицына следует рассмотреть не однозначно. Здесь необходимость фильтрации совершенно очевидна.

Библиография

- Гоголь Н.В., Избранные сочинения в 2-х т., т.1, М., 1984
- Горький М., Избранные произведения, т.1., Рассказы и повести., М., 1972
- Короленко В.Г., “Слепой музыкант”, Киев., 1984
- Пушкин А.С., “Повести покойного Ивана Петровича Белкина”, М., 1979
- Салтыков-Щедрин М.Е., Собр.соч., М.1946
- Солженицын А., Собр.соч., Германия, 1970
- Толстой Л., “Жизнь и творчество”, М., Русский язык, 1979
- Тургенев И.С., “Муму” М., 1978
- Чехов А.П., Собр.соч. в 12 томах, Лениниздат, 1978

Что такое социалистический реализм?: Обзор сочинении Андрея Синявского What is Socialist Realism : A Review of the Essay of Andrei Sinyavsky

Reeta Suchita Tigga

Andrei Sinyavsky wrote an essay on socialist realism : “ What is socialist realism?”. This essay was first published in 1959 in France. Socialist realism was adopted as an artistic method for Soviet literature and for all the art forms.

According to Sinyavsky the main goal of socialist realism was the construction of communism. Its work was to praise socialism and all the creative work should inspire the readers to stand up for the revolution. This method was applied to all the artistic field such as literature, drama, cinema, painting, sculpture, music. The writers and artists were required to obey the socialist line and level and their individuality and freedom were totally disregarded. The writers were expected to take a positive view of socialist society and to remember its historical relevance. Socialist realism deprived artists of individuality. Therefore true art cannot be born in this situation.

This review tried to explain some of the ideas which Sinyavsky depicted in the essay.

Андрей Синявский начинает свою статью о социалистическом реализме с вопросом, “Что такое социалистический реализм?”. Это - очень странное словосочетание и существуют никакие связи между двумя терминами. Сталин дал такую формулу для учреждения социализма в каждой области в России. Это может быть ясно понято из определения социалистического реализма, данного в учреждении союза советских писателей : “социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма ”.¹⁷⁵

По Синявскому главной целью социалистического реализма было строительство коммунизма. Его работа была похвалить социализм, и вся творческая работа должна вдохновить читателей поддерживать революцию. Этот метод был применен ко всей артистической области, такой как литература, драма, кино, живопись, скульптура, музыка. Писатели и художники были вынуждены повиноваться социалистическую линию и уровень. Их индивидуальность и свобода полностью игнорировались. Термин реализм не может быть помещен вместе с социализмом, потому что реализм изображает общество в своей оригинальной форме. Это изобразило жизнь, как это было. Следуя традиции русского реализма 19-го века, социалистический реализм подразумевал служить как зеркало жизни. Вместо критикуя общество, социалистический реализм стремился построить социализм и использовать искусства в развитии социалистического самосознания. Это ожидалось от писателей, воспринимать социализм в позитивном образе. Это требование ограничил их

¹⁷⁵ Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. Москва. Государственное издательство «художественная литература», 1934. Стр 716.

артистического характера. Социалистический реализм лишил художников индивидуальности. Поэтому истинное искусство не может родиться в этой ситуации.

Синявский дает очень сатирическое описание коммунизма, когда он говорит: “У нас не хватает слов, чтобы рассказать о коммунизме. Мы захлебываемся от восторга и, чтобы передать ожидающее нас великолепие, пользуемся в основном отрицательными сравнениями. Там, в коммунизме, не будет богатых и бедных, не будет денег, войн, тюрем, границ, не будет болезней, и может быть, даже смерти. Там каждый будет есть, сколько захочет, и работать, сколько захочет, и труд вместо страданий принесет одну радость. Как обещал Ленин, мы сделаем клозеты из чистого золота...”¹⁷⁶²

Он далее говорит, что люди рассмотрели Коммунизм как что-то, что было предназначено произойти. Один случай истории привел к другому случаю как обезьяны эволюционировали в людей, первобытная система привела рабской системе, рабская система привела к феодализму, феодализм привел к капитализму, и наконец капитализм привел к коммунизму. Поэтому коммунизм стоит на вершине пирамиды. Писатели социалистического реализма должны были осуществить такие взгляды в своём работе так, чтобы научить людей, что коммунизм - конечная цель, и они должны стремиться достигнуть этой цели.

Он дает другой пример, чтобы ясно понять, как коммунизм охватил людей и что они стали бессильными сопротивляться ему. Люди думают только о коммунизме и ответ каждых вопросов имеет тот же самый ответ т.е. коммунизм. По им все, что произошло в прошлом, было предназначено,

произойти, чтобы наступить коммунизм : “ Стоит спросить западного человека, зачем была нужна Великая французская революция, как мы получим массу разнообразных ответов. Мне кажется (может быть, это только кажется?), один ответит, что она была нужна, чтобы спасти Францию, другой — чтобы ввергнуть нацию в путину нравственных испытаний, третий скажет, что ею утверждены в мире замечательные принципы свободы, равенства и братства, четвертый возразит, что французская революция вообще была не нужна. Но спросите любого советского школьника, не говоря уже о более образованных людях, и каждый даст вам точный и исчерпывающий ответ: Великая французская революция была нужна для того, чтобы расчистить путь и тем самым приблизить коммунизм.”³

Он говорит, что каждые элементы использовались, чтобы достигнуть этой цели : “прославлять великодержавную Русь, писать ложь в «Правде»”.⁴ Коммунизм был осуществлен таким способом, что даже не один человек оставил сопротивляться или отказаться от него. Однако, у заключительного успеха есть очень мало подобия с целью, которая первоначально думалась. И каждые элементы и усилие, которые использовали достигнуть цели, изменили свою реальную форму. Теперь интерес государства и интерес людей стали важными. Ничто не может быть аполитичный.

² Терц, Абрам (Андрей Синявский). Что такое социалистический реализм. Париж : Синтаксис, 1988. Некоммерческая электронная библиотека. Im Werden. Web. 20 July 2014. http://imwerden.de/pdf/abram_terz_что_такое_soc_realizm.pdf Стр 3

^{3,4,5} Терц, Абрам (Андрей Синявский). Что такое социалистический реализм. Париж : Синтаксис, 1988. Некоммерческая электронная библиотека. Im Werden. Web. 20 July 2014. <http://imwerden.de/pdf/abram_terz_что_такое_soc_realizm.pdf> Стр 5, 7,8.

Литература была элементом, который помог в строительстве коммунизма : “Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма”.⁵

Во то времени работа литературы была служить для идеологической целью. Это должно быть сделано оптимистическим способом. Это должно показывать большое и великолепное будущее.

Это ожидалось от писателей социалистического реализма что они не только должен быть политкорректным, но тоже, следует кодексу строительства. Писателей, которые не следовали этому кодексу, посадили в тюрьму, и их работы были также запрещены. У писателя социалистического реализма не было автономии на его текстам, которые будут часто переписываться несколько раз перед публикацией. Иногда он переделывал его самостоятельно, и иногда другой писатель переделывал их.

Произведение, которые были написаны в это время, отличалась в стиле и содержании, однако, существовал один общий элемент. т.е. коммунизм, который будет победным в конце. Большая часть социалистической работы была структурирована вокруг задачи строительства электростанции, выполняя любые сельскохозяйственные действия. Этот вид сюжета был необходим для достижения главной цели. Эти произведения также изобразили силу людей во время революции.

Литература и искусство социалистического реализма создали новое изображение героя – борец, строитель и лидер. Этот герой – положительный герой. Синявский сатирически говорит: “Можно встретить произведения, в которых все герои — положительные.”⁶ Этот герой находится в резком контрасте с лишним человеком. Лишний человек обычно образовывается, интеллектуален, красивый и идеалистический, но неспособен участвовать в эффективных действиях. Этот человек борется с обществом и внутренним смятением. Он глубоко скептичен и неспособен коррелировать свои слова и действие. Он - запутанная индивидуальность в отличие от положительного героя, у которого нет сомнений: “Он твердо знает, что хорошо и что плохо, говорит только «да» или «нет», не смешивает черное с белым, для него не существует внутренних сомнений и колебаний, неразрешимых вопросов и неразгаданных тайн, и в самом запутанном деле он легко находит выход — по кратчайшему пути к цели, по прямой.”⁷ У положительного героя есть многие качества, таких как: “идейность, смелость, ум, сила воли, патриотизм, уважение к женщине, готовность к самопожертвованию и.т.д.”⁸

Герои социалистического реализма были членами рабочего класса или просветили крестьян или интеллектуалов, которые охватили новую идеологию и демонстрировали эти мысли в их жизни и работы. Эти герои подтверждают свою веру в победу коммунистических идей несмотря на случайных поражений и потерь. Многие

⁶ Терц, Абрам (Андрей Синявский). Что такое социалистический реализм. Париж : Синтаксис, 1988. Некоммерческая электронная библиотека. Im Werden. Web. 20 July 2014. <
http://imwerden.de/pdf/abram_terz_chno_takoe_soc_realizm.pdf>, Стр 12

произведение, которые изображали революционную борьбу, можно назвать как оптимистические трагедии потому что после столкновения со всеми препятствиями например : “Утраченные иллюзии, разбитые надежды, неисполненные мечты...”⁹ в пути и наконец триумфах коммунизма. Коммунистическая партия постоянно проявляла свое присутствие в работе социалистического реализма.

Существуют многие произведения, которые выполняли цель демонстрировать преступления капитализма и похвалы социализма, и эти произведения работают, были созданы, чтобы вдохновить читателей поддерживать революцию, такую как Тихий Дон и Поднятая целина Михаила Шолохова, Как закалялась сталь Николая Островского, Разгром Александра Фадеева. Горький верил в коммунизм, который стремился яростно свергнуть капитализм и утверждал, что цель художника должен быть вдохновлять революцию. Поэтому он написал чтобы прославлять революционное движение. В его произведении «Мать» Горький показывает изображение мать, которая была необразованной рабочей женщиной, постепенно социализм пробуждает ее . Она хотела защитить ее сына, который был брошен в тюрьму по обвинению в революционных действиях.

Наконец, сама она становится активным участником революционного движения.

Синявский далее говорит, что литература социалистического реализма ближе к литературе 18-го века. Во время этого периода писатели написали в похвалу королей и королев. Эти писатели были лояльны к своим королям. Их работа показывает, что люди должны повиноваться приказу монархии. Державин хвалит господство Екатерины в его стихотворении “фелица ”. Он верит в монархию и поэтому рассматривает господство Екатерина как идеальное господство. Синявский хочет сказать, что идея служить правительству была в 18-ом веке и в период социалистического реализма. Поэтому между этими двумя периодами есть подобие.

Синявский заканчивает статью надеждой, что эти работы над социалистическим реализмом будут в некотором пути научить людей быть правдивыми. Он говорит, что человек будет начать думать о чем-то другом и чем-то новым: “Но это уже не будет социалистическим реализмом.”¹⁰

Библиография

- Clark, Katerina. “Socialist Realism in Russian Literature.” The Routledge Companion to Russian Literature. Ed. Neil Cornwell. New York: Routledge, 2001.
- Tertz, Abram (Andrei Sinyavsky). On Socialist Realism,trans. George Dennis, New York : Pantheon, 1961; with The Trial Begins, New York : Vintage, 1965.
- Зелинский, К.Л. “ Проблемы стиля в социалистическом реализме”. Социалистический реализм в литературах народов СССР. Москва : Издательство академии наук СССР,1962.

^{7,8,9} Терц, Абрам (Андрей Синявский). Что такое социалистический реализм. Париж : Синтаксис, 1988 Некоммерческая электронная библиотека. Im Werden. Web. 20 July 2014. <http://imwerden.de/pdf/abram_terz_chno_takoe_soc_realizm.pdf>. Стр 12,9.

¹⁰ Терц, Абрам (Андрей Синявский). Что такое социалистический реализм. Париж : Синтаксис, 1988. Некоммерческая электронная библиотека. Im Werden. Web. 20 July 2014. <http://imwerden.de/pdf/abram_terz_chno_takoe_soc_realizm.pdf> Стр 30.

- Терц, Абрам (Андрей Синявский). Что такое социалистический реализм. Париж: Синтаксис, 1988 .
Некоммерческая электронная библиотека. Im Werden. Web. 20 July 2014.
< http://imwerden.de/pdf/abram_terz_что_такое_soc_realizm.pdf >

Ivgeni Petrovich Chelyshev - Metaphor of Indology

Pankaj Malviya

The multiple contacts between India and Russia have been centuries old. The image of India and its perceptions are made in Russia mainly through three sources. First - descriptions and references about India in Russian literature. Second - translation of classic Indian literature into Russian. Third - Indian literature, philosophy and culture published in Russian language. the translation the rich intellectual heritage of India had been introduced to the people of Russia.

The multiple contacts between India and Russia have been centuries old. The image of India and its perceptions are made in Russia mainly through three sources. First - descriptions and references about India in Russian literature. Second - translation of classic Indian literature into Russian. Third - Indian literature, philosophy and culture published in Russian language.

Due to strong influence of Vazentine and the acceptance of Christianity by Russia in 988 the description and references about India can be traced in many important texts of ancient Russian literature. In an ancient Russian chronicle "*Slovo o Zakone i Blagodati*" (fiction of legislation and wellbeing) written in XI century the description about preaching Christianity in India by Thomas, the disciple of Jesus is found. Similarly India had been mentioned in the famous ancient Russian chronicle "*Povest' vremennik L'et*" (during serial saga) through a Biblical narrative. In twelfth century Russia "*Tale of Barlam and Jeoseph*" based on the life of Buddha was very popular among the common people of Russia. The rich Indian literature is also reflected in Russian folk literature. In "*Galubinaya Kniga*" (secret texts) appears the notion of the origin of the man in a similar manner as reflected in Indian mythology. The composition "*Slovo Mefodia Ptarskwa*" (the story about Mefidi of Ptarskv) gives the detailed account of Alexander the Great and the Brahmins. The legends about the distant rich India were included in a 12th century Russian chronicle "The tale of Indian State." The ancient Russian literature "Alexandria" is an important document of Indian legends. The image of India is also reflected in Russian folklore literature "*Bilina*." The tale of "*Stefanit and Ikhnilat*" was based on the tales of "*Panchantra*" and was very popular and prevalent in 15th century Russia. In 15th century the book "*Journey beyond three seas*" written by Afanasi Nikitin was a detailed account of India. "*The Kosmography*" published in Russia in 1670 describes many cities of India. The famous Russian writer Alexander Radishev has highlighted the Indian freedom movement against British rule in India in his writings. Almost all the prominent Russian writers of 19th century: Vissarion Belinski, Nikolai Dobrolubov, Mikhail Saltykov, Shchedrin etc. had a vision of Indian culture in their writings. The life-long interest of Lev Tolstoy in Indian culture was well known to everybody.

The translation has been the second important source for highlighting the image of India in Russia. It was translation through which the rich intellectual heritage of India had been introduced to the people of Russia. The famous Russian writer and historian Nikolai Karamzin had translated "*Bhagvat Gita*" (1788) and "*Abhigyan shankuntlam*" (1792). Translation of Jimoot Vahan's composition "*The tale of Vidyadhar*" (1844) by Kaitan Kosovich, "*Nal Damayanti*" (1844) by Vasili Zhukovsky, "*Parini's Ashtadhyayi*" (1839-40) by Otto Nikolaivich Botling, "*Kautilya's Arthshastra*" (1932) by department of Indology, Soviet Academy of sciences, "*Laghu Sidhant Kaumudi*" (1959) by Scherbatski, "*Panchantra*" (1930) and "*Betal pachcheesi*" (1936) by Shor, "*Ramcharit manas*" (1948) by Barannikov, and "*Mahabharat*" (1950) by Institute of oriental studies has created a brighter

image of India in Russia. Mikhail Tubyansky was the first Soviet Indologist who introduced the contemporary Indian literature to the people of Russia. He has translated the poetry of Rabindranath Tagor and Bankimchandra Chattopadhyay.

The tradition of publication of Indian literature, culture, philosophy and belief is playing a vital role in building India's image in Russia. In this regard the academy of sciences, established in 1724 in St. Petersburg has done remarkable work. Some of the scholars of Indology associated with this academy have published many important scientific works about India. In 18th century Russian news papers and journals have started writing about the freedom struggle of India against Britishers. Nikolai Novikov regularly published articles about India in his journal '*Moskovskoe vedomosti*' (Moscow Gazette). The book about India "*Impartial analysis of the system of Eastern India, Brahmins, their rituals and local practices*" (1905) written by theatrics Lebedev was an important work. In 1933 Prof. Dorn published a book in Latin entitled "*The relation between Slavic language and Sanskrit*" which was the first independent work in Sanskrit in Russia. In 1926 Anton Youngman wrote an article in Russian comparing Sanskrit with Czech language. In fourth decade of the nineteenth century Osip Kovalevski's book "*The universe of Buddhist metaphysics*" was an important work of Buddhism. In this era many books on Buddhism were published in which Anton Shifner's book "*Sanskrit - Tibetan Mongolian Dictionary of Buddhist vocabularies*" (1859), Vasily Vsilyev's book "*Buddhism*" (1857-1869), Diary of Minayev "*Word pictures of Sri Lanka and India*", "*Buddhist Collections*" started by Sergey Oldenburg are some of the important works. In the end of the nineteenth century and the early of the twentieth century Philipp Fortunatov's work "*The translation of the text and interpretation of the Code Samaveda Arayanak*" (1875), Oldenburg's important work "*Buddhist Saga*" (1894), Dmitri Kudrayawski's book "*The text book of Sanskrit with dictionary and the outline of grammar*" (1903), Bulazhe's book "*Siddhartha Gautam who was called the Buddha. Life and Education*" (1911), Lev Tolstoy's "*A letter to a Hindu*" (1908), Shcherbatski's two volumes book "*Science and Justice in the later teaching of Buddhist scholars Theory*" (1903, 1909) "*The concept of Buddhist nirvana*" (1927), and two volumes book "*Buddhist jurisprudence*" (1930-1932) were the most popular works of this era.

Late in the third decade of the twentieth century the publication of the mouthpiece of the oriental experts "*Vostok*" was a significant milestone in the history of oriental studies in Russia. Through this paper the information about the history of the East was surfaced. In 1927 Institute of Art and History published a book entitled "*Theatre of the East*" in which the image of Indian theatrics has been prominently reflected. At the beginning of the twentieth century the composition of Tubyanski "*Introduction of justice*" was an important work in the study of Buddhist jurisprudence. In 1948 Osipov published a book "*Brief outline of Indian History of tenth century*" which highlighted the main historical stages of ancient and medieval India. In the middle of the twentieth century the articles of Yuri Roerich on Indian fine arts gave a new dimension to artistic image of India in Russia. In the late twentieth century the Soviet scholars published numerous research works about Indology which created a unique image of India in Russia.

Ivgeni Petrovich Chelishchev is one of the most respected patrons of preserving the rich tradition of creating the image of India in Russia. The Search of humanitarian and democratic trends in the cultural heritage of ancient India and meticulous evaluation of their progressive nature is the invaluable contribution of Ivgeni Pitrovich Chelyshev to Indian literature as an indologist.

Chelyshev is a warrior, philosopher, thinker, writer and critic. He is very humble, extremely India savvy, very curious and outstanding intellectual. He has immense dedication and love

for Indian literature, Indian civilization, the ancient glory and the residents of India. He is well versed in Sanskrit, Hindi and other Indian languages.

Born in Moscow on October 27, 1921 Chelyshev joined the Army in 1939. For four years he had been waging enemies on different fronts against the Nazi Germany during World War II. Since Chelyshev knew the German language very well therefore he had been given the opportunity to interrogate the German prisoners of war and because of this ability after the war he had been sent to Military Institute of foreign language. When the colonel Gorokhov, chief of the educational department asked him which language he wants to study. Chelyshev replied- of course, German. On hearing this Gorokhov said – For now Germany is the past and by showing the map of India he said – this is the place where main events are to evolve. In response to a question - what do you know about India, Chelyshev told him about the freedom movement of India led by Mahatma Gandhi and Jawaharlal Nehru and Nobel laureate Rabindra Nath Tagore. Chelyshev was included in the group of the students in which he was to study Hindi, Urdu and Sanskrit. This is where the Chelyshev's journey of becoming indolog begins. In 1949 under the able guidance of famous indolog A. P. Barannikov, Chelyshev defended his master's thesis on word formation in Hindi and promoted to the rank of Lieutenant colonel and was appointed the chief of the Indian language chair. In 1956 he retired from military service and on the invitation of the member of the Academy of Sciences B. G. Gafurov he was made the Chairman of the Department of Indian Philology centre at the Institute of oriental studies and later became the director of the Oriental literature department where he spent thirty-three productive years of his academic life in studying and teaching the Indian culture and philosophy. His several dozens of books dedicated to Indian literature and culture were published in Hindi and Russian language. More than 300 articles he wrote in Russian. Many of them have been translated in Hindi. He compiled and edited the proceedings of large number of national and international seminars, conferences and symposiums which were highly evaluated in both the countries, India and Russia.

Chelyshev has discussed in detail his Indological studies marking various stages of his research on India in his book "*My Life Journey to India*" (2004) written in English. In 1967 he has been conferred the prestigious "*Jawaharlal Nehru award*" for his enormous contribution in the study of Indian literature and culture in Russia. In 1990 he was also given "*Swami Vivekananda Award*" for encouraging the study of rich creative tradition of great spiritual and philosopher Swami Vivekananda in Russia. In 2002 Chelyshev was the first foreign scholar who was honored with the award of "*Padma Bhushan*" by government of India for encouraging and strengthening the friendship between the two countries: India and Russia through literature and culture. Chelyshev was the first Russian scholar who enjoyed the honor of getting the fellowship of National academy of letters in India. In addition to many gallantry awards in Russia he was conferred the highest literary award "*Pushkin Medal*" for his incredible service in the field of literature.

In order to create unique image of India in Russia Chelyshev just did not turn to books rather he made many trips to India to understand and analyze India and Indian literature from his point of view. At times he attended the national and international seminars, conferences, symposium and meetings in India, at times he came to India as a member of the High Level Delegation of the Soviet government, and at times he traveled India with the purpose of literary research. Every time he increased the number of Indian friends, enriched the knowledge of Indology, made many positive educational plans and further strengthened the friendship between India and Russia.

In April 1955 Chelyshev came to India to participate in "Asian Conference for detente" along with Nikolai Tikhonov, the Chairman of Soviet Peace Committee, who was himself a poet. His visit was unforgettable. He was the only person in the foreign delegates who knew Hindi.

So wherever he went in India he won the heart of the Indian people. In 1956 he visited India to participate in the Ninth UNESCO General Conference inaugurated by Pandit Jawaharlal Nehru. Here he met Maulana Azad and Prof. Humayun Kabir. In 1962 Chelyshev published his book "*Indian culture*" with his preface. During this visit he met Mrs. Indira Gandhi and managed to tell her about Indian studies in the Soviet Union. In 1959 he visited India to participate in All India Writer's Conference in Madras and on this occasion he made contact with many Indian men of letters who came from different states of India. In this conference he was very actively engaged in conversation with Shri Rajgopalachari. Chelyshev again visited India in 1959 as a member of a cultural troupe. He got the opportunity to see India's diverse cultural dimensions and got acquainted with culturologist Dr. Kapila Vatsyayan and came closer to Pt. Ravi Shankar. Chelyshev attaches great importance to this visit because along with Sumitra Nandan Pant he could meet Pandit Suryakant Tripathi, Nirala in Allahabad. He told Nirala in detail about the study, translation and publication of his literary works in Soviet Union.

On the occasion of Tagore's birth centenary in 1961 Chelyshev delivered the lectures on the aesthetic and philosophical ideas of Tagore at different cities in India. Meanwhile he came in close contact with many Indian scholars: Prof. Naresh Guha, Indranath Chowdhury, K. M. George, Dr Nagendra, Acharya Hazari Prasad Dwivedi etc. During the celebration of birth centenary of Rabindra Nath Tagore in New Delhi, he presented a book with his preface "*Rabindra Nath Tagor, Birth Centenary Commemorative Volume*" to India's Vice-President Dr. Sarvapalli Radhakrishnan, in which the Indian and Soviet scholars discussed the diverse aspects of Tagore's artistic legacy. During this visit Chelyshev met Swami Ranganath Nanda, the Head of Ramkrishan Mission. But when Ranganath came to Moscow in August 1961 the creative cooperation and friendship between the two got strengthened. When Chelyshev was working on the works of Nirala he got familiar with the idea of Swami Vivekananda and attracted towards "Bellur Math". In 1970 on the invitation of Shri K.P.S. Menon, Chelyshev came to Kerala and he got acquainted with Vallathol's creative legacy. In 1970 he published the Russian translation of Kurup's poetry "*Songs before Dawn*" with his preface. When Chelyshev was working on "*Tolstoy in India*" he had the opportunity to meet Kaka Kalekar who had written several articles on Tolstoy. In 1968 Chelyshev visited India twice. In an international conference on the study of Tamil literature he read an interesting report on "*The Poetry of Subrahmanya Bharti - Manifestation of New Tendencies in the development of Indian Literature.*" In 1970 Chelyshev came to India to attend the conference of writers of Asia and Africa. He made a close contact with the organizing chairman of the conference Mr. Sazzad Zaheer. Chelyshev compiled the Indian section of poetic anthology of Asian and African writers which contained the works of Bachchan, Dinkar, Nirala, Pant, Firaq, Sardar Zafri, Nazrul Islam, Mahiuddin, Amrita Pritam, Shukanto Bhattacharyaji, Bishnu dey, Shankar Kurup, Subhash mukhopadhyay etc.

In 1980 Chelyshev published one more poetic anthology "*From Contemporary Indian Poetry*" with his preface which included Sarveshwar Dayal Saxena, Premendra Mitra, Umashankar Joshi, Devara konda and Bal Gangadhar Tilak. Russian readers could get acquainted with the works of poets and writers of all Indian languages thanks to the serious efforts of Chelyshev.

In March 1972, in the first International Sanskrit Conference Chelyshev by demonstrating his deep interest in Indian cultural heritage presented a research paper entitled, "*Evolution of the concept of man in Ancient India*". In this conference Chelyshev came in contact with many Sanskritologists in India and elsewhere. Later in 1981 he participated in international Sanskrit conferences in Varanasi and in 1981 in Vienna. In 1975 he came to India to take part in First International Hindi conference at Kanpur where he had the opportunity to meet Vinoba Bhawe, the associate of Mahatma Gandhi. In another International Hindi conference in Delhi

in 1983 Chelyshev came very close to remarkable Hindi poet Shrikant Verma and with his association published a book in three languages "*Vest*" (Russian), "*Links*" (English) and "*Sahyatra*" (Hindi) in which works of Indian and Russian writers were included. In 1976 Chelyshev was invited to the International seminar marking the 700th anniversary of Amir Khusro Dehalvi. He made a speech on the topic "*The global significance of Amir Khusro's creative legacy*" by discussing the efforts done to highlight the works on Amir Khusro in Soviet Union. In the spring of 1978 he was again invited to an International conference in Calcutta marking the 500th anniversary of the great vaishnava poet, Surdas. In the works of Surdas he identified the targeted humanitarian qualities and compared them with the humanism of the Renaissance. In 1978 he got another opportunity to visit India on a business trip but he did not forget to meet his Indian friends and to keep informing them on the achievement of Indology in his country. In February 1985 with a huge delegation of Indologists from the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences Chelyshev attended an international conference "*India and world literature*" organized by Prof. Abhai Maurya in Delhi University. During this visit he met for the last time the noted Hindi author Sachidananda Hirananda Vatsyayan and discussed with him the literary progress in both the countries. In 1994 at the conference of International Russian Language and Literature teacher's Association he got the opportunity to come into contact with the Indian teachers of Russian language. In his book "*Russia and India - Dialogue of Cultures*", he specially mentioned Prof. Hem Chand Pandey, Prof. Abhay Maurya, Prof. Kalpana Sahni, and Prof. Variyam Singh as Russian language and literature experts. Chelyshev at the age of 90 still remembers his first visit to India and gets excited. But he feels indignation over the ill treatment of relations between the two countries because of political reasons.

Chelyshev was always aware of strengthening the precious friendship between Russia and India through literature. Whenever he met the intellectual community of India he always gave the patient hearing to the ideas and thoughts of his Indian friends about literature and apprised them of the creative efforts that had been taken in the field of Indology in Soviet Union. In this effort he wrote many articles such as "*Lev Tolstoy – forerunner of Indo- Russian brotherhood*". In this article he raised many questions: why is Lev Tolstoy today so close to Indian people? What can Indian writer learn from him? What is the main essence of the traditions of Tolstoy? In this article he attempted to answer to these questions. His second article "*Maksim Gorky - the great proletarian writer, friend of India*" attracts the attention of Indian masses. In this article Chelyshev threw light on the different translations of Gorky's novel "*Mother*" into different Indian languages and showed how "*Mother*" has become so close to the heart of Indian masses and how the works of Gorky rendered their impact on the writings of Indian writers. Similarly, to enhance India's image in Russia he wrote two articles "Rabindra Nath Thakur – the true friend of the Soviet people" and "Premchand - creator of the progressive Indian literature, sympathizer of Soviet Union." In these articles Chelyshev presented Rabindra Nath Tagore as a great writer, cultural ambassador, bitter rival of colonial slavery and a staunch supporter of friendship among the nations. Chelyshev considered Premchand as the writer of deep faith in humanity. He counts Premchand of those authors who have attracted the attention of the popular mind to the classics of Russian literature.

During his stay in India Chelyshev always tried to be in close contact with contemporary Indian writes and exchanged the literary notes in personal meetings. For this purpose he visited many cities in India. He was always in search of the opportunity so as to how to collect the material about the creative works of particular writer or poet and find out in them the object and the essence of human life and analyze how much they are engrossed in the framework of socialist realism and humanism and what approach they have towards national and international problems. On numerous occasions Chelyshev has expressed such thoughts in his articles and books. Chelyshev pays his attention on the artistic aspects of modern Indian

literature. In this direction his two books: "The development of artistic ideals in Modern Hindi poetry, Collection of essays (1964) and "Artistic ideals of Rabindra Nath Tagore" (1966) are noteworthy. Chelyshev has his own idea on the division of history of Hindi literature. He was of the opinion that the division of the history of Hindi literature only on the basis of literary process will not work. For this the account of social trends is very essential. Chelyshev's books on Hindi literature, "Hindi literature" (1968) (in which a brief history of ten centuries of Hindi literature was discussed), "Modern Hindi Poetry" (1965) (in which the impact of the poetry of other Indian languages and the West on Hindi poetry was discussed) are worth mentioning here.

Chelyshev paid his attention on literature written in regional languages of India also. He carried out his research on what relation the literature of regional languages of India has with the Indian literature and world literature. In this regard he wrote books like "Modern Indian Literature" (1981) and "Indian Literature: Yesterday and Today (1989) In the book "Modern Indian Literature" he analyzed the Indian literature from 1850 to nearly six decades of the twentieth century and discussed the art of writing of well-known writers: Amrita Pritam (Punjabi), Amritlal Nagar, Yash Pal, Gajanan Muktibodh, (Hindi), Man Shankar (Bengali), etc. The book "Indian Literature: Yesterday and Today" has drawn a detailed picture of a comparative study of Indian literature.

In order to show the literary and cultural glimpses of India in Russia Chelyshev also involved himself in translation work. Chelyshev invited his colleagues from Institute of oriental studies, Soviet Academy of Science and other educational institutions to translate prose and poetry of Indian literature. He even encouraged Indian writers to undertake translation work of creative writings. He published in Russian the translation of Amritlal Nagar's novel "Boond aur Sagar" (Drop and Ocean), (1962), Yahpal's two volume epic novel "Jhoodha Sach" (A false truth)(1965), Rangey Raghav's two novels "Maut ka teela (An end of the great city) (1963) and "Kab tak pukaru" (How long should I call)(1967). He paid special attention on translation of short stories of Indian writers. He published two volumes anthology "The stories by Indian writers" with his preface. The anthology contains the translation of the stories of Hindi, Urdu, Bengali, Malayalam, Punjabi and Tamil writers. In 1972 he published "Stories by Indian writes"(Book -2) where the stories in Sindhi, Marathi, Uriya, Telugu, Kannada and English were included. In this anthology the works of the most famous Indian writers at that time: Ilachand Joshi, Fanishwar Nath Renu, Saraveshwar Dayal Saxena, Bhishma Sahni, Yashpal (Hindi), Rajendra Singh Bedi, Ram Lal, Krishan Chander, Kurat-ul Hyder (Urdu), Narayan Gangopadhyay, Noni Bhoumik, Bonophul, Purushottam (Bangla), Kartar Singh Duggal, Amrita Pritam, Kulvant Singh, Gurubakhsh Singh, Navtej Singh, (Punjabi), R. K. Narayanan (Malayalam) etc. were included.

To have a deep insight into the Indian literature and culture Chelyshev undertook joint projects with Indian scholars. In 1979 he published a book "Dialogue of Cultures" with his preface and a chapter entitled "India's image in the works by Soviet writers" and "Indian literature in Soviet Union." In 1979 Chelyshev published a book "Moscow - Delhi: Interaction of cultures for peace and progress," with the help of the Indian and Soviet scholars, in which the images of India reflect in Russian culture and the image of Russia appeared in Russian culture. In the seventies Chelyshev joined Lallan Prasad's Ramayan movement. In 1972 he published an important collection of works of eminent poets of Hindi "Lights festival, modern Hindi poetry", in collaboration with Prabhakar Machve in Russian which contained seventeen poems of well known poet "Agyey". In 1968 Chelyshev completed his book (1970) on "Sumitranandan Pant" in collaboration with renowned critic of Hindi Namwar Singh.

Chelyshev prepared a plan to publish the 20 volume library of Soviet – Indian literature under the aegis the Sahitya Academy of India along with Indranath Chowdhury and in 1987 the first

volume in Russian entitled "Discovery of India" was published. It contained the works of Indian thinkers and writers of 20th century India. Then appeared the first volume in Hindi "Sahitya aur Saundaryashatra" (Literature and aesthetics) which contained the works of Soviet politicians and theoreticians.

The deep analysis of Indian literature done by Chelyshev has given a new dimension to the Indian literature. He just did not study the literature of the major languages of India, but tried to peep into the literature of each regional language of India. Having done the critical analysis of Assamese drama and modern Assamese short story literature, Urdu drama of Syed Masood Hasan Rizvi, Punjabi plays of Balwant Gargi, Sindhi compositions of Dr. M. U. Malkani and Nashik ji Chelyshev has shown his versatility and understanding of literature.

Chelyshev is the first Indolog, who was not only familiar with the ancient culture of India but also had a deep understanding of modern literature and has been in close contact with contemporary writers, poets and culturalogists of India. With his relentless enthusiasm, tireless efforts and continuous visit to India a cultural and literary bridge is formed between the two countries that has become an inseparable part of the history of friendship between India and Russia. Chelyshev is in true sense a metaphor of Indology.

Bibliography

- Chelyshev E.P., "Remembering Jawaharlal Nehru to mark his Centenary" Nauka, Moscow, 1989.
- Chelyshev E.P., "Russia and India: Dialogue of Cultures" Nauka, Moscow, 2004.
- Harish C. Gupta (Translator), "Swami Vivekanand, Studies in Soviet Union" The Ramakrishna Mission Institute of Culture, Culcutta, 1987.
- Rishi W.R., "India and Russia: Linguistic and Cultural Affinity" Roma Publication, Chandigarh, 1982.
- चेलीशेव ये., लीतमान अ., "सोवियत भारतीय मैत्री के स्रोत", रादुगा प्रकाशन, मास्को, 1975.
- पब्लिकेशन प्रा.लिमिटेड, नई दिल्ली, मई, 1976.
- बोगार्द लेविन, अ. विगासिम, "भारत की छवि", प्रगति प्रकाशन, नई दिल्ली, 1984.
- बोशेवीक ए. इ. संकलन कर्ता, "भारत सोवियत: दोस्तों की नजर में", प्रगति प्रकाशन, मास्को, 1976.
- शशि भूषण, "आचार्य ई. चेलीशेव, सैनिक, दार्शनिक, समालोचक", प्रोग्रेसिव पीपुल्स
- सेर्गेई सेरेब्रनि; "रूस और भारत, साहित्य चिन्तन इतिहास", प्रकाशन संस्थान, नई दिल्ली, 2009.

The Subversive Power of Political Fairy Tales: Reading Voinovich's – "Fairy Tales for Adults" (Skazki Dlya Vzroslikh)

Neelakshi Suryanarayan

The present article makes an attempt to highlight the role that folk tale and fairy tale forms can play in creating satire, and in this context, analyzes the lesser known "Skazki dlya vzroslikh" by Vladimir Voinovich. In these tales the writer depicts the history of seventy years of Soviet rule by using well known folk characters and phraseological expressions in a subversive manner to unravel the absurdity and dishonesty of individuals and society. Voinovich crafts these tales cleverly, leaving the readers to marvel at the subtle irony, humour and satire and re-live the pages of their shared history.

Introduction

The fairy tale is arguably one of the most important cultural and social influences on children's lives. It plays a formative role shaping children's behaviour, values and relationship to society. Fairy tales may appear simple in form, but they often employ complex techniques such as fantasy, suspense and wonderment to capture young minds and allow them to exercise their imagination to wander into another world.

Fairy tales are not only intended for children. The history of the evolution of the fairy tale reveals that it has also been used as a powerful tool for shaping or destabilizing attitudes and behaviour within culture and society. It has been used to subversively convey a sharp criticism to certain ills of adult society and to awaken the need for change and alternate action. As Jack Zipes, a famous author of many books on fairy tales says, "the fairy tale continues to play a role in the civilizing process not just as a trivial amusement but, more important, as a subversive alternative to a process that has lost its touch with humanity".¹⁷⁷

In the Russian context there has been a rich tradition of fairytale writing, where writers and artists blended references to what was happening politically, economically and socially in Russia into the imagery of fairytales and legends. A famous example is of great Russian satirical writer Mikhail Saltykov-Schedrin (1826-1889) who skilfully used the genre of fairy tales to express severe criticism of society in a subversive manner. His collection of thirty-two fairy tales is considered "a minor encyclopaedia of satire."¹⁷⁸ He worked on these fables - "Skazki" - for over five years using the traditional Russian folktales, borrowing ready images and developing further the inherent satirical elements. His scathing attacks on the ruling circles, liberal intellectuals, the common people and on the selfish morality of people attempt to undermine, expose and criticize the foolishness and corruption of individuals and society by using humour, irony, exaggeration and ridicule.

Many other writers followed the example of 'Schedrin' specially in the Soviet era, including Zamyatin, Bulgakov, Shwartz and others, each adding his own unique style and contributing further to the development of genre of the "political fairy tale."

¹⁷⁷ Zipes J.D.(2006) Fairy Tales and the art of subversion: the classical genre for children and the process of civilization.Routledge. page xii

¹⁷⁸Shvetskova T. Mikhail Saltykov Schedrin: The wild Landowner
http://voiceofrussia.com/radio_broadcast/2248881/50696653/

Vladimir Voinovich, author of the much acclaimed “The life and extraordinary adventures of Private Ivan Chonkin” uses the same device in his lesser known ‘Fairy Tales for Adults’ (Сказки для взрослых).¹⁷⁹ The book contains ‘The Tale about a Ship’ (Сказка о пароходе), ‘Another Tale about a Ship’ (Вторая сказка о пароходе), ‘We Are Better than All’ (Мы лучше всех), ‘A New Tale About the Naked King’ (Новая сказка о голом короле), and some others. Voinovich takes us through a different kind of journey of fables and fairy-tale descriptions. This paper analyzes and discusses the content and form of a few of these tales and shows how this genre becomes an intrinsic part of satiric prose. These texts demonstrate the degree to which ancient fairy-tale fantasies acquire political and historical meanings during the catastrophic twentieth century.

Voinovich’s “Skazki dlya vzroslikh”

An interesting anecdote: a simple Google search of “Fairy tales for adults” in English reveals a number of pornographic websites that are meant for viewers to engage in “sexual fantasies and un-explorable delights.” Although the expression, “Fairy tales for Adults” may indicate such results, Voinovich’s intention (and now we also have ‘Moskovskiye Skazki’ by Aleksander Kabakov)¹⁸⁰ was positively not that. A reading of his Skazki makes it apparent that he is making certain specific demands on his reader. They are:

*The reader has to be a mature adult,
The reader has to be intelligent and astute,
The reader has to be a good observer of life around him,
The reader should possess a sense of humour,
The reader has to be knowledgeable about the history and the past Russia has been through.*

The first tale, ‘The Tale about a Ship’ (Skazka o parokhode) starts with the typical format of a fairy tale:

“Здравствуйте, детки большие и маленькие, молодые и старенькие. Мы начнём эту сказку сначала про волшебный один пароход. Вместе с ним отойдём от причала, ну а там – куда Бог заведёт.

И так в некотором царстве, в некотором государстве был некоторый пароход. Ветхий был парходишко, ходил по малокаботажным маршрутам из порта А в порт Б и обратно. А пассажирами его были разные люди. Помещики, капиталисты, попы, купцы, военные, студенты, интеллигенция и простой люд, то есть рабочие и крестьяне, эти в основном в трюме да на нижних палубах располагались. Рабочие были, в основном, голь перекатная, а крестьяне еще ничего, плавали, всегда имея при себе мешки с провиантом. Ну, плавали так из года в год, кто на базар, кто в церковь, кто на службу, кто по семейным делам, а кто на митинги и демонстрации.

Плавали, плавали и доплавались до того, что однажды пароход был захвачен пиратами. Но не плохими пиратами, а хорошими. Которые решили доставить пассажиров из порта А не в порт Б, а в страну Лимонию. Туда, где растут лимоны и текут молочные реки с кисельными берегами. Но поскольку пассажиров было слишком много, пароход старый, а путь неблизкий, решили для начала кое-кого скинуть за борт для облегчения. Скинули помещиков, капиталистов, попов, купцов и военных”¹⁸¹
“Команду пираты тоже сбросили за борт, своих людей всюду расставили. Ну, перво-

¹⁷⁹ Voinovich V.(1996) Skazki dlya vzroslikh, Vagrius, Moskva.

¹⁸⁰ Kabakov A.A. (2005) Moskovskiye skazki. Vagrius, Moskva

¹⁸¹ Voinovich V.(1996) Skazki dlya vzroslikh, Vagrius, Moskva.p393

наперво кинулись, конечно, смотреть всякие там карты, лоции и другие морские книги, где там страна Лимония обозначена. Искали, искали - не нашли. Пиратский предводитель, теперь он стал капитаном, говорит: "Эти лоции-шмоции нам вовсе и не нужны, у нас есть капитальный труд знаменитого волшебника Карлы Марлы. По этому труду, который так и называется "Капитал", мы и продолжим наш путь".¹⁸²

(Hello dear children - big and small, young and old. We begin this tale about a magic steamer. Along with it we will depart from the dock, and go, there – where God will lead us.

And so in a certain kingdom, in a certain State there was a ship. This old broken down ship sailed along short routes from port A to port B and back again. And its passengers were different people. Landlords, capitalists, priests, merchants, soldiers, students, intellectuals and common people; that is, the workers and peasants, who were mainly given place in the lower decks. The workers were mostly down and out beggars but the peasants were slightly better and sailed along with their sacks full of provisions. Well, they all sailed along from year to year, some to the market, some to the church, some to the service, some to family functions, and others to rallies and demonstrations. .

They were sailing along peacefully when suddenly their ship was captured by pirates. But these pirates were not bad pirates, they were good and decided to take the passengers from port A to a new country Limonya, instead of port B. Here there were lemon trees and flowing rivers of milk and honey. But because there were too many passengers, and the steamer was old and the journey was long, they decided to throw some passengers overboard. So they overthrew the landlords, the capitalists, the priests, the merchants and some military personnel..." The pirates also dropped overboard the Captain and his team, and placed their own men everywhere. Well, the first thing they rushed to see were all maps, sailing and other marine books, to figure out where the country Limonya is located. They looked and looked but could not find it. The leader of the pirates, who now became the captain, said: "We don't need all these sailing directions; we have the major works of the famous magician Karl Marl. We will follow the directions given in his work "Capital", and we will continue on our way."

In this manner this tale narrates the story of the seventy years of Soviet Power, when the State was convincing its people that "communism" – in this story "Limonya" is just around the corner. The grand "Ship" is a magical ship and is on its way to the Promised Land when it has to rid itself of certain troublesome passengers. Apart from drawing on obvious allusions to the magician 'Karl Marl' (read: Karl Marx) and 'Capital', it is replete with expressions like – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается ("sooner said than done") and other folk motifs and songs. An example from the story is below:

*Плывем мы правильным путем
И нет пути исконнее.
До горизонта доплывем,
А там уже Лимония.
(We are sailing the right way
No other journey is more Holy
We will sail upto the horizon,
And there already we will find Limonya.)*

Voinovich makes clever and yet transparent references to Stalin as the second Captain – "Так, долго ли, коротко, а лет тридцать с лишним проплыли когда вдруг помер второй

¹⁸² Ibid p 394

капитан, хотя и считался бессмертным”¹⁸³ (“so by hook or by crook, more than thirty years went by when suddenly the second Captain died, although he was considered immortal”).

Voinovich also neatly narrates the unique saga of Kruschev and all his fantastic experiments. He addresses him as the Third Captain and says – “Третий капитан оказался волонтаристом. Он сказал: “Раз горизонт у нас со всех сторон, будем плавать зигзагами и так или иначе до Лимонии доберемся”. Ему говорят, да куда же мы доберемся, если уже и припасы кончаются. Все, что у мужиков отобрано, доедаем. А ничего, говорит, кукурузу на палубе посадим, будем кушать мамалыгу. Взались с песнями за работу.

Песни пели примерно такие:

*Наши воды глубоки,
И дороги далеки,
Но идем мы все тем же путем.
Разведем кукурузу,
Будем кушать от пуза,
А в Лимонию все же попадем.*

Насаждали везде кукурузу. И на верхней палубе, и на нижней, и на носу, и на корме. Выросла кукуруза большая-пребольшая. Такая большая, что сквозь нее уже никакого и горизонта не видно. Правда, выросли одни стебли. Но когда они молочно-восковой спелости, их тоже есть можно. Коровы, во всяком случае, их едят очень даже охотно. Но поскольку на пароходе коров давно уже не было, пассажиры сами стали той кукурузой питаться. А напитавшись, устроили бунт и самого капитана акулам скинули.¹⁸⁴

(The third captain turned out to be quite a voluntarist. He said: "If we have the horizon on all sides, then we can sail zigzag and anyway reach Limonya." The people tell him, "How can we reach anywhere when the supplies are already running out? All that we had taken from the peasants is eaten up." He says, "Never mind, we will plant corn on the deck and eat hominy. And while working, they all took to singing. The songs were somewhat like this:

*“Our waters are deep,
And the road is far,
But we go along our way.
Planting corn
and filling our bellies,
And we will surely reach Limonya”*

The corn is planted everywhere, on the upper deck, the bottom, at the bow and the stern. The Corn grows bigger and bigger. It grows so big that the horizon is not visible any more. However, it is only the stems that grow, but when the stems ripen and contain some milk they too can be eaten. The cows, in any case, eat them very willingly. But by now there were no cows on the ship so the passengers started feeding on the corn themselves. And after they had their fill they staged a mutiny and threw off the captain for the sharks.)

¹⁸³ Ibid, p395

¹⁸⁴ Ibid, p396

This section aptly portrays the tenure of Khrushchev and his disastrous experiments with corn cultivation. The much loved Russian folk tale about the Turnip that grew so big that it required the farmer's entire household to pull it out is used as the point of reference.

The reference to Brezhnev is again very apparent and invokes immediate laughter – “- брови широкие, взгляд орлиный, сам из себя красавец. Этот оказался не волонтерист. Его спрашивают: "Когда же будет Лимония?" Он говорит, скоро будет, а давайте, не дожидаясь ее, начнем развлекаться". "А как, - спрашивают, развлекаться?" "А давайте будем праздники праздновать". "А какие, спрашивают, - праздники?" "А всякие, - говорит. - Годовщины нашего отплытия и мои дни рождения. А еще, - говорит, - давайте, вы будете награждать меня разными орденами и хлопать в ладоши, а я буду плакать"185. (With wide, thick eyebrows, eagle eyes, himself a handsome man. He was not a voluntarist. When he is asked: "When will we reach Limonya?" He says: "Soon, but let's not wait for it, we can start to have fun." "And how?" they ask, "Can we have fun?" "Let's celebrate the holidays." "Which holidays?" "All sorts, "says the leader. "The Anniversaries of our departure for Limonya and my birthday." "And also," he says, "you shall reward me with different medals and clap for me, and I will cry!")

The writer brings out all the peculiarities and eccentricities of Brezhnev in these short crisp replicas as well the following passages which narrate about the books he wrote, which the public was forced to read. There is a pun on the names of the books. The first one is called “Как я учился плавать” (How I learned to swim), followed by “Как я стал капитаном” (How I became a captain) and “Как я стал адмиралом” (How I became an admiral). There is also a pun on the medals and titles he is awarded: “Герой Черного моря” (Hero of the Black Sea), “Герой Белого моря” (Hero of the White sea), “Герой Красного моря” (Hero of the Red sea) and ultimately “Герой четырех океанов” (Hero of the four oceans). In the end this Admiral dies under the weight of the heavy medals pinned on his chest.

This skazka o parokhode continues further with a reference to Gorbachev:

“Наконец появился на мостике человек уже из нового поколения. Который не то, что Лимонии, а и обыкновенной земли не видал, потому что родился уже на корабле. Этот скромным оказался. Адмиралом меня, говорит, не зовите, я всего-навсего капитан. И орденов тоже не давайте, я их покуда не заслужил. И вообще давайте, если уж не до Лимонии, то хоть до чего-нибудь доплывем. Потому как забрались мы далеко и если не выберемся, то в конце концов все потопнем.

Тем временем пароход, хотя и медленно, но куда-то плывет.¹⁸⁶

(Finally on the bridge appeared a person from the new generation. He was one who couldn't visualize Limonya, he had not even seen ordinary land because he was born on the ship. This one turned out to be quite modest. 'Do not call me Admiral', he says, 'I'm only a captain. And also do not give me any medals for I do not deserve them. Anyway, let's sail up to someplace, if not to Limonya. Because we have come so far away that if we don't reach someplace, then eventually we all will drown. Meanwhile, the ship, somehow floats along albeit slowly.)

In the end, in true folkloric style, Voinovich ends his skazka with a song which sums up the entire plot deftly and with immense humour:

¹⁸⁵ Ibid, p397

¹⁸⁶ Ibid, p397

*А команда и пассажиры
поют новую песню:*

*Мы все плывем, но все не
там,*

Где надо по расчетам...

*Был умный первый
капитан,*

Второй был идиотом.

*А третий был
волюнтарист,*

*Четвертый был
мемуарист.*

*(the crew and passengers now
sing a new song:*

*We all sail, but are still not
there,*

*Where it is necessary for us
to be...*

The first captain was smart,

The second an idiot.

*And the third was a
voluntarist,*

The fourth a memoirist.

*Кем были пятый и шестой
Чего они хотели,*

Увы, ни тот и ни другой

Поведать не успели.

Так как нам быть?

Куда нам плыть?

По-прежнему неясно.

Зато об этом говорить

*Теперь мы можем
гласно.187*

*Who were the fifth and sixth
What they wanted,
Alas, neither the one nor the
other*

had the time to tell.

So what should we do?

Where should we go?

Is still unclear.

*But now we can talk
about it openly.)*

This collection of Skazki dlya vzroslikh contains many more stories narrated in the same style. Infact, there is a "vtoraya skazka o parokhode", which continues the country's journey post-Perestroika and describes the chaos and confusion of that time. The third skazka o parokhode is long and brings us to the situation which perhaps prevails even today, irrespective of the fact that the Russian economy is booming. It ends with a cutting satirical song conveying the might and power that Russia still wants to yield.:

¹⁸⁷ Ibid, p398

“Мы долго по морю
 плутали
 Вдали от родимой земли.
 Искали мы светлые дали,
 Но тёмные только нашли.
 А также искали, конечно,
 И вшей, и шпионов в себе,
 И делали это успешно,
 Что видно по нашей судьбе.
 Ещё мы стремились насилья
 Разрушить весь мир, а
 затем....
 Мы много чего поносили,
 Теперь и не помним зачем.
 И вас собирались тоже
 Совсем уничтожить, но вы,
 Заморские подлые рожки,
 Уж больно живучи, увы.
 Однако же славных утопий
 В нас дух до сих пор не зачах.
 И мы вас однажды утопим,
 Как только силенок
 накопим,
 Отъевшись на ваших
 харчах.
 Пока же мы остались в
 накладе
 И очень уж хочется есть.
 Подайте же нам, Христа
 ради,
 Чего-нибудь, что у вас
 есть”¹.

*(We wandered for a long time
 at sea
 Away from our native land.
 We searched for light beyond
 But found only darkness.
 We also looked for,
 the lice and spies amongst us,
 which we did successfully ,
 As evidenced by our destiny.
 We sought to violence
 to destroy the whole world, and
 later...
 we demolished a lot many
 things,
 now I do not remember why.
 We intended to destroy you as
 well
 you vile sea creatures,
 painfully tenacious, alas.
 For glorious utopias
 in spirit we still have not
 withered.
 And we will drown you yet
 again,
 once we accumulate some
 strength,
 Overfed on your rations.
 For the time being we are in
 your debt
 And very much like to have.
 So give us, for Christ's sake ,
 something that you have.)*

The aim of this article was to highlight the role that folk tale and fairy tale forms can play in creating satire effectively. While reading these tales penned down by Voinovich, the knowledgeable reader is transported to the intended time, space and situation in a subtle manner. The writer has no intention to name any place or people and leaves it to the reader to unravel for himself/ herself the intricate idea and reality that is being placed before him/her. The subversive tone of the folktale serves as a powerful form for the expression and criticism of social values. It effectively caricatures important figures and people thereby lending an exaggeratedly comic yet scathing indictment of the world created by ‘the powers that be.’ This satirical fantasy of Vladimir Voinovich is a tale without any lies – the allusion and gentle hint is purposefully transparent that the readers can recognize the recent Soviet/ Russian history.

¹ Ibid, p447

As one critic has aptly been cited on the back cover of the book:

“Бывает смех сквозь слезы. Сатира Войновича - смех сквозь мысли. Мысли все о том же, о российском, о вечном: "Где мы?", "Что с нами?", "Куда мы идем?"¹

Sometimes there is laughter through tears. The satire of Voinovich is laughter through thoughts. The thoughts are about the same, about Russia, about eternal questions – “Where are we?”, “What’s wrong with us?”, “Where are we going?”

Bibliography

- Balina M, Goscilo H, Lipovetski M (2005) Politicizing magic: an anthology of Russian and Soviet fairy tales. Northwestern University Press.
- Shvetskova T. Mikhail Saltykov Schedrin: The wild Landowner
http://voiceofrussia.com/radio_broadcast/2248881/50696653/
- Voinovich V.(1996) Skazki dlya vzroslikh, Vagrius, Moskva.
- Zipes J.D.(2006) Fairy Tales and the art of subversion: the classical genre for children and the process of civilization. Routledge.

¹ Ibid, back cover.

Devdas and Onegin

Anagha Bhat-Behere

Devdas by Saratchandra Chatterji (1876-1938) is a novel that has attained an iconic status in India. While trying to understand Devdas and his persistent popularity, one is reminded of Evgeny Onegin, a novel in verse, a masterpiece of Russian literature by Aleksandr Sergeivitch Pushkin. The image of Onegin is one of the most popular and most enduring images of Russian literature. Like Devdas, the popularity of Onegin has transcended geographical and temporal boundaries, like Devdas, Onegin too has become a part of not only Russian popular culture but of pan European culture.

Devdas by Saratchandra Chatterji (1876-1938) is a novel that has attained an iconic status in India. Not very lengthy, almost like a novella, it is an important landmark in modern Indian literature. I use the word Indian literature and not Indian literatures here, because the appeal of this novel is pan Indian. It has captured the popular imagination for several decades and influenced literary works in many Indian languages. It has been translated into several Indian languages. The novel Devdas has also inspired several film versions, many of them are made by Bollywood or the mainstream Indian cinema. The tragic-romantic figure of Devdas is one of the most enduring images of popular culture in India. Set in the late 19th century Bengal, Devdas has transcended the regional and linguistic barriers long ago.

While trying to understand Devdas and his persistent popularity, I was reminded of Evgeny Onegin, a novel in verse, a masterpiece of Russian literature by Aleksandr Sergeivitch Pushkin. The image of Onegin is one of the most popular and most enduring images of Russian literature. Like Devdas, the popularity of Onegin has transcended geographical and temporal boundaries, like Devdas, Onegin too has become a part of not only Russian popular culture but of pan European culture.

Devdas was written in the last few years of the 19th century, while Onegin was written in the third decade of the 19th century. A gap of several decades separates the two works. The geographical locations where the novels are set and the socio-political realities of their respective societies differ vastly. Devdas and Onegin continue the literary traditions of their respective languages and take them further, innovatively tackling issues current for their times and their societies.

Despite being rooted in their respective societies, Devdas and Onegin show some striking similarities in their thematic and structure. I would like to compare and contrast these two works of art on the basis of the following three criteria : 1. Socio-political and economic conditions under which these works came into being; 2. The plot and the main characters of both the novels; 3. The popularity both the works have enjoyed.

The novel Devdas is set in pre-independence India, specifically in rural Bengal, at the end of the 19th century. Bengal was the first region in India to come under the domain of the British East India Company. The turning point in the history of Bengal was the battle of Plassey fought in 1757. Battle of Plassey established the British dominion in Bengal. With British dominion came changes in the old and established political and economic systems in Bengal. These changes in turn affected the culture in Bengal.

The permanent settlement system introduced by Lord Cornwallis in 1793 as a measure to regulate revenue from agriculture and control corruption, gave rise to monetization of agriculture. A new class of landlords and their agents also emerged. The earlier structure of Mughal Emperor and his representative, the *Dewan*, who oversaw the revenue collection process and also ensured that the tax was not burdensome to anyone, was substituted by a class of *zamindars* who became the owners of the land and the representatives of the British power.

The earlier hierarchical social structures based on client - patron relationship, like the caste system, started getting more and more impersonal, contractual and monetary. Upwardly mobile social classes colluded with the colonial power. This in turn gave rise to a conflict between the old and the new. This conflict was acutely felt by the groups collaborating with the British, like the Brahmins. To quote Ashish Nandy, 'Bengali Brahmins, unlike Brahmins in some other parts of India, were not merely religious leaders and interpreters of texts, traditions and rites but major landholders and financiers who were increasingly co-opted by the colonial system. (...) Also they were the caste most exposed to Westernization and the growing conflict between the old and the new. As a result, material and status gains were often associated with moral anxiety and some free floating rage at adaptive problems.'²

This conflict between the old and new continued in political, economic, cultural spheres in Bengal. With passage of time the avenues of confrontations became several. Throughout the 19th century reformers, political activists and literary personalities, all were trying to resolve this conflict, trying to find a common ground between tradition and modernity, trying to find an identity that was consonant with the changing realities.

If we take a look at Russia in the century preceding 'Onegin' we find something similar. The reign of Tsar Peter the Great was a turning point in the Russian history. The reforms of Peter affected social, political, economic and cultural aspects of the Russian society. The sphere of influence of new social class, the *dvoryane*, widened. Apart from the earlier hereditary membership of the class, new upwardly mobile, talented persons, handpicked by Peter himself could also join this class. Like the *zamindars* in Bengal, the *dvoryane* who owned lands on hereditary basis, rode the waves of change and were benefited materially. Consolidation of *dvoryanstvo* as a class and their rise to eminence continued over the next century. *Dvoryane* as a class had a greater exposure to westernization. Many of their numbers were educated in western universities; many had traveled and worked abroad. This exposure to westernization led to a conflict between tradition and modernity, between the old and the new. As in the case of 19th century Bengal the scope and avenues for conflict continued to grow in 19th century Russia. The need to find a new Russian identity in consonance with changing realities was acutely felt.

Thus, the socio-political background of Devdas and Onegin, has one common feature and that is the conflict between old and new, between tradition and modernity.

The story of Devdas by Saratchandra is a story of young Brahmin belonging to a *zamindar* family in Rural Bengal. Devdas is sent to the city of Calcutta for education. He moves to Calcutta leaving his childhood friend Parvati behind. Devdas, thus uprooted from tradition, is exposed to Westernization in the city of Calcutta. In Calcutta, Dev-da, Parvati's childhood friend turns into *Devbabu*. Parvati has not moved from the village. Her childhood attachment to Devdas turns into love. She approaches Devdas and declares her feelings for him. But Devdas is unable to make up his mind, whether to accept her or reject her. He rejects Parvati's

² Ashis Nandy, *Exiled at Home*, OUP, Fourth Impression 2009, New Delhi, pp 6,7

proposal. Parvati is married off to another rich *zamindar* considerably older than her. Devdas realizes his mistake. But now it is too late. He takes the path of self annihilation and alcoholism. He finds some solace in the arms of Chandramukhi, a prostitute, who falls for him. Devdas does not accept Chandramukhi's love either and dies a vagrant's death at the doorstep of Parvati.

Unlike Devdas, Onegin did not have a childhood rooted in tradition. Devdas has a loving mother and a childhood companion in the form of Parvati. Onegin's mother is conspicuous by absence. There is no loving, nurturing female companionship to Onegin in his childhood years. Onegin's upbringing is entirely at the hands of hired help, that too a foreign hired help. Devdas has had a chance to get acquainted to tradition while Onegin has had none. For Devdas, break with tradition comes with migration to Calcutta. Calcutta dazzles him. His small village and Parvati pale into insignificance. This is a moment of cultural amnesia for Devdas.

The cities of Calcutta and St. Petersburg have played important role in Devdas and Onegin respectively. Situated on the banks of river Hoogly Calcutta marked a break from tradition. It substituted Delhi as a capital of British India. It was a first planned city in India. It epitomized the colonial power and was a symbol of westernization in the 19th century India. A hub of political and commercial activity in India, Calcutta captured the imagination of many an Indian writers. The name of outstanding poet of Hindustani Mirza Ghalib comes easily to the mind in this connection.

Like Calcutta, St. Petersburg was constructed on the banks of river Neva. It became a capital of Russia in the 18th century substituting Moscow. It was a 'modern' Russian city, Russia's window to the West. The architecture of St. Petersburg had a remarkable style that was different from the earlier onion shaped domes typical of Russian architecture. Onegin's childhood and youth are spent in this modern, cosmopolitan city. He is brought up in the cradle of Westernization. Unlike Devdas, Onegin is not acquainted with his cultural heritage.

For Onegin, break with modernity comes when he visits his dying uncle and inherits his property in a village. Onegin's appearance creates stir in the rural society. His neighbour's daughter Tatiana Larina falls for him and writes him a letter declaring her love for him.

This act of Tatiana is essentially modern. It is an assertion of individual will and it indicates a break from tradition. Filipovna's, Tatiana's nanny's tale about how marriages were made in her day is an example of traditional outlook to marriages. By expressing her will, by making a choice and taking initiative, Tatiana departs from the tradition. Interestingly her courage in defying the tradition stems from her rootedness in tradition.

Like Tatiana, Parvati of Devdas also shows a great deal of courage and strength of character. Having grown up with the idea of belonging to Devdas, she sees nothing wrong in approaching him and declaring her feelings for him.

It is interesting to note that the words of both Tatiana and Parvati are strikingly similar when they declaim their love. Tatiana speaks of Onegin's contempt and her shame.

*Teper' ja znat' v vashej vole
Men'a prizreniyem nakazat'
No vy k moej neschastoj vole
Hot' kaplyu zhalosti hran'a
Vy ne ostavit'e men'a
Snachala ja molchat' hotyela*

*Pover'tye, moego styda
Vy ne uznali by nikogda³*

Parvati uses the words *Lajja* and *Kalank* or her shame and blot on her character. Neither Tatiana's missive, nor Parvati's declaration contains the word 'love'. Their traditional upbringing has not equipped them with any trite phrases to express their love. That is why both their declarations are sincere and straight from heart. They express all the poignancy and pain of young love without using the word love.

Declarations of love like 'I love you' are alien to Indian languages even in this day. Literal translations of the phrase 'I love you' in Indian languages sound artificial and lacking in depth. Just as the traditional modes of expressing love from Indian languages, if translated into English sound too poetic or hyperbolic or plain ridiculous. Pushkin's Tatiana might have faced this problem too. It is interesting to note that she writes to Onegin not in Russian, the language close to her heart but in French, the language of westernization in Russia!

Parvati is rejected by Devdas on social grounds. He cites his parent's displeasure and his own inability to go against the wishes of his parents. He is also unsure of his affection towards Parvati. But he immediately regrets his rejection of Parvati and tries to remedy it but Parvati rejects him. Devdas proposes Parvati the second time after the death of his father. Parvati by now has become a successful housewife, wife of a rich *zamindar*. She is unable to accept Devdas. Parvati rejects Devdas twice, first out of sense of a pique, wanting to punish Devdas for the rejection he meted out to her. The second time she is unable to accept his proposal due to social conventions and due to her sense of duty. But she offers her love and support to Devdas, eliciting a promise from him that when in dire need, he would come to her. Hence ailing Devdas travels the length of India, all the way from Lahore to Hatipota, a village where Parvati stays.

Onegin, on rejecting Tatiana, does not immediately realize what he has missed. He has to see her in the high society of St. Petersburg as a successful and rich hostess. Onegin then makes repeated declarations of his love towards Tatiana, only to be firmly turned down. Tatiana rejects him out of disillusionment. She rightly suspects that Onegin loves her not for herself but for the glory that surrounds her, for her position and for her status in the society. He covets her because the westernized society appreciates her.

Pushkin ends Onegin at this point, leaves the decision of Onegin's fate and future to the readers. Saratchandra has depicted the downward spiraling journey of Devdas in great detail. Pushkin intended to write about aimless wandering travels of Onegin. Some editions of Onegin carry extracts from Onegin's travels : Otryvki iz puteshestviya Onegina describing his travels but they do not form the integral part of the novel.

There is one more character in Devdas without which the novel would not have attained its iconic status. That character is of Chandramukhi, the prostitute, whom Devdas meets in Calcutta. Chandramukhi too loves Devdas. The love triangle of Devdas, Parvati and Chandramukhi has been compared to the mythic lovers Radha-Krishna and Meera of the Indian Bhakti tradition. Both these characters Parvati and Chandramukhi deserve a closer look.

India, as a society tends to revere and celebrate the feminine element in nature. Like females, the nature is fecund and bountiful, sustaining and nurturing but it is also unpredictable, full of vagaries and at times destructive. The feminine element of nature is worshipped in India

³ Evgenij Onegin, A. S. Pushkin, Gosudar'stvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moskva, 1967

as *prakriti*, as *Adimaya*, the archetypal mother. In Bengal the nurturing, giving aspect of this feminine power is worshipped as Durga. While the uncontrollable, destructive element is associated with Kali. Kali is the goddess of the nether elements, dark forces in the society like the thieves, the thugs etc.

This Durga - Kali duality is seen in the images of Parvati and Chandramukhi. Parvati could be associated with Durga as she provides companionship to Devdas in his childhood, nurtures him and protects him from adult wrath. Chandramukhi is a prostitute, one who exploits gullible youth in the dark alleys of Calcutta, one who trades love and hence could be associated with Kali. But their depiction is not so simplistic. Parvati, the caring, loving childhood friend turns Devdas down, withholds affection, while Chandramukhi offers care, support and succor to Devdas throughout his downward journey. This unexpected reversal of roles gives substance and an intriguing edge to the characters of Parvati and Chandramukhi.

Devdas and Onegin were both written when their respective societies were in a transitional period, when there was a conflict between the old and the new, when the need to redefine cultural identity was acutely felt. As such they enjoyed immense popularity in their time. But their popularity rose and continues to rise unabated till today.

Though written in the last few years of the 19th century Devdas was published in 1917. It has been widely translated in several Indian languages since then, more than once in many cases. Devdas was staged and appeared on Calcutta stage in the early 1940s. Another medium of 20th century popular culture, the cinema, played a great role in the spread of Devdas. The first film based on Devdas came in 1927 and since then Devdas has appeared on Indian screens practically in every decade. Film Devdas has been made several times in Bengali and Hindi, also in Urdu, Tamil, Telugu, Assamese. Devdas appeared twice on Pakistani screens and twice on Bangladeshi screens. The latest Bengali version of Devdas was made in Bangladesh and it appeared on screen as recently as in 2012. Devdas gave rise to a self destructive hero on Indian screen. The prototype of Devdas is repeated in many Hindi films, like *Pyasa*, *Phir Subah Hogi*, *Mukaddar ka Sikandar* etc. Another film by Guru Dutt '*Kagaz ke Phool*' has the making of film Devdas as one of the main features of the script.

Devdas was translated into several Indian languages. The process of translation of Saratchandra's works in other Indian languages began in 1920s. His works like *Srikanto*, *Biraj bou* were translated into Hindi-Urdu, Odiya, Gujarati and Marathi. I do not have year wise data on the translations of Devdas. But in the 1930s, at least in Marathi there were several translations of Saratchandra's *Devdas*, *Choritraheen*, *Bindur Chele*, *Bamuner Meye*, *Parineeta*, *Gruhadah*, *Biraj Bou* available. The translators included noted Marathi writers like *Bha. Vi. Varerkar*, *Vi. Si. Gurjar*, *Sham. Ba. Shastri*, *P. S. Desai* and *Pu. Va. Kulkarni*. The process of translating Saratchandra in Marathi continued till 1950s. In the later decades the same translations were reprinted. In recent years Devdas was translated again by *Sharadini Mohite* in 2000 and by *Mrunalini Gadkari* in 2002. The later translation was honoured by Sahitya Akademy Best Translation Award. The first English translation of Devdas by V. S. Naravane was published in 1996 in abridged form while complete translation of Devdas by Srijera Guha was published in 2002 by Penguin books.

Onegin was translated into several European languages and it has enjoyed immense success. It has appeared on stage as an opera, ballet and play. Onegin has also appeared on screen in several versions. Onegin first appeared on screen in 1911 in a Russian silent film while the latest screen avatar of Onegin was directed by Martha Fiennes in 1999 and Ralph Fiennes played the role of Onegin.

Apart from English Onegin was translated into German, French, Italian and Esperanto. There are at least a dozen published translations of Onegin in German. The first German translation

of Onegin was published in 1836 while the latest German translation of Onegin was published in 2009.

Amongst the English translations noted one is Walter Arndt's translation that won Bollingen prize for translation. The 1977 Charles Johnston published another translation of Onegin. This translation is deemed to be the best translation of Onegin in English. It was this translation that inspired Vikram Seth to write another novel in verse, 'The Golden Gate'

Onegin is translated into Marathi by Pandit Awalikar of Dharwad University from original Russian. But it is a difficult thing to imitate the iambic pentameter in Marathi and much of Onegin's beauty lies in its structure.

It is very difficult to identify the reasons of popularity of such seminal works as Onegin and Devdas. Every generation comes up with its own interpretation and points of appreciation. I would not dare to make any such attempt. But if I may say so, the enduring appeal of Devdas and Onegin lies in the conflict between the old and the new, tradition and modernity, which every generation finds close to its heart.

Библиография

- Anuvad Bangali Sahityacha Dr. Leela Govilkar, May-mavshi , journal of Antarbharati Anuvad Suvidha Kendra, Summer 2012
- Devdas – Sharatchandra Chattopadhyay tr. Mrinalini Gadkari , Mehata Publishing House, Pune, 2002
- Devdas Aani Binduche Bal – Sharatchandra Chattopadhyay Tr. Bha. Vi. Varerkar 1946, Navabharat Prakashan Samstha, Mumbai, third edition 1965
- Evgenij Onegin , A. S. Pushkin, Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, 1967
- Exiled at Home Ashis Nandy, OUP, fourth impression 2009
- Istoriya Rossii, S. F. Platonov, Ast-Moskva, Moscow, 2007
- Sharatchandra Chattopadhyayanchya sahitayache Marathi Anuvad Mrinalini Gadkari, May-mavshi , journal of Antarbharati Anuvad Suvidha Kendra, Summer 2012

Historicism of Folk epics: Aalha & Byliny

P.C. Singh

This article analyses the narrations about the battle-fields and the heroes of Aalha and Byliny. These epics may not be historically correct and this could be the reason why historians have not given much importance to these works but the content of these folk epics certainly show the feeling and reactions of the people towards their history, which undoubtedly helps everyone to understand the quality of the time better than what is written officially in the books of history.

India's folk epic Aalha and Russia's Folk epic Byliny belong to a great tradition of folklore of their respective countries and have lots of similarities between them. Contents of both these folk epics are full of historical details, but their historicity always remains controversial. It is difficult to justify the historical authenticity of the characters and events described in the works of folklore. At the same time it is also true that folklore is naturally creation of people and it expresses their aspirations, desires, dreams and active concern towards the surroundings. In this way folklore tells the truth of the times, which very often rebels against the broader truth described by the historians. It is true that the narrations about the battle-fields and the heroes of Aalha and Byliny may not be historically correct and this could be the reason why historians have not given much importance to these works but the content of these folk epics certainly show the feeling and reactions of the people towards their history, which undoubtedly helps everyone to understand the quality of the time better than what is written officially in the books of history. This is the reason why scholars use the term historicism instead of historicity in the context of folk works. In this context great Russian critic V.Y. Propp while de-linking the reflection of historical facts in the folk epics, puts the people's aspiration and thoughts in the first place and says, 'Bylinas (Byliny) are not related to historiography but to the people's feelings. These folk epics do not tell about this or that epoch, but express its desire (aspiration of the age).'⁴

The songs of Aalha present a true picture of the history of the 12th century. According to historical sources, after the death of King Harsh Verdhan, unity of our country was broken and it was divided into small Rajput states: Gaharwan, Chauhan, Chandel and Parihar. The Kings fought so often among themselves for territorial expansions, marriage alliances and collecting taxes.

It is a historical fact that Prithivi Raj Chauhan, who loved Sanjogita, the daughter of Jaichand – King of Kannauj and wanted to marry her. But, Jaichand never accepted this proposal which resulted in a great tussle between these two, and ultimately Prithivi Raj who was not even invited to the process of Jaimal forcibly took Sanjogita from the palace of Jaichand. This made them staunch enemies of one another. Historians believe that if Jaichand would have supported Prithivi Raj in his fight against the Mohammad of Ghur, the result would have been different and India would not have gone into the hands of the Turks. Though Prithivi Raj was a great warrior he did not have good relations with his contemporary Kings. To prove his superiority over others and for the purpose of territorial expansion, he could not maintain friendly relations with his neighborhood kingdoms, which was also one of the reasons of his failure in his war against the Mohammad of Ghur. He seized one portion of the kingdom of

⁴ V.Y. Propp., "Russian Heroic Epos", *Istorism Russikikh Bylin* Ed., I.M. Plisetski, (Moscow : Vyshaya Shkola, 1962), p. 109.

Chandel King Parmar of Mahoba, which the King never forgot and always had hostile relation with the Chauhan.

In this context, if one analyses Aalha, it is clearly found that the fights narrated in the epic may not be true historically but the main essence and ethos of the fights of Aalha certainly reminds one of the quality of that time/period. In the main plot of Aalha, Chandel King on the behest of Aalha⁵ and Udal (two main heroes of the Aalha epic) stops paying taxes to Prithivi Raj and then Prithivi Raj for some reason or the other always attacks Mahoba and gets defeated by the heroes of Aalha. It is ironical that Prithivi Raj, who is shown in history as a great lover, turns to be very different in the folk- epic of Aalha. He becomes a hindrance in relationship of love of Brahma (son of King Parmar) and Bela (daughter of Prithivi Raj's own brother). This love story becomes fatal in the epic. Bela very much loves Brahma and wants to get married to him at any cost. But the kind of hostile relation the Chandels and the Chauhans had, this type of alliance becomes impossible and in the final battle of Aalha: "Bela ka Gauana" all the brave heroes of Aalha and also all the brave army chiefs of Chauhan are dead except the Aalha, who was immortal and Prithivi Raj, whom Aalha does not kill on the appeal made by all time great thinker Guru Gorakhnath. But at this point of time what Aalha says to Prithivi Raj exactly corresponds with the historical fact of that time:

“नाश कर दियो इन भारत को, कीन्हो नाश क्षत्रियन क्यार

चारिहु ओर को आल्हा देखो, कोऊ शूर न परो दिखाय

लोथ डारि तह लोथन पर, चंहु दिशि देखि परी सुनसान”।⁶

*He has destroyed Bharat,
And also the kshatryas.
All around Alha surveys,
And no brave warrior, does he see.
Corps on corps lie scattered
Over the vast battle field.*

Historians write that when Prithivi Raj was facing Mohammad of Ghur, he had almost lost all his brave army chiefs in the internal battles of the country. The statement of Aalha exactly confirms this opinion.

The marriages of girls or sisters of Rajput Kings were one of the most important causes of enmity among them in the 12th century period of India. To justify this point, one must recall the history which tells us that girls even went against the wishes of their father or brother for their love. The best example of this would be of Sanjogita (daughter of Jaichand), who eloped with Prithivi Raj Chauhan. This historical fact also gets reflected in the Aalha epic. Kings were marrying girls forcibly, against their wishes. In "Battle of Nainagarh", Rani Sona, one of the most beautiful woman, could not enter into wedlock because her brother Inermal had promised that only the person who defeated him could marry his sister. In the process he killed many prospective bridegrooms and also hung their heads in his fort. Rani Sona, who loved Aalha became fed up with all this, approached Aalha & Udal for help. Finally, the heroes of Aalha attack Inermal. In the battle that ensued, Udal could kill Inermal but with the help of Sona. It is beyond the normal expectations, where a sister participates in the death and the defeat of her brother. This also reminds us partially if not fully, as how Sanjogita insulted

⁵ Aalha is one of the main Heros of the folk epic. The epic is also named after him.

⁶ N.P. Mishra, "Bela Ke Sati Hone Ki Larai", *Aalh Khand* (Varanasi : Babu Baijnath Bukselar, 1986), p. 675.

his father for his love to Prithivi Raj. Likewise, there are many examples in Aalha, which clearly indicate the historical facts of the time and that very well prove the historicism of the epic.

Another major aspect of the historical reality of medieval India is the cruelty done by the King not only upon the defeated Kings but also upon people of the latter. How one can forget that after defeating Prithivi Raj Chauhan; the Muhammad of Ghur first made the King blind and later tortured him so much which forced the Chauhan to accept the Islam religion. Historians write about the time: “Both Mahmud Gazni and Muhammad of Ghur, the former on a much larger scale than the latter, made use of shock tactics to dishearten and demoralize the Indian troops and people. With lightning rapidity they would swoop down upon our fair cities and devastate the land with fire and sword.”⁷

This aspect of historical reality has also been expressed in the Aalha epic. When Aalha and Udal were exiled from Mahoba and they started living with Lakhan. Prithivi Raj attacked Mahoba for forcibly getting his son married to the married queen Chandrawali (Daughter of Parmar). He not only surrounded the Kingdom but also started torturing the people. The singers of Aalha express it perfectly:

पत्ती खड़कै जो कालिंजर में दु दु फौर देहु करवाय,
मक्खी भनकै जौ मोहबा में तो भाला पर लेहु उढाय
बीज बुवाओ तलवारिन के ना भुईं जामै ना अंखुआय।⁸
खपितम जूपबम पसिमंतिनेजसमंज झंसपदरत

*In Mahoba, it bee buzzes impale it upon a spear
Sow the soil with swords, so that nothing sprouts nor grows.]*

The cruelty and wickedness, which are being expressed through these lines of Aalha are in no way less than the atrocities, which were shown to the people by Gazani and the Muhammad of Ghur. In some way Aalha appears to be the testimony of the historical facts of its time. The wars, events and characters (except a few of them) described in Aalha may not be historically true but the message which comes out of the description is perfectly a real one and gives a true picture of the history. In many places, characters of Aalha epic are historical and real ones. The Maihar Temple (Temple of Goddess Sharada) is just two hundred kilometers from Allahabad. Even today, at the site of temple, there exists the place where Aalha and Udal used to perform their physical and other wrestling exercises. Aalha and Udal both being the great devotee of the Goddess Sharada always had her blessings in their fights against the enemies. Places like Kannauj, Mahoba, Urai, and Delhi very well exist and have so many traces of the Aalha. Characters like Prithivi Raj, Parmar, Jaichand of Aalha are historical as they all have their prototypes in the history. Prithivi Raj Chauhan was the King of Delhi, Parmar was the King of Mahoba and Jaichand was the King of Kannauj.

All the above factors strongly prove the historicism of great folk-epic Aalha. Actually the creative imagination of the folk singers, with all its hyperbole in the description of events and the depiction of the heroes was nevertheless based on a true understanding of historical reality and also of the real characteristics of Indian people, of their hopes and expectations.

Like Aalha, the content of Bylinas also corresponds with the historical reality of the times. The songs of Bylinas present the real picture of the early feudal period of Kiev-Rus. As we

⁷ A.L. Srivastava, “Causes of the fall of Hindu States”, *The Saltanat of Delhi* (Agra: Shivalal Agarwal & Company, 1986), p. 40.

⁸ P.C. Singh, “Aalha Folklore of the Brave”, *Sundaram* Vol. I April-June (Allahabad: North Central Zone Cultural Centre, 1989), p. 63.

know that after the death of Vladimir, the Kiev-Rus was ruled by his son Yaroslav the Wise and his reign was truly Kiev's golden age. But very soon at the time of Yaroslav's death in 105 the Kievan state, which was at the zenith of its glory, was also on the threshold of a prolonged civil war. The sons of Yaroslav began in a nightmare of horror, murder and destructions. The civil wars started in Kiev-Rus and the unity of Kievan state was rocked with murders and conspiracies. Thus in the second half of the 12th century, the once mighty state of Kiev became a cluster of various Principalities: Novgorod, Vleadimir, Suzdal, Murom, Ryazan, Chernigov, Pereyaslav, Tmutorokan, Smolensk etc. Later on, princely feuds started among them. To gain effective control of Kiev, they used every conceivable means including murder and outside help, regardless of whether the help came from bold thirsty nomads of the steppes. This resulted in the occupation of Kiev-Rus by Mongoles and Tartars. Now if one correlates this historical scenario to the content of Bylinas, one finds that every song of Bylinas narrate the same kind of historical truth, only in hyperbolic form; which undoubtedly speaks of the historicism of Bylinas.

Apart from the three main heroes of Bylinas: Ilya Muromets, Dobrynya Nikitich and Alyosha Papovich, the central character of Bylinas is Vladimir, who also is the King of Kiev-Rus. Like the real historical Kings of Russia, among whom there were some, who loved Kiev-Rus, its people, and were also some of the other rulers who only fought among themselves for taking over the control over the Kiev-Rus and they never bothered for the welfare of the people and the state; the character of Vladimir in the songs of Bylinas reflects both the qualities of these historical Kings: "In a great number of Byliny the original figure of Prince Vladimir (end of the tenth and beginning of the eleventh century) is overlaid with the features of another, no less famous prince of Kiev, Vladimir Monomakh (end of the eleventh and beginning of the twelfth century)."⁹

So the singers of Bylinas somehow present the character of Vladimir, which has the mixture of the characters of both these Vladimirs. Vladimir Svyatoslavich, who ruled Kiev-Rus in the beginning of the 11th century, was more involved in organizing feasts and parties and had less concern for the unity of the Kievan-States, but on the contrary the Vladimir Monomakh, who ruled the Kiev-Rus at the end of the eleventh Century was known as a brave warrior and an inspiring leader, a forbearing prince and a true Christian. He brought to Kievan state unity at home and respect abroad. So in the Bylinas one often finds a strange relation of Vladimir with the Bogatyrs.¹⁰ Sometimes he fights with them and also punishes them and many times he honors, and rewards them for their bravery and courage. In the Bylina, "Ilya Muromets and Klein-Tsar" when Tartar King Kalin attacks the Kiev-city with the huge army of soldiers and forcibly wants to marry with the wife of the King – Apraksina, and also threatens to destroy the whole city; the fearful Vladimir finds no option but to request Ilya Murmoets, whom he imprisoned in the cellar. After a lot of apologies made by the King Vladimir; Ilya rose above the insults and offences, inflicted upon him by the prince. He gets ready to fight for his people and native land. Touchingly, he exhorts the other knights to go against the enemies.

Another historical fact of the early feudal period of the Kiev-Rus was the horror and havoc created by the Mongoles and Tartars in the atmosphere of Russian society. The years from the 11th to the mid 13th Century were very difficult for Russian gentry. The princely feud among the various principalities caused disintegration of Rus; and resulted in the ultimate destructions of the Kievan- state: "The Mongol conquest and the havoc it caused in Rus

⁹ Y.M. Sokolov, "The Byliny", *Russian Folklore* Trans. Catherine Ruth Smith (Detroit : Folklore Associates, 1971), p. 329.

¹⁰ Heroes of Byliny, who were extraordinarily powerful and fought for the cause of peoples' Justice. People with love called them Bogatyrs. The word in its meaning is very close to Hindi word "Bahadur"

principalities was the beginning of what contemporary sources referred to as the “Tartar Yoke”, The most visible feature of this Yoke was savage physical destruction. Except for Novgorod, Pskov, Pototsk and Smolensk, most cities—from Riazan, Moscow, and Vladimir to Kiev, Chernigov Halych lay in smoldering ruins. So too did the countryside. The invaders flattened everything in their path—churches, palaces, fortifications, and ordinary dwellings. They killed thousands of people, took thousands into slavery, drove thousands into hiding or forced them to refuge in foreign lands.¹¹ This tragic and horrifying picture of the Russian history also gets true reflection in the songs of Bylinas. The singers of Bylinas describe very sadly the destruction caused by Mangoles and Tartars. They say that Kiev-Rus was ruined to ashes and there were none to moan or weep; neither father, or mothers for children, nor children for fathers and mothers; they were all killed together. “Events connected with the strife of Russians with the Tartar invasions have left very powerful traces on the epos of the Byliny. In the Byliny all the earlier enemies from steppes (the Pechenegi and polovtsi) have been replaced by the Tartars. The battle of Kalka, in the year 1224, is described as a legend in the Bylina, which is about “the Massacre of the Kama and in the Bylina” and about Tsar Kalin”. The epithet of the Kama” and in the name of Kalin are distortions of the name “Kalkan” (V. F. Miller). The incursion of Batiya (1237-1240) and his destruction of Kiev are reproduced in the Bylina “On the Bulls”, or “Vasily the Drunkard and Batyga” (a distortion of the name Batiya).¹²

Hence, the historical reality of Kiev-Rus has been described in the songs of Bylinas not only very beautifully and artistically but also quite broadly which proves the historicism of the folk epic. The Byliny speak of events, which took place in the cities like Kiev, Novgorod, Volynian Galich, and so forth and they contain the details which are historically correct and present before the listener the real picture of the military, the princes and boyars. This indicates that the composer of the Byliny were people of varied experience, people who also had a good knowledge of the land, and of the everyday life of society of the different classes.

Like the Aalha epic, the Bylinas also narrate about such characters, which had their prototypes in the history. The best examples can be Vladimir and Dobrynya Nikitich. Vladimir can be the prototype of either Vladimir Svyatoslavich (King of Kiev-Rus in the end of the 10th century and in the beginning of the 11th century) or of the Vladimir Monomakh- the brave King who ruled Kiev-Rus at the end of the 11th century to the beginning of the 12th century. Dobrynya Nikitich is a prototype of Dobrynya, who was an army-chief of Vladimir Svyatoslavich. Though Ilya Muromets did not have any prototype in the history, but some critics like Veselovski, Khalansky try to prove that the figure of this most popular hero- Ilya Muromets, who is also known as Elijah of Murom, is Russianised adaptation of Prince Oleg- a very successful prince who ruled the Kiev-Rus till 912 century. In this context it would be apt to say, “The perceptual and esthetic value of the Russian epos, of the Byliny is very great. It clearly inculcated, in poetic figures, the history of the Russian people, its heroic features; it reflected in a lofty artistic form the dreams and expectations of masses of the people.”¹³

Therefore, in both the folk-epics of Aalha and Bylinas, instead of analyzing the historical authenticity of the characters, events and places which are being described; one should try to understand the feelings of people, their understanding of the events which occurred at a particular time in the history of India and Russia. These folk-epics present the interpretation

¹¹ Basil Dmytryshin, “The Tatar Yoke”, *A History of Russia* (New Delhi: Prentice Hall of India Private Limited, 1981), P. 116.

¹² Y.M. Sokolov. "The Byliny", *Russian Folklore* (Detroit: Folklore Associates, 1971), P. 330.

¹³ *Ibid* P. 334.

of people to the historical facts, which undoubtedly express the broader truth of the facts of the times than how they have been viewed or written by the historians in the books. Both Aalha and Bylinas express the desire of the common men and the aspiration of the age, which very well approves the historicism of these folk-epics. Great Russian critic V.G. Belinski puts it in a right way and says: "All peoples' poetry have deep relation with its history. That is why their history can be explained through their songs and songs through the history."¹⁴ Though histories have been written, "the poetic rendering of history in the folk epics can be trusted as genuine alternate history because the basis of peoples' poetry is history."¹⁵

¹⁴ V.G. Belinski, "Articles about Peoples Poetry", *Polnoe Sobrennoe Sochenenia* Vol. 5 (Moscow : Academy of Sciences, 1985), p. 328.

¹⁵ *Ibid.*, p. 533.

Interpretative absolutes and Configurable universals in literary theory: A Study in relation to Indian poetics and Russian formalism

Nisha Indra Guru

Bhavatosh IndraGuru

This paper deals with the nature, form, object, methods and functions of an artistic situation as it has come to be understood in Indian poetics and Russian Formalism. In both the systems of inquisition and inquiry, methodological apparatus hovers around refinement in the manner of organization of the categories, constructs and model involved in the constitution of a creative situation. Thus in both the systems, transformation, evolution, correlation, replacement and cognition of the creative categories have been held to be the requirement of construction of a work of art.

Theoretical perspectives involved in the growth of an idealized artistry purport growth and development of emotive and verbal categories in such a way that the process of universalisation of artistry could be adequately compensated by radical junctures comprehended in the cognitive framework. To this extent art and valuation of such an art would presuppose an unusually high enrichment of the methods of valuation accordingly in Indian poetics (deriving itself from Indian intellectual tradition to offer an understanding of creative principles and Russian formalism (an offshoot of European logico-philosophical speculations on the regulative functions of the art) structures and functions have been developed to assess viability/ reality of creativity both as a cause and effect of meaning. In Indian poetics ideal artistry is viewed as having an authority of indivisibility manifest in the committed hierarchy of value at the primary and tertiary levels. The genesis of such an attitude is underlain in strength inscribed in multiplicity of transformation and resolution of the contents at internal and external levels simultaneously. The actual situation that has to be brought to the merit of attention is the fact that organization of the categories and synthesis of contents are accomplished almost at the behest of representation logically contained in each. In Russian formalism, the focus of comprehension is contained in the ratiocination of participating categories and the contents for the similar reasons the insistence on having a concrete experience is almost certainly an act of determination of the art. It must be understood procedural synchronization of the contents for the sake of determinate meaning is the imminence of logic incorporated into each of these traditions.

II

In Indian poetics, especially the theories of *rasa* and *dhvani*, suggest the formation of absolute complete and total system of artistic situation by identifying divisions in the manner of achievement of transformation in that the process of modification has its variant in inter, intra and intermediate assertion so much so that art is comprehensively constituted in indivisible terms at the beginning the categories are identified in the form of *bhava*, *vibhava*, *anubhava*, *sancari bhava* and the like on the one hand and *sabda*, *pada* and *vakya* on the other. In each insistence of value is maximum in as much as each is potentially capable of offering itself to the urgency of mutation modification and condensation. The idea of bears on the continuity of graduation and evolution of these categories and the consequence of each such change is substantiated in the emergence of ideal perspective for the sake of an

absolute system. In one of the observations Bharata muni (the earliest exponent of rasa theory) makes the following observations:

Vibhavanubhavasancari bhavasamyogadrarasanisattih (VI,22)

It could be seen that Bharata muni speaks of movement, functionality, condensation, concentration and synthesis of both the verbal and emotive categories by having change in the content context and medium of each through primary and secondary and tertiary signification. The extraordinary activity leading to synthesis is immediately apparent in that every cumulative modification would yield an established form of refinement and consequently bring about an adequate representation of for each at every instance of induction of emotive and verbal content into form of procedural refinement, correspondence effectively induces the length and range of concrete universals formed at the completion of the event. It is therefore appropriate to suggest that the largest comprehensible effect in due course of time acquires the name of rasa. Rasa for the similar reasons contains adequacy of conception through direct formalization of the categories and propositional transformation of the participating content context and medium in such a way that external artistic environment and its internal variant compose a logic and reason in executing the absolute conception of ideal language and ideal experience forming a continuum and enlisting a sequence through assorted evolution upholds underlying strength of impersonality and trans-impersonality. The centrality of conception in the concentration of function/movement/resolution of necessity validates the intensity of universality. Rasa therefore lends empirical cohesion and also enjoins upon a lengthened transfiguration.

III

In dhvani system (a method of understanding the worth of an artistic situation developed by Anandvardhana around 7 century AD), the ideational form of language and experience are evolved so as to suggest a rather formal structure, concentrated function and purely synthesized correlation amongst the models and categories. For this purpose, it is worth our while to designate letters, words, syllables, sentence as models and bhava, vibhava, sthaya bhava, sancari bhava, aalamban and uddipan as categories. The whole idea of indicating separate and independent existence for each of these is based on a perception that composition of an event in relation to the primary categories and resolution of the same event into secondary and significant forms yields various stages of modification of which cognition, correlation, proposition and replacement are the most important. It is in this regard that the function of dhvani comes to have its meaning and it is not very difficult to understand that beginning and initiation of an artistic situation could only be made when and only when conceptual forms and applicational methods cohere around the pure absolute total and complete value equivalents. From this the idea could well be generated that the correspondence of figural form with methodological intention does indeed lead to a wholesome concept. Logically to this extent the necessity of equating evolving models with categories (say for example letters with bhava or word with sthaya bhava) would receive a thoroughgoing synthesis in terms as well as measures required for idealization of the whole artistic formation. Anandvardhan, in and around seventh century AD could come out with the theoretical framework for defining and interpreting every form of such an activity and theory for this account has been called dhvani.

In dhvani system the basic configuration of every primary model (words, letters, syllables and sentence) and every primary category has been outlined with an exceptional clarity and precision and concentrated value of each has been determined in a very logical manner. The definition of dhvani must be approached, by saying that, in an artistic formation, where the

relationship of actual constituents with truthful equivalent and model is constant and regularly obtained ,and,at the same time, leads to universal significance by forming absolutes and total meaning .in this idea ,a generative principle is constructed by diversifying and rearranging the elementary forms of creativity. Anandavardhan proposes a manner of synthesis by conceiving two extraordinary codes of transmutation and identifies these codes to be sabda and artha.Sabda is the first principle and it begins at a point at which the origin of other units of language is hardly imminent for that matter the significance of sabda as necessary condition of growth and development of larger relative units is obvious and well understood.sabda is a necessary beginning of the process of conjunction in which cognition of value perception with equivalents of sound are brought about. In this act of rearrangement of exclusive form of value equivalents, comprehensible construction via immediate and distant expansion cognition and perception could be immediately understood. If we could consider sabda as an effective condition of enlargement of artistic content,we would jut obtain a relationship in which the function of observer is equal to the formation of visible variant within him.Anandavardhana could still suggest that the formation of artistry connects s a rule to the association and selection and accordingly the following observation will hold the merit of attention:

Rasabhavatadabhasatprasntyadirkrumah

Dhvneratmangibhaven bhasmano vyavasthithah(II,22)

IV

In Russian formalism especially in the theories of Bakhtin and Jakobson ,the ideational convergence ,relational synthesis and idealized universality find expression in that both lay an emphasis on inventing concrete universals in the primordial locale of the contents.the fact of universal is obtained in the dispersion deviance disorder disarray and otherwise also in dissociation of emotive and linguistic categories.it is to be understood that the reconstruction of each of such signification of loss ensures beginning of the phase of ratiocination.Bakhtin should like to elevate and upgrade elementary inconsistencies which otherwise defer procedural synthesis the movement of contents towards medium and the context is precisely what one can understand as unification resolution hence carnival and polyphony .the conception of dialogism is none other than intermediate mutation in which a high and assured degree pf refinement is presupposed in methodically crude, emotive and verbal categories. In the western view of the matter fixation of locus or axis of experience has been continuous since Plato who finally located it to be coherently interfused in imminent reality absolved in divine .Bakhtin's position in this regard conforms to the ethics of rationality whose goal is to include determinate correlatives and exclude primordial conjunctions. In either of the situations Bakhtin speaks of that order of movement and functionality of contents which would bring about actuality of ideal artistic formation.

Roman Jakobson the another leading Russian formalist confers an authority on the aspect of communication thereby should like to suggest that the elementary form of language is ultimately made to evolve by an act of defamilirisation leading to the creation of a highly ratiocinated poetic language whose best manifestations are illustrated in metaphor and metonymy. Accordingly it is only either the graduation or the evolution that brings maximum refinement of the categories for that matter axis of combination and axis of selection are two valid ways of obtaining an appropriate linguistic/emotive configuration that would suit and befit the requirement of great artistry.what jakobson would like us to understand is that the categories cannot be transformed all at random rather there has to be a proper

addition, subtraction, division and multiplication of the contents and such an activity would take place around the axis where maximum intensity of intersection.

V

While we look at the structure of transformation for resolving the objects of language and objects of experience, our attention is immediately invited to the organization of the categories intending greater changes in the structure and texture so as to complete the scale of totality by formally and figuratively rendering them into the whole. In this context one can very well take into consideration the schema of creativity enjoined upon the poetics of Rasa, Dhvani and Russian formalism. In each the true meaning of evolution of linguistic and emotive and linguistic forms have been established. Ideal artistry is viewed to the one in which range, length, extent, form and magnitude of communication is largest. In the both artistry has been perceived to be the beginning and end of change, modification, resolution, transformation, transmutation and finally evolution. To this end construction of categories, presentation of context and exposition of medium would justify the significance of art. The very idea of form contained in Russian formalism suggests a development in the direction of organization in such a way that every content is ultimately transmuted into the form so much so much so that grand unity is established. On the other hand, the idea of dhvani also concedes the fact that the plural signifiers in any given artistry will have to be brought under one single/principle event so that an organic whole is brought about. The issues of affinities would extend even beyond what we have recently mentioned. In Russian formalism, artfulness of art is something that matters. It would mean that crude emotions and feelings as being the participating categories do not have much relevance. What a qua artistry needs is refined emotion, refined language and on the whole refined sensibility. The achievement of an ideal form is commensurate with absolute embodied in the precision and purity of the categories. Dhvani system similarly outlines certain instruments of transformation which lead to the emergence of absolute in participating categories. The instruments of transformation which have been mentioned in dhvani system are cognition, correlation, equivalence, correspondence and transmutation.

It is now apparent that both dhvani system and Russian Formalism intend the introduction of significance into the artistic curriculum and the grounds of such significance are undoubtedly laid upon precision, purity, refinement, ratiocination, elegance, harmony, organization of the categories which entail universality in the work of art.

Bibliography

- Anandavardhana. Dhvnyaloka. Benares: Chokhambha Sanskrit Samsthan, 1952. Print
- Bakhtin, Mikhail. The Dialogic Imagination. Princeton: Princeton University Press, 1996. Print
- Bharat Muni. Natyasastra. Benares: Chowkhambha Sanskrit Samsthan, 1945. Print
- Guru, Bhavatosh Indra. Dhvani and Structuralist Poetics: Multicultural Studies Of Creation Of Meaning in Poetry. New Delhi: D.K. Print World, 2012. Print
- Jakobson, Roman. Linguistics and Poetics: Princeton: Princeton University Press, 1998. Print

Dislocated Identity during Historical Mutation: A Comparative Study of Boris Pasternak's *Doctor Zhivago* & Amitav Ghosh's *The Glass Palace*

Nagendra Shreeniwas

The present article is an attempt to comparatively study Boris Pasternak's Doctor Zhivago and Amitav Ghosh's The Glass Palace. Both these novels explore multiple anthropological issues of their respective subjects by creating a fictional account of history. They depict the issue of dislocated identity during the times of mutation in history. Setting of both the novels covers an extremely vast geographical regions, wide time spread, and portray a multitude of human experiences. Characters of the novels pass through strange, confusing and dramatic trail of fate; they get involved in unprecedented relationships and encounter unexpected events defying the geographical and cultural barriers; they made and lose fortunes, meet and lose their loved ones. The article focuses on the issue of dislocation and subsequent identity crisis induced by historical mutants in the novels – Doctor Zhivago and The Glass Palace.

Literature since its inception has always been concerned with displacement/ dislocation/ 'un-housing'/ dethroning of the protagonist(s). The great epic *Ramayana*'s plot starts with exile of Rama; another conflict sparks off because of 'un-housing' of Sita by Ravana. For the sake of symmetry the epic ends with homecoming of Rama & Sita. *Mahabharata*'s conflict is triggered by 'un-housing' of *Pandavas* by *Kauravas*, and the conflict ends with *Pandavaas* being 'housed' back. The biblical story of prodigal son starts with the son leaving his home and ends with his homecoming. There are a number of folk tales that too follow this kind of plot structure. The Russian structuralist-theorist Vladimir Propp (1895 – 1970) in his *Morphology of Folktales* talks about the structure of folktales and defines 31 functions of plot construction. The first function is *absentation* (absence of hero from his house), the 11th function is *departure* (departure of the hero on his adventure/ search) and the 31st and the last one is *wedding* (the hero marries and ascends the throne).

Many of Russian literary works too follow a similar trait. Nikolai Gogol's play *The Government Inspector* begins with arrival of Khlestokov at a provincial town and ends with his escape from the town. Ivan Turgenev's *Fathers and Sons* starts with arrival of Bazarov at the estate of Nikolai Petrovich, and ends with Bazarov's departure and death. Anton Chekhov's major play *The Cherry Orchard* starts with arrival of the Trofimov and Lopakhin at Ranevskaya's estate, and ends with 'un-housing' of Ranevskaya. Aleksandr Solzhenitsyn's novel *The Cancer Ward* starts with arrival of prisoners at the special research prison called *Sharashka*, and ends with displacement of these prisoners from *Sharashka*. His other novel *The Cancer Ward* starts with arrival of Kostaglotov at the Cancer Ward and ends with his departure (or to be precise his 'un-housing' from his surrogate home – his hospital bed). These cited works maintain a kind of symmetry between the beginning and the end. If a plot starts with arrival, it ends with departure; if a plot starts with departure, it ends with arrival or homecoming for the sake of symmetry.

Dislocation, in postcolonial terms, is commonly used for displacement that happens as an effect of imperial occupation, and the concurrent and consequent experience associated with this event.¹⁶ Dislocation is one of the prominent themes in many of postcolonial novels, since

¹⁶ Ashcroft et al. (eds.); *Key Concepts in Post-Colonial Studies*. Routledge, London, 1998, p-73

the colonial forces used dislocation – physical as well as metaphorical – as an instrument to disunite the colonized:

*“The disruption and dismantling experience of dislocation becomes a primary influence in a postcolonial culture. It is also known that dislocation is an ingrained feature in all colonized places where indigenous or original cultures are not very often literally dislocated – moved out of what was their territory. At the best they are metaphorically dislocated, placed into a hierarchy that sets their culture aside and ignores their institutions and values in favour of the values and practices of the colonizing culture.”*¹⁷

Colonialism (in Indian subcontinent), and the two World Wars, Russian Revolution and subsequent Civil War (in the Russian/ Soviet context), were momentous and far reaching phenomenon, which led innumerable people to either assimilate to new conditions or to leave their homeland and settle in other regions in search of better conditions. Such migrations were aimed at either improving living conditions, or escape from political turmoil and unrest. Sometimes, there were forced mass migrations by colonizers (in Indian context) and the new Soviet regime (in Russian/ Soviet context) to suit their policy, trade, political or labour purposes.

The anxiety and incomprehension of the people being forcefully dislocated by colonial forces from their native place to entirely alien place is revealed through King Thebaw’s interior monologue, in *The Glass Palace*, as he is deported into a steamer to India:

*“The king raised his glasses to his eyes and spotted several Indian faces, along the waterfront. What vast, what incomprehensible power, to move people in such huge numbers from one place to another – emperors, kings, farmers, dockworkers, soldiers, coolies, policemen. Why? Why this furious movement – people taken from one place to another, to pull rickshaws, to sit blind in exile?”*¹⁸

Dislocation is one of the prominent themes in the novels *Doctor Zhivago* (1957) and *The Glass Palace* (2000). Zhivago’s dislocation is forced by the historical mutants (World War I, the Revolution, Civil War). His tragically dislocated life is indeed an epitome of multiple Russian folks during the early twentieth century. Born in Moscow he lost his mother at a young age. As an adolescent he sees the revolution of 1905; experiences the February Revolution of 1917 as a medical officer on the Western front; witnesses the October Revolution of 1917 in Moscow; witnesses the Russian Civil War as a civilian in the Urals, and as a doctor serving the Reds in Siberia. His voyage completes the circle with his return to Moscow in 1921 and dies in a Moscow tram in August 1929.

The entire plotline of *The Glass Palace* is an epitome of dislocation throughout the three generations of people depicted there, and provides a detailed chronicle of endless migration of varied type of people throughout the world. The novel begins with the parenthesis of Rajkumar’s history as the sole surviving member of the Raha family, whose past is recorded as: “they were Hindus from Chittagong.”¹⁹ It narrates the story of Bengali migrant labourer boy Rajkumar Raha’s immigration to Burma, then to Malaya and further relocation to India. The most imperative tangible dislocation is the dethroning of the Burmese Emperor – King

¹⁷ H. Kalpana; *Dislocation in Amitav Ghosh’s The Glass Palace*. Quilting Relationship: A Cruise Through Comparative Literary Studies; Atlantic, New Delhi, 2009, p-163

¹⁸ Amitav Ghosh; *The Glass Palace*. Ravidayal Publishers, New Delhi, 2004, p-50

¹⁹ *ibid*, p-13

Thebaw to India, his 'un-housing' from his own Glass Palace, and his subsequent exile to Ratnagiri.

*"Ghosh's characters, in this most capacious of his fiction, literally include both kings (Thebow, Queen Supalayay, the Burmese princesses) and commoners (Dolly, Rajkumar Raha, Saya John, Uma) but what unites them all is the inescapable narrative of colonial displacement. Buffeted about by the gale-winds of history, these protagonists are driven from Burma to India, Malaya, Singapore and back again..."*²⁰

If Amitav Ghosh's (1956--) *The Glass Palace* follows the traditional symmetry of beginning and ending (i.e. departure – homecoming) up to some extent, then Boris Pasternak's (1890–1960) *Doctor Zhivago* defies the traditional symmetrical ending. Though Zhivago's departure from Moscow ends with his return to Moscow where he dies, it's not a conventional ending of homecoming, since nowhere he finds solace and travels lifelessly, surviving only because of Lara's love that he cherished throughout the senseless horrors of wars. Here, doubt and hope become constant companion; and homelessness becomes the principle trope, epitomizing a historical condition as well as a mental state.

Both Ghosh and Pasternak create a quasi-realistic imitation of actual life by weaving a series of chaotic events into a neat pattern with minutely realized details. They depict the issue of dislocated identity during the times of historical mutation by narrating a story of diverse individual lives, which intersect each other like synchronous events and torment any attempt to shape them into organized patterns. Both the authors in great details record the existential dilemma during the times of chaos, wherein the subject is necessarily partitioned, a bewildered immigrant never quite in focus nor contained within the frame. They provide a meticulous account of crisis of identity caused in the lives of dislocated individuals because of historical mutants like – war, civil war, foreign invasion, colonialism, freedom struggle, people movement et al.

Setting of both the novels covers an extremely vast geographical regions, wide time spread, and portray a multitude of human experiences. Characters of the novel pass through strange, confusing and dramatic trail of fate; they get involved in unprecedented relationships and unexpected events defying the geographical and cultural barriers; they made and lose fortunes, meet and lose their loved ones.²¹ The story of *The Glass Palace* spans through more than a century (roughly from 1885 – 1995) in the history of Indian subcontinent. Though the story of *Doctor Zhivago* encompasses events that are spread though a relatively smaller time span – about thirty years (roughly from 1901–1929), they are spread through a vast geographically diverse country Russia – from Moscow to Siberia.

Doctor Zhivago is written as an outburst of the author who is unable to adapt with the changing socio-political circumstances. The author gives a very subtle yet precise criticism of Soviet ideology for aspiring at building a new man and creating an entirely new society by severely altering the natural course of development. Pasternak reflects on the effects of war and senseless carnage in the name of ideology. He further ruminates over how ideology influences otherwise sensible people and turns them hostile and susceptible to each other.

²⁰ Rukmini Bhaya Nair; *The Road from Mandalay: Reflections on Amitav Ghosh's The Glass Palace*. Tabish Khair (eds.) *Amitav Ghosh: A Critical Companion*, Permanent Black, Delhi, 2008, p-162

²¹ Meenakshi Mukherjee; *Of Love, War and Empire: Review of the Glass Palace*. The Hindu, India, October 1, 2000

Under the influence ideology the whole world becomes insensible where there is little regard for life and freedom.

The series of chaotic events that happens in Russia at the turn of the twentieth century threatens to swallow up Zhivago's identity, which is expressed through the "splendid poet's pun"²² on the very first page of the novel, in the form of a brief conversation at the funeral of the protagonist's mother: "'– Who is dead?' '– Zhivago.'" ("– Кого хоронят?' '– Живаго.'"). It is also beautifully depicted through the powerful symbol of snow storm that engulfs the coffin of Zhivago's mother's body in the beginning of the novel. Afterwards, throughout the novel Zhivago seems to be struggling to find his lost identity. The imagery of snow storm engulfing his mother's body is a strong metaphor to the disasters closing brought to mother Russia.

Doctor Zhivago, being the only novel by an author who was more of a poet, is written in an utter lyrical manner. It contradicts many of the principles of novel. A number of the then literary figures vehemently criticized the novel for being a material for "light reading". According to one of the leading poets of that time Anna Akhmatova (1889 – 1966), *Doctor Zhivago* contains some "wholly unprofessional pages", which made her want to cross them out one after the other with an editor's pencil. She went further to say that the material is too poorly written to be composed by Pasternak himself. She agreed to call it a "novel" only because she happens to associate the term with "light reading".²³

Pasternak introduces characters that disappear quickly, only to reappear at the most unsolicited time and place. The author quite often juggles between proleptic and analeptic modes of narrative techniques without resolving ongoing conflicts. This results into sudden and vehement turn in the sequence of events. He, sometimes, pays more attention to diction and thought than to the plot line. According to the critic Roland Hingley:

*"The author of Doctor Zhivago did not confine himself to creating life. He was also keenly concerned to interpret it. He cared little whether he entertained his readers; his chief aim was to instruct them. In this respect he continued the great tradition of nineteenth-century Russian fiction as represented by its novelist-prophets Gogol, Dostoyevsky and Tolstoy among others. Each of them had used or attempted to use, his art to promote a philosophy of life."*²⁴

The protagonist of the novel, Doctor Yuri Zhivago, like his creator, is by nature very sensitive, extremely poetic and utterly idealistic. He is an archetype of fragmented identity – individually as well as socially. He finds himself divided between his individual choice and social obligation. Though he is aware of his duties towards society, he is in constant pursuit of his individual identity, frustrated with the senseless killing during the first quarter of the twentieth century. He is a man, who is aware of his family responsibilities towards his wife Tonia and child, nevertheless dreams and aspires to live a happy life with his love Lara. The novel primarily narrates the story of these three individuals (Zhivago, Tonia and Lara) tormented by the events of the World War-I and the Russian Revolution of 1917 and the subsequent Civil War (1918-20). Zhivago's poetic idealism is dramatically ruptured away by the brutal forces of harsh reality which he cannot control. At a deeper philosophical level the novel highlights the plight of an individual to exercise his own choice when changes in socio-political dynamics had a completely different plan for him. He experiences the bitter truth of ludicrous contradiction between what he expects from life and what life has expectations from

²² Ronald Hingley; *Pasternak: A biography*. Weidenfeld & Nicolson, London, 1983, p-228

²³ Lidia Chukovskaya; *Zapiski ob Anne Akhmatovoy*. Paris, 1974, p-213

²⁴ Ronald Hingley; *Pasternak: A biography*. Weidenfeld & Nicolson, London, 1983, p-216

him. His forced voyage through the length and the breadth of the country is dreamlike, surreal, and full of contradictions and coincidences. In this context, *Doctor Zhivago* is a true depiction of human longing for its individual space in the times of civilizational crisis.

Being an epic work *Doctor Zhivago* provides several fictionalized accounts of the upheaval in Russia as the tsar is deposed, communism surfaces from the revolution, and a totalitarian soviet regime attempts to take control over the country. Similarly, *The Glass Palace* being a historical novel unravels many sub-stories of colonial invasion, Deposing of Burmese emperor, horrors of the World War–II, mass migration, Myanmar’s junta rule, Indian freedom struggle, Myanmar’s struggle for democracy. Nonetheless, it also provides a gripping account of displacement and forced migration of varied individuals and their subsequent struggle for creating identity in the dislocated space:

*“Even though The Glass Palace has been read as a historical account of colonization in South East it can as well be read as the evolution of identity that occurs in individuals due to displacement and relocation in newer areas.”*²⁵

Both the novels capture the ironic brutality of forced dislocation with utmost aesthetic fictionalization. Being an anthropologist, Amitav Ghosh very subtly and aptly captures the plight of war refugees throughout the globe:

*“Ghosh’s technique is simply to borrow the war-journalist’s tripod, lenses and so forth and then swivel his viewfinder so that it alights on families living out their lives in tumultuous times. It just happens that the subjects of his current book [The Glass Palace] are Burmese citizens, but one can easily imagine Ghosh ‘photographing’ afghan refugees or Kashmiri pundits using the same documentary method. Indeed, he has used the strategy with success in several previous works – dealing for example, with the enigma of a divided Bengal in the Shadow Lines...”*²⁶

Like *Doctor Zhivago*, *The Glass Palace* begins with a frenzied commotion imposed on the subjects of the novel – the king and the citizens of Burma. The novel starts with the seizure of Burmese kingdom by British colonial forces, and further narrates a mesmerizing and impassionate story that occurs across Myanmar, Malaysia and India. The British colonial forces invade Burma in 1885, and throw the royal family of Burma out of the Royal Palace in Rangoon.

The change of regime in Burma brings numerous changes in the life of common people including Indian labourers brought to Myanmar by British teak merchants. The engrossing account of the story raises a number of civilizational issues induced by changing course of the world history. In the novel, the Glass Palace represents itself as the centre of cultural activities, material wealth and political power of the Burmese emperors. The shift in power and collapse of Burmese Empire brings destruction of culture and wealth of the richest land of Asia. The land where none were illiterate and labourers were imported from India, since the people there were too wealthy to do menial jobs.

Historical mutation, in both of the novels, appears as an element of determinism where various events – possible as well as impossible – find the individuals no matter how hard they try to escape them. Both the authors suggest to be posing two critical historiographic questions: the role of individual in history, his possible control over events, and the possibility of escaping these events.

²⁵ H. Kalpana; *Dislocation in Amitav Ghosh’s The Glass Palace*. Quilting Relationship: A Cruise Through Comparative Literary Studies; Atlantic, New Delhi, 2009, p-164

²⁶ Rukmini Bhaya Nair; *The Road from Mandalay: Reflections on Amitav Ghosh’s The Glass Palace*. Tabish Khair. (ed.) *Amitav Ghosh: A Critical Companion*, Permanent Black, Delhi, 2008, p- 164

Pasternak seems to be subscribing the idea proposed by Tolstoy in his novella *After the ball* and his novel *War and Peace*, that man is manipulated by incidents. He acknowledges the phenomenon of mutation in human nature and history, but he sees it in his own particular way. In the novel *Doctor Zhivago*, Zhenya “became a woman” overnight after having experienced the deaths of two people close to her heart. Pavel Antipov turned into an ardent and vindictive revolutionary, and changed his name to – Strelnikov (derived from the Russian verb стрелять – to shoot), when his young wife told him the truth about her past. In *The Glass Palace*, Dolly suddenly “began to notice odd little changes” around her, after the deportment of the royal family to India. Pasternak as well ascribes the same kind of changes to historical process. What is called history is “motionless, unchangeable. Its mutations escape the eyes, exactly like changes in nature that are unnoticeable” but unforgiving to those who do not adapt to them. Nevertheless, one hardly disagrees with the critic Roland Hingley: “*Doctor Zhivago*’s principle aim is to convey its creator’s conception of all that is most positive and worthwhile in human existence.”²⁷

Both the novels have a multiple sub-stories with one connecting link the love between the lead couples – Rajkumar Raha and Dolly (in *The Glass Palace*) and Doctor Zhivago and Lara (in *Doctor Zhivago*). Raha and Dolly meet purely by chance and reminds us of Bakhtinian *carnavalesque* or Dostoyevskian coincidence, since they belong to completely different circles (Raha – Bengali orphan migrant laborer turned capitalist and Dolly – a maidservant of the Burmese Queen Supalayat) and there was not even a remote chance of their encounter under normal circumstances.

Similarly, *Doctor Zhivago* is filled with numerous odd coincidences; characters dramatically disappear and re-appear seemingly random at author’s will, stumbling upon each other in the most unexpected places and influencing the lives of each other in a very far-reaching manner. The meeting of Yuri and Lara is as well driven by the same coincidence, since, in Pasternak’s own language, she is “a girl from another circle” (“девушка из другого круга”).²⁸ The possibility of their direct interaction is extremely faint. Here, both Pasternak and Ghosh explore what Bakhtin had termed *the surplus*. Their unexpected encounter is made possible thanks to the kind of setting created by the authors. In Bakhtinian terms, both the novels create a *carnavalesque* setting and attempt to explore *the unrealized surplus of humanness*. Here the novelist provides an opportunity for convergence of completely different people who otherwise never get a chance to meet each other.

If Rajkuamr Raha, after his first and second coincidental encounters with Dolly, consciously makes efforts to reach Dolly, then Zhivago’s meeting with Lara is always incidental and sudden. This kind of repeated ‘synchronous events’ in *Doctor Zhivago* reminds once again of Dostoyevskian coincidences. A kind of determinism plays with the life of protagonists in *Doctor Zhivago*, as if it was predetermined and the universe conspired for them to be together («...так хотели земля и небо... и все кругом...»). According to Pasternak, two loving people are like “electrified wires” («провода под током»). In this sense, determinism becomes very powerful motif in *Doctor Zhivago* and the coincidences turn out to be historical laws. This also point out on the futility of human endeavour during the times of volatility of mutation in history. When historical mutants are so brutally sweeping and remorselessly insensitive as World War-I and Russian Revolution (in *Doctor Zhivago*) or colonial invasion and World war-II (in *The Glass Palace*), individuals have no control over their life. Under these circumstances fate of an individual becomes predetermined by the agents of historical

²⁷ Ronald Hingley; *Pasternak: A biography*. Weidenfeld & Nicolson, London, 1983, p-213

²⁸ Title of the second chapter of the novel *Doctor Zhivago*

mutation. Nevertheless, what Yuri Zhivago says in the novel, becomes the motto of the novel: “Man is to live, not to prepare for life.”²⁹ The same motto can also be applied to *The Glass Palace*, where Raha travels from the length and breadth of the Indian subcontinent just to live and successfully find his love Dolly. Nonetheless, it is significant to note that, unlike Zhivago, Raha is extremely calculative in his endeavours and ready to take risk to seize each and every predictable opportunity.

The surplus plays a very significant role in the life of Raha and Dolly who were separated by the British colonial invasion to Burma. Ironically, Raha gets the first glimpse of Dolly thanks to British forces capturing Burma. Just when colonial forces were marching in the city of Mandalaya, people were busy looting their own emperor’s palace. Queen felt herself powerless before her own people who were just ignoring her presence and busy in grabbing the valuables of the palace. This was the moment when 11 year old Raha first saw 10 year old Dolly, and immediately fell in love at first sight:

*“Rajkumar’s eye fell on a girl – one of the Queen’s maids. She was slender and long limbed, of a complexion that was exactly the tint of fine thanaka powder she was wearing on her face. She had huge dark eyes and her face was long and perfect in its symmetry. She was by far the most beautiful creature he had ever beheld of, a loveliness beyond imagining.”*³⁰

Nonetheless, the effect of colonial dislocation can easily be understood through Dolly’s struggle of with her displaced identity. Her dislocation from her native roots and her discomfort with her displaced identity becomes apparent, when she declares to Uma, the collector’s wife that she would never return home:

*“If I went to Burma now I would be a foreigner – they would call me a kalaa like they do Indians – a trespasser, an outsider from across the sea. I’d find that very hard, I think. I’d never be able to rid myself of the idea that I would have to leave again one day, just as I had to before. You would understand if you knew what it was like when I left.”*³¹

The phenomenon of such dislocation and fragmented identity spark off what seems like a self-inflicted act of denial in Dolly, reasserting the idea that “colonized subjects suffer from a sense of unreal and imaginary homeland.”³² Here, Ghosh seems to be reiterating the idea of nationhood, as explained by Gayatri Spivak, that nationhood is a metaphor constantly being ‘reclaimed’ as the postcolonial space cannot advance referents that are ‘historically adequate’.³³ This is valid in the case of Dolly and Rajkumar, both of whom seek to reascertain their rights over Indian and Burmese territories, appropriated as ‘home’ by turns. For Dolly her life in Outram House in Ratnagiri is the only life she knows: her moment in exile is also ironically her moment of greatest assertion.³⁴ ““And where would I go?...” ‘This is the only place I know. This is home.’”³⁵

²⁹ Boris Pasternak; *Doctor Zhivago*. Vintage Books, 2002, p 307

³⁰ Amitav Ghosh; *The Glass Palace*. Ravidayal Publishers, New Delhi, 2004, p-34

³¹ *ibid*, p-113

³² Rakhee Moral; “*In Times of the Breaking of Nations*”: *The Glass Palace as Postcolonial narrative*. Amitav Ghosh: Critical perspective, ed- Brinda Bose, Pencraft International, Delhi, 2005, p-147

³³ Padmini Mongia (ed.); *Contemporary Postcolonial Theory*. Oxford University Press, 1997, p-277

³⁴ Rakhee Moral; “*In Times of the Breaking of Nations*”: *The Glass Palace as Postcolonial narrative*. Amitav Ghosh: Critical perspective, ed- Brinda Bose, Pencraft International, Delhi, 2005, p-147

³⁵ Amitav Ghosh; *The Glass Palace*. Ravidayal Publishers, New Delhi, 2004, p-113

From Burma the ill-fated Emperor Thebaw and his family are first taken to Madras and kept there for a long time without any glimmering hint of his future; later on they are permanently shifted to Ratnagiri – “a place too insignificant to be marked on the map.”³⁶ The two images – the dislocation of king Thebaw from the happening Glass Palace to an “insignificant” Ratnagiri’s Outram House, and the “commoners” mobbing the Glass Palace are very strong metaphors used by the author to depict the dilution of identity in a colonized nation. The strongest imagery used for dilution of identity is that of the eldest princess marrying the coachman of Uma.

Each and every character in the novels finds him/ her caught in a rapid historical mutation where the rules of life are changing swiftly and he/ she is struggling to cope up with the merciless mutation in history. Calculative Raha seizes the opportunities that came along with the political mayhem in Myanmar and create wealth by becoming teak merchant, and then exploring his luck in rubber plantation. Nevertheless, he too was separated from his love – Dolly. Contrary to Raha’s successfully creating his own identity and space, his love Dolly was dislocated to Ratnagiri with her fragmented identity and divided nationhood, whom he meets only towards the middle of the novel after travelling more than 5000 kilometers across Indian subcontinent. If Raha and Dolly were separated by colonial forces, then Zhivago and Lara – by the communist revolutionary forces. Zhivago, who is primarily driven by inertia, and Raha, who is driven by active opportunism and calculative risk, are undoubtedly completely different beings. The idealist Zhivago, who is “an observer rather than a man of action”³⁷, is prone to be perished, while calculative Raha – bound to flourish.

Zhivago’s idealistic principles are questioned by the changing socio-political dynamics of the country. His individual life was continually encountered by the viciousness of the World War I, the vehement Russian Revolution that changed the course of world history, and the subsequent deceptive Russian Civil War where it was entirely difficult for an ordinary man like him to distinguish between friend and foe. Throughout the entire crisis, he only finds solace in the company of his love Lara, whose life is equally wretched and her story is equally gripping account of union, separation and reunion, and a chronicle of dislocation and relocation. There is such a huge loss inflicted upon the human life that it is hard to recapitulate them into one inference.

Both the novels reaffirm the instinctive behavior of the masses. Masses follow their own direction, pushed by inertia, or stimulated by some other causes over which man has no control. Chapter-8 of *Doctor Zhivago* narrates how the leaders of a demonstration could not stop it once it had started. In fact, it proves the total superfluousness of the leadership in mass movements. The Queen Supalayay in *The Glass Palace*, helplessly witnesses her own people, who were once completely obedient and fearful of her, mobbing her palace and robbing the valuables even in her full presence without any fear of her. First she was shocked and then she realized gradually the changing dynamics of power.

*“The Queen was screaming, shaking her fist. ‘Get out of here’ Get out.’ Her face was red, mottled with rage, her fury caused as much by her own impotence as by the presence of the mob in the palace. A day before, she could have had a commoner imprisoned for so much as looking directly in her face. Today all the city scum had come surging into the palace and she was powerless to act against them.”*³⁸

³⁶ *ibid*, p-60

³⁷ Ronald Hingley; *Pasternak: A biography*. Weidenfeld & Nicolson, London, 1983, p-202

³⁸ Amitav Ghosh; *The Glass Palace*. Ravidayal Publishers, New Delhi, 2004, P-33

Queen's being powerless and helpless before her own people in her own palace is an extremely potent imagery of identity being dislocated by a historical mutant – colonialism. A similar emotional moment was witnessed by Yuri Zhivago, when he returned from the front for the first time and saw his house turned into a refugee shelter, where his family was barely accommodated. He felt like being a refugee in his own house.

Both the authors are preoccupied with a strange interknitting of personal and historical affairs, suggesting their inseparability. They as well suggest that when sudden sweeping historical mutation engulfs the nation, individuals are invariably seized by it, all in the same frame – having one single meta-narrative with multiple micro-narratives with little or no control over their actions and their outcome.

Zhivago understands the whole futility of actions and precautions. He makes no plans or arrangements for a safe life and is always the last to leave the place which is threatened. He remains truly passive and inert. Zhivago left Moscow reluctantly, pressed by his family. He lets Lara go with Komarovsky, realizing the inevitability of such a destiny for both of them. He served with the Whites and the Reds when asked by them. He has the deepest sense of being doomed and a firm belief that “man is not to escape his fate”.

On the contrary, Rajkumar is a man hell bent to create his own destiny. Being an orphan labourer boy, he is quite aware of the harsh reality that life is not going to be kind to him. He works hard as an aid to his mentor Saya John, and learns the art of business from him. Being a shrewd calculator he decides to seek his fortune in the timber trade; and succeeded in becoming a wealthy teak merchant. He later saw future in rubber, thus sifted his business partially to rubber plantations in Malaya. He then returns to India in search of Dolly, finds her, marries her and returns to his native place. Thus, in a way, unlike Zhivago, he is able to turn the cycle of dislocation by relocating himself. Nonetheless, he too suffers from fissured identities, alienation and national longing, since people caught in colonial dislocation “slide into alien culture as their fissured identities trigger off simultaneously the spirit of alienation, national longing and transnationalism.”³⁹ The third generation in *The Glass Palace*, Arjun joins Military Academy at Dehradun prompted by the notion of service to his country. His notion of serving the country is jolted by Hardy. Hardy's ironic statement reminds us of Zhivago's pondering over regarding the notion of country:

*“Well, didn't you ever think: this country whose safety, honour and welfare are to come first, always and every time – what is it? Where is this country? The fact is you and I don't have a country...”*⁴⁰

Like Boris Pasternak's panoramic *Doctor Zhivago*, Amitav Ghosh's *The Glass Palace* dramatically captures the dislocation during political turmoil. If Pasternak's Zhivago and Lara were unable to adjust to the changing dynamics of political order, then Ghosh by interweaving the extended family of Raha tries to imply that love and hope prevail in the times of crisis, but ultimately he offers little solace for the shattered families, crushed between British and Japanese colonial forces, between military Junta and people movement led by Aung San Suu Ki.

Bibliography

- Ashcroft et al (eds.); *Key Concepts in Post-Colonial Studies*. Routledge, London, 1998

³⁹ Rakhee Moral; “*In Times of the Breaking of Nations*”: *The Glass Palace as Postcolonial narrative*. Amitav Ghosh: Critical perspective, ed- Brinda Bose, Pencraft International, Delhi, 2005, p-148

⁴⁰ Amitav Ghosh. *The Glass Palace*; Ravidayal Publishers, New Delhi, 2004, p-330

- Barnes, Christopher; Boris Pasternak: A literary Biography. Cambridge University Press, Cambridge, 1989
- Bose, Brinda (ed.); Amitav Ghosh: Critical Perspective. Penecraft International, Delhi, 2005
- Chukovskaya, Lidia; Zapiski ob Anne Akhmatovoy. Paris, 1974
- Ghosh, Amitav; The Glass Palace. Ravidayal Publishers, New Delhi, 2004
- Ghosh, Tapan Kumar & Bhattacharya, Prasanta (eds); In pursuit of Amitav Ghosh: Some Recent readings. Orient BlackSwan, Delhi, 2013
- Hingley, Roland; Pasternak: A Biography. Weidenfeld & Nicolson, London, 1983
- Ivinskaya, Olga; A Captive of Time: My Years with Pasternak. Garden City, New York, Doubleday, 1978
- Kalpana, H.; Quilting Relationship: A Cruise through Comparative Literary Studies. Atlantic, New Delhi, 2009
- Khair, Tabish (ed.); Amitav Ghosh: A critical Companion. Permanent Black, Delhi, 2008
- Mongia, Padmini (ed.); Contemporary Postcolonial Theory. Oxford University Press, 1997
- Mukherjee, Meenakshi; Of Love, War and Empire: Review of the Glass Palace. The Hindu, India, October 1, 2000
- Pasternak, Boris. An Essay in Autobiography; London, Collins & Harvill, 1959
- Pasternak, Boris; Doctor Zhivago. Vintage Books, 2002
- Reading Voinovich's – "Fairy tales for adults" (Skazki dlya vzrozhikh)

Conflict between Traditional and Modern: A Study of Tolstoy's *Anna Karenina*

Manuradha Chaudhary

This paper is an attempt to study conflict between traditional and modern with special reference to Tolstoy's Anna Karenina in context of postindustrial society in Russia. In this novel, Tolstoy tried to show how modern society is decaying due to industrialization. He also emphasizes on the closeness to the rural life what he thought to be contented life. Novel represents two different classes of 19th century Russia; one is traditional and second is modern along with highlights contrasts of town life and rural life. Through Oblonsky, Dolly, Anna and Vronsky, he shows contentment in the town life of Moscow and Petersburg, where individualistic attitude dominated and the relation between family and community is wrecked. Whereas through Levin and Kitty's life he shows superiority of rural life or peasant class with satisfaction, sacrifice, morality and strong bonding among the individuals.

Born in 1828 at the threshold of Russia's great literary and revolutionary age, Tolstoy took Russian literature of the 19th century to unforeseen heights. Tolstoy's works reflect his quest for truth. He was a novelist, moralist, social reformer, philosopher and teacher. Despite the fact that he belonged to the topmost nobility of Russia, he spent 70 years in Yasnaya Polyana, his native village because he believed in peace and sanity in peasant's life. Closeness to the rural life is an essential feature of what he thought to be contented life. This paper is an attempt to study conflict between Traditional and Modern with special reference to Tolstoy's *Anna Karenina* in the context of the post-industrial situation.

Culture and tradition are a part of individual's life. As one moves away from one's roots there is a sense of alienation and emptiness that one confronts. Tolstoy insistently voices his protest against alienation, emptiness of modern life and its overwhelming materialism. He wrote at a time when Russia was undergoing a sea change of values and beliefs. He tried to incorporate his beleaguered persona in his literary/artistic creations. Like Tolstoy, DH Lawrence too remarks:

*The country is so lovely: the man-made England is so vile....
The hn soul needs actual beauty even more than bread.*⁴¹

Tolstoy has tried to demonstrate this decaying of modern society due to industrialization. His writing clearly states his inclination towards rural life. He often dramatized his own persona as the romantic figure who knew a great deal about society. The 'impulse of community' was central in Tolstoy's thinking. He attacked the modern society of Russia because it frustrated an individual's quest, whereas rural life provided sense of community. Society means living together. To live together people must have some material standard.

Tolstoy's novel *Anna Karenina* (1875-1877) is an grand account of zeal, deception, misfortune, and salvation. But it is also a incisive portrayal of Russian life and society in 1860s. It belongs to the tradition of family novel and moral concerns are voiced throughout. It is also a satire on the depravity and follies of upper class society. *Anna Karenina* is a critical presentation of life in an age of upheaval: the breaking of the landed gentry and the

⁴¹ Dahiya S, Bhim .*Major Trends In English Literature (1837-1945)*. New Delhi: Academic Foundation, 1992. P.73.

ascendancy of capitalism, the crisis in Russian agriculture, confusion in the upper-class family structure. Anna's tragedy and Levin's searching blend well into an open landscape of Russian life. The subtext is metaphysical, which focuses on men and women searching for meaning and direction in their lives.

In his Petersburg world people were divided into quite distinct classes. There are lower class, commonplace, stupid and above all ridiculous people who believed that a husband should live with the one woman to whom he was married, that young girls should be virtuous, women chaste, and men virile, self controlled and strong; that children should be brought up to earn their bread and pay their debts, and other such nonsense. But there was another class: the real people, the kind to which his sets belong, in which the important thing was to be elegant, handsome, broadminded, daring, gay, and ready to surrender unblushingly to every passion and to laugh at everything else.⁴²

There are two different classes one is traditional and second is modern. The novel represents the Russian aristocratic classes, who are not concerned or worried about the money for the next meal. Most of the action forms a part of magnificent house of the high classes, in ballrooms, grand bedrooms. At the very beginning of the novel Tolstoy writes that the Oblonsky home was in disorder. "Everything had gone wrong in Oblonsky's household. The wife had found out her husband's relationship with their former French governess and has announced she could not go on living in the same house with him"⁴³. It is a brief sentence full of meaning; embracing the general features of the age and particular circumstances of family life.

In novel 6th chapter depicts life in the countryside whereas the next chapter is centered largely in city. The contrasts highlight the study of town life and rural life.

Kitty's sister, Dolly visits Vronsky and Anna whose ways of life she starts by envying and ending with compassion. In Petersburg and Moscow he meets politicians when Levin visits the local elections. He finds Sergey and Vronsky playing a game that he is unable to comprehend as it does not bear any link to the countryside life. With the birth of his son the bewilderment and disillusionment that he experiences soon blots all else from his mind. While Levin is waiting for his son's birth, in agony Levin quite spontaneously calls to God. The spiritual feeling brought by birth is a stage in his gradual return to the conventional customs of his ancestors. The duality is highlighted in the ways of thinking, i.e. being theist and atheist. Levin is desperately close to suicide when one statement from one of his farmers makes it apparent to him that his way of life is a fruitful one. Sergey his half-brother's new found interest in the pan-Slavic cause, is an alternative for actual sentiment and communication with others. Sergey's references are to newspapers articles, magazines while Levin's are to his own experience. The contrast between artificial versus natural offered by Tolstoy has been a reflection of Russian society which was facing cataclysms during this time. Levin is comfortable in the village, because the country represents conventional Russian values like piousness, hard work, and religiousness. Oblonsky finds contentment in the town, whereas Levin is dissatisfied with the town life, He falls prey to evil habits like drinking, gambling and falling for women other than his wife. As soon as he moves to the countryside Levin gains his natural self. Levin still has roots, connections, and the virtue of quietness and peace in solitude, however. Of these ruins of community Levin and Kitty still keep something. While life in the Russian rural community made relationships grow in a natural, organic, spontaneous and original manner, the modern society brought artificiality, making it mechanical. An individual's world turned upside down, when these people were uprooted

⁴² Tolstoy, Leo. *Anna Karenina*. London: Penguin Books, 1954. P.129.

⁴³ Tolstoy, Leo. *Anna Karenina*. London: Penguin Books, 1954.P-3.

from the old organic order. It suggests the utter simplicity of those people. Their eyes reveal their inner mind as clearly as scent reveals a flower. Lenin is the representative of this world. He still follows his instinct rather than his intellect. He lives with the old inarticulate traditional world. His steadiness, half way between two worlds, is constantly in danger. Individual aspirations are seen high in Sergey. Life of Vronsky, Anna, Karenin is full of complexity. Modernization has introduced an element of complexity in their life. Their detachment from the natural leads to loss of harmony which is mirrored in their marital conflict. Anna is a representation of modern woman, who ultimately commits suicide. Here the individualistic attitude dominated and the relation between community and family is wrecked.

The philosophical landowner works with peasants in the fields and seeks to reform their lives in various ways. Levin, the landowning aristocrat is the mirror image of Tolstoy expressing some of his own actions and beliefs and searches for higher meanings in life. Henri Troyat writes about Tolstoy that he “shamelessly attributed to him the events of his own life, fed him with his ideas, the books he read, his own blood”⁴⁴. He depicts through Levin and Kitty’s marital life his own ideas about peasantry and family happiness. For him, Levin was almost deeper into the soil and he could not pull himself out without turning a furrow. Tolstoy, thus makes his readers acquainted with the general mindset of an aristocratic group of people of contemporary Russian society craving for the rustic and rural life.

The two cities Petersburg and Moscow represents New Russia shaped by European influences, fashionable and hedonistic and Old Russia is represented by rural society which is religious, traditional and conservative. Here one can clearly identify the superiority of rural life, with the strong bonding among the individuals that is rather rare in urban society. Tolstoy not only reveals a telling portrait but also mirrors his own personal transformations. His novel gives its readers limitless examples of small incidents that wield tiny influences. He believes in the effectiveness of the ordinary. It was Tolstoy in Anna Karenina, who exposed, the moral scantiness of the rules by which society lived. The novel supports conventional values and social roles based on gentry’s stereotypes in Russian society of the time. Anna fails to meet the moral standards as she is close to modern society where as Levin stands up for morality because he is closer to Russian peasant society.

Tolstoy wrote about the direct and natural bonds. Through Levin and Kitty’s marital life his own ideas about peasantry and family happiness becomes central. The disintegration of relationship is shown through the relationship of Karenin, Anna and Vronsky, where a woman collapses under the demands of being a wife. Deserting her family and place, she engages in an affair with a young military officer. Kitty and Levin on the other hand, shows the strength and understanding between two human beings. Anna is married to Karenin, an important government official in Petersburg and twenty years older than her. Tolstoy visualizes the mismatch of marriages prevalent in society as he portrays Karenin as a dry, self-satisfied man who is a slave to etiquette. As a member of the society he does what a society demands. On the other hand, Vronsky is a handsome, rich, influential, well cultured and very intelligent man serving in the army. Despite the fact that she is married and has a son, Anna falls in love with him. She leaves her son and her husband to live with Vronsky, but she finds herself caught in culture, traditions and class. This breakup of relationships and marital discord was due to modernization. Karenin takes exception to her wife’s affair with Count Vronsky not because adultery is a sin or it affects him, but how people will take it. Thus Karenin’s reaction confirms the fear of denouncement by the aristocratic class. Again the piousness and truth in relationships were not the concern in fact class was important. Anna’s divorce is rejected and

⁴⁴ Troyat, Henri. Nancy Amphoux (Trans). *Tolstoy*. New York: Grove Press, 1968. P. 363

she puts an end to her sufferings by committing suicide. Tolstoy authentically draws the picture of his age by showing society's obsession with appearances and reputation.

Russian nobles wanted to preserve the old ways of farming but they too failed in doing so. They became dangling men or nowhere men hanging in between two different worlds. Oblonsky, Anna's brother is an example of broken gentry. He does not have enough money and is ready to sell his wife's forest, his only wealth. His family faces financial problems. "He occupied a distinguished and well paid post as Moscow's court- houses. This post he had obtained through his sister Anna's husband, Alexei Alexandrovich Karenin, who held one of the most important positions in the ministry to which this court- house was attached"⁴⁵.

The relationship between Levin and Kitty, his study of philosophy, the management of the farm and his joining in the haymaking process with peasants are all-autobiographical creations of indicating his love for rural life. Levin's estate at Pokrovskoye is also a representation of Yasnaya Polyana estate of Tolstoy. Levin, who is a devoted farmer as well as an impassionate philosopher, is the only character who has a clear vision of faith and happiness in the novel. He has a strong passion for land and for agricultural activity as well as a large degree of the soul-searching and questing mind. For Kitty the patient wife life's blessing and sorrows are something predestined by heaven. She strongly believes in the laws of society; if someone breaks them, then he or she should be ready to face the consequences, as Anna did. The sacredness of the family can be saved by chaste love of husband and wife which is achieved through the sacrifice, forgiveness and respect for each other as in the case of Kitty and Levin, whereas the relations are ruined when either husband or wife indulges in extra marital affairs which finishes one's personal happiness, as Anna did by destroying her own life as well as that of her lover 'Vronsky'. Lots of dissatisfaction and insecurity made her life miserable.

Tolstoy, like Lawrence, also wished to discover a community, a society close to their soil. Levin's connection with farmers shows him, to be rooted in his country and culture in a way that Europeanized aristocrat like Anna and Vronsky were not. Levin finds faith by listening to the peasant. Ultimately, faith for him is strength in active association with agricultural cultivation and self-cultivation. Tolstoy as well as Lawrence is critic of the effect of modernization on men, in which a variety of transient experiences have replaced the traditional patterns of work and leisure and in which the spiritual and ethical values of men have become baffled. The effect of metropolis education could be seen on Levin. He is one of the dwindling minority which returns to the country after it. D.H Lawrence's *The Rainbow* owes more to the Levin part of *Anna Karenina*. The author's hatred and fear of materialism turns into a religious creed. Like Tolstoy, Levin looks forward to a pastoral utopia. He makes a cult of contributing his physical labour to the farming of his land, but it is easy for him to do what he likes on his own property. Tolstoy disliked civilization and modernity that was overshadowing traditional values, the nature was getting destroyed, people were becoming individuals and everything was heading to an end. For Tolstoy modern civilization is repulsive.

Anna Karenina one of the most eloquent of Russian novels represents, with a prophetic awareness of consequences, the social revolution whereby an individual loses his sense of community and identity. It narrates the story of a community in its last flare of vitality and in a process of gradual dying away of all relationships and feelings which are shaken by the great change. The central focus is on the surfacing, of 'dying consciousness' and how this modernity spelt disaster to family and communal relations. Tolstoy dreams of rural life and its values thereby showing conflict between tradition and modern.

⁴⁵ Tolstoy, Leo. *Anna Karenina*. London: Penguin Books, 1954. P.26

*This is a revised version of the paper presented in refresher course conducted by JNU Academic staff college in Dec 2013.

Bibliography

- Bayley, John. Tolstoy and the Novel. London: Chatto and Windus, 1966.
- Clark, Katerina and Holquist, Michael. Michael Bakhtin. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
- Dahiya S, Bhim .Major Trends In English Literature (1837-1945). New Delhi: Academic Foundation, 1992.
- Mark Spilka (ed). D. H Lawrence: A Collection of Critical Essays. New York: Prentice Hall Inc, 1963.
- Maurya, Abhay. Chekhov and Tolstoy: A Comparative View of there Aesthetics and Philosophical Positions, Critic: A Journal of the Centre of Russian Studies Issue No 07, JNU, 2006.
- Sahni, Kalpana. Reminiscences on Tolstoy. Arnold-Heinemann Publishers. New Delhi. 1980.
- Simons, Ernest J. Introduction to Tolstoy Writing. Chicago, 1968.
- Tolstoy, Leo. Anna Karenina. London: Penguin Books, 1954.
- Troyat, Henri.Nancy Amphoux (Trans). Tolstoy .New York: Groive Press, 1968.
- WT Andrews (ed.) .Critics on D. H. Lawrence. London: George Allen and Unwin, 1971.

Creating New Folklore: Gorky, Stalin and Socialist Realism

Shivaji Bhaskar

The 1920s, when Soviet Union was still in its outset is considered to be the Soviet Union's golden age of folklore by many folklorists today. To the fact that the struggling newly formed communist government led by Joseph Stalin, who among many in the Soviet Union considered traditional Russian folklore, a promoter of capitalist and bourgeois values. Once the First Five Year Plan came into motion in 1928, the Soviet government began to criticize and censor folklore studies. Stalin and the Soviet regime repressed folklore, believing that it supported the old tsarist system and a capitalist economy. But due to the efforts of Maxim Gorky, who considered folklore a great tool for the promotion of Soviet ideology, brought the attention of Soviet leadership towards the welfare of the folklore studies.

Gorky stressed that traditional legends and fairy tales showed ideal, community-oriented characters, which exemplified the model Soviet citizen. He stressed on the creation of such folklore where Soviet people can see the extraordinary works done by ordinary Soviet citizens. Gorky believed, Soviet heroes unlike bourgeois characters are honest in their deeds dedicated to the creation of a classless society. But the motive behind Stalin's endorsement of the idea of promoting folklore and having writers as 'engineers of human soul' was an attempt to bring about a sea change in the production of propaganda literature in the Soviet Union generally and to establish his cult image as 'father' to the Soviets particularly.

"The production of souls is more important than the production of tanks.... And therefore I raise my glass to you, writers, the engineers of the human soul" ⁴⁶
Joseph Stalin, "Speech at home of Maxim Gorky", 26 October 1932

The 1920s, when Soviet Union was still in its outset is considered to be the Soviet Union's golden period of folklore by many folklorists today. But contrary to the fact that the struggling newly formed communist government led by Joseph Stalin, an alias which means "Man of Steel", aptly acquired by Soviet leader Stalin (*Iosif Vissarionovich Dzhugashvili, 1878–1953*), who among many in the Soviet Union considered traditional Russian folklore, a promoter of capitalist and bourgeois values. The Soviet state began to disown and censor folklore since most of the communist leaders were convinced that folklore represents pre-revolutionary system and supports capitalist mindset. Due to the weak economy, the Soviet leadership's priority was shifted towards the establishment of a new economic apparatus. For the construction of nation's otherwise fragile economy, the entire focus of the government's five year plans was on the revival of the economy and as a result folklore studies thrived during these years. The major shift came due to the efforts of Maxim Gorky (*Aleksei Maksimovich Peshkov, 1868-1936*) who considered folklore a great tool for the promotion of Soviet ideology. The attention of Soviet leadership was attracted towards the welfare of the folklore studies only after Gorky convinced Stalin for promoting literary works including folklore. Maxim Gorky in 1934 during his inaugural speech at the Union of Soviet Writers (*Союз Советских писателей*) argued that "folklore could, in fact, be consciously used to promoted Communist values. Apart from expounding on the artistic value of folklore, he stressed that

⁴⁶ The phrase was originally coined by Russian novelist Yury Olesha (1899 -1960) and then picked up and used by Joseph Stalin.

traditional legends and fairy tales showed ideal, community-oriented characters, which exemplified the model Soviet citizen”.⁴⁷

Gorky further stressed upon the use of folklore in his inaugural speech at the Union of Soviet Writers Congress, he said:

*“It is most important to note that pessimism is entirely foreign to folklore, despite the fact that the creators of folklore lived a hard life; their bitter drudgery was robbed of all meaning by the exploiters, while in private life they were disfranchised and defenseless. Despite all this, the collective body is in some way distinguished by a consciousness of its own immortality and an assurance of its triumph over all hostile forces. The hero of folklore, the “simpleton,” despised even by his father and brothers, always turns out to be wiser than they, always triumphs over all life’s adversities, just as did Vassilisa the Wise”.*⁴⁸

Gorky emphasized on the creation of such folklore where Soviet people can see the extraordinary works done by ordinary Soviet citizens. Gorky believed that the Soviet heroes unlike bourgeois characters are honest in their deeds which are ultimately dedicated to the creation of a classless society. Gorky paid special importance to the education of masses including amateur writers; who shall serve the union as “craftsmen of culture”, “engineers of the soul”. It was termed necessary for the restoration of the whole masses; those are working hard for the right to develop in a dignified manner like all others across the world. Gorky displayed his grand vision for the development of the Soviet Ideology among all Soviet republics. He argued that the present Soviet literature not only serves the greater purpose of unifying the entire world, but to bring about more pieces of literature written across the world. The idea behind Gorky’s vision was his exceptional understanding of the Tsarist and early Soviet realities, which he bitterly experienced at various stages of his life. He started writing under a pseudonym called Gorky, which means “the bitter one” became popular among people. The work of Gorky reflected the life of millions of toiling people; exploited till their last breath, people who undeniably worked hard to meet ends yet maintained their integrity. This inspired Gorky for writing masterpieces like “*The Mother*” (1906).

For Gorky, the insignificant man is always the hero, but the motive behind Stalin’s endorsement of the idea of promoting literature and having writers as “engineers of human soul” during a meeting with writers during preparation for the first Congress of the Union of Soviet Writers was an attempt to bring about a sea change in the production of literature in the Soviet Union generally and to establish his cult image as father to the Soviets particularly. To establish his supreme image, Stalin forced writers from all sections of the Soviet society to portray him as an ideal “*New Soviet Man*”.⁴⁹ Stalin was projected as a powerful, knowledgeable leader, his name and fame was everywhere. The propaganda reached its peak when the Soviet press started calling Joseph Stalin “*Father of Nations*”.⁵⁰

When Stalin started enjoying individual glory in the name of Socialism, Gorky categorically rejected the idea of practicing leaderism. Gorky did not desire Stalin to become an

⁴⁷ Grimes, Farrer. “The Soviet Folktale as an Ideological Strategy for Survival in International Business Relations,” *Studies in Soviet Thought*, Vol. 13, 1973, P: 55.

⁴⁸ Marxist.org, 2014 “Soviet Writers Congress 1934”, Web. 6 June 2014 <<http://www.marxists.org/archive/gorky-maxim/1934/soviet-literature.htm>>.

⁴⁹ Wikipedia.org, 2014 “New Soviet man” Web. 6 June 2014 <http://en.wikipedia.org/wiki/New_Soviet_Man>.

⁵⁰ Академик Словари и энциклопедии на Академике, 2014 “Отец народов” Web. 25 May 2014 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3446/%D0%9E%D1%82%D0%B5%D1%86>.

authoritarian; he made a clear distinction between leaderism and leadership. Gorky emphasized that a leader must not engage in leaderism. He termed “leaderism is like a disease, it is the fruit of effete, impotent and impoverished individualism. Where as leadership is placing a high value on men’s energy, points the way to the achievement of the best practical results with the minimum expenditure of forces”.⁵¹

Since Gorky was considered the father of “*Socialist Realism*”, and his novel “The Mother” is considered its first work. Accordingly, Gorky’s laid down the principles of Socialist Realism and he was appointed in charge of the Writer’s Union to further propagate the ideology. Gorky’s popularity was so high that sometimes he was often compared with Stalin. Gorky was given high respect at every corner of the Soviet Union. His larger than life portraits were hung along with that of Stalin’s especially in the hall of Union of Soviet Writers is one such example.⁵² At the first All Union Soviet Congress of Writers in 1934, Gorky reflected upon the important role of folklore in forming a new “socialist culture”. He emphasized the “close connection of folklore to the concrete life and working conditions of the people”.⁵³ He said people can be motivated through folklore to serve the Socialism, since it contains the basic traits of all human life. Gorky always saw the brighter side in the folklores, the lives of people and deeds done by the common folk in them. It was considered that folklore contains all human emotions in its basic form. The significant role played by Gorky in restoration of the people’s culture in the form of folklore is of great importance, but the party which initially ignored the folklore as a thing of past was re-defined in a new avatar when Gorky formulated the concept of socialist realism.

Gorky played a significant role in transforming the early Soviet attitude towards traditional Russian folklore. Party saw Gorky’s works portraying the basic elements of Socialism like the “revolutionary struggle, the Party’s leadership in that struggle, hatred of exploitation and promotion of the spirit of collectivism”, all tenets that would later become the pillars of Socialist Realism. It was his work that was chosen from among the body of literature existing before the revolution that was said to embody the necessary tenets of Socialist realist art: “*Partiinost’*, or party-mindedness, *Ideinost’*, being inspired by correct ideas and *Klassivost’*, a correct historical understanding of the events presented from a class-struggle based interpretation of history”.⁵⁴

Gorky defined socialist realism as the “realism of people who are re-building the world.” He considered its ability to reflect reality from a revolutionary perspective, to look at the past “from the heights of the future’s goals”. The foundation of Socialist Realism was based on Gorky’s “thoughts on labour, the significance of folklore for a national culture and the sense of national character”. He considered the main task of Soviet writers to be the upbringing of a “new socialist man”.⁵⁵ Gorky succeeded in proving that folklore does not obstruct the new

⁵¹Marxist.org, 2014 “Soviet Literature” Web. 6 June 2014 <<https://www.marxists.org/archive/gorky-maxim/1934/soviet-literature.htm>>.

⁵²Suito Media Inc. 2014 “Maxim Gorky and Socialist Realism in the Soviet Union” Web. 15 May 2014 <<https://suite.io/eric-brothers/4csb207>>.

⁵³Oinas, Felix J. “Folklore and Politics in the Soviet Union.” *Slavic Review*, Vol. 32, American Association for the Advancement of Slavic Studies, Ohio, 1973, P: 46.

⁵⁴Illinois Wesleyan University, 2014 “Vse Luchshe Detiam: All the Best to the Children, Soviet Ideology in Children’s Fairy Tale Cartoon” Web. 1 June 2014 <http://digitalcommons.iwu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=russian_honproj>.

⁵⁵The Free dictionary, 2014 “Maxim Gorky” Web. 23 June 2014 <<http://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Maxim+Gorkiy>>.

socialist society, but actually portrays it positive light, it eventually plays an instrumental role in the formation of a socialist society based on the ideals of labour and working class.

After endorsing socialist realism as the party's official doctrine, statement produced by the Union of Writers in 1934 can be seen as the official declaration of the idea. The official statement was published in 'Literaturnaia Gazeta' 3, September 1934 was:

*"Socialist Realism, being the basic method of Soviet literature and literary criticism, demands from the artist the truthful, historically concrete depiction of reality in its revolutionary development. At the same time, truthfulness and historical concreteness of the artistic depiction of reality must be combined with the task of ideologically remolding the working people in the spirit of socialism."*⁵⁶

Gorky succeeded in pursuing the party leadership in believing that folklore is a powerful tool in advancing communist values and boosting patriotism among masses. Concepts like accessibility, peopleness and the spirit of the party were used to further socialist realist method. Writers were cautioned not to use decorative language and refined techniques in their works. The subject and the heroes of such works were meant to be simple and modest as advised by the party leadership, so that masses can relate with them. One such example is Yuri Krymov's "*Tanker Derbent*" (1938), an adventure tale that hinged on an undisciplined crew brought together by their communist captain".⁵⁷

Soon after Gorky's speech at All-Union Writer's Congress, the party leadership started folklore collection programs. Folklore in various themes and forms was made available to glorify the prominent leaders. Scientific and technological growth was mentioned in the newly created folklore to further intensify party's role in advancing the socialist culture among people. Special centers for folklore studies were founded to make people aware of the party's ideology. Students were approached to help in collection of folk songs and folk tales. Folklore also became more prevalent in the media. Literature in the form of articles and stories related to folklore were published in all major newspapers and magazines. Efforts were made in the form of scholarly articles about how to collect folklore. It was Gorky who made Soviet leaders as well as ordinary citizens realize the importance of preserving the traditional folklore. Due to Gorky's effort the definition of folklore in the Soviet Union was changed from "a representation of the culture of a people to a prescription of what the culture should be in order to promote and propagate Soviet ideology".

To further strengthen the importance of folklore, Gorky introduced a concept called "*Narodnost*" or *people-ness*, which became the integral part of the basic tenets of the socialist realism. According to the idea of narodnost', the "simple man" depicted in Socialist Realism will always win the day and side with the "right" ideas set by the Party.⁵⁸ This concept, proved an essential key Stalin needed to assume ultimate authority over the common people and other party leaders alike. Stalin's rise to power was also influenced by the socio-economic and political environment of that time. His experience with the underground revolutionaries allowed him to become close to Lenin. Stalin had many aliases and self-

⁵⁶ Terras, Victor. A History of Russian Literature. New Haven: Yale University Press, London, 1991, P: 430.

⁵⁷ SEVENTEEN MOMENTS IN SOVIET HISTORY, 2014 "1934: Socialist Realism" Web. 24 June 2014

<<http://www.soviethistory.org/index.php?page=subject&SubjectID=1934socialism&Year=1934>>.

⁵⁸ Illinois Wesleyan University, 2014 "Vse Luchshe Detiam: All the Best to the Children, Soviet Ideology in Children's Fairy Tale Cartoon" 2014 Web. 1 June 2014

<http://digitalcommons.iwu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=russian_honproj>.

appointed titles which he used depending on the situation. As a young revolutionary he adopted the name “*Koba*” after a character in a novel “*Patricide*”.⁵⁹ It was a character that the average man could identify with. As he dove deeper into the political scene, he became Stalin, the “*Man of Steel*”. The name was a combination of the word for steel and the name Lenin. By taking on such a name Stalin found a way to permanently link himself to Lenin’s image in the hearts and minds of the people.⁶⁰ It is true that folklore was used to perpetuate the image of Stalin and party’s achievements in hearts and minds of people, but at the same time it is interesting to see that how folklore was further used as propaganda tool to serve the hidden agenda of Stalin.

During the infamous Stalinist regime, apparatus fully created and sponsored by Stalin was used for the formation of a uniform ideology based on socialist realism. The centralized state further sponsored a powerful brain-washing apparatus; State-sponsored composition of folklore and mythology reached its peak. Folktales, poetry, prose, visual arts, newspapers and almost all methods of communication were used to propagate the Soviet ideology. Films and radio were used to spread the state sponsored glorification of its leaders. The state apparatus created many myths, but the myth about Stalin was by far the most influential. It is also the myth that has survived to the present, and combined many characteristics of traditional Russian myths with features that reflected realities of the 20th century. Using his exceptional intelligence, will and endurance, he produced a series of miracles such successfully accomplishing five year plans, industrializing Russia, winning wars and establishing overall Soviet supremacy in the world. His miracles were portrayed everywhere as changing the world, improving the lives of poor hard working Soviet people.

Although the myth about Stalin was originally orchestrated by Stalin himself and his associates, as all myths do, it took on a life of its own and millions of people perpetuated and embellished it. In 1939, a Moscow exhibition commemorating Stalin’s 60th birthday, thousands of people submitted art work depicting the great leader. The mythical Stalin shares many characteristics of Russian folk heroes: sometimes depicted as demigod, Stalin’s ability to perform miracles, patriotism, and care for the weak and poor was portrayed almost in every corner of the Soviet Union. Stalin called all Soviet folk his family, and he was adorned by all as a devout father. The one, who never stops, never sleeps in the service of the nation. He often praised as someone who is blessed with a divine mission to liberate workers of the world.

It was this new Soviet folklore that transported one of Stalin’s image as “father of peoples”. The image of Stalin as a father per se was launched in 1935 when during the summer he was pictured in the media together with the 11 year old pioneer girl, Nina Zdrogova, on the tribune of Lenin Mausoleum saluting a physical cultural parade.⁶¹ Stalin, as leader was represented in different dimensions. He was depicted as a man of multi-national, multi-ethnic character and as an ideal ‘*New Soviet man*’ or ‘*Homo Sovieticus*’ a term coined by well-known Soviet writer and sociologist Aleksandr Zinoviev (1922-2006). Essential characteristics defined by the party guidelines to be found in an average Soviet were “selfless, learned, healthy and enthusiastic in spreading the socialist revolution and his adherence to Marxism-Leninism, and individual behavior consistent with that philosophy’s prescriptions were among the crucial

⁵⁹ Wikipedia.org, 2014 “The Patricide Web. 5 June 2014 <http://en.wikipedia.org/wiki/The_Patricide>.

⁶⁰ Humanities 360 c/o helium Publishing, 2014 Web. 23 June 2014

<<http://www.humanities360.com/index.php/joseph-stalins-early-years-and-his-rise-to-power-in-the-ussr-48/>>.

⁶¹ Plamper, Jan. *The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Block*, Palgrave Macmillan, New York, 2004, P: 133.

traits expected of the new Soviet man".⁶² For taking Soviet Union to a higher path, Stalin stressed on the composition of new folklore with the elements of past, which must compliment the present party and its leadership. The new or the pseudo folklore was an attempt to glorify Stalin's image. The perfection of styles and forms of the old folklore was used for the creation of new folklore. It was given utmost importance, since folklore was used to create a situation where every Soviet citizen believed that their hard work and dedication towards the party and its leader is essential in making of an egalitarian Soviet society.

The traditional Russian Byliny (also called Stariny) or the old songs which are euphemistically said to have been "recorded at the moment of origin"⁶³ are poetic songs about legendary Russian folk heroes. These old songs have always been considered the most authentic source of the people's culture. But this epic poetry recorded in the oral traditions of the common folk were transformed into a new piece of folklore as desired by the Soviet leadership for fostering Soviet people with sense of heroism as their leaders are depicted as the champion of the common folk doing great deeds. These blatant falsifications of events in the entire new form were used as the propagandist tool for the propagation of the Stalinist cult among masses. Noviny (new songs) were considered contrary to the traditional folksongs and folktales or stariny (old songs). These noviny were strategically used to change existing folklore into something which was an essential component in making the Soviet society a perfect. This aim was somewhat achieved by the party leadership by encouraging newer themes and stories to common Soviet citizen, who would identifies themselves with the heroes and events happening in these stories.

As soon as the Communist Party adopted theory of Socialist Realism as it's one of the main pillars of ideology, party secretary, A.A. Zhdanov (1896-1948), who was deeply influenced by the greatest Soviet folklorist, Vladimir Propp (1895-1970), called on writers "to portray reality in its revolutionary development" and "to combine the truthfulness and historical concreteness of this portrayal with the ideological reforming and education of the workers in the spirit of socialism".⁶⁴ Since traditional old songs and stories or stariny were not composed keeping in mind any ideology, whereas according to the new directions from the party leaders, these Noviny were composed for the glorification of newly found Soviet ideology, often by entirely falsification of facts, as considered justified by the party and its leadership.

The creation of this new folklore was highly encouraged and even assisted by the government. For the creation of new folklore singers and storytellers were asked to bring about a radical change in their styles and forms. Folk songs highlighting revolutionary movements in Tsarist Russia were used. Folklore of Stenka Razin and Pugachev were collected. Traditional heroes like Ilya Muromets, Dobrynya Nikitich and Alesha Popovich were reincarnated into the heroes of the revolutionary development, where character of these epic heroes were depicted as the exponents of truth, patriotism, love of mankind, and of the physical and moral strength of the people. Mikula Selianinovich (The plow man), who was once criticized in the 1920's as a kulak, became a symbol of man's conquest of nature are some examples how folklore and traditional heroes were redefined to further the socialist ideology among masses.

⁶² Wikipedia.org, 2014 "New Soviet man" Web. 6 June 2014
<http://en.wikipedia.org/wiki/New_Soviet_man>.

⁶³ Miller, Frank J. *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudo folklore of the Stalin Era*, Armonk: M. E. Sharpe, Inc., New York, 1990, P: 34.

⁶⁴ Marxist.org, 2014 "Soviet Writer Congress" Web 6 June 2014
<http://www.marxists.org/subject/art/lit_crit/sovietwritercongress/zhdanov.htm>.

This further proves that folklore's role is not only in reflecting culture, but in forming it. For instance, in a folktale, Stalin is portrayed as a "wise and merciful leader of peoples who worries about his people more than a father cares about his children,"⁶⁵ whereas at the same time, in reality he was conspiring the nationwide purges, which resulted in the death of millions of people.⁶⁶ The supposed success of collectivization was often lauded in these Noviny. A picture was painted of collective farmers working "eagerly and joyfully, for machines had lightened their burden," and of the Soviet Union as a "country of jubilant singing people whose life resembled a continuous holiday"⁶⁷, whereas in reality millions died of starvation from forced famine known as "Holodomor (*Голодомор*) or death by hunger".⁶⁸

Politically charged folktales and songs where the party leadership was praised to an extent that they seemed like a work dedicated to the epic heroes was seen everywhere. The portrayal of the facts and heroic deeds of the leaders resembled done by some fictional characters. Whereas the reality was so dark that what these modern works, which reflected jubilant Soviet people become nothing less than a blatant falsification of the reality in minds of the people around the world. The meticulously planned effort by the Soviet government to create an environment where people started feeling and thinking of the Soviet Union as a utopia was a complete success. The leadership made it compulsory not to leave folklore and literature to the writers, but to control the content in order to promote socialist values. Transition from "descriptivism to prescriptivism" of folklore was completed by the late 1930s, and it was further continued until the death of Stalin. As a result of controlled production of folklore, it changed from a representation of people's culture to a tool of propaganda of newly created Soviet culture. When folklore was used everywhere to glorify the party and its leadership, some writers used it to register their protest against the wrongdoings by the state. The State became wary of such people and Stalin used his absolute power to shun such voices completely.

Censorship and control of folklore was implemented with an iron hand. Many writers and authors were reprimanded for their non-compliance with the directives from the state. Since mass collection of prescript folklore was done from everywhere, organizations looking into such affairs started setting norms and limitations on the content and styles of such modern folklores. Some of the works like an opera called *Bogatyri* written in 1936 by Demain Bedny (1883-1945), presented traditional heroes in rather negative lights. The opera showed heroes as feudal whereas revolutionaries as villains. The opera was instantly removed and asked Bedny to apologize.

Nikolai Gumilev (1886-1921), a celebrated poet and Anna Akhmatova's first husband was executed for his support for the "*Kronstadt*"⁶⁹ sailors by the Stalinist regime, whereas Bedny and other writers (notably Yevgeni Zamiatin for "*The flea*" and A.N. Tolstoy for "*Peter I*") were reprimanded for not showing due respect for the Russian people in their literary works.

⁶⁵ Miller, Frank J. *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudo folklore of the Stalin Era*, Armonk: M. E. Sharpe, Inc., New York, 1990, P: 60.

⁶⁶ Historyofrussia.org, 2014 "Holodomor: Stalin Killed how many people" Web. 25 May 2014 <<http://historyofrussia.org/stalin-killed-how-many-people/>>.

⁶⁷ Miller, Frank J. *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudo folklore of the Stalin Era*, Armonk: M. E. Sharpe, Inc., New York, 1990, P: 55.

⁶⁸ Rutgers, the State University of New Jersey, 2014 Newark College of Arts & Sciences and University College-Newark Web. 25 May 2014 <<http://www.ncas.rutgers.edu/center-study-genocide-conflict-resolution-and-human-rights/ukrainian-famine>>.

⁶⁹Spartacus Educational Publishers Ltd. 2014 "Kronstadt" Web. 16 June 2014 <<http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/RUSkronstadt.htm>>.

Lives of writers like Victor Serge and Zamiatin were saved by Gorky, as he convinced the party leadership to pardon their lives, but in return Gorky was asked to endorse the Stalinist policies, which included “collectivization, his opposition to world revolution, and the formation of the Soviet Writers Union.” While keeping an eye on the Gorky’s growing popularity among masses and sensing a possible stalemate, the party kept Gorky under close surveillance by the Soviet intelligence agency NKVD.⁷⁰ Though it is believed that Gorky was unaware of the party’s massive misdeeds and politically motivated killings, but his private correspondence reveals that he believed Stalin got Leon Trotsky killed and his followers were behind the assassination of Sergei Kirov.⁷¹

During the years of Stalinist purge prominent scholars made to publicly apologize and withdraw their theories. Folklore re-interpreted as a representation of a culture, and was only acceptable as long as it conformed to current Soviet ideology.⁷² Glorification of Soviet leaders and economic and technological achievements under new Soviet system emerged as the cornerstone of this new Soviet folklore. The executive committee of the Moscow Oblast’ (Province) on orders from the party secretary, L.M. Kaganovich (1893-1991), organized the wide-scale collection of ‘politically correct’ folklore in 1934-35. Folklore centers were founded in various regions, and the study of local folklore became obligatory for regional ethnographic organizations. Members of the local intelligentsia, university and trade-school students actively participated in the collection of folklore. Items of folklore, articles about folklore and how to collect it began to appear regularly in the pages of *Pravda* and other newspapers and Journals.⁷³

The period between 1937-1941 was a renaissance for Russian folkloristic. Folklorists reinterpreted the traditional byliny in accordance with the new political awareness the party was trying to inculcate in the people. They credited the heroes of the ancient byliny with the ideas and values of contemporary man. Their “high cultural level and their respect for science, art and freedom of feeling” were traits that the people were to emulate⁷⁴. The hero’s love for their native land and their unrestrained service to it, especially against foreign invaders, were constantly emphasized. Folklorists published exhaustive, monumental anthologies of traditional folklore collected since the revolution and re-issued pre-revolutionary collections.

Ideological re-education of the new folk poets was of special importance to the party, Radios were installed in their homes. Literate performers received newspapers, Journals, and even small home libraries. Illiterate performers had newspapers and current fiction read to them. Folk Singers were brought to Moscow, Leningrad and various regional centers, where they visited museums, concert halls, and theaters and became acquainted with the achievements of contemporary life. Special conferences were held for them in the *All Union House of Folk*

⁷⁰ НКВД (*Народный комиссариат внутренних дел*), Narodny Komissariat Vnutrennikh Del, (The People’s Commissariat for Internal Affairs) was a law enforcement agency of the Soviet Union. It was closely associated with the Soviet secret police, which at times was part of the agency, and is known for its political repression during the era of Joseph Stalin.

⁷¹ Library of Congress, 2014 “Revelations from the Russian Archives REPRESSION AND TERROR: KIROV MURDER AND PURGES” Web. 16 June 2014
<<http://www.loc.gov/exhibits/archives/repk.html>>.

⁷² Brigham Young University, 2014 “Perspectives” Web. 19 June 2014
<<http://germslav.byu.edu/perspectives/2003/Goff.html>>.

⁷³ Müller, Frank J. *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudo folklore of the Stalin Era*, Armonk: M. E. Sharpe, Inc., New York, 1990, P: 9.

⁷⁴ *ibid*. P: 10.

Creation in Moscow, as well as in similar institutions in regional centres. During such conferences storytellers and singers of byliny lyric songs, and laments performed, competed with one another, and listened to reports designed to heighten their political awareness. They received advice from local party organizations, writers, and scholars. Folk performers composed works in praise of the Soviet people, their life, their government and their leaders.⁷⁵

Once considered never ending celebration of folk culture, the attitude of Soviet leadership became averse of the criticisms by prominent writers including Gorky. As Gorky started to doubt the intentions of the party leaders and the Writers Union, he was regularly ignored first but when the time the “Great Terror” started, many writers and public figures were shot and poisoned like Gorky’s own son Maksim Peshkov, who died in 1934, presumably from pneumonia. Stalwart like Gorky, who could have proved fatal to the Stalinist regime was treated harshly with no exception, first Gorky was denied permission to leave the Soviet Union and later he was confined largely to his dacha where he died suddenly of pneumonia too in 1936. Soon after the sudden death of Gorky, the party got involved directly in the matters of folklore and the study of folklore was scrutinized with constant government supervision until the death of Stalin in 1953.⁷⁶

Conclusion

It is apparent to say that during Stalin’s era folklore was used as a propagandist tool for the building of new Soviet culture. But what Gorky thought and understood by folklore and culture has been aesthetically proven by scholars from time to time. Gorky explained that the folk culture, folk songs, rituals and epic are true record of people’s tradition and attitudes, which could be understood with careful scholarship. Gorky had the idea that the folk culture is the only way to preserve one’s culture though it was entirely distorted by Stalin for satisfying his own political ambitions.

The use of folklore as a political tool was considered by Stalin to be an important instrument for the creation of a society both socialist and modern. It was felt that propaganda had the power to shape human mind, and to alter the values, attitudes, and behavior of the masses. Thus allowing the Soviet state to create the future citizens needed for a modern socialist society. This correlated well with Stalin who considered people as little parts of the bigger machinery, where no individual had any importance outside the use of the machine. The fundamental purpose of communism was defeated by Stalin, because to Lenin - and this was the whole meaning of his work- “Communism was to serve man whereas under Stalin it appeared that man served Communism”.⁷⁷

Stalin as one of Russia’s most powerful and controversial leaders. The one who is often credited with the modernization of the Soviet Union, who turned Soviet Union into a world superpower, but the question remains- what Soviet leadership achieved with this progress? This progress cost millions of people their lives. Many more millions were starved to death and forced into perpetual calamity. Due to Stalin’s own version of communism and the use of propaganda, the Soviet Union may have achieved new socio-economic heights but today, when people think of communism per se, they are, in fact, thinking of only Stalin’s version

⁷⁵ *ibid.* P: 13.

⁷⁶ Petri Liukkonen & Ari Pesonen & Kuusankosken kirjasto, 2014 “Maksim Gorky” Web. 19 June 2014 <www.kirjasto.sci.fi/gorki.htm>.

⁷⁷ University of Washington, 2014 The Henry M. Jackson School of International Studies “A Timid Flock: Investigating Propaganda under Stalin” Web. 25 June 2014 <http://jsis.washington.edu/ellison/file/REECAS%20NW%202012/dome_REECASNW.pdf>.

of communism. The negative connotations that the word now holds is partly due to Stalin's actions. His influence over Russia and the rest of the world will not soon be forgotten. Even today, after a many decades have passed since the first time folklore was used for widespread propaganda by the Stalinist regime. The hard work put by Gorky in preventing and preserving the Russian folklore is unparalleled. Gorky braved the hostile communist regime, in order to save people's literature. This immense contribution to the cause of literature and his love for the Soviet masses earned him a title of a "*folk hero*".

The people of Russia and the world around hailed Gorky as an outstanding literary critic, publicist and the craftsman of culture.⁷⁸ Gorky had a great influence upon multinational Soviet literature and upon all of world literature as well. Progressive writers around the world placed great value in Gorky's contribution to this art of a new world. It's important to acknowledge that Gorky re-invented the lost folk culture of the Soviet masses. He brought the glory, dignity and pride back to the common Russian masses as they had been living with for centuries. Gorky- the uncommon folk hero of every common Russian man and woman will long be remembered for his immense contribution for preserving the traditional Russian folklore during Stalin's era. The great value and world significance of Gorky's work consist in the fact that he expressed the ideas and aspirations of the masses and contributed to the building of a new culture which has its influence felt even today.

When Gorky died in 1936, one of the greatest writer of that era, Georg Lukács wrote:

"The last great writer of the European galaxy of realists is dead. And with him died the first great classic writer of Socialist realism. Writing is, however, the reflection of life. Throughout his life, Gorky was a fanatic defender of culture. Not only was he a staunch defender of Socialist culture against fascist barbarity in our times, but he also fought constantly for the cultural needs and the intellectual development of the oppressed proletariat, and he recognized the tremendous significance of culture for the class struggle. He was the foremost defender of human culture in general. He seemed to feel himself the rightful heir to all human culture, which he was duty bound to defend against the worst forms of barbarity. He was a great writer because he was a great man. He was our common teacher. Gorky is dead. But he will always remain not only a classic and an example -he will also continue to be our teacher of great literary culture, of Socialist realism".⁷⁹

Bibliography

- Brigham Young University "Perspectives" Web. 19 June 2014 <<http://germslav.byu.edu/perspectives/2003/Goff.html>>.
- Columbia University Department of History "Totoshka, we're not in kansas anymore translating American-Soviet cold war tension through the wonderful wizard of OZ" Web. 21 June 2014 <http://history.columbia.edu/undergraduate/theses/Lomaka_Thesis.pdf>.
- Grimes, Farrer. "The Soviet Folktale as an Ideological Strategy for Survival in International Business Relations," Studies in Soviet Thought, Vol. 13, 1973.
- Historyguide.org "Maxim Gorky, 'The Craftsmen of Culture', 1935" Web. 20 June 2014 <http://www.historyguide.org/europe/gorky.html>
- Historyofrussia.org Web. 25 May 2014 <<http://historyofrussia.org/stalin-killed-how-many-people/>>.

⁷⁸Historyguide.org, 2014 "Maxim Gorky, 'The Craftsmen of Culture', 1935" Web. 20 June 2014 <<http://www.historyguide.org/europe/gorky.html>>.

⁷⁹Marxist.org, 2014 "Eulogy for Maxim Gorky: A Great Proletarian Humanist" Web 30 June 2014 <<http://www.marxists.org/archive/lukacs/works/1936/gorky.htm>>.

- Humanities 360 c/o Helium Publishing Web. 23 June 2014
<<http://www.humanities360.com/index.php/joseph-stalins-early-years-and-his-rise-to-power-in-the-ussr-48/>>.
- Illinois Wesleyan University “Vse Luchshe Detiam: All the Best to the Children, Library of Congress “Revelations from the Russian Archives REPRESSION AND TERROR: KIROV MURDER AND PURGES” Web. 16 June 2014
<<http://www.loc.gov/exhibits/archives/repk.html>>.
- Lukács, Georg. “Maxim Gorky 1868-1936: Eulogies from his funeral on the Red Square,” International Literature, Red Flag, Journal of the CP (MLM) No. 8 August 1936.
- Marxist.org, “Eulogy for Maxim Gorky: A Great Proletarian Humanist” Web 30 June 2014 <<http://www.marxists.org/archive/lukacs/works/1936/gorky.htm>>.
- Marxists.org “Soviet Writers Congress 1934” Web. 6 June 2014
<http://www.marxists.org/subject/art/lit_crit/sovietwritercongress/zdhanov.htm>.
- Max Planck Institute for Human Development “The Leader Cult in Communist Dictatorships” Web. 21 June 2014 <http://library.mpib-berlin.mpg.de/ft/jp/JP_Georgian_2004.pdf>.
- Miller, Frank J. *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudo folklore of the Stalin Era*, Armonk: M. E. Sharpe, Inc., New York, 1990.
- Oinas, Felix J. “Folklore and Politics in the Soviet Union.” *Slavic Review*, Vol. 32, American Association for the Advancement of Slavic Studies, Ohio, 1973.
- Petri Liukkonen & Ari Pesonen & Kuusankosken kirjasto “Maksim Gorky” Web. 19 June 2014 <<http://www.kirjasto.sci.fi/gorki.htm>>.
- Plamper, Jan. *The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Block*, Palgrave Macmillan, New York, 2004.
- Robin, Regine. *Socialist Realism: An Impossible Aesthetic*, Stanford University Press, Stanford, California, 1992.
- Rutgers, the State University of New Jersey Newark College of Arts & Sciences and University College-Newark Web. 25 May 2014
<<http://www.ncas.rutgers.edu/center-study-genocide-conflict-resolution-and-human-rights/ukrainian-famine>>.
- Seventeen moments in Soviet history “1934: Socialist Realism” Web. 24 June 2014 <<http://www.soviethistory.org/index.php?page=subject&SubjectID=1934socrealism&Year=1934>>.
- Soviet Ideology in Children's Fairy Tale Cartoons” Web. 1 June 2014
<http://digitalcommons.iwu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=russian_honproj>.
- Spartacus Educational Publishers Ltd. “Kronstadt” Web. 16 June 2014
<<http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/RUSkronstadt.htm>>.
- Spartacus Educational Publishers Ltd. “Nikolai Gumilev” Web. 10 June 2014
<<http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/RUSgumilev.htm>>.
- Suite Media Inc. “Maxim Gorky and Socialist Realism in the Soviet Union” Web. 15 May 2014 <<https://suite.io/eric-brothers/4csb207>>.
- Terras, Victor. *A History of Russian Literature*. New Haven: Yale University Press, London, 1991.
- The Free Dictionary “Maxim Gorky” Web. 23 June 2014
<http://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Maxim+Gorky>
- The History Place “Genocide in the 20th Century” Web. 18 June 2014
<<http://www.historyplace.com/worldhistory/genocide/stalin.htm>>.

- University of California, Berkeley: International Association for The Study of Tradition Environments “Soviet Orientalism: Socialist Realism and Built Tradition” Web. 22 June 2014 <<http://iaste.berkeley.edu/pdfs/08.2d-Spr97castillo-sml.pdf>>.
- University of Washington The Henry M. Jackson School of International Studies “A Timid Flock: Investigating Propaganda under Stalin” Web. 25 June 2014 [http://jsis.washington.edu/ellison//file/REECAS%20NW%202012/dome_REECA SNW.pdf](http://jsis.washington.edu/ellison//file/REECAS%20NW%202012/dome_REECA%20SNW.pdf).
- Академик Словари и энциклопедии на Академике “Отец народов” Web. 25 May 2014 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3446/%D0%9E%D1%82%D0%B5%D1%8>.

Few Words with Andrei Germanovich Volos

Bulbul James

In this paper I present excerpts from the interview with the famous author, which I took. He was very kind and answered the questions with honesty and whole-heartedness. Through this interview, I would like to present to the readers a different side of the author, where he talks about his family, his inspirations and his work. He made his debut in the literature in 1979, as a poet- his first poems were published in the "Pamir" magazine. In the beginning of his literary career, he used to translate poems from Tajik language. The first book of poems called "Old Highway" came out in 1988, in Dushanbe. Since 1989, Volos became a successful author of magazines "New World", "Friendship of Peoples", "Banner".

Andrei Germanovich Volos, is one of the most famous writers of modern Russian literature. He was born in Dushanbe on August 4, 1955 in a family of geologists.

After completing high school, where he studied Tajik language, he went to study at the Moscow Institute of Oil and Gas. As soon as he graduated, the budding writer found work which was full of travel. This time played a huge role in establishing Volos as an excellent writer because it was during this time that he made friends with many interesting people, and could feel the many facets of life. Until 1994 he worked in Moscow as a geophysicist and a programmer, then for some time was involved in real estate activity.

Andrei Volos gained massive popularity after the success of his novels "Hurramabad" (2000) and "Real Estate" (2001).

The writer is the recipient of numerous awards, including the State Literary Prize (2001), Anti-Booker Prize (1998) amongst several others.

Currently the author stays in Moscow with his family.

Few words with Andrei Germanovich Volos

Что вас вдохновляло стать писателем? Я читала, что вы работали как геофизиком некоторое время..почему вы решили переходить в другую профессию?

Видите ли, мне кажется, что писателем нельзя сделаться с помощью какого-то волевого решения: до вчерашнего вечера человек был геофизиком, а сегодня утром решил стать писателем – и стал. Про Стендаля принято говорить, что он стал писателем в зрелом возрасте. На самом деле в зрелом возрасте он завоевал популярность, написал свои лучшие вещи. А литературным творчеством. Вероятно, занимался с ранних лет.

Вот и я тоже.

Если хотите, пришлю свое эссе из книги "Алфавита. Книга соответствий", в котором рассуждаю об этом .

Вы сказали, что ваша бывшая профессия дала вам возможность много путешествовать и познакомиться с разными людьми. Могли бы вы рассказать чего-то интересного из этих путешествий? помогли ли эти события вам в своем творчестве?

Я мог бы рассказать – и рассказываю в своих книгах. Надо сказать, на первом этапе творчества я очень сильно опирался на собственный опыт. Потом стало чуть иначе – я научился воображать жизнь других людей, пользоваться иными источниками. Но характер, созданный писателем за столом, все равно должен быть простеган золотой ниточкой его личного опыта, иначе этот характер не окажется убедительным. Еще я однажды сформулировал такую вещь: дело писателя – продлить личный опыт за пределы собственного существования.

Скажите пожалуйста, где и как вы черпаете вдохновение, находите сюжеты для своих книг?

Если бы я мог назвать такое место, я бы только там и проводил время... Черпаю где придется. Хватаю отовсюду. Слушаю во все уши. Иногда ко мне приходят совсем готовые истории. Правда, только в каком-то смысле готовые – готовые именно как истории. А чтобы история из жизни стала рассказом, с ней еще возиться и возиться...

Андрей Германович вы писали уже много книг, можно спросить какое из этих произведений ваше самое любимое и почему?

Я когда-то сформулировал для себя, что книги – это мои дети. Трудно выбрать самого любимого ребенка. Все они мне дороги, с каждой из них я прожил какую-то часть своей жизни, каждая принесла мне и много радости, и огромное количество забот и огорчений. Иногда начинает казаться, что самые любимые это не те, что снижали шумный успех (например, "Хуррамабад" или "Возвращение в Панджруд"), а, наоборот, те, что остались сравнительно незамеченными – например, роман "Аниматор".

Какое время вашей жизни было для вас наиболее интересным? Появлялось ли это время на ваше творчество? то есть ли в Ваших произведениях какие-либо ситуации, перенесенные из жизни, то что происходило, конкретно с Вами?

Я обычный человек, поэтому все, что применимо к обычным людям, применимо и ко мне. Жизнь тем интересней, чем больше нового ты узнаешь за единицу времени. В этом отношении никакая иная пора жизни не может сравниться с детством. Что же касается переноса ситуации из жизни в литературу, то без этого никак нельзя обойтись. В разной степени, но каждая из них несет отпечатки случившихся со мной происшествий. Пожалуй, максимально близко к моей жизни приближается роман "Недвижимость" ("The real estate"), писать который помогал мне соответствующий опыт – я несколько лет работал в сфере торговли квартирами в Москве.

Считается что ваш стиль очень реалистический и эмоциональный..почему так..есть какая-то особая причина?

Стиль – это человек. Со всеми вытекающими последствиями. Нельзя стать другим человеком. Одно перекрасить волосы или даже сделать пластическую операцию, но внутри ты останешься тем, же самым. То же и со стилем.

*Как у вас появлялась идея для Хуррамабада?
"Хуррамабад" имеет подзаголовок "роман-пунктур".*

Никакой отдельной идеи не было. Я написал два или три рассказа, отчасти опиравшиеся на некоторые ситуации из истории нашей семьи. Потом подумалось, что эти три рассказа – будто три точки, определяющие кусочек линии. И что при желании можно эту линию продолжить новыми точками... В конце концов, эти точек стало пятнадцать – во всяком случае, в новом издании их будет пятнадцать.

А само слово Хуррамабад попало мне где-то, когда я широко читал литературу по истории и культуре Средней Азии. Хуррамабадом в персидских и тюркских сказках часто называются города и страны, которых на самом деле нет. (Правда, в Иране есть городок Хуррамшахр, что в общем то же самое). У русских таким символом является – Китеж-град – легендарный, сказочный город, который не могут увидеть грешные люди, попасть туда могут только те, кто чист душой и сердцем.

В Хуррамабаде описывается жизнь людей, которые в том или другом способе была разрушена распадом Советского Союза..то есть много из них потеряли свою идентичность, дом и семью. Как, по вашему мнению, человек может преодолевать такие ситуации?

Никак не может. Они гораздо больше его желаний, воли и возможностей. Так или иначе, ему приходится им подчиняться, перестраивать жизнь в соответствии с новыми реалиями. Но все в жизни так, в общем-то. Ибо жизнь богаче наших о ней представлений, и в любую секунду может преподнести какой-нибудь сюрприз.

Каким образом распад Советского Союза появлялось на вашу жизнь?

Я в те годы уже жил в Москве, а родители и бабушка – в Душанбе. В Москве у меня не было собственного жилья, я его снимал, что в те годы не было обычной практикой, к этому не привыкли, и родители никогда не согласились, бы уезжать из Душанбе, чтобы потом жить в арендуемой квартире. Поэтому я бросил свою тогдашнюю профессию, пошел работать риэлтором, купил квартиру и перевез в нее маму и бабушку, потому что отца к тому времени, увы, с нами не стало.

Кроме того, в то время, когда Советская власть казалась совершенно незыблемой, то есть до начала Перестройки (это примерно 1985-86 год) меня категорически не хотели печатать. Так что, с другой стороны, тем писателем, каким я являюсь ныне, я стал именно благодаря всему этому.

Что вы думаете о настоящей проблеме мигрантов в России?

Ничего особенного и нового не думаю. Плохо быть мигрантом. В каждой стране. Может быть, по-разному, но в целом одинаково плохо. В одном стихотворении К. Симонова есть строчка: "Бездомная собака, иностранец!" Что уж тут хорошего...

Андрей Германович, скажите, пожалуйста, чем вы любите заниматься в свободное время?

Хожу пешком.

Если можно то расскажите, какие авторы, наиболее впечатлили в литературном пути? У вас есть любимые книги и авторы?

На этот вопрос я всегда отвечаю одинаково. У меня много любимых авторов. Я более или менее хорошо знаю всю мировую литературу (впрочем, пробелы имеются и по сей день – ведь я не учился на филологическом факультете). Время от времени я их перечитываю. И всякий раз кажется, что именно этот автор – самый любимый, самый замечательный, самый значительный. Потом берешь другого – та же история. Много,

очень много. Подчас мне кажется, что мое так называемое творчество на фоне завоеваний прежних титанов – это всего лишь жалкие потуги. Приходится гнать от себя эти мысли, потому что писатель должен быть скромным, но гордым в своей самостоятельности.

Андрей, скажите, пожалуйста, что для Вас писательство - работа, психологическая потребность, хобби или что то другое?

И работа – ведь за нее иногда платят, и хобби, и психологическая потребность. Даже. Возможно, психиатрическая – временами кажется, что писательством я что-то в себе пытаюсь лечить. И даже, может быть, вылечиваю.

Если вы не возражаете, расскажите немного о своей жизни не в качестве писателя, а в качестве обычного человека. Как ваша семья? Живете в квартире, или в доме?

Да, у меня есть семья – жена и ее дочь, моя падчерица. Еще собака по имени Поргос. Живем в квартире. Кроме того, неподалеку, в 2-3 километрах от нас в другой квартире живет моя мама. Так было до самого последнего времени. Теперь мама тяжело заболела, и большую часть времени я провожу с ней.

Что вы будете посоветовать начинающему автору, не уверенному в своих силах? Может ему надо учиться на курсах или еще где?

Не знаю... Учеба не помешает. Но и не может ничего гарантировать. Увы, писательству нельзя научиться. Есть только один путь: человек должен в ранней молодости отважно пожертвовать своей жизнью, положив ее на этот алтарь – а будет ли толк, покажет будущее. Может быть, и не будет толка. Если нет, я не виноват, я предупреждал!

Вы такой известный и замечательный писатель..мы хотели бы узнать, что ваша семья думает о вашей работе? дают ли они свои мнения о ваших книгах?

Теперь говорят, что мной гордятся. Тридцать лет назад, по сути, я был таким же, как сейчас, но в ту пору никто мной не гордился. Не исключено, что те, кто гордится мной сегодня, тридцать лет назад тоже бы не гордились, а, напротив. Говорили бы, что я бы мог заняться и каким-нибудь более полезным делом. И все было бы так, как и было... Что делать, такова жизнь.

Turgenev's *Rudin*: A Caricature of Bakunin?

Saptadeepa Banerjee

Born in 1814, in the province of Tver in Russia, Mikhail Alexandrovich Bakunin is considered to have been the propounder of the theory of Collectivist Anarchism, founder of the international Anarchist movement and a forerunner of the two currents of Anarchism – Anarcho-Communism and Anarcho-Syndicalism. Engagement of thinkers, historians and fictional writers with the person Bakunin and his theory of Anarchism over time has generated varied perceptions about this Russian Anarchist not only in the realm of Anarchist and historical scholarship but also in fictional and historical literature. A study of the diverse perspectives through which Bakunin has been assessed as an individual and an Anarchist thinker facilitates a holistic and comprehensive understanding of the manner in which Bakunin and his ideas were received not only by his contemporaries but also by the posterity.

*This article focuses attention on one such intriguing contemporary literary representation of Bakunin in Ivan Turgenev's fictional novel, *Rudin*, to take a look at how his image as an individual was constructed by Turgenev. Considered to be a caricature of Bakunin, *Rudin* has stimulated debates among thinkers and historians who have tried to assess the extent to which *Rudin* is a true representation of Bakunin.*

Born in 1814, in the province of Tver in Russia, Mikhail Alexandrovich Bakunin is considered to have been the propounder of the theory of Collectivist Anarchism, founder of the international Anarchist movement and a forerunner of the two currents of Anarchism – Anarcho-Communism and Anarcho-Syndicalism. Engagement of thinkers, historians and fictional writers with the person Bakunin and his theory of Anarchism over time has generated varied perceptions about this Russian Anarchist not only in the realm of Anarchist and historical scholarship but also in fictional and historical literature. A study of the diverse perspectives through which Bakunin has been assessed as an individual and an Anarchist thinker facilitates a holistic and comprehensive understanding of the manner in which Bakunin and his ideas were received not only by his contemporaries but also by the posterity.

This article focuses attention on one such intriguing contemporary literary representation of Bakunin in Ivan Turgenev's fictional novel, *Rudin*, to take a look at how his image as an individual was constructed by Turgenev. Considered to be a caricature of Bakunin, *Rudin* has stimulated debates among thinkers and historians who have tried to assess the extent to which *Rudin* is a true representation of Bakunin.

Works of fiction, historical novels or plays constitute a potent medium through which the constant processes of image construction and perception creation can be effectively channelized. Unlike historical scholarship that preoccupies itself with an assessment of historical actors and events in search for the truth about the past, the realm of literature engages itself with fictional and historical characters and events enabling the reader to conjure up images of those characters in a way that the author intends to thereby generating varied perceptions about them. The representation of characters and presentation of facts and events in fictional or historical works are crucial to understand the direction in which the author guides and directs the attention of the reader. Russian Anarchist Mikhail Bakunin, in this regard, did not escape the attention of the writers of fictional or historical novels and plays.

This article involves a detailed discussion of one such 19th century work of literature, Ivan Turgenev's novel *Rudin*, written in the year 1855, considered to be a 'caricature' of Bakunin. This novel has attracted the attention of scholars who have tried to analyse the character of Bakunin by drawing parallels between Rudin and Bakunin. The main purpose behind an attempt made to examine this work of literature in some detail is to get a sense of the manner in which Bakunin was represented by his contemporary, Turgenev, in this fictional novel and the perceptions about Bakunin that it still continues to generate. Despite being a historical figure of the nineteenth century, Bakunin has even today not lost his relevance as a subject of study and scholars continue to engage themselves with the enigmatic personality of this Russian revolutionary known to the world as the founder of the world Anarchist movement.

Edward Garnett in his study of Turgenev as early as 1917 underscored the significance of Turgenev's novel *Rudin* as a work of literature that did not fail to stimulate the interest of readers even after sixty years of its publication.⁸⁰ An understanding of the character of the protagonist, Rudin, as projected by Turgenev, considered to have been a typical representative of the emerging Russian intelligentsia in the first half of the nineteenth century, enables the reader to understand some of the crucial characteristics of the so-called alienated Russian intelligentsia. Set against the backdrop of the intellectual developments that took place in Russia in the 1830s and 40s *Rudin* gives the reader a sense of the intellectual climate in Russia in the aforesaid period as well as the extent to which the prevailing conditions played a role in shaping the character and moulding the perceptions of individuals. Engagement with *Rudin* has not only been a major preoccupation of literary figures but also historians who have tried to understand Rudin as a 'prototype' of Bakunin. This attempt at identifying Rudin as Bakunin has enhanced the importance of the novel in historical scholarship. A general consensus among historians is that Rudin is a 'caricature' of Bakunin. However historians have also debated the extent to which Turgenev did justice to Bakunin by projecting his image through a pen-picture of Rudin.

Rudin was Turgenev's first novel that 'was greeted positively as a significant milestone in Turgenev's writing career.'⁸¹ E.H. Carr in his biography of Bakunin wrote that Rudin 'was admittedly drawn from Bakunin', a view echoed by Aileen Kelly in her psychobiography of Bakunin.⁸² Writing the biography of Bakunin in 1942, J.A.T. Lloyd, stated that, 'Bakunin himself was to appear as Dmitri Rudin, though undoubtedly there is a great deal of Turgenev himself in this will-less hero of the forties.'⁸³ Italian historian, Franco Venturi, however asserted that through Rudin, Turgenev "caricatured (Bakunin's) negative aspects"⁸⁴ and thus the emphasis that is laid on Rudin being a complete 'caricature' of Bakunin is an unfair treatment meted out to the Russian revolutionary. While Kelly highlighted Turgenev's assertion that "Rudin was a 'fairly faithful' portrait of Bakunin",⁸⁵ Robert Cutler drew

⁸⁰ Garnett, Edward. *Turgenev: A Study*. London: W. Collins Sons & Co. Ltd., 1917. pp. 60-61.

⁸¹ Ogden, J. Alexander and Kalb, Judith E. (eds.). *Dictionary of Literary Biography: Russian Novelists in the Age of Tolstoy and Dostoevsky*. Vol. 238. Detroit: A Brucoli Clark Layman Book, The Gale Group, 2001. p. 357.

⁸² Carr, E.H. *Michael Bakunin*. New York: Vintage Books, 1937. p. 142.

Kelly, Aileen. *Mikhail Bakunin: A Study in the Psychology and Politics of Utopianism*. Oxford: Oxford University Press, 1982. p. 72.

⁸³ Lloyd, J.A.T. *Ivan Turgenev*. London: Robert Hale Limited, 1942. p. 56.

⁸⁴ Cutler, Robert. "Bakunin And The Psychobiographers: The Anarchist as Mythical and Historical Object." p. 12. <<http://www.robertcutler.org/bakunin/pdf/ar09klio.pdf>>

⁸⁵ Kelly, op. cit. p. 74.

attention to the fact that “Turgenev, as he himself said, “had not been successful” in portraying Bakunin.”⁸⁶ In exploring the connection between Turgenev’s *Rudin* and Bakunin, it is important at first to examine the relationship between Bakunin and Turgenev and to what extent Bakunin influenced the latter.

E.H. Carr in his biography of Bakunin gave a vivid description of the first meeting of Bakunin and Turgenev who were both students of Romantic philosophy in Berlin. Bakunin had left for Berlin in the year 1840 in order to pursue the study of philosophy. Bakunin and Turgenev’s friendship was not only symbolic of the meeting of two young minds that delved deep into philosophy during the university lectures but also crucial to the survival of Bakunin in a ‘foreign’ land he was yet to explore. Carr stressed that the relationship between the two soon turned out to be that of a ‘teacher’ and a ‘disciple’ where Bakunin assumed the ‘role’ of a ‘teacher’ and Turgenev that of his ‘disciple.’⁸⁷ Carr, did not fail to mention that Bakunin heavily depended on timely financial assistance from Turgenev that came in the form of loans that were hardly ever repaid. This relationship between Bakunin and Turgenev perhaps lends greater importance to the novel *Rudin* in which the protagonist is said to have been modeled on Bakunin.

A crucial factor that stimulated some of the intellectual developments in the first half of the nineteenth century was the seeping in of German Romanticism into Russia. It was a time when young minds in Russia, were heavily steeped in German Romantic philosophy or German Idealism that ‘Centered on the problem of the self and its relation to objective reality.’⁸⁸ Many philosophical ‘circles’ or *kruzhki* sprang up in Russia in the 1830s in which the university students not only participated actively but were also instrumental in forming them. These ‘circles’ engaged in discussions on Romantic philosophy that directed attention away from the external world that engulfed the individual to the moral uplift of the individual. Intrinsic to these philosophical circles was a sense of ‘alienation’ that characterised the emerging Russian intelligentsia that considered cultivation of the self to achieve a ‘higher’ form of existence through ‘self-realisation’ and a quest for the ‘Absolute’ to be the primary objective of an individual. The ultimate objective was the soul’s union with the Absolute. In Russia Idealist philosophy served as a gateway of escape for the nascent intelligentsia from the harsh realities of life under the authoritarian rule of the Tsar Nicholas I in the first half of the nineteenth century.

It was in this context that Turgenev wrote *Rudin*. Dmitry Nikolaich Rudin appears to the reader as a man of thirty five born to parents of ‘poor landowning stock’ in Tambov. Rudin was an extremely knowledgeable man who engaged in philosophical discussions, particularly Idealist philosophy, a typical preoccupation of the emerging Russian intelligentsia in the first half of the nineteenth century. He was also aware of the developments that were taking place in the realm of science. Rudin pursued the study of philosophy in Heidelberg and Berlin where he became close friends with Lezhnev who was later to play an instrumental role in projecting Rudin’s character in a negative shade in the novel. Rudin was a brilliant orator who never failed to attract the attention of those around him by his eloquent speeches and this led Turgenev to call him ‘a perfect young Demosthenes.’⁸⁹

⁸⁶ Cutler. op. cit. p. 12.

⁸⁷ Carr. op. cit. p. 98.

⁸⁸ Ibid. p. 7.

⁸⁹ Turgenev, Ivan. *Rudin*. London: Penguin Books, 1975. p. 98.

An inveterate champion of freedom, Rudin was heavily imbued with German Idealism and Hegelian philosophy and believed that:

*....there's nothing to be gained from negation, from complete and universal negation. Criticise everything and you can easily pass for intelligent: that's a well-known trick. Well-disposed people are at once ready to conclude that you are above what you criticize. And this is not always so.*⁹⁰

This critique of the tendency to 'negate' the objective world in which an individual operated clearly brings out the influence of Hegelian philosophy on Rudin. Contrary to the Idealism of German philosophers like Fichte and Schelling that provided an escape route to the individual from his objective reality, Hegel laid stress on the fact that the process of evolution or cultivation of the inner 'Spirit' or 'self' of the individual in history eventually resulted in the creation of institutions, particularly, the modern state, it being a clear manifestation of the 'Absolute Reason' of mankind. According to the Hegelian dictum everything that appeared real was in fact rational. Hegelian philosophy enabled the Russian intelligentsia 'of the first generation' to resolve some of the inherent contradictions that Romantic philosophy gave rise to. Hegel's philosophy had left a deep impact on Bakunin who commenced a study of Hegelian philosophy in the year 1837. Later in Berlin he was influenced to a great extent by the Young Hegelian movement that provided a revolutionary connotation to the otherwise reactionary Hegelian philosophy. The Young Hegelians argued that since Hegel had emphasised that 'the real is the rational and the rational is real', it would be fair to conclude that everything that was not rational could not be real. This revolutionary interpretation of the Hegelian dictum enabled the radical adherents of Hegel to provide a justification for their revolutionary action against the bastions of reaction.

The reader comes to know Rudin as a person through his friend Lezhnev. Lezhnev at the beginning created a negative impression about Rudin by calling him a 'despot' who was 'lazy' and 'not well informed'. Lezhnev's impression about Rudin was largely the result of a cooling off of relations between the two during their stay in Germany. Lezhnev said, 'He (Rudin) has a fondness for living off people, acting a part and so on... That's all in the order of things. But what's bad is that he is as cold as ice.'⁹¹ Lezhnev even criticized Rudin for taking pride in his eloquence that helped him get away easily in his dishonest enterprises. Lezhnev emphasised that Rudin was at liberty to make unnecessary interventions because of his oratorical skills. Rudin's crafty use of words made him a 'true busybody politician.' Lezhnev said:

*What's bad is that he's not honest. After all, he's a clever chap: he should know the value of his own words – but he utters them as if they really cost him something... There's no disputing that he's eloquent; only his eloquence isn't Russian. And it's all very well, finally, for a youngster to make grand speeches, but at his age it's shameful to take such delight in the sound of his own eloquence, it's shameful to show off!*⁹²

*But in Rudin, in this handsome and personable fellow, there was much that was trivial; he was even a bit of a gossip; he had a passion for interfering in things, giving everything his own definition and explanation. There was never any end to his bustling activity... a true busybody politician!*⁹³

⁹⁰ Ibid. p. 68.

⁹¹ Ibid. p. 91.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid. p. 97.

Similar to a typical philosophical circle in St. Petersburg or Moscow, Rudin and Lezhnev were involved in a *kruzhki* in which students gathered around a philosopher Pokorsky, who as scholars have pointed was modeled on the Russian philosopher Nikolai Stankevich. Bakunin was part of the philosophical circle of Stankevich in Moscow that engaged in philosophical discussions centered on the works of German Idealist philosophers like Fichte and Schelling. Turgenev through the character Pokorsky tried to provide a picture of the nature of the engagements of the students who participated in such discussions. It was there that Lezhnev and Rudin met for the first time. In the novel Lezhnev while making a comparison between Rudin and Pokorsky projected Rudin as a man whose real nature was not known to those who were acquainted with him. Rudin was not an original thinker. His ideas lacked originality because he heavily borrowed them from Pokorsky. Lezhnev gave the following description of Rudin and Pokorsky:

Pokorsky and Rudin bore no resemblance to each other. Rudin had a great deal more surface brilliance and sensationalism, more high-flown phrases and, I grant you, more enthusiasm. He seemed much more gifted than Pokorsky, but in fact he was beggar by comparison. Rudin was excellent at developing an idea and he was masterly in argument; but the ideas weren't produced in his head: he took them from others, particularly from Pokorsky. To look at, Pokorsky was quiet and soft, even weak – and he loved women to distraction, liked drinking, and he wasn't one to take an insult lying down. Rudin seemed full of fire, heroism, vitality, but deep-down he was cold and even withdrawn, so long as his ego wasn't involved: in that case he'd be up in arms. He tried every way of dominating people, but he dominated them in the name of universal principles and ideas and he in fact have a strong influence on many. True, no one was fond of him; probably I was the only one to be attracted to him. They bore his yoke...while they surrendered to Pokorsky of their own accord. On the other hand, Rudin never refused to discuss things and argue with the first person who came along...He hadn't read too many books but in any case a great deal more than Pokorsky and all of us; what's more, he had a systematic mind and a capacious memory – and that's the sort of thing that has an effect on young people!You see, I told you just now that he hadn't read all that much, but he'd read books on philosophy, and his mind was so constituted that he could immediately extract from what he'd read the general principles, could grasp the root issue and then draw from it on all sides radiant, straight lines of thought and open up perspectives of the spirit.⁹⁴

Lezhnev brought to the fore Rudin's inherent tendency to dominate those who got acquainted with him. Even while critiquing Rudin for having bred the tendency to dominate, Lezhnev had to appreciate Rudin's remarkable ability to influence people who came under his sway. Lezhnev admitted that though not well-read, Rudin's thorough understanding of the subject that he dealt with enhanced his expertise on it and hence made up for his lack of adequate knowledge of the subject of philosophy. In an attempt to highlight the negativities in Rudin Turgenev laid focus on Rudin's habit of borrowing money from his acquaintances. With regard to Rudin's relationship with Natalya, daughter of Darya Mikhaylovna, to whom he had confessed his love, Lezhnev vociferously claimed that Rudin would never be able to live up to the expectations of Natalya because he was a 'coquette of a man.'⁹⁵ Later, however, rectifying his own opinion about Rudin, Lezhnev underscored all the positive qualities in Rudin saying that:

⁹⁴ Ibid. p. 95.

⁹⁵ Ibid. p. 92.

*'There is genius in him, admittedly,' rejoined Lezhnev, 'but manliness...that's the whole problem, there's really no manliness in him. But that's not what matters. I want to talk about what is good and rare in him. He has enthusiasm; and that, believe me – for I speak as a phlegmatic man – is a most precious quality of our time.....I reproached him for his coldness. I was both correct and incorrect in saying that. This coldness is in his blood – through no fault of his – but not in his head. He is not an actor, as I called him previously, not a swindler, not a scoundrel; he lives at someone else's expense not like a sponger, but like a child...Yes, he will certainly die somewhere in poverty and misery; but is that any reason for us to throw stones at him? He will not achieve anything himself precisely because he has no blood, no manliness; but who has the right to say that he will not contribute, has not already contributed, something useful? That his words have not many good seeds in young hearts, to whom nature has not denied, as it has to him, the strength to act, the ability to implement their own ideas? After all, I was the first to experience all this myself...Sasha knows what Rudin meant to me in my youth. I remember I also asserted that Rudin's words didn't have the capacity to influence people, but I was talking then about people like me, old as I am now, people who've already lived and been broken by life.'*⁹⁶

Identifying the 'genius' in Rudin, Lezhnev declared that Rudin's contribution in enriching young minds was immense and worth being appreciated. Lezhnev confessed that he had committed a mistake by slandering the character of Rudin. As it becomes evident from the lines quoted above, Lezhnev's ultimate assessment of Rudin's character enables the reader to understand Rudin as a man whose intentions were genuine and whose fallacies could not overshadow all his positive qualities. Probably Turgenev sought to rectify his own assessment of Bakunin through Lezhnev.

Rudin was a man of action, 'born a rolling stone',⁹⁷ who engaged himself in varied activities like the study of agronomy, actively initiated a business enterprise and took up the profession of teaching but who did not find any satisfaction in any of these occupations. Rudin was alienated from the society but 'wanted to make radical changes'. He did not think or act in a manner similar to other individuals in the society. Realising that Rudin raised the question: 'What prevents me from living and behaving like others?',⁹⁸ Turgenev thus brought to light the crisis that the Russian intelligentsia had to go through at a time when they found it increasingly difficult to identify themselves as part of the existing society. It was probably this crisis that led them to ignore the external world which in turn widened the gulf between their real and ideal world. At the end of the novel, Rudin appears to the reader as a man who was tired of his active life. He was a defeated man. He said, 'I'm a man without very many means; my affairs are in a mess, and moreover I've got bored with traipsing around from place to place. It's time to have a rest'.⁹⁹ Rudin sought salvation through death.

An extensive discussion of Turgenev's Rudin brings us back once more to the question whether Rudin was a 'caricature' of Bakunin. As stated by historians who undertook a study of Rudin, Turgenev was definitely influenced by Bakunin when he pen-pictured Rudin. Rudin's engagement with German Romantic philosophy and later Hegelian philosophy, his involvement with the philosophical circle of Pokorsky, his study at the universities in

⁹⁶ Ibid. p. 157.

⁹⁷ Ibid. p. 178.

⁹⁸ Ibid. p. 176.

⁹⁹ Ibid. p. 77.

Germany, his fondness for music, particularly that of Beethoven, his eloquence as an orator and his habit of borrowing money enable one to identify him with Bakunin. Another important detail that Turgenev provided in the novel was Rudin's relationship with his mother. During his stay in Germany, Rudin had distanced himself from her. Bakunin also tried to distance himself from his mother who hailed from the influential Muraviev family in Russia. Through Rudin and Lezhnev's friendship, Turgenev probably tried to throw light on his relationship with Bakunin. Looking through the eyes of Turgenev, Rudin appears to be a man of action, a restless individual whose failures in life compelled him to seek solace only in death.

If one understands Bakunin as Rudin then one will commit an error of being too judgmental about the achievements and failures in Bakunin's revolutionary career. Turgenev was primarily concerned with the young Bakunin. While Turgenev's Rudin lost his life in Paris participating in the revolution of 1848, Bakunin survived the revolution and the long term imprisonment following his participation in the revolution. The most crucial phase of his life as a leader of the proletarian revolution was yet to begin. Turgenev's Rudin gives the reader a sense of the failures in Bakunin's life resulting from the inadequacies in his character but leaves out some of the significant episodes in Bakunin's life that eventually enabled him to emerge as the founder and leader of the world Anarchist movement. Turgenev's Rudin truly is a 'caricature' of Bakunin that does not do justice to Bakunin, the nineteenth century revolutionary, who continues to be an intriguing character not only for his enigmatic personality but also for his revolutionary endeavours.

Bibliography

- Carr, E.H. Michael Bakunin. New York: Vintage Books, 1937.
- Cutler, Robert. "Bakunin and The Psychobiographers: The Anarchist as Mythical and Historical Object." Web. 9 Dec 2013.
<<http://www.robertcutler.org/bakunin/pdf/ar09klio.pdf>>
- Garnett, Edward, Turgenev: A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd., 1917
- Kelly, Aileen. Mikhail Bakunin: A Study in the Psychology and Politics of Utopianism. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Lloyd, J.A.T. Ivan Turgenev. London: Robert Hale Limited, 1942.
- Ogden, J. Alexander and Kalb, Judith E. (eds.). Dictionary of Literary Biography: Russian Novelists in the Age of Tolstoy and Dostoevsky. Vol. 238. Detroit: A Brucoli Clark Layman Book, The Gale Group, 2001.
- Turgenev, Ivan. Rudin. London: Penguin Books, 1975.

'स्मरण' में इतिहास
स्मरण और स्मरण की अभिव्यक्ति

Recollecting and Expressing History through 'Memory'

Pallavi (पल्लवी)

Urvashi Butalia writes in her book The Other Side of Silence. Voices from the Partition of India: "If something is shrouded in silence, then speech must be good, it must be liberating."

Who remembers? What remembers? And how remembers? These are some basic questions asked by Aleida Assmann, a German professor of English, Egyptology, Literary and Cultural Studies. Any traumatic experience, for example the trauma of concentration camp, massacre, war or sexual violence, can disturb a personality for long period of time. According to Assmann the symptoms of trauma come on surface after years and the best way to liberate oneself from this trauma is by bringing the ruptured and unconscious part of the trauma in consciousness with the help of remembering.

During Partition of India and Pakistan thousands of women from both the sides were raped and abducted. After Second World War and the occupation of Germany by Soviet forces in 1945 millions of German women have been raped or forced for sexual slavery by soviet soldiers. For decades there has been silence on both the incidents of history. In this article basically the remembering and the role of these survivors in history writing have been discussed. In this article also those children have been discussed, who in Butalia's word are "children of history, but without history."

मध्यप्रदेश के दतिया जिले में मार्च 2013 को स्विस महिला का सामूहिक बलात्कार हुआ. कोर्ट की कार्यवाही के दौरान जब मजिस्ट्रेट ने उससे ये पूछा की क्या उसे उन बलात्कारियों का चेहरा याद हैं तो उसने ना में अपना सर हिलाया। उसने बताया कि बलात्कार के दौरान उसने अपनी आँखें बंद कर रखी थी, ताकि वो उन बलात्कारियों को अपने स्मरण में ना रख सके और बंद आँखों से वो अपने मन को अपने देश, घर, जंगल और पहाड़ के बीच ले गयी. ऐसा करके वो उन पलों को जितना हो सके अपनी स्मृति में आने से रोक हीं तो रही थी.

इस लड़की की इस कोशिश को देख कर फूलन देवी की जीवनी पर आधारित शेखर कपूर की फिल्म 'बैंडिट क्वीन' का एक दृश्य जेहन में आ जाता है. इस दृश्य में फूलन को ठाकुरों द्वारा बंधक बनाकर रखा जाता है और सब एक एक उसका बलात्कार करते हैं. सब एक एक कर उसके कमरे में जाते हुए दिखाए गए हैं और यहाँ एक दृश्य ऐसा है जिसमे फूलन को इस पल विक्रम मल्लाह की आकृति दिखती है, जिसे वो प्यार करती है. उसके उस पल की स्मृति में विक्रम मल्लाह का आना उसके लिए आशा है, उसके जिन्दा होने के चिन्ह हैं, वैसे ही जैसे उस स्विस लड़की के जेहन में उस पल में बंद आँखों के सामने अपने देश, घर, जंगल, पहाड़ और अपने परिवार, दोस्तों का आना.

इन दोनों ही घटनाओं में जो समान है, वो है स्मृति। इससे जुड़े कुछ मूल सवाल पूछे जा सकते हैं: स्मृति क्या होती है? स्मरण करना क्या होता है? क्या अतीत की कुछ स्मृतियाँ जिंदगी भर पीछा करते हैं? क्या स्मरण के माध्यम से इनसे उबरा जा सकता है? इनसे उबरने में क्या क्या कठिनाइयाँ हैं? और जो सबसे महत्वपूर्ण सवाल है, वो ये है कि इतिहासलेखन में 'स्मरण' की क्या भूमिका है?

उर्वशी बुटालिया (1952-) अपनी किताब "द अदर साइड ऑफ़ साइलेंस. वॉयसेस फ्रॉम द पार्टीशन ऑफ़ इंडिया" में लिखती हैं "अगर कुछ चुप्पी की चादर में लिपटी हुई है, तो उसपर बात करना जरूर अच्छा होगा, और यह जरूर मुक्तिबोधक होगा।"¹⁰⁰

कौन स्मरण करता है? क्या स्मरण करता है? और कैसे स्मरण करता है? ये कुछ मूल प्रश्न हैं जो अलाइडा आसमान (1947 -) स्मरण के सिद्धांत के बाबत करती हैं। आसमान ये प्रश्न स्मरण करने की प्रक्रिया पर प्रकाश डालने के मकसद से करती हैं। पहले सवाल के अनुसार, जो साक्षी का चरित्र होता है, वह इतिहास के गवाह के रूप में महत्वपूर्ण भूमिका अदा करता है। यहाँ आसमान मूलरूपेण चार प्रकार के साक्षी अथवा गवाह की बात करती हैं - न्यायपालिका के समक्ष साक्षी, ऐतिहासिक साक्षी, धार्मिक साक्षी और नैतिक साक्षी। ऐतिहासिक साक्षी को समय का साक्षी अथवा प्रत्यक्षदर्शी भी कहा जाता है। अलाइडा आसमान के अनुसार ऐतिहासिक साक्षी इतिहास के किसी घटना विशेष से अपनी निकटता के कारण उस ऐतिहासिक घटना पर अपना बोध भावी पीढ़ी को बतलाते हैं। इस प्रकार ऐतिहासिक साक्षी के साक्ष्य इतिहास की पुनर्रचना करते हैं।¹⁰¹ 'ऐतिहासिक साक्षी इतिहास लिखने की प्रक्रिया में महत्वपूर्ण भूमिका अदा करता है, और ओरल - हिस्ट्री शोध में एक नया आयाम जोड़ता है'। भारत के विभाजन का इतिहास हो या जर्मनी के होलोकॉस्ट का, ऐतिहासिक साक्षी उनके दृष्टिकोण से प्रस्तुत करता है जो समाज में हाशिये पर हैं और साथ ही जिनका इतिहास भी इतिहास की किताबों में हाशिये पर रहा हो। लेकिन पेशेवर इतिहास लेखन में आपबीती और उस आपबीती को स्मरण करने की विश्वसनीयता पर सवाल उठाये जाते हैं, क्योंकि ये आपबीतियाँ सटीक एवं सही आंकड़े और तथ्य देने की बजाये इतिहास को अपने व्यक्तिगत दृष्टिकोण से बयान करते हैं। अलाइडा आसमान लिखती हैं कि इसी व्यक्तिगत दृष्टिकोण को इतिहास लेखन की प्रक्रिया में समुचित स्थान दिलाने के लिए और ओरल - हिस्ट्री की विश्वसनीयता को और स्पष्ट करने के लिए इतिहासकारों ने मानदंड निर्धारित किए हैं, जैसे कि साक्षी अथवा गवाह का समय से दूरी या समय से नजदीकी की वजह से उनके दृष्टिकोण में आया अंतर।¹⁰² होलोकॉस्ट के सन्दर्भ में लिया ना मिलु (1914- 2005), जॉर्ज सेम्पून (1923-2011), इब्रे केर्टेज (1929 -), पाउल सेलान (1920- 1970) और रथ क्लुगर (1931 -) आदि नामों को ऐतिहासिक साक्षी के रूप में देखा जा सकता है। इसी प्रकार भारत - पाकिस्तान विभाजन के सन्दर्भ में कृष्णा सोबती (1925 -), भीष्म साहनी (1915- 2003), सआदत हसन मंटो (1912- 1955) आदि ऐसे नाम हैं जिन्होंने विभाजन - विमर्श

को एक अलग आयाम दिया। कॉर्नेलियस रयान की किताब द लास्ट बैटल इसी कड़ी में एक रचना है, जिसका आधार उन लोगों का साक्षात्कार है, जिन्होंने करीब से दूसरे विश्वयुद्ध के अंतिम क्षणों को देखा, जिया, भोगा और इस प्रकार इतिहास में अपनी उपस्थिति इस किताब के जरिये दर्ज कराई।

मानसिक आघात देने वाला अनुभव, चाहे वो कोन्वेनट्रेशन कैम्प का अनुभव हो, नरसंहार का, युद्ध का या फिर यौन उत्पीड़न का हो, ऐसे आघात का असर इंसान के व्यक्तित्व पर लम्बे समय तक के लिए होता है। अतीत के इन मानसिक आघात देने वाले अनुभवों को याद करने की प्रक्रिया को आसमान मनश्चिकित्सा के रूप में देखती हैं। वो लिखती हैं कि मानसिक आघात के लक्षण सालों बाद सामने आते हैं, और पीढ़ियों से चले आ रहे आघात के इस बंधन को तोड़ने का एक ही तरीका है: आघात के अवचेतन हिस्से को स्मरण के माध्यम से चेतना में ले आना।¹⁰³ शरीर पर लगे चोट को घाव कहते हैं और जो चोट मनस्थिति पर लगती है उसे आघात कहा जाता है, जिससे उबरने का एक ही तरीका है: उसे अपने मानसपटल के अवचेतन से चेतन में ले आना। लेकिन इस उबरने की प्रक्रिया में इंसान फिर से उन्हीं क्षणों में जाता है, उनको फिर से जीता है और ऐसा करना उसकी आत्मा को कुछ वक़्त के लिए छिन्न भिन्न कर सकती है।

आघातपूर्ण अनुभवों को स्मरण के माध्यम से अपने वर्तमान में लाकर उसे साहसपूर्ण कहने अथवा लिखने में कुछ वक़्त लगता, लेकिन कुछ मामलों, जैसे बलात्कार में इसके उत्तरजीवी को जिंदगी भर चुप लगाना पर जाता है। इस लेख में इतिहास की दो महत्वपूर्ण घटनाओं के दौरान औरतों पर किये गए बलात्कार पर बात की गयी है, साथ ही इस बात पर भी चर्चा की गयी है कि ये औरतें अपने साथ हुए यौन उत्पीड़न का स्मरण कैसे करती हैं, अथवा औरतों के उत्पीड़न को कैसे स्मरण किया गया है। ये दो महत्वपूर्ण घटनाएँ हैं, 1947 में भारत-पाकिस्तान विभाजन और विभाजन के दौरान औरतों का अपहरण और यौन उत्पीड़न, और दूसरी घटना है 1945 में सोवियत सैनिकों का बर्लिन में आगमन और उनके द्वारा जर्मन महिलाओं का बलात्कार और यौन उत्पीड़न। इस लेख में साथ ही उन बच्चों पर भी बात की गयी है, जो इन दोनों त्रासदियों के परिणाम थे तथा ये बच्चे कैसे अपनी यथास्थिति और अपने बचपन का स्मरण करते हैं।

विभाजन और द्वितीय विश्व युद्ध की त्रासदी को झेल चुकी औरतों को चुप करा दिया गया क्योंकि पितृसत्तात्मक समाज में उनका बोलना परिवार और समाज के इज्जत के विरुद्ध होता। कुछ व्यक्तिगत अनुभवों के लिए समाज में कोई स्थान नहीं होता। उर्वशी बुटालिया (1952 -), ज्ञानेन्द्र पाण्डेय (1949 -), कॉर्नेलियस रयान (1920 - 1974), हेल्ले साँडर (1937 -) जैसे इतिहासकारों ने इन्हीं व्यक्तिगत अनुभवों को आवाज़ देने की वकालत की है।

विभाजन- महिलाएँ

सन 1947 में भारत का विभाजन, दो राष्ट्रों का उदय और दक्षिण एशिया में ब्रिटिश साम्राज्य का सूरज अस्त हुआ। विभाजन का दौर असल में सामूहिक हिंसा का दौर था। इतिहासकार ज्ञानेन्द्र पाण्डेय विभाजन के लिए

पार्टीशन, विभाजन, बंटवारा अथवा तस्कीम जैसे शब्दों की वजाय गृहयुद्ध शब्द का इस्तेमाल करते हैं, क्योंकि उनके अनुसार ये सारे शब्द, पार्टीशन, विभाजन, बंटवारा अथवा तस्कीम उस स्थिति को उतना बयान नहीं करते जितना गृहयुद्ध¹⁰⁴ विभाजन के दौरान दोनों तरफ यानी हिंदुस्तान और पाकिस्तान की हज़ारों औरतें सामूहिक बलात्कार, अपहरण और हिंसा की शिकार हुईं. ऋतू मेनन और कमला भसीन के अनुसार आधिकारिक दस्तावेजों की माने तो भारत में उस वक़्त 50,000 अपृहित मुस्लिम औरतें और पाकिस्तान में 33000 अपृहित गैर मुस्लिम औरतें थी. 1947 - 48 के बीच कुल मिलाकर 9,362 भारत में और 5,510 अपृहित औरतें दोनों देशों से बरामद की गयी. अगले आठ सालों में कुल 30,000 और औरतें दोनों देशों से बरामद की गयी.¹⁰⁵

अमृता प्रीतम की पिंजर और सआदत हसन मंटो की कहानियाँ ठंडा गोश्त, खोल दो, सियाह हाशिये, उस दौर की बर्बरता को उजागर करते हैं, खास कर पितृसत्तात्मक समाज की बर्बरता को। जिशा मेनन लिखती हैं, हिंसा का अनुभव औरतों को जेंडरड, नस्लीय और राष्ट्रीय विषय बनाता भी है और नहीं भी बनता है. एक हिंसात्मक वस्तुकरण के कारण वो अपने सब्जेक्टहूड में आती हैं राष्ट्रीय उत्पीड़न और यौन उत्पीड़न का अनुभव उनको फिर से संस्थापित करता है. राष्ट्रीयता का प्रदर्शन वास्तव में औरतों के शरीर पर किया जाता है और इस प्रकार इन शरीरों को राजनैतिक इस्तेमालवस्तुओं में बदल दिया जाता है.¹⁰⁶ इस कथन का समर्थन करते हुए उर्वशी बुटालिया लिखती हैं कि किस प्रकार विभाजन की हिंसा औरतों के लिए अलग मायने रखती है. साथ ही वो ये सवाल भी रखती हैं कि क्यों औरतें ही इस विभाजन की सबसे बड़ी शिकार बनीं? वो लिखती हैं विभाजन की जेंडरड समझ विद्वानों का ध्यान आम जन के अनुभवों से इतर लोगों के निजी अनुभवों की तरफ खिंचती है. विभाजन के सन्दर्भ में खास कर औरतों के जीवन पर साहित्य पढ़ना और लिखना राष्ट्रीय विमर्श में सामूहिक और निजी की संरचना को दर्शाते हैं. साथ ही पितृसत्ता के सत्ता समबन्धित रूपों को दिखाते हैं कि किस प्रकार विभाजन के वक़्त औरतों के शरीर को हिंसा का आधार बनाया गया.¹⁰⁷

अमृता प्रीतम विभाजन की त्रासदी से व्यथित होकर 1948 में देहरादून से दिल्ली की यात्रा के दौरान एक कविता लिखती है:

आज वारिस शाह से कहती हूँ
अपनी कब्र में से बोलो
और इश्क की किताब का
कोई नया वर्क खोलो
पंजाब की एक बेटी रोई थी

तूने एक लंबी दास्तान लिखी
 आज लाखों बेटियाँ रो रही हैं,
 वारिस शाह तुम से कह रही हैं
 ऐ दर्दमंदों के दोस्त
 पंजाब की हालत देखो
 चौपाल लाशों से अटा पड़ा हैं,
 चिनाव लहू से भरी पड़ी है (...)¹⁰⁸

इस कविता के द्वारा अमृता प्रीतम विभाजन के दौरान औरतों पर हुए बलात्कार पर क्षोभ और दुःख प्रकट करते हुए पंजाब के सूफी कवि वारिश शाह को पुकारती हैं। सूफियों का सबसे बड़ा लक्ष्य है, ईश्वर के और करीब जाना और इसप्रकार अपनी दुनियाबी इक्षाओं से ऊपर उठना। सूफी मूलरूपेण समाज में प्रेम और समन्वय फैलाने की बात करते हैं। इसीलिए प्रीतम इस घड़ी सूफी वारिश शाह को पुकारती है। अमृता प्रीतम की यह कविता लोगों को विभाजन की त्रासदी और इस त्रासदी की सबसे बड़ी शिकार उन औरतों की याद दिलाते हैं, जिनका उस दौरान बलात्कार हुआ, अपहरण हुआ जिनको परिवार की इज्जत के खातिर अपनी जान देनी पड़ी।

अमृता प्रीतम विभाजन की त्रासदी को कविता और उपन्यास जैसे कि "पिंजर" के माध्यम से लिखती हैं। आसमान जिन चार प्रकार के साक्षी की बात करती हैं, उनमें से अमृता प्रीतम नैतिक साक्षी हैं। आसमान के अनुसार नैतिक साक्षी वो होता है जो पीड़ित और गवाह दोनों की भूमिका अदा करता है। प्रीतम ने विभाजन की त्रासदी को देखा, जिसका असर उनकी खुद की ज़िंदगी पर भी पड़ा और सालों बाद उपन्यास "पिंजर" लिखकर इसकी गवाह बनीं। प्रीतम यहाँ एक ऐतिहासिक साक्षी की भूमिका में भी हैं जो उस समय की साक्षी बनीं, और बाद में भावी पीढ़ी को इसके महत्वपूर्ण घटनाओं से रूबरू कराने की कोशिश की। ऐसे में इतिहास की पुनर्रचना न केवल उपन्यास और अपने व्यक्तिगत अनुभवों के माध्यम से होती है, बल्कि इतिहास को औरतों का भी नजरिया मिलता है, जिनका स्थान इतिहास लेखन में हाशिये पर रहा है। इसी सन्दर्भ में बुटालिया सवाल करती हैं कि, वो इतिहास कैसा होगा जो औरतों के नजरिये से देखा जायेगा। कारिन डोएर अपने एक लेख में लिखती हैं कि औरतों की युद्ध समबन्धी स्मृतियों को हमेशा से नजरअंदाज़ किया गया है। इन स्मृतियों की भूमिका युद्ध से जुड़े दस्तावेजों में या तो न के बराबर है या ये हैं तो इनको दायम दर्जा देकर किनारा कर दिया गया है।¹⁰⁹

लेकिन कभी कभी साक्षी इतिहास की कुछ भयावह घटनाओं से इतने आहत हो जाते हैं कि तुरंत उसपर अपनी प्रतिक्रिया नहीं दे पाते हैं और सालों तक चुप रह जाते हैं। ऐसी ही एक ऐतिहासिक साक्षी का जिक्र उर्वशी बुटालिया करती है: कमलबेन पटेल ने गुजराती में अपना संस्मरण और दस्तावेज 'मूल सूता उखड़े' (Mool

¹⁰⁸ यह कविता मूलरूपेण पंजाबी में लिखी गयी है. उपरान्त कविता मूल पंजाबी का हिंदी रूपांतरण है, जो www.kavitakosh.org से लिया गया है.

Suta ukhde) प्रकाशित किया। कमलबेन पटेल ने 1947 से 1952 के बीच लाहौर में अपहृत औरतों के बीच काम किया और उनकी व्यथा और आपबीती को सहेजा और लिखा। उर्वशी बुटालिया लिखती हैं: (...)
*It has taken her several decades to write about her work and how she felt about it. Why, I wondered? Why had she chosen the path of silence? And what was it that finally decided her to make things public?*¹¹⁰ बुटालिया के इस सवाल पर कमलबेन कहती हैं:

*"The reason I did not write my book earlier was because I could not accept what I saw during that time. I found it difficult to believe that human beings could be like this. It was as if demons had come down on earth (...) I have seen such abnormal things, I kept asking myself, what is there to write, why should I write it (...)"*¹¹¹

यहाँ कमलबेन पटेल के लिए बलात्कार के अलावा कुछ और तरह की हिंसा का साक्षी होना मानसिक आघात थे। इन हिंसाओं में थे: सड़कों पर औरतों को नंगे पोंडे करवाना, कड़्यों के स्तन काट दिए गए थे, कड़्यों के स्तन और योनि पर दूसरे धर्म के चिन्ह गोद दिए गए थे, औरतों की तथा-कथित शुद्धता को खत्म करने के लिए उनको दूसरे धर्म के पुरुषों के साथ यौन संबंध बनाने के लिए बाध्य करना। औरतों पर हुए इस प्रकार के विशिष्ट हिंसा की साक्षी रही कमलबेन पटेल के लिए इसपर बात करना उनकी आत्मा को छिन्न भिन्न करने जैसा रहा। आसमान के सन्दर्भ में कहें तो आघातपूर्ण अनुभवों को स्मरण के माध्यम से अपने वर्तमान में लाकर उसे साहसपूर्ण कहने अथवा लिखने में कुछ वक्रत लगता है।

बर्लिन में बलात्कार, 1945 - महिलाएँ

द्वितीये विश्व युद्ध के बाद जीते हुए रूसी सैनिकों द्वारा बहुत बड़े पैमाने पर जर्मन महिलाओं का बलात्कार किया गया या फिर उन्हें 'सेक्सुअल स्लेवरी' के लिए मजबूर किया गया। युद्ध के इतिहास में इन पीड़ितों को या तो भुला दिया गया या फिर उनकी कहानी को कभी सुना नहीं गया। 1966 में प्रकाशित कॉर्निलियस रयान की किताब 'द लास्ट बैटल' में बलात्कार की शिकार कुछ महिलाओं के साक्षात्कार हैं और इसी प्रकार 1992 में प्रकाशित हेल्के साँडर और बारबरा यॉर द्वारा सम्पादित किताब बेफ्राइएर उन्ड बेफ्रिएटे. क्रीग, फरगेवालटिंगंग, किंडर और इसी नाम से बनाई डॉक्यूमेंट्री फिल्म उस त्रासद घटना का जिक्र करती हैं। 1992 में जर्मनी के साप्ताहिक अखबार डी साइट को दिए एक साक्षात्कार में साँडर कहती हैं कि जिस विषय पर मेरी फिल्म बनी है, उसपर करीब पिछले 50 सालों में कुछ भी नहीं बोला गया है। हेल्के साँडर और बारबरा यॉर के अनुसार युद्ध के अंतिम सप्ताह में तक़रीबन 2 लाख औरतें बलात्कार की शिकार हुईं। कई बार एक औरत का 128 बार से ज्यादा बलात्कार हुआ और कई बलात्कार पतियों की उपस्थिति में हुए। ऐसे विषय पर न कभी कुछ बोला जाना और और न ही इस विषय पर किसी प्रकार के किसी शोध का होना साँडर के अनुसार एक स्कैंडल है।¹¹² वो पूछती हैं कि क्यों इन सब पर औरतें चुप रही? और क्यों किसी महिला आंदोलन ने

इससे पहले बात नहीं की ? साँडर इन औरतों के लिए "पीड़ित" शब्द के इस्तेमाल करने पर भी सवाल उठाती हैं. वो ये भी पूछती हैं कि क्यों बलात्कार की शिकार औरतों को 'एक चुप पीड़िता' के रूप में देखा जाता है? औरतें क्यों अपने बलात्कार पर नहीं बोलती हैं, चाहे वह रूसी सैनिक के द्वारा किया गया हो, खुद के पति के द्वारा या फिर बचपन में पिता, भाई अथवा पड़ोसी के द्वारा? साँडर के बावत उन्होंने ये फिल्म इसलिए बनाई ताकि वो ये दिखा सके कि मुक्ति/रिहाई कराने वाली फ़ौज बलात्कारी भी थे. 'बेफ्राइएर उन्ड बेफ़्रिएटे. क्रीग, फरगेवालटिंगुंग, किंडर' में एक औरत की आपबीती इसप्रकार है:

यह मेरी बेईमानी ही होगी अगर मैंने ये नहीं स्वीकारा कि बलात्कार होने के वक़्त बलात्कार से ज्यादा मुझे मरने का डर था... बलात्कार से ऐसी हानि होती है जिससे कभी उबरा नहीं जा सकता है ... मुझे लगता है कि इस अनुभव के बाद कई रिरते असंभव हो जाते हैं. बहुत काम उम्र में ही दुनिया देखने का एक अलग नजरिया मिला मुझे, कि कभी युद्ध नहीं होना चाहिए, सभी मनुष्यों को जीने का सामान अधिकार मिलना चाहिए चाहे वह किसी भी नस्ल का हो, भिन्न मत और धारणाओं के लिए सहनशीलता होनी चाहिए, किसी भी राष्ट्रवादी और फासीवादी विचारधारा को हमेशा ख़ारिज कर देना चाहिए, सभी मनुष्यों की गरिमा का ख्याल रखना चाहिए और औरतों के लिए समानता होनी चाहिए। मेरे आज के इन विचारों की जड़ें उन दिनों में ही हैं, जिसे मैं एक साकारात्मक परिणाम के रूप में देखती हूँ. आज भी, जब मेरी उम्र 67 साल की हो गयी है, अगर ज़रूरत पड़े तो अपनी इस विचारधारा के लिए मैं सड़कों पर प्रदर्शन करने जाऊंगी।

यह समझना मेरे लिए मुश्किल है कि अब तक किसी ने इस विषय को सम्बोधित क्यों नहीं किया, जैसे की औरतों के साथ ऐसा कभी कुछ हुआ ही न हो ... मेरे अनुभव ने व्यक्तिगत रूप से मेरे औरत होने की मर्यादा को आहत किया है. लेकिन क्या दशकों की चुप्पी, राजनैतिक और सामाजिक समूहों द्वारा इन औरतों के लिए उदासीनता और इस विषय पर कोई दिलचस्पी न दिखाना, औरत होने की हमारी मर्यादा को दूसरी बार आहत नहीं करती?

---- इंगेबुर्ग मेन्ज़¹¹³

ऊपर वर्णित इंगेबुर्ग मेन्ज़ की पहली पंक्ति उस स्विस् महिला और फूलन से मिलती जुलती है, जहाँ 'जीवन' की बात की गयी है .इंगेबुर्ग मेन्ज़ अपने साथ हुए हादसे को दशकों बाद स्मरण करती हैं. यहाँ उस घटना विशेष से दूरी और उनकी परिपक्वता दोनों दिखती है. एक उनका जिया गया 'मैं' है और एक स्मरण करता 'मैं' है. वह उस घटना को एक परिपक्व के रूप में स्मरण करती हैं. वो ऐतिहासिक साक्षी होने के साथ साथ एक नैतिक साक्षी भी हैं.

साँडर की डाक्यूमेंट्री में ऐसी ही कई महिलाओं के स्मरण हैं, जिनका सोवियत सैनिकों द्वारा बलात्कार किया गया था.

त्रासदी के बच्चे

द्वितीये विश्वयुद्ध के बाद सोवियत सैनिकों और जर्मन महिलाओं से जन्मे बच्चों को 'चिल्ड्रन ऑफ ऑक्यूपेशन' कहा गया। ये बच्चे या तो जर्मन महिला और सोवियत सैनिकों के बीच आपसी सहमति से हुए समागम से हुए या फिर इन सैनिकों द्वारा जर्मन महिलाओं से किये गए बलात्कार के कारण। युद्ध के बाद के सालों में इन बच्चों को उनकी माताओं सहित 'चिल्ड्रन ऑफ द एनिमी' कहकर उनके साथ भेदभाव किया गया। 1960 के दशक तक उनके लिए रुसेनकिंड (रूसी बच्चे) या फिर रुसेनब्राट (रूस की औलाद) जैसी गलियों का प्रयोग आम हो चला था। सोल्डाटेनकिंड (सैनिकों के बच्चे), बेजाट्सुगसकिंडर (सोवियत सैनिकों के रूसी बच्चे) आदि नाम इन बच्चों को आधिकारिक तौर पर दिया गया है। रूस में ऐसे बच्चों के लिए देती ओस्वोबोज्डेनिजा / 'deti osvobodzenija' / (आजादी के बच्चे) शब्द का प्रयोग किया जाता है। समाज में अमूमन ऐसे बच्चों की उपस्थिति को एक समस्या के रूप में देखा गया है। इन बच्चों के जीवन में पिता की अनुपस्थिति के कारण उनके अपने परिवारों में भी उनकी स्वीकार्यता पर सवाल उठाये जाने लगे। बचपन से ही ऐसी समस्याओं से जूझने की वजह से बड़ी संख्या में ऐसे बच्चे बाद के वर्षों में कई तरह की मानसिक और शारीरिक रोगों के शिकार बने।

ऐसी स्थिति में जन्मे बच्चों के विषय में परिवारों के सदस्यों में आपस में भी बात नहीं होती थी। यह एक वर्जित मुद्दा था। जर्मन समाज में कई दशकों तक इस मुद्दे पर चुप्पी छाई रही, ऐसा इसलिए भी था क्योंकि परिवार में पिता की अनुपस्थिति पर बात करना वास्तव में माँ को कटघरे में लाने जैसा था। शर्म, आघात और माँ के लिए कभी कभी आदर भाव के कारण भी इन मुद्दों पर चुप्पी की दीवार बनी हुई थी। कई परिवारों में आज तक यह मुद्दा एक वर्जित मुद्दा है। कुछ औरतें तो रूसी सैनिकों के साथ अपने संबंधों या उनके द्वारा किये गए बलात्कार पर जीवन चुप रहते हुए इस दुनिया से रुखसत भी हो गयीं। कुछ बच्चे अपने पिता की तलाश में भी निकल पड़ते हैं, क्योंकि यह उनके जीवन का एक महत्वपूर्ण सवाल होता है। लेकिन बलात्कार के परिणामस्वरूप जन्मे कुछ बच्चे इन सवालों को नकार तो देते हैं पर इन सवालों को अपने अवचेतन में लिए जीते हैं, तो कुछ आज भी अपने जैविक पिता या दादा की तलाश में हैं। इन मुद्दों पर कुछ शैक्षिक काम इन पर बनी वर्जनाओं को तोड़ने का काम कर रहे हैं, ताकि समाज और परिवारों में इनपर खुलकर बात हो और ये बच्चे खुद को हाशिये पर न महसूस करें।

"बेजाट्सुगसकिंडर" या तो अपने दादा-दादी या अन्य सम्बन्धियों या फिर गोद लेने वाले अपने माता पिता के हाथों पलते थे। इसका कारण ये था कि उनकी माताएं शादी कर सकें। ऐसे बच्चों को उनकी माताओं से इसलिए अलग किया जाता था, क्योंकि वो अपनी माताओं के पतियों द्वारा स्वीकारे नहीं जाते थे। ऐसी ही एक कहानी है अना ए. की, जो 'वेरगेवालटिगुणगसकिंड' (Vergewaltigungskind/बलात्कार के परिणाम स्वरूप जन्मा बच्चा) है। युद्ध से अपने सौतेले पिता की वापसी के बाद उसे अपने गोद लिए पिता के पास जाना पड़ा: "जैसे ही मेरे पिता घर वापस आये, मुझे दूर जाना पड़ा।"¹⁴

ऐसी ही कहानी है रेनाटे एम. की है, जिनको उनकी माता के शादी करने के बाद किसी और को गोद दे दिया गया था. रेनाटे एम.:

"मेरा बचपन और जवानी दोनों ही मुश्किलों से भरे रहे, क्योंकि इस छोटी जगह पर एक दुश्मन सेना के बच्चे के तौर मेरे साथ भेदभाव हुआ. मेरी माँ ने 1952 गांव के ही एक व्यक्ति शादी कर ली, और अपनी जड़ों की वजह से मैं इस परिवार में रह नहीं सकता था. यहाँ मैं अपने पिता के लिए घृणा का पात्र था. जब मैं छः वर्ष का था, तब मुझे गोद दे दिया गया (...) मेरे स्कूल जाने के रास्ते में मेरी माँ का घर पड़ता था, जहाँ मैं उन्हें अक्सर देखा करता था. पर मैं उनसे कोई बात नहीं कर सकता था. मेरी माँ ने भी मुझसे संपर्क करना बंद कर दिया, क्योंकि मैं उनके वैवाहिक जीवन में उनके और अपने सौतेले पिता के बीच अशांति का कारण था."¹¹⁵

इसी प्रकार उर्वशी बुटालिया अपनी किताब "द अदर साइड ऑफ साइलेंस. वॉयसेस फ्रॉम द पार्टीशन ऑफ इंडिया" में विभाजन के दौरान हुए बलात्कार और अपहरण के परिणामस्वरूप जन्मे बच्चों के बारे में लिखती है, कि ये बच्चे इतिहास के बच्चे हैं, जिनका खुद का कोई इतिहास नहीं।

बुटालिया के अनुसार विभाजन का कोई भी इतिहास इन बच्चों के बारे में बात नहीं करता है. बच्चों को इतिहास को एक विषय बनाना मुश्किल काम है. इतिहासकार पूछ सकते हैं कि बच्चों के अनुभवों को इतिहास में जगह मिले भी या नहीं, क्योंकि बचपन के स्मरण परिपक्वता के अनुभवों से छन कर आता है. इतिहासकार इन अनुभवों को आत्मकथा के रूप में स्वीकार तो करते हैं पर इतिहास लेखन में इनकी स्वीकार्यता पर सवाल उठाते हैं.¹¹⁶ विभाजन के सन्दर्भ में बुटालिया ऐसे ही बच्चों की कहानियों का दस्तावेजीकरण करती हैं, जिनका जन्म बलात्कार और अपहरण के परिणामस्वरूप हुआ, या फिर जिनकी माँओं का बलात्कार उनके सामने किया गया या फिर जो विस्थापन के वक्त अपने परिवारों से बिछड़ गए, कुल मिलकर ये सब विभाजन के बच्चे थे. इन बच्चों की आपबीतियाँ विभाजन का ऐसा इतिहास है जिसपर आज भी भारतीय समाज और सरकार चुप है.

बुटालिया विभाजन के दौरान हुए बलात्कार के परिणामस्वरूप जन्मे बच्चों को 'पोस्ट अबडक्शन चिल्ड्रन' की श्रेणी में डालती हैं. उनके अनुसार, 1 जनवरी, 1954 से सितम्बर 30, 1957 के बीच करीब 860 बच्चे उनकी मुस्लिम माताओं द्वारा पीछे छोड़ दिए गए, जिन्हें पाकिस्तान वापस भेजा गया, और करीब 410 बच्चे उनके साथ गए. इसी प्रकार 1952 के तथ्यों के अनुसार करीब 102 बच्चे वापस हिंदुस्तान अपनी माताओं के साथ आये, जिनका जन्म पाकिस्तान में हिन्दू अथवा सिख माताओं द्वारा हुआ. इन दोनों ही स्थितियों में जो अहम सवाल था, वो ये था कि, इन बच्चों में दोनों ही मजहबों का खून था, तो इनका देश कौन सा है: हिंदुस्तान या पाकिस्तान? बुटालिया लिखती हैं: 'No separation could be made here, no

*clear lines drawn about where these children should go. No boundaries could be set to their beings. Better, then, to forget about them altogether, perhaps even to pretend that they did not exist.*¹¹⁷

उर्वशी बुटालिया लिखती हैं कि ऐसे ज्यादातर बच्चे या तो अनाथालय में रहे, सड़कों पर रहे, और बाद के वर्षों में कइयों को गोद लिया गया. पर गोद भी सिर्फ लड़कों को लिया गया और लड़कियों की मांग गोद लेने की वजाय घरेलू कामों के लिए ज्यादा होती थी. समाज और परिवार द्वारा इन बच्चों को न स्वीकारने की सबसे बड़ी वजह था धर्म, क्योंकि इनमें दो धर्मों का खून था.

विभाजन के बाद सरकार ने अप्रहृत औरतों को उनके परिवारों में वापस लाने के लिए "रिकवरी प्रोग्राम" बनाया पर उनमें से अपहरण के बाद जिन औरतों के बच्चे हो गए थे, उनको उनके परिवार ने अपनाने से मना कर दिया और जो अपनाने के लिए तैयार हुए वो औरतों को उनके बच्चों के बिना अपनाने के लिए तैयार हुए. बरामद की गयी कई औरतें गर्भवती थी, जिनको गर्भपात के लिए मजबूर किया गया ताकि आगे उनकी शादी हो सके अथवा कोई परिवार उन्हें अपना सके. उन्हें डर था कि परिवार में बच्चों की उपस्थिति कहीं नए सवाल न खड़े. ये बच्चे वास्तव में "शर्म" थे: परिवार के लिए, समाज के लिए और खुद अपनी माताओं के लिए. इन्हे नाजायज कहना, इनको परिवार में स्थान ना देना, इनको जिंदगी भर शर्म और अपराधबोध में जीने के लिए मजबूर कर देना और इनकी आपबीती पर बात न करना एक प्रकार की हिंसा ही तो है. बुटालिया के अनुसार विभाजन के बच्चे बाद के वर्षों में कई प्रकार के मनोरोगों के शिकार हुए. बलात्कार के बाद जिसपर बलात्कार हुआ है उसे ही शर्म महसूस कराना, उनसे जन्मे बच्चों को नाजायज कहना, ऐसा एक बीमार समाज ही कर सकता है और इसका इलाज है इन मुद्दों पर बात करना, चुप रहने की संस्कृति को तोड़ना। विस्थापन और छोड़े जाने, किसी एक धर्म से न जुड़ने, अनाथालय और सड़कों पर पलने के लिए मजबूर होने और वैश्यावृत्ति में जाने का आघात लिए जी रहे ऐसे बच्चे आज भी अपना इतिहास ढूंढ रहे हैं. इनके स्मरण को इतिहास में जगह मिले या ना मिले, और अगर मिले भी तो कैसे मिले, ये बहस का एक अलग मुद्दा है, पर इस सच्चाई से तो मुह नहीं मोड़ा जा सकता है कि इनका स्मरण करना, आपबीती पर बात करना कितना महत्वपूर्ण है। कवि दुष्यंत कुमार के शब्दों में कहें तो:

हो गई है पीर पर्वत-सी पिघलनी चाहिए,
इस हिमालय से कोई गंगा निकलनी चाहिए।

(...)

मेरे सीने में नहीं तो तेरे सीने में सही,
हो कहीं भी आग, लेकिन आग जलनी चाहिए।

उपसंहार

चाहे भारत हो या जर्मन समाज, यहाँ बलात्कार जैसी घटना पर एक लम्बे समय तक चुप्पी छाई रही. दोनों ही समाजों में औरतें "इज्जत" के तौर पर देखी गयी और इस पर किसी भी तरह के संवाद ने उलटे उनको ही कटघरे में खड़ा किया और आज भी करता है. सालों बाद स्मरण के माध्यम से वो इसे दुनिया के सामने रखती हैं. उनके ये स्मरण इतिहास का एक महत्वपूर्ण हिस्सा ही नहीं बल्कि एक दृष्टिकोण भी है. इस पर बोलना जितना उनके लिए मुक्तिबोधक है उतना ही देश और समाज के इतिहास के लिए भी.

ऊपर वर्णित इतिहास की कुछ घटनाओं को विमर्श तक लाने में 'स्मरण' एक महत्वपूर्ण भूमिका अदा करता है. इन घटनाओं पर सरकार और कभी कभी पेशेवर इतिहासलेखक चुप्पी लगा बैठते हैं, पर स्मरण के माध्यम से ये सामने आते हैं. इतिहास की त्रासदी खुद को ना दुहराये इसलिए भी विभिन्न नज़रिये से इसे वर्तमान परिपेक्ष्य में देखना आवश्यक है. स्मरण की प्रक्रिया गतिबोधक होती है, अर्थात् इसमें समय के साथ कई नए आयाम जुड़ते हैं और मिटते हैं और इससे उलट कोई भी ऐतिहासिक घटना स्थिर होती है. इस बात को ध्यान में रखते हुए स्मरण करने की एक ऐसी संस्कृति बनाने की जरूरत है जिसमें लोगों के बीच संवाद हो और जहाँ इतिहास और वर्तमान एक दूसरे में परावर्तित होते रहते हों. संग्रहालय, स्मारक, ऐतिहासिक अभिलेख और वीडियो अभिलेखागार आदि वस्तुतः इतिहास की घटनाओं का संकलन ही तो है, ताकि आने वाली पीढ़ी इनसे रूबरू हो सके.

विभाजन के सन्दर्भ में 'पोस्ट अबडक्शन चिल्ड्रन' शोध का विषय है. उनके 'स्मरण' का मिलना आज दुर्लभ है. उनका इतिहास भी उनकी ही तरह गुम हो चूका है. अगर किसी त्रासदी पर चुप लगा जाने की अथवा चुप करा देने की संस्कृति विकसित हो जाती है तो यह बीत चुकी त्रासदी पर मूक सहमति तो है ही साथ ही आने वाले समय में ऐसी कितनी ही त्रासदियों को न्योता देना भी है.¹¹⁸ विभाजन के बाद चाहे वो 1984 दिल्ली या 2002 गुजरात या 2013 मुज़फ्फरनगर दंगे हो, औरतें इनकी सबसे बड़ी शिकार रही हैं. 1947 के बाद ही अगर यह आम विमर्श होता तो आज की स्थिति की कुछ और कल्पना की जा सकती थी. कृष्णा सोबती 'जिंदगीनामा' में 'इतिहास' और 'आम विमर्श' को ऐसे देखती हैं

इतिहास/ जो नहीं है
और इतिहास / जो है
वह नहीं
जो हुकूमतों की
तख्तगाहों में
प्रमाणों और सबूतों के साथ
ऐतिहासिक खतों में दर्ज़ कर
सुरक्षित कर दिया जाता है,
बल्कि वह

जो लोकमानस की
 भागीरथी के साथ-साथ
 बहता है
 पनपता और फैलता है
 और जनसामान्य के
 सांस्कृतिक पुख्तापन में
 जिन्दा रहता है !

(कृष्णा सोबती की 'जिंदगीनामा' से ली गयी एक कविता)

Bibliography

- 1992 BeFreier und BeFreite (Documentary). Director: Helke Sander
- Assmann, Aleida: Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: Beck 2006.
- Barbara Stelzl-MarxSource: Die unsichtbare Generation. Kinder sowjetischer Besatzungssoldaten in Österreich und Deutschland. Historical Social Research / Historische Sozialforschung, Vol. 34, No. 3 (129), 2009. p. 364. (My translation from German to Hindi)
- Butalia, Urvashi: The Other Side of Silence. Voices from the Partition of India. New Delhi: Penguin 1998.
- Doerr, Karin: Memories of History: Woman and the Holocaust in Autobiographical and Fictional Memories. In: An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies. Bd. 18. Issue 3. 2000. S. 49- 63.

Film:

- Helke Sander and Barbara Johr, ed., BeFreier und Befreite: Krieg, Vergewaltigungen, Kinder (Munich: Kunstmann, 1992), 83, 86–87. My translation (This statement has been taken from an article: McCormick, Richard W.: Rape and War, Gender and Nation, Victims and Victimizers: Helke Sander's BeFreier und Befreite. Camera Obscura, 46 (Vol. 16, Nr. 1). Duke University Press, 2001, pp. 98-14. URL:
<http://muse.jhu.edu/journals/co/summary/v016/16.1mccormick.html> (11.05.2014)
- <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13681416.html> (12.06.14)
- <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46407382.html> (12.06.14)
- <http://www.zeit.de/1992/40/warum-haben-die-frauen-geschwiegen> (24.06.14)

Internet:

- Karin Doerr: Memories of History: Woman and the Holocaust in Autobiographical and Fictional Memories. In: An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies. Bd. 18. Issue 3. 2000. p. 60.
- Kertész, Imre: Wem gehört Auschwitz? Aus Anlass des umschrittenen Film „Das Leben ist schön“. Der ungarische Schriftsteller und KZ-Überlebende Imre Kertész über die Enteignung der Erinnerung. In: Die Zeit. 19. November 1998.
- Klüger, Ruth: Frauen Lesen Anders. Essays. 3. Aufl. Dt. Taschenbuch-Verl. München, 1997.
- McCormick, Richard W.: Rape and War, Gender and Nation, Victims and Victimizers: Helke Sander's BeFreier und Befreite. Camera Obscura, 46 (Vol. 16,

Nr. 1). Duke University Press, 2001, pp. 98-14. URL:

<http://muse.jhu.edu/journals/co/summary/v016/16.1mccormick.html> (11.05.2014)

- Menon, Jisha: Rehearsing the Partition: Gendered Violence in "Aur Kitne Tukde". *Feminist Review*, Nr. 84, Postcolonial Theatres (2006). S. 29-47. Stable. URL: <http://www.jstor.org/stable/30232738>. (16/11/2010).
- Menon, Ritu and Bhasin, Kamla: Recovery, Rupture, Resistance. *Indian State and Abduction of Women during Partition. Economic and Political Weekly*, Bd. 28, Nr. 17. (24. Apr. 1993). S. WS2-WS11. URL: <http://www.jstor.org/stable/4399640>. (21/09/2010).
- Pandey, Gyanendra: *Remembering Partition, Violence, Nationalism and History in India*. Cambridge: Cambridge University Press 2001.
- Pritam, Amrita: *Pinjar*. New Delhi: Hindi Pocket Books 2003.
- Sander, Helke u. Jahr, Barbara (Hrsg.): *Befreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigungen, Kinder*. 1. Aufl. Kunstmann. München, 1992.
- See Aleida Assmann: *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: Beck 2006. p. 86-112.
- See Aleida Assmann: *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: Beck 2006. p. 100.
- See Gyanendra Pandey: *Remembering Partition, Violence, Nationalism and History in India*. Cambridge: Cambridge University Press 2001.
- See <http://www.zeit.de/1992/40/warum-haben-die-frauen-geschwiegen> (24.06.14)
- See Jisha Menon: Rehearsing the Partition: Gendered Violence in "Aur Kitne Tukde". *Feminist Review*, No. 84, Postcolonial Theatres (2006). p. 29-47. Stable. URL: <http://www.jstor.org/stable/30232738>. (16/11/2010). here p. 29.
- See Ritu Menon and Kamla Bhasin: Recovery, Rupture, Resistance. *Indian State and Abduction of Women during Partition. Economic and Political Weekly*, Bd. 28, No. 17. (24. Apr. 1993). p. WS2-WS11. URL: <http://www.jstor.org/stable/4399640>. (21/09/2010). here p. 4-8.
- See Urvashi Butalia: *The Other Side of Silence. Voices from the Partition of India*. New Delhi: Penguin 1998. p. 249.
- Stelzl-MarxSource, Barbara: Die unsichtbare Generation. *Kinder sowjetischer Besatzungssoldaten in Österreich und Deutschland. Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, Vol. 34, No. 3 (129), 2009. p. 352-372. URL: <http://www.jstor.org/stable/20762391> (21/06/2014)
- Urvashi Butalia: *The Other Side of Silence. Voices from the Partition of India*. New Delhi: Penguin 1998. p. 351.
- यह कविता मूलरूपेण पंजाबी में लिखी गयी है. उपरान्त कविता मूल पंजाबी का हिंदी रूपांतरण है, जो www.kavitakosh.org से लिया गया है.

रूसी – हिन्दी अनुवाद की समस्याएं: एक अवलोकन Hurdles in Russian-Hindi Translation: An Overview

Sonu Saini (सोनू सैनी)

Translation has always been the bridge between two cultures throughout history. In today's era of globalization and technology the importance of translation has become more important. There is a huge number of literature, translated from Russian to Hindi during Soviet period. Though various literary works are being translated from Russian to Hindi today as well, but a very few discussions can be found stating the difficulties or hurdles of the same. This article is an attempt to explain the difficulties occur during Russian-Hindi translation of prose, poetry, drama along with some other problems and errors.

अनुवाद एक ऐसी प्रक्रिया है जो एक भाषा में लिखी रचना को दूसरी भाषा में इस तरह रूपांतरित करती है कि मूल भाषा में लिखी रचना का न केवल अर्थ सुरक्षित रहता है, बल्कि उसकी अपनी सौन्दर्य शैली भी बनी रहती है। आज के युग में अनुवाद का महत्व निरंतर बढ़ता जा रहा है। आज के आधुनिकीकरण एवं भूमंडलीकरण के समय में अन्य देशों की संस्कृतियों को समझने या जानने की प्रक्रियाओं पर बहुत बल दिया जा रहा है। दूसरे देशों के न केवल साहित्यिक ग्रंथों, कहानियों, कविताओं तथा निबंधों के अनुवाद की आवश्यकता पहले से अधिक महसूस की जा रही है, बल्कि तकनीकी और वैज्ञानिक पुस्तकें, कानूनी कागजात, व्यापार आदि के लिए लिखे जाने वाले शोध - पत्रों आदि को भी अनूदित करने की आवश्यकता पड़ रही है। विदेशी भाषाओं से भारतीय भाषाओं में अनुवाद की प्रक्रिया को सहज व सुगम बनाने के लिए अनुवादक की भूमिका अत्यंत महत्वपूर्ण मानी जा रही है।

सामान्यतः अनुवाद करते समय अनुवादक को कई चरणों से गुजरना पड़ता है, जैसे कि रचना को भली-भांति समझना और फिर जिस भाषा में उसको रूपांतरित करना है उसमें उपर्युक्त शब्दों, व्याकरणसम्मत रूपों और भाषा-संबंधी अन्य विशेषताओं को खोजना और मूल भाव को संजोए रखना। कहने का अभिप्राय यह है कि अच्छा अनुवाद तभी संभव है जब अनुवाद करने वाला व्यक्ति दोनों भाषाओं को अच्छी तरह से जानता हो, उनके नियमों को समझता हो व उसमें रूपांतर करने की क्षमता रखता हो। एक विदेशी भाषा से हिन्दी या किसी अन्य भारतीय भाषा में अनुवाद की समस्याएँ तथा संभावनाएँ वस्तुतः यहीं से शुरू होती हैं।

भारत एक बहुआयामी देश है अतः हमारी रूचि हमेशा देश-विदेश की संस्कृति, परंपरा, साहित्य आदि में रही है। इसके लिए हमें श्रेष्ठ अनुवादक कि आवश्यकता होती है, परंतु विश्व साहित्य का हिन्दी तथा अन्य भारतीय भाषाओं में अनुवाद करते समय समस्याएँ भी अनेक हैं जिनका सामना अनुवादकों को प्रायः करना पड़ता है।

इस सभी समस्याओं को जानने एवं समझने के लिए हमें सर्वप्रथम 'अनुवाद' को समझना होगा। अनुवाद शब्द संस्कृत भाषा के 'वद्' धातु से बना है जिसका अर्थ 'कहना' या 'बोलना' है। 'वद्' धातु से संज्ञा रूप 'वाद' जिसका अर्थ 'कही हुई बात' होता है। 'अनु' उपसर्ग का अर्थ है 'बाद में' कहना। इस प्रकार अनुवाद का अर्थ कही हुई बात को पुनः कहना।

सामान्यतः एक भाषा का दूसरी भाषा में रूपान्तरण ही अनुवाद है। अतः अनुवाद का कार्य एक (स्रोत-Source Language) भाषा में व्यक्त विचारों को दूसरी (लक्ष्य-Target Language) भाषा में व्यक्त करना होता है। सेमुएल जॉनसन के अनुसार “अनुवाद मूलभाषा की सामग्री के भावों की रक्षा करते हुए उसे दूसरी भाषा में बदल देना है” अर्थात् एक भाषा में व्यक्त विचारों को यथासंभव समान और सहज अभिव्यक्ति द्वारा दूसरी भाषा में व्यक्त करने का प्रयास अनुवाद है। इसी प्रकार कैटफोर्ड का मानना है कि “अनुवाद एक भाषा की मूलपाठ सामग्री का दूसरी भाषा में समानार्थक मूलपाठ सामग्री का स्थानापन्न है” गार्गी गुप्त के अनुसार “अनुवाद का अर्थ किसी वाक्य के एक शब्द का अर्थ समझकर अपनी भाषा में सुस्पष्ट ढंग से प्रस्तुत करना होता है। सैद्धांतिक रूप से तो यह ठीक है कि अनुवाद में लालित्य एवं सौन्दर्य पूरी ईमानदारी के साथ अंतरित होना चाहिए। परंतु अनुवाद की भाषा के अपने लालित्य, सौन्दर्य एवं शक्ति व सीमा को भी साथ-साथ ध्यान में रखना होता है।” इस परिभाषा का अभिप्राय यह है कि अनुवादक को अनुवाद करते समय इस बात में बहुत सतर्क रहना चाहिए कि लक्ष्य भाषा में अनुवाद उसकी सहज प्रकृति के सर्वथा अनुरूप हो, स्रोत भाषा की किसी भी रूप में छाया न हो।

भारत के अन्य देशों के साथ सम्बन्धों में विकास के लिए अनुवाद की भूमिका बहुत अहम है। रूस और भारत के संबंध ऐतिहासिक और वर्तमान समय में बहुत गहरे और सुदृढ़ हैं। एक दूसरे की भावनाओं को समझने के लिए हमें अनुवाद का सहारा लेना पड़ता है। चाहे वह कोई भी क्षेत्र हो, जैसे कि तकनीकी, शिक्षण, मनोरंजन, विदेश-नीति आदि। अनुवादक की आवश्यकता हर क्षेत्र में होती है। भारत में रूस के अनेक प्रसिद्ध लेखकों जैसे गोर्की, चेखव, पूश्किन, तोल्स्तोय, करमजीन, गोगल, शुमारोव आदि की साहित्यिक रचनाओं के अनुवाद किए गए हैं। इन अनुवादों में हमारे सामने बहुत सी समस्याएँ आती हैं। वैसे तो रूसी भाषा से अनुवाद में हमें भी उन सभी समस्याओं का सामना करना पड़ता है जो किसी अन्य भाषा के अनुवाद करते समय सामने आती हैं, परंतु व्याकरणिक जटिलताओं के कारण रूसी भाषा का अनुवाद अपेक्षाकृत कठिन हो जाता है।

रूसी से हिन्दी या हिन्दी से रूसी में अनुवाद करते समय सबसे जटिल समस्या सांस्कृतिक संप्रेषण की होती है। इसमें संस्कृति-अनभिज्ञता, कृति के आस्वादन में बाधक तत्व बन जाता है। अनुवाद में सांस्कृतिक व्याख्या संबंधी प्रवृत्तियों के संदर्भ में कहा जा सकता है कि सांस्कृतिक विशिष्टताओं को अनूदित रचनाओं में प्रामाणिक ढंग से संप्रेषित करने की प्रवृत्ति ही आज ज्यादा मान्य होती जा रही है। समकालीन विश्व में संस्कृति के प्रति एक खुली दृष्टि विकसित हो रही है, जिसमें अपनी संस्कृति को श्रेष्ठ दिखने के लिए नहीं, बल्कि अन्य संस्कृति की विशिष्टताएँ या प्रवृत्तियाँ ही किसी संस्कृति की अस्मिता की सूचक होती हैं।

उदाहरण के लिए यदि हम तोल्स्तोय की सुप्रसिद्ध रचना 'आन्ना करेनीना' का अनुवाद देखें तो यह आवश्यक है कि हम तत्कालीन रूसी सामंतवाद इतिहास, मनोदशा और संस्कृति को जानें अन्यथा अनुवाद में भावना की कमी और शिथिलता का वर्चस्व हो जाएगा।

मक्सिम गोर्की का सुप्रसिद्ध उपन्यास 'माँ' का सन 1965 में विदेशी भाषा संस्थान द्वारा प्रकाशित अनुवाद पढ़ें तो 'पावेल' की माँ अर्थात् इस उपन्यास की नायिका 'पेलोगेया निलोवना व्लासोवा' का वह ममतामयी तथा दयालु माँ का चेहरा सामने आता है, परंतु रूस के उस समय की स्थिति और घटनाओं की वजह से 'माँ' एक भावनात्मक उपन्यास होते हुए भी एक ओजस्वी रूप ले लेता है। मूल उपन्यास के अनुसार ही अनुवाद

करते समय अनुवादक को समग्र घटनाओं को भावात्मक रूप देते हुए लिखना आवश्यक है। इस उपन्यास में ऐसे कई शब्द हैं जो भारतीय संस्कृति या भाषा में व्यक्त नहीं किए जा सकते। जैसे 'समावार' का अनुवाद 'समावार' ही किया गया है। 'समावार' अँगूठी की भाँति चाय रखने वाला एक बर्तन होता है जिसमें रूसी मौसम के परिवेश में काली चाय हमेशा गरम रहती है। हालांकि 'समावार' जैसे अन्य कई शब्दों का हिन्दी भाषा में समानान्तर शब्द खोज पाना कठिन कार्य है परंतु यदि अनुवादक भारतीय पाठक के लिए 'समावार' शब्द को कश्मीर में उपयोग में लाये जाने वाले 'समावार' के साथ एक टिप्पणी जोड़ दे तो यह बहुत ही सराहनीय कार्य कहलाया जा सकता है। रूस और कश्मीर में 'समावार' समानान्तर रूप से प्रयोग होता है।

गद्य-अनुवाद

गद्य 'रचना' के मूल भावों को हृदयंगम करते हुए उसके अनुवाद का शाब्दिक अनुवाद करना अति दुरुस्त कार्य नहीं है। इसमें थोड़ा बहुत फेर बदल भी किया जा सकता है। रूसी अनुवादक लीपकिन ने कबीर की रचनाओं के शाब्दिक अनुवाद का प्रयत्न नहीं किया, उन्होंने अधिकतर भावानुवाद किया है उनका एक उदाहरण इस प्रकार है:-

सबै रसाईण मैं किया, हरि सा और न कोइ।
तिल एक घाट में संचरै, तो सब तन कंचन होइ॥

रूसी अनुवाद

Из всех напитков что хмельнее,
о Рама, чем напиток Твой?
Лишь каплю капнешь в чашу сердца —
и станет чаша золотой.

अनुवाद का हिन्दी लिप्यंतरण

इज व्सेयख नापीत्कः शतो ख्मेल्नेएये,
ओ रामा, चेम नापितक त्वोई ?
लीश कापल्यू कापनिष व चाशु सेर्दत्सा —
ई स्तानेत चाशा ज़लातोई।

अथार्त:-

सब पेयों ,ए से तेरे पेय से भी अधिक मादक, ओ गुरु क्या है? हृदय के चषक में केवल एक बूंद की घूँट लेने से ही चषक सोने का हो जाएगा।

यहाँ अर्थ में अंतर आने का कारण है कि लीपकिन हिन्दी नहीं जानते, उन्होंने कल्यानोव, बोलकोवा और जखारिन से पहले शब्दानुवाद तैयार करवाए फिर भारतीय विद्वानों की उतारी हुई ध्वनियों को गायकों से स्वरबद्ध करवाकर उसे टेप किया, तब जाकर अनुवाद कार्य में जुटे।

पद्य के बारे में अनुवादकों का विचार है कि यहाँ अक्षरशः अनुवाद की गुंजाइश कम होती है। रमेश कौशिक के विचार में, "किसी विदेशी भाषा के छंद, लय, अलंकार और नाद का अनुवाद प्रायः संभव नहीं है। अतः एकमात्र रास्ता भावानुवाद का रह जाता है।" अनुवाद की कठिनाइयों में एक परिवेश उपयुक्त शब्दों के अनुवाद का भी है। रूसी में बहुत से शब्द अपना कुछ अलग महत्व रखते हैं। जैसे रूसी भाषा में क्रिया 'स्लूशत्त्व' और 'स्लिशत्त्व' दोनों का अर्थ सुनना ही होता है। यहाँ पहले शब्द का अर्थ सुनना और दूसरे का हिन्दी भाषा में कोई समानान्तर नहीं है, परंतु पहले प्रारूप की भाँति इसका अर्थ भी सुनना ही होता है। अँग्रेजी व्याकरण में इस प्रकार की क्रियाओं को इमपरफेक्टिव-परफेक्टिव जैसे पहलुओं पर समझा जाता है।

इसी प्रकार हिन्दी की क्रिया 'जाना' व 'आना' (एक बार या एक ओर) के लिए रूसी में एक ही क्रिया का प्रयोग होता है - 'इद्त्वि'। इसी तरह क्रिया 'आना' व 'जाना' (कई बार या कई ओर) को दर्शाने के लिए रूसी भाषा की क्रिया 'खद्जीत्त्व' को प्रयोग किया जाता है। एक अनुवादक के लिए इस प्रकार की तथा कई अन्य रूसी व्याकरण की जटिलताओं को भली भाँति प्रकार से समझना भी अत्यंत आवश्यक है।

रूसी व्याकरण संस्कृत भाषा के व्याकरण के समान स्पष्ट एवं वृहत् होने के साथ-साथ समुद्र की भाँति अपार शब्द भंडार समायें हुए है। प्रत्येक भाषा की अपनी कुछ खास विशेषताएँ होती हैं, जिन्हें मुहावरों, कहावतों आदि द्वारा व्यक्त किया जाता है। किसी भाषा के मुहावरों को अन्य भाषा में अनुवाद करना 'नाकों चने चबाना' जैसे है। प्रत्येक भाषा के मुहावरों तथा कहावतों का जन्म उस क्षेत्र की संस्कृति, रहन-सहन, परंपरा, चिंतन, सामाजिक-स्थिति आदि के अनुसार होता है। अतः मुहावरों और कहावतों आदि का सामान्यतः अनुवाद न करके उनका लक्ष्य भाषा में समानान्तर पाठ ढूँढने का प्रयास किया जाता है। उदाहरणार्थ:- रूसी भाषा में "प्लखोमू तंतसेरू नोगी मिशायुत" का शब्दानुवाद "बुरे नृतक को अपने पैर परेशान करते हैं।" इस मुहावरे के समानान्तर हिन्दी भाषा के "नाच न जाने आँगन टेढ़ा" का प्रयोग किया जा सकता है।

पद्य-अनुवाद

काव्य-अनुवाद के विषय में रांगेय राघव का मत है कि "काव्य का अनुवाद अत्यंत कठिन कार्य है और वह सफल कवि ही कर सकता है। उसमें न केवल मूल कि आत्मा में पैठने की शक्ति होनी चाहिए बल्कि अपनी और से कुछ जोड़ने का मोह भी टालना चाहिए।"

काव्य अनुवाद के अनुवादक की भूमिका अत्यंत महत्वपूर्ण है। कविताओं का अन्य भारतीय भाषाओं का हिन्दी में अनुवाद करते ही नहीं बल्कि विदेशी भाषाओं कि कविता का हिन्दी भाषा में अनुवाद करते समय भी अनुवादक के सामने बहुत सी कठिनाइयाँ आती हैं। जैसे कि कविता का स्रोत भाषा के कवि का काव्य सौंदर्य पूर्ण रूप से लक्ष्य भाषा में अनूदित करने में सफल न होना। काव्यानुवाद के क्षेत्र में कार्य कर चुके ओम भारती का कहना है की कविताओं का अन्य भाषाओं में अनुवाद होना कतई संभव नहीं है। उनके अनुसार कविताओं की केवल दूसरी भाषाओं में व्याख्या हो सकती है। इसी प्रकार पदमश्री एवं पुरिस्कन पुरस्कृत मदन लाल मधु का कहना है की काव्यानुवाद अत्यंत कठिन कार्य है, क्योंकि कविताओं का अनुवाद कर रहे अनुवादक का कार्य केवल मूल पाठ का समानान्तर शाब्दिक अनुवाद करना नहीं है बल्कि उसका काव्य सौन्दर्य भी बनाए रखना आवश्यक है, जिससे कि पाठक को अनुवाद कविता की भाँति लगे।

पद्य के अनुवाद की विशेषताओं के संबंध में प्रख्यात रूसी कवि लेओनीद मर्तिनोव की कविता 'कवि' की अनायास ही याद आती है:-

जब मैं अनुवाद कर रहा होता हूँ

किसी कवि का
 अकसर मुझे अपने विचार
 दिखाई देते हैं उसके हर शब्द में।
 देखो-इस कवि ने वही लिखा,
 जिसे मैं स्वयं लिख चुका हूँ,
 दस बरस पहले।
 और यह कवि
 कह चुका है मेरी बातों को
 दो सौ बरस पहले
 हम दोनों ने इसे मिल कर लिखा हो।'

एक भाषा के कवि को दूसरी भाषा का समानधर्मी अपने समीप लगता है, वह एक जैसे दूसरे के विचारों और भावनाओं को व्यक्त कर रहा होता है; भले ही वे दोनों किसी दूसरी शताब्दी, किसी दूसरे देश और किसी दूसरी सामाजिक – व्यवस्था में क्यों न रह रहे हों। सोवियत रूस के समय में रूसी हिन्दी कविताओं का अनुवाद बहुतायत में देखने को मिलता है।

जगदीश चतुर्वेदी के अनुसार विदेशी भाषा की कविता का हिन्दी अनुवाद करते समय अनुवादक की भूमिका अकसर 'ट्रांसलेशन' से 'ट्रांसक्रिप्शन' की ओर मोड़ ले लेती है। उदाहरण के लिए चतुर्वेदी ने श्रीकान्त द्वारा रूसी कवि वोज़्नेसेंस्की की कविता-संग्रह 'फैंसले का दिन' की चर्चा की है। अनुवादक श्रीकान्त स्वयं स्वीकार करते हैं की "यह एक विडंबना ही है की पुनर्चना में कविता नष्ट होती है। वोज़्नेसेंस्की की कविता भी मेरे द्वारा नष्ट ही हुई है।" श्रीकांत वर्मा ने इस तर्क को अपने अनूदित कविता संग्रह की भूमिका में इसलिए भी दिया क्योंकि वे रूसी भाषा नहीं जानते थे। काव्यानुवाद की कठिनाइयों पर चर्चा करते हुए चतुर्वेदी आगे लिखते हैं कि "कविता साहित्य की विशिष्ट सृजनात्मक चेतना से सम्पन्न होती है जिसका अनुवाद असंभव नहीं तो जटिल अवश्य है... कविता पाठ्य होने के साथ-साथ श्रव्य भी होती है, इसलिए उसके हर शब्द का उच्चारण अपना एक विशिष्ट अर्थ रखता है। इसलिए यह कहा जाता है कि कविता का सफल अनुवाद कोई कवि ही कर सकता है।"

इसीलिए अनुवादक में मूल भाषा एवं लक्ष्य भाषा की संस्कृति के ज्ञान के अतिरिक्त एक कवि का प्रतिबिम्ब होना बहुत आवश्यक है। अनुवादक के काव्य सौंदर्य से कविताओं के अनुवाद में चार चाँद लग जाते हैं, परंतु कभी-कभी अनुवादक के काव्य सौंदर्य के कारण अनुवाद मूल कविता से बहुत दूर चला जाता है। इसलिए अनुवादक को कविताओं का अनुवाद करते समय बहुत ही सावधानी बरतने की आवश्यकता होती है।

नाटक-अनुवाद

अनुवाद की समस्याएँ केवल गद्य या पद्य में ही नहीं बल्कि नाटकों में भी सामने आती हैं। यदि नाटक ऐतिहासिक है तो सांस्कृतिक परिवेश की भाषा रखनी आवश्यक है। सामाजिक नाटकों में विभिन्न शहरी, देहाती, शिक्षित, अशिक्षित, आँचल के पात्र होते हैं और उसी के अनुसार अनुवाद में भाषा का प्रयोग किया जाना आवश्यक है। उदाहरणतः अनुवाद के लिए अगर हम चेखव के नाटकों की बात करें जैसे 'चेरी ऑरचिड' तो हमें भाषा भी प्रत्येक पात्र के अनुसार देनी होगी। उस वक्त रूस के अमीर, सामंतवादी, मजदूर, किसान तथा व्यापारियों की बोलचाल, रहन-सहन तथा भाषा पर भी ध्यान देना होगा। नेमिचन्द्र जैन ने अपने लेख 'नाटक का अनुवाद: नाट्य रूप और भाषा की कुछ समस्याएँ' में कहा कि "नाटक के संवादों का अनुवाद भाषा और अभिव्यक्ति की सर्वथा विशिष्ट

प्रयोग-क्षमता कि अपेक्षा रखता है। विशेषकर, प्रत्येक पात्र का व्यक्तित्व उसके बात कहने के ढंग से, उसकी शब्दावली से, उसके विभिन्न वाक्यांशों पर बल से तथा उक्ति कि सम्पूर्ण शैली से, अभिन्न रूप से जुड़ा होता है। इसलिए संवाद के अनुवाद में केवल उक्ति के अर्थ अथवा भाव का प्रकाश ही पर्याप्त नहीं है। उससे पात्र के व्यक्तित्व की अभिव्यक्ति होनी चाहिए, उसके द्वारा पात्र की शिक्षा-दीक्षा, सामान्य मनोवृत्ति उसका आर्थिक-सामाजिक-सांस्कृतिक परिवेश अधिक से अधिक परिलक्षित होना आवश्यक है।”

किसी भी देश के साहित्य और उसके सांस्कृतिक घटकों का संबंध अभिन्न तो होता ही है, नित्य और निजी भी होता है। इसलिए जब इन घटकों को दूसरी भाषा में ले जाना होता है तो उनकी निकटता एवं दूरस्थता के अनुपात पर ही उनकी भाषिक अभिव्यक्ति की सफलता या असफलता निर्भर करती है। फिर भी चूँकि भाषा भाषी व्यक्ति सांस्कृतिक विविधताओं के बावजूद वार्तालाप, प्रेमालाप, संवाद, मैत्री और कभी-कभी अमैत्री के भी इच्छुक होते हैं, इसलिए अनुवाद उनकी इस भावनात्मक तथा बौद्धिक माँग को पूरा करने का एक सशक्त माध्यम बनता है। जब स्रोत भाषा का कोई सांस्कृतिक उपादान लक्ष्य भाषा में उपलब्ध नहीं होता तो कुशल अनुवादक विवश होकर कुछ विकल्प निकालता है जैसे मूल के शब्दों तथा प्रयुक्तियों को स्वीकार कर लेना, उनकी व्याख्या या परिभाषा दे देना, शाब्दिक अनुवाद कर देना, समतुल्य शब्द तलाश करना, नए शब्द गढ़ लेना और कभी-कभी उसे छोड़कर आगे बढ़ जाना। परंतु इन सभी कठिनाइयों के बावजूद अनुवादक शताब्दियों से अपना दायित्व निभाता आ रहा है और दो संस्कृतियों के बीच अपरिचित को परिचित बनाने हेतु अपनी शक्ति और क्षमता के अनुसार प्रयास करता रहा है।

अन्य समस्याएँ

हिन्दी-रूसी अनुवाद में हमें और भी कई कठिनाइयों का सामना करना पड़ता है। उनमें से एक है रूसी साहित्य के स्थानों व पात्रों के नाम का अनुवाद। चूँकि अधिकतर रूसी-हिन्दी अनुवाद अँग्रेजी चरमा पहनकर किए गए हैं इसलिए अँग्रेजी से इन नामों का अनुवाद करने में अकसर उनके उच्चारण में अंतर आ जाता है, जैसे कि तोल्स्तोय के नाम को 'टोल्स्तोय' लिखना या पढ़ना। तोल्स्तोय के सुप्रसिद्ध उपन्यास के शीर्षक 'वइना ई मीर' को अँग्रेजी में 'वार एंड पीस' अनुवाद किया गया। अन्य कई अनुवादों की तरह इस उपन्यास को भी अँग्रेजी चरमे से अनुवाद की कगार पर लाया गया और इसका हिन्दी में 'युद्ध और शांति' शीर्षक से अनुवाद किया गया। आलोचकों के अनुसार लेखक ने अपने उपन्यास 'वाइना ई मीर' को हिन्दी के समानांतर 'युद्ध और संसार' के संदर्भ में दर्शाया है। कहने का अभिप्राय यह है कि यदि रूसी भाषा से सीधे हिन्दी में अनुवाद होंगे तो वह अधिक उपयुक्त होंगे।

प्रसिद्ध स्थानों, पात्रों या मशहूर हस्तियों के नाम भी प्रायः अँग्रेजी मीडिया अथवा माध्यम से होकर हमारे यहाँ पहुँचते हैं जिस से उन नामों के उच्चारण भी ठीक से नहीं किए जाते। रूस के तत्कालीन राष्ट्रपति के नाम को व्लादिमीर पुतिन लिखा, पढ़ा या पुकारा जाता है, जो कि पूर्ण रूप से सही उच्चारण नहीं है। तत्कालीन राष्ट्रपति का नाम यदि सही मायनों में देखा जाये तो व्लादिमीर पुतिन् लिखा, पढ़ा या पुकारा जाना चाहिए। इसी तरह से रूस के पूर्व राष्ट्रपति को द्मित्री मेद्वेदेव लिखा या पढ़ा जाता है, इसका सही उच्चारण द्मिर् मेद्वेदजेव होना चाहिए। इस प्रकार के उदाहरण आज भारत में बहुतायत में देखे जा सकते हैं। रूसी भाषा में विशिष्ट प्रकार के व्यंजनों के मिलाप और स्वर पर बलाघात होने के कारण उच्चारण में बदलाव होता है जो अँग्रेजी चरमे से देख पाना अत्यंत कठिन है। माना जाता है कि भारतीय लोगों की जबान अँग्रेजी लोगों की जबान से कहीं अधिक लचकदार होती है। जिसका कारण भारतीय भाषाओं में नाना प्रकार के स्वर और व्यंजन होना है। इसीलिए दो संस्कृतियों के संगम के लिए रूसी भाषा से सीधे हिन्दी भाषा में अनुवाद के कार्यों पर बल देने की आवश्यकता है।

उपर्युक्त तर्कों के आधार पर हम इस निष्कर्ष पर पहुँचते हैं कि हमारे देश में अभी तक अधिकतर अनुवाद अँग्रेजी ऐनक पहनकर हुए हैं, क्योंकि अनुवादक के लिए न केवल भाषा का ज्ञान अनिवार्य होता है बल्कि किसी भी देश की सांस्कृतिक पृष्ठभूमि, इतिहास, भौगोलिक स्थिति व रचनात्मक साहित्य से परिचित होना भी उतना ही आवश्यक होता है। इनके ज्ञान के बिना अनुवादक इन देशों की सम्पूर्ण परिस्थितियों को अपने अनुवाद में सही ढंग से व्यक्त नहीं कर पाएगा। अनुवादक के लिए आवश्यक है कि वह शब्दों का प्रत्यक्ष अर्थ (अभिधेयार्थ) ही नहीं बल्कि उस अर्थ में अंतर्निहित अर्थ (व्यंजयार्थ) को भी अपने पाठक तक पहुँचा सके।

*यह लेख भारत सरकार से मान्यता प्राप्त एकवर्षीय वाकसेतु अनुवाद स्नातकोत्तर डिप्लोमा (हिन्दी-अँग्रेजी-हिन्दी) भारतीय अनुवाद परिषद में पाठ्यक्रम (वर्ष 2007) के परियोजना कार्य के रूप में प्रस्तुत किए गए निबंध कार्य का नवीन रूप है।

ग्रंथ सूची

- Renowned scholar Dr Madan Lal Madhu passes away
http://in.rbth.com/arts/2014/07/11/renowned_scholar_dr_madan_lal_madhu_passe_s_away_36629.html
- Russkaya poezia. <http://rupoem.ru/martynov/all.aspx>
- अनुवाद की परिभाषाएं <http://prakashblog-google.blogspot.in/2008/04/translation-definition.html>.
- काव्यानुवाद की समस्याओं पर जम कर हुई चर्चा
http://www.srijangatha.com/Halchal20Jan2012#.VC-6q_mSySo
- जे. सी. कैटफोर्ड. अनुवाद का भाषिक सिद्धांत. मध्य प्रदेश हिन्दी ग्रंथ अकादमी, भोपाल. 1983.
- नगेंद्र (संपादक). अनुवाद विज्ञान: सिद्धांत और अनुप्रयोग. हिन्दी माध्यम कार्यान्वयन निदेशालय, दिल्ली विश्वविद्यालय 1993.
- पूनचंद टण्डन. अनुवाद-साधना. अभिव्यक्ति प्रकाशन, दिल्ली. 2007.
- भोलानाथ तिवारी. अनुवाद विज्ञान. किताबघर प्रकाशन. 2007.
- मा. गो. चतुर्वेदी. अनुवाद: विविध आयामा केन्द्रीय हिन्दी संस्थान. आगरा. 1986.
- राजमल बोरा. अनुवाद क्या है. वाणी प्रकाशन, दिल्ली. 2004.
- लीपकीना का अनुवाद. <http://fb2.booksgid.com/content/D7/kollektiv-avtorov-klassicheskaya-poeziya-indii-kitaya-korei-vetnama-yaponii/33.html>
- सुरेश कुमार. अनुवाद सिद्धांत की रूपरेखा. वाणी प्रकाशन. 1989.

Contributors

1. Salieva L.K. (Салиева Л.К.)
Associate Professor (Доцент)
Moscow State University
Moscow, Russia
liudmila.salieva@gmail.com
2. Uma Parihar (Ума Парихар)
Head
Department of Foreign Languages
Vikram University
Ujjain, Madhya Pradesh, India
umaparihar@yahoo.com
3. Ajoy Kumar Karnati (Аджой Кумар Карнати)
Assistant Professor
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
ajoy.karnati@gmail.com
4. Kiran Singh Verma (Киран Сингх Верма)
Assistant Professor
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
kiransingh1@yandex.ru
5. Ravinder Singh (Равиндер Сингх)
Assistant Professor
Department of Slavonic & Finno-Ugrian Studies
University of Delhi
New Delhi, India
raoravinder006@gmail.com
6. Kavita Thapliyal
Research Scholar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
kavitathapliyal85@gmail.com
7. Janani Vaidhyanathan
Research scholar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
vjanani65@gmail.com

8. Gunreet Kaur
 Guest Faculty
 Panjab University
 Chandigarh, India
gunreetsidhu@rediffmail.com

9. Rajkumar Yadav
 Research Scholar
 Centre of Russian Studies
 Jawaharlal Nehru University
 New Delhi, India
sainikraj05@gmail.com

10. Satyanand Satyarthi
 Research Scholar
 Department of Slavonic & Finno-Ugrian Studies
 University of Delhi
 New Delhi, India
satyasatyarthi@gmail.com

11. Shmelkova V.V (Шмелькова В.В.)
 Head, Professor
 Department of Russian Studies
 Penza State University
 Penza, Russia
verashmelkova@yahoo.com

12. T.A. Kostyukova (Т.А. Костюкова)
 Professor
 National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russia
kostyukova@inbox.ru

13. I.U. Malkova (Ю. Малкова)
 Professor
 National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russia
malkovoi@yandex.ua

14. G.I. Petrova (Г.И. Петрова)
 Professor
 National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russia
seminar_2008@mail.ru

15. G.V. Strelkova (Г.В.Стрелкова)
 Associate Professor (Доцент)
 Department of Indian Philology, IAAS
 Moscow State University
 Moscow, Russia

16. I.A. Poplavskaya (И. А. Поплавская)
Professor
National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia
lady-plvs@yandex.ru
17. O.A. Dashevskaya (О.А.Дашевская)
Professor
Department of Russian Literature (XX century)
Tomsk State University
Tomsk, Russia
doa.sony@mail.ru
18. Elena Brosalina (Елена Бросалина)
Associate (Доцент)
Department of Indian Philology
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
elena-brossalina@yandex.ru
19. L.A. Mokretsova (Мокрецова Л.А.)
Vice Chancellor
Altai State Academy of Education
amilym@mail.ru
20. Shraddha Sharma (Шраддха Шарма)
Assistant Professor
Shivaji University, Kolhapur
shraddhadim@yahoo.co.in
21. Reeta Suchita Tigga (Рита Сучита Тигга)
Research scholar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
reetasuchitatigga3@gmail.com
22. Pankaj Malviya
Professor
Department of Russian
Panjab University
Chandigarh, India
pankaj10@pu.ac.in
23. Neelakshi Suryanarayan
Associate Professor
Department of Slavonic & Finno-Ugrian Studies
University of Delhi
New Delhi, India
neelakshi55@yahoo.co.in

24. Anagha Bhat-Behere
Assistant Professor in Russian
University of Pune
Pune, India
anaghab2@rediffmail.com
25. P.C. Singh
Professor
University of Allahabad
India
pcrussian@rediffmail.com
26. Nisha Indra Guru
Assistant Professor
Department of English
Government Girls College
Sagar, Madhyapradesh, India
indraguru16@gmail.com
27. Bhavatosh IndraGuru
Associate Professor
Department Of English
University of Sagar
Sagar, Madhyapradesh, India
bhvtshgru@rediffmail.com
28. Nagendra Shreeniwas
Assistant Professor
Department of Russian & Centre for comparative literature
University of Calicut
Calicut, India
nshreeniwas@gmail.com
29. Manuradha Chaudhary
Assistant Professor
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
manuradharaj@gmail.com
30. Shivaji Bhaskar
Assistant Professor
School of Foreign Languages
IGNOU, New Delhi, India
shivajibhaskar@ignou.ac.in
31. Bulbul James
Research scholar
Centre of Russian Studies

Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
bulbul.james@gmail.com

32. Saptadeepa Banerjee
Research Scholar
Department of History, University of Calcutta
Kolkata, India
saptadeepa.15@gmail.com
33. Pallavi (पल्लवी)
Research Scholar
Centre of German Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
007manjari@gmail.com
34. Sonu Saini (सोनू सैनी)
Assistant Professor
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
unosru@gmail.com

